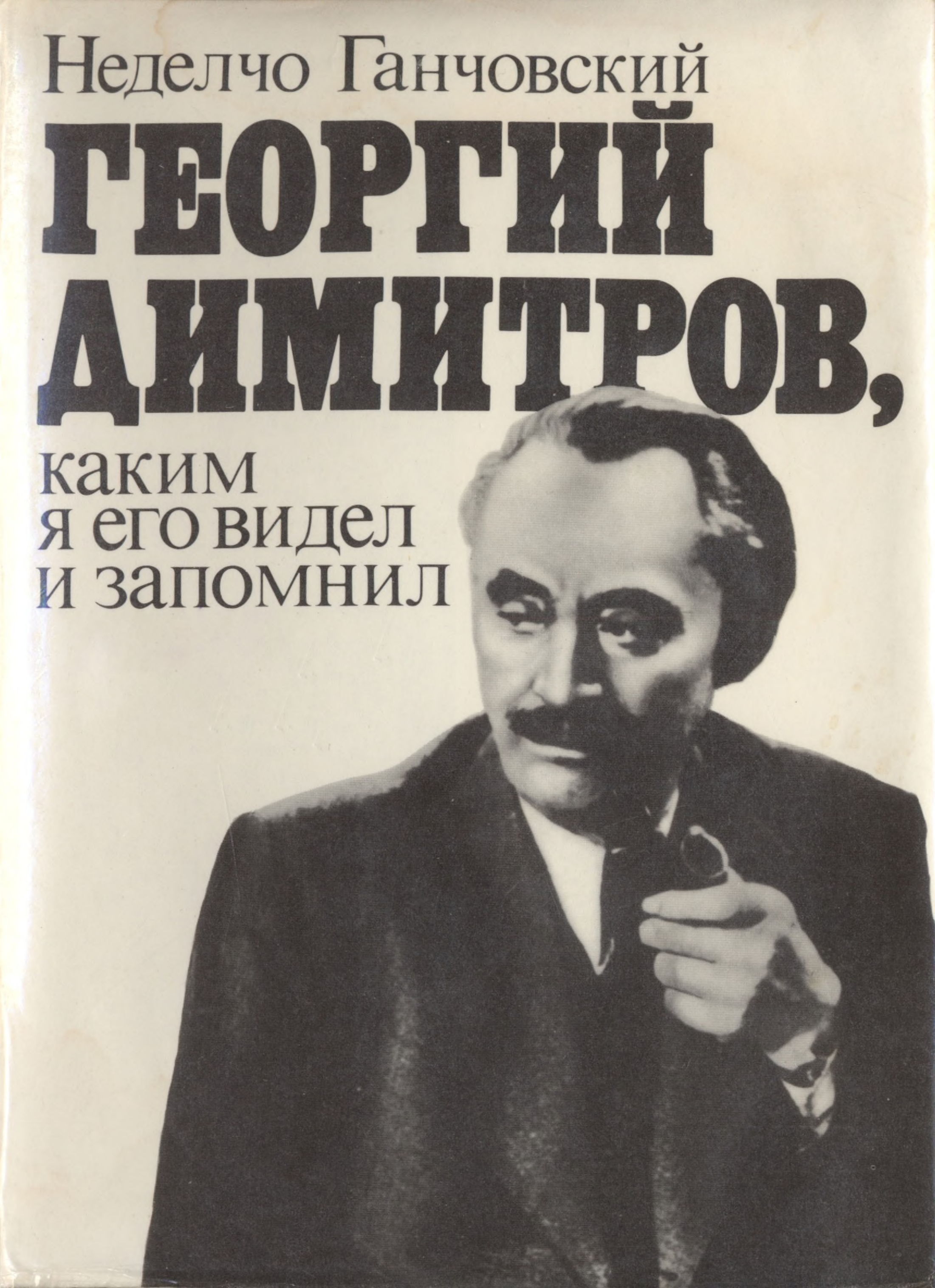

Неделчо Ганчовский

ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ, каким я его видел и запомнил

Неделчо Ганчовский

Георгий Димитров, каким я его видел и запомнил

Неделчо Ганчовский

ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ,
каким
я его видел
и запомнил

Неделчо Ганчовский

ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ,

каким я его видел и запомнил

2

КНИГА

Москва
Издательство
политической
литературы
1979

66.61 (4Бл)
Г19

Сокращенный перевод
В. Н. ГРЕБЕННИКОВА и *Н. Ф. ГУСЕВА*

Под общей редакцией
Г. А. ЧЕРНЕЙКО

Ганчовский Н.

Г19 Георгий Димитров, каким я его видел и запомнил. Кн. 2: Сокр. пер. с болг.— М.: Политиздат, 1979.— 335 с., ил.

Вторая книга документального повествования о последних годах жизни и деятельности выдающегося деятеля болгарского и международного коммунистического движения Георгия Димитрова охватывает период с осени 1947 г. и до его кончины летом 1949 г.

Автор — известный болгарский публицист, бывший секретарь Г. Димитрова — на основе своих дневников, стенографических записей, документов рассказывает о напряженной партийной и государственной работе руководителя Болгарской коммунистической партии, о его встречах и беседах с соратниками и друзьями, с деятелями КПСС, международного коммунистического и рабочего движения, с работниками науки и искусства.

Книга Н. Ганчовского представляет интерес для широких кругов читателей.

Г $\frac{10302-134}{079(02)-79}$ БЗ—13—13—79 0901010000

66.61(4Бл)
3КИ1(092)

Часть первая

Георгий Димитров и совещание в Польше; два лагеря; XIII пленум; начало перелома; союзные договоры с Югославией и Албанией; И. Б. Тито; новая конституция принята; второе димитровское правительство; среди молодежи; национализация; Димитров на съезде БЗНС; Г. Трайков; П. Тольятти

С 22 по 28 сентября 1947 г. в Польше состоялось первое большое совещание девяти европейских коммунистических партий, сыгравшее историческую роль.

Оно было подготовлено и прошло в обстановке полной секретности. Приглашения для участия в нем были разосланы еще в августе ЦК Польской рабочей партии, от имени которой сообщалось, что будет проведено совещание. В письме Центрального Комитета извещалось, что совещание будет носить информационный характер и на нем состоится обмен опытом между братскими партиями; со всей определенностью подчеркивалось, что эта инициатива не имеет ничего общего с восстановлением Коминтерна. Мы не знали, был ли информирован Димитров о ходе предварительной подготовки совещания или нет, но вполне возможно, что во время его встреч с И. В. Сталиным в первой половине августа консультации по этому вопросу у них проходили.

На совещании была принята повестка дня из двух пунктов: а) о современном международном положении и б) об обмене опытом и координации деятельности партий, представленных на совещании.

В глубоко содержательном докладе о современном международном положении А. А. Жданов — видный деятель ВКП(б) — сделал вывод о том, что мир уже разделен на два лагеря: лагерь империалистический, антидемократический, основной целью которого являются укрепление империализма, подготовка новой империалистической войны, борьба с социализмом и демократией, и лагерь антиимпериалистический и демократический, основная цель которого — борьба против империализма, угрозы новых

войн и империалистической экспансии, укрепление демократии и искоренение остатков фашизма.

После обстоятельного обсуждения была принята декларация о современном международном положении. Империализм, подчеркивалось в ней, проявляет свою агрессивную активность в деле разжигания новой мировой войны. Главная опасность для рабочего класса — недооценка своих собственных сил и переоценка сил империалистического лагеря.

По второму пункту было принято решение создать Информационное бюро с целью организации обмена опытом между партиями и координации их деятельности; бюро будет иметь свой печатный орган, названный «За прочный мир, за народную демократию!»; в качестве рабочего центра Информационного бюро определен Белград. Совещание совершенно ясно подтвердило еще раз: образование Информбюро не означает восстановления III Интернационала, бюро не равнозначно Коминтерну.

Таким образом, совещание дало, во-первых, оценку положению в мире — разделению его на два лагеря, явившемуся результатом всей возни после Фултона 1946 г.; во-вторых, оно провозгласило образование лагеря (названного позже системой) мира, народной демократии, социализма и антиимпериализма; в-третьих, совещание дало толчок развитию процесса социальных преобразований в народно-демократических странах по пути социализма; в-четвертых, резко активизировало борьбу коммунистических партий против войны, за мир и демократию. Известные иллюзии, что послевоенное мирное сотрудничество будет обеспечено само собой в результате разгрома союзниками гитлеро-фашистского блока, были изжиты. Критика по адресу некоторых братских партий, что они отстают от развития международных событий и продолжают придерживаться старых установок, была принята и сыграла роль импульса в решительном развертывании ими борьбы.

Как только закончилось совещание, оба принимавших в нем участие болгарских делегата отправились в Москву для того, чтобы проинформировать Георгия Димитрова. Он полностью одобрил выводы и решения совещания. Под руководством Димитрова были намечены некоторые основные выводы из работы совещания для нашей партии и страны, положенные потом в основу решений пленума ЦК. Он рекомендовал одобрить итоги совещания в резолюции, которая будет принята пленумом Центрального Комитета, мотивировать нашими, болгарскими соображениями. Поручил прислать ему для просмотра и оценки резолюцию пленума до опубликования ее в печати.

14 октября, после заседания Политбюро, был созван XIII рас-

ширенный пленум Центрального Комитета БРП(к). Вслед за информацией, сделанной делегацией, об итогах совещания в Варшаве были доложены и рассмотрены выводы Политбюро ЦК о работе в партии и положении в стране. В них говорилось:

Наша партия не подвергалась на совещании критике, что говорит о правильности ее генеральной линии. Вместе с тем есть основания критически проанализировать нашу работу в духе документов совещания. Создана благоприятная политическая обстановка, и нам необходимо максимально ее использовать для того, чтобы значительно продвинуться вперед и подготовить нашу страну для перехода на социалистический путь развития. Политическое наступление должно сопровождаться лишением реакции экономической базы путем наступления на крупный капитал. Необходимо тщательно подготовиться к проведению национализации крупных капиталистических предприятий в ближайшие месяцы, серьезно улучшить наши отношения с крестьянами, с мелкими и средними производителями на селе.

Политбюро предусматривало и другие важные мероприятия: внести очень серьезные изменения в проект конституции — вместо Председателя Республики предусмотреть создание Президиума как органа Народного собрания; решительно улучшить государственный аппарат, создав новые правительственные органы — по государственному контролю, по планированию и др.; перестроить Отечественный фронт; указать в его программе перспективу социалистического развития; укрепить партийный аппарат, и в первую очередь Центральный Комитет.

Одним из пунктов в решении пленума, как мы узнали потом, намечалось проведение в ближайшие месяцы национализации крупных капиталистических промышленных предприятий.

О живом интересе к обсуждавшимся вопросам и активности на пленуме говорит тот факт, что в прениях приняли участие 15 человек, при значительно большем числе записавшихся. Выступали преимущественно секретари обкомов, во всех выступлениях чувствовалось желание ускорить события и горячее стремление как можно быстрее действовать.

Один из членов ЦК упрекнул в своем выступлении Центральный Комитет в том, что последний излишне осторожен с нашими союзниками по Отечественному фронту, а это, по его мнению, мешает нашему развитию. Это дало повод докладчику В. Червенкову в своем заключительном выступлении употребить слова, на которые мы обращаем внимание читателя, так как позже по ним разгорится полемика. «В связи с успехами,— сказал оратор,— которых мы достигли в течение последних лет, может быть, следует уточнить формулу товарища Георгия Димитрова, что наши

союзники нуждаются в нас в такой же степени, как и мы нуждаемся в них, в том смысле, что наши союзники нуждаются значительно больше в нас, чем мы нуждаемся в них».

В эти несколько дней Вылко Червенков, развивший активную деятельность, допустил увлечения и ошибки, за которые Георгий Димитров подвергнет его острой критике. Известные расхождения между Вылко Червенковым и Георгием Димитровым уже проявились по некоторым основным вопросам: о темпах и характере нашего развития, о тактике и особенно об отношении к союзникам. Сразу же, как только Червенков выступил со своей речью перед деятелями культуры, Димитров передал в ЦК: необходимо обратить внимание Червенкова на допущенную им ошибку — публично характеризовать позиции до того, как с ними ознакомлены наши союзники по Отечественному фронту. Повод был в действительности мелкий, но вопрос имел важное принципиальное значение.

В дальнейшем события действительно развивались с большой быстротой.

Авторитет нашей партии среди союзников по Отечественному фронту оказался настолько большим, идея об ускоренном движении к социализму уже настолько овладела умами людей разных кругов, что выводы Центрального Комитета были без затруднения восприняты и Отечественным фронтом, и в отдельности каждой союзной нам партией. Была пробита широкая брешь для быстрого продвижения нашего общества к социализму.

23 октября в одном из залов Народного собрания состоялось заседание Национального комитета Отечественного фронта, руководящих органов входящих в него партий и массовых организаций. Был заслушан доклад о решениях XIII пленума. Все выступавшие, в числе которых были Георгий Кулишев от «Звена», Павел Цолов от социал-демократов, Георгий Трайков от БЗНС, Славчо Стоилов от радикалов и представители массовых организаций, единодушно поддержали политические и организационные выводы, содержавшиеся в докладе. «Заседание,— писал Трайчо Костов Георгию Димитрову,— прошло значительно благополучнее, чем мы могли ожидать. Все объявили себя приверженцами социализма...» Некоторые из деятелей Отечественного фронта, такие, как Петко Стайнов и Георгий Драгнев, дошли до того, что прямо предложили из партий, входящих в ОФ, основать одну-единственную партию. Незамедлительно были избраны две комиссии, которым было поручено подготовить новую программу Отечественного фронта и наметить пути его реорганизации. Декларация, принятая на расширенном заседании, была подписана поименно всеми членами Национального комитета и руко-

водством партий. В ней, в частности, предусматривалось превратить Отечественный фронт в единую политическую организацию антиимпериалистических сил с выборным руководством. Таким образом, внутри Отечественного фронта ликвидировались элементы коалиции.

Самым категоричным, разумеется, был БЗНС. На собрании земледельцев Г. Трайков заявил недвусмысленно, как сообщала об этом газета «Земеделско знаме» 22 октября, что «БЗНС решительно поддерживает декларацию совещания девяти компартий в Польше об объединении всех демократических сил в борьбе против поджигателей новой мировой войны». Кроме того, он сделал следующее заявление: «Если нам понадобится внести известные изменения в нашу программу в духе нового времени, если нам нужно сделать шаг вперед, мы сделаем его без колебаний и заявим, как и братская рабочая партия, что социализм в нашей стране в нынешней обстановке может и должен быть осуществлен... с помощью взаимного сотрудничества между всеми прогрессивными слоями нашего народа...»

В газете «Изгрев» Георгий Кулишев писал: «Предстоит наполнить новым содержанием программу и практику Отечественного фронта. Начинается новый этап нашего демократического развития...»

Георгий Димитров пристально следил за всей этой бурной деятельностью в стране, давал напутствия и предостерегал наших деятелей от увлечений. Он просмотрел резолюцию ЦК и внес в нее некоторые существенные изменения и дополнения.

19 ноября 1947 г., среда

Во время каждого разговора по телефону мы всегда спрашиваем о здоровье Димитрова и получаем лаконичные ответы: «Улучшается, ему лучше, вчера состоялся консилиум». Узнать больше по телефону было и невозможно. И все-таки разными путями до нас доходили сведения об истинном положении дел. 16 августа собрался первый консилиум с участием четырех-пяти светил советской медицины; выводы были не очень утешительными — сердце нездорово, отечность ног, диабет. Консилиум рекомендовал хотя бы двухмесячное лечение.

17 сентября состоялся второй консилиум, подтвердивший старый диагноз о трех одновременных процессах — сердечно-сосудистом заболевании, диабете и воспалении мочевого пузыря. Димитров был подвергнут интенсивному лечению, окружен большим вниманием и искренним желанием оказать ему самую эффективную помощь. Результаты не заставили себя ждать. Он ок-

реп, прошли боли и отечность в ногах. 15 октября Димитров покинул Барвиху и поселился на своей даче в Мещерино, где незамедлительно с головой ушел в работу. Там необходимо было по настоянию врачей провести еще известное время перед дорогой.

16 ноября товарищ Димитров прибыл на аэродром Враждебна. По нашей — секретарей — вине опоздали все, кто должен был его встретить. Во время выхода Димитрова из самолета на аэродроме оказались только представители милиции. Мы встретили прибывших на пути к городу. Из-за повреждения машины им пришлось сделать короткую остановку. Встретили их все с большой радостью. Наши сердца переполнены чувством любви к нему. Товарищ Димитров, как мне показалось, стал выглядеть лучше. В Москве уже началась настоящая зима, там уже носили пальто и шубы. А в Болгарии стоит золотая осень — греет солнце, небо ясно, воздух свеж и прохладен, но еще тепло, и прибывшие вынуждены были быстро снять зимние пальто.

— Что нового? — спросил нас Димитров.

— Мы все ждем вас, товарищ Димитров,— ответил за всех нас Банчев.

Уже на следующий день группа врачей во главе с доктором Симеоновым осмотрела Димитрова и сделала следующее заключение: состояние — удовлетворительное, самочувствие — хорошее, ряд признаков болезней, однако, налицо, поэтому следует соблюдать режим и проводить определенное лечение.

20 ноября 1947 г., четверг

Во Вране состоялось заседание, рассмотревшее проект конституции и вопросы, связанные с предстоящим визитом маршала Тито. Я видел товарища Димитрова после заседания. У него был утомленный вид. Глаза его провалились, под ними большие тени. Он говорит мало, больше молчит. Сказал мне, что должен соблюдать «еще какой-то режим». Он пока не принимает почти никого и работает исключительно во Вране. Сообщение о своем прибытии дал вместо 16-го, когда прибыл, только 20-го. Известие о его возвращении было встречено людьми с подлинной радостью. Многие опасались, что он тяжело болен.

Из Москвы привезены подарки для многих товарищей,

22 ноября 1947 г., суббота

Небольшая посылка из Москвы привезена и для художника-карикатуриста Бешкова. Передать ее было поручено нашему хозяйственнику Клисарову. Тот разыскал Бешкова в его ателье:

— Это вам посылает товарищ Димитров.— Он посмотрел на меня удивленно, рассказывал Клисаров, руки его задрожали, разволновался и не знал, что сказать. Я отдал ему сверток и ушел.

Товарищ Димитров спросил Клисарова, передал ли он посылку Бешкову.

Подарок занесен и старому скульптору Андрею Николову.

По словам нового советского врача, с которым я говорил, Димитров чувствует себя сейчас лучше. Он должен соблюдать режим: работу заканчивать в 11 часов вечера, регулярно отдыхать. Для проведения заседаний ему выделены по три часа — до обеда и вечером. Выглядит Димитров более возбужденным, чем обычно, измученным; чувствуется, что он стал более нервным и беспокойным.

Работает только над проектом конституции и проектом новой программы Отечественного фронта. Проект новой программы Отечественного фронта поручено подготовить Василу Коларову.

Двадцать дней тому назад Великое народное собрание продлило свой мандат еще на один год. В предложении, которое внес заместитель Председателя Совета Министров Трайчо Костов, указывалось: еще не выработана и не принята конституция; народ и правительство сейчас чрезвычайно заняты двухлетним хозяйственным планом и рядом других важных задач, из-за чего нецелесообразно отвлекать внимание на проведение новых выборов. Сегодня прошел в первом чтении законопроект о физкультуре и спорте в Болгарии. Физкультура и спорт превращаются в важное государственное дело. Радикал Анастас Петров сказал: «Из частного и слаборазвитого дело физкультуры и спорта в Болгарии Отечественного фронта становится уже народной и государственной заботой». Предусматривается выделить значительные средства из бюджета государства и народных советов, предприятий и учреждений для создания спортивных сооружений и баз. Учреждается Главный комитет физической культуры и спорта (ГКФС).

Уже в день своего прибытия Димитров встретился со своими ближайшими соратниками; потом состоялось заседание Политбюро. Работа увлекла его без остатка. До конца года оставалось полтора месяца. В течение этого краткого периода предстояло проделать колоссальную работу. Будет ли достаточно времени — по три часа — для заседаний до обеда и вечером? Вопросы сыпались неудержимо отовсюду. Димитров, хотя и придерживался в какой-то степени строжайших предписаний врачей, с головой ушел в работу. Такая уж у него натура — сердце не терпит медлительности.

А вот в ноябре и первые плоды нашего социалистического

строительства: готов Хаинбоаз — перевал Республики! Завод «Вулкан» в первенце нашего градостроительства — Димитровграде на 100 тыс. *т* цемента в год вошел в строй! Две тысячи гектаров по берегам реки Огоста перестали быть болотами и превратились в обрабатываемую землю! Еще 200 — в окрестностях Козлодуя! Строительство ТЭЦ «Надежда» ускоряется так, что в начале следующего года она даст первый ток.

Димитров послал поздравительную телеграмму членам бригад 2-го хаинбоазского строительного отряда. Он не преминул подчеркнуть и более значительный смысл движения строительных бригад, чья «исключительно большая заслуга состоит в том... что в его среде воспитываются, закаляются и вырастают новые болгары и новые болгарки, физический труд для которых не унижение, а честь и доблесть и для которых любовь и верность народной республике — высший закон».

29 ноября Димитров впервые посетил заседание Великого народного собрания. В повестке дня был единственный пункт — принятие во втором чтении проекта конституции после внесения изменений в духе декларации Национального комитета Отечественного фронта, т. е. пленума ЦК. Как встретили народные представители Димитрова после его продолжительного отсутствия! Долго-долго не стихали аплодисменты и возгласы.

Докладчик комиссии доложил о главных изменениях и объявил, что при втором чтении проект должен одобряться статья за статьей, т. е. общее обсуждение уже не предусматривается. Председательствующий Васил Коларов незамедлительно пояснил: после внесенных существенных изменений целесообразно предоставить парламентским группам слово по каждой главе конституции; сохраняется также право любого депутата делать замечания и предложения по каждой статье проекта.

Начались одно за другим содержательные выступления. Иван Попдимитров («Звено») убедительно защитил тезис о единстве власти. Владимир Поптомов обосновал необходимость вместо поста Председателя Республики учредить новый орган — Президиум Народного собрания, который являлся бы коллективным главой государства. Высказались также Тодор Тихолов (социал-демократ), Васил Павурджиев (БЗНС), доктор Пенчо Костурков (радикал), Йордан Партов («Звено»).

Заседание закончилось к 8 часам вечера. Димитров остался до конца и спокойно, внимательно слушал. «Ничего себе три часа»,— сказал я себе.

[Со дня его возвращения врачи начали регулярно вести медицинский дневник. В эти ноябрьские и декабрьские дни они отмечали: «Особенных жалоб нет». Но, по существу, дела обстояли иначе.

— В продолжение всего этого времени,— сообщал доктор Симеонов,— он непрерывно был болен, но не жаловался. Для выполнения любой работы ему нужно было преодолевать страдания, стоически переносить свои болезни. Но люди не подозревали об этом.

День за днем собирались консилиумы с участием врачей Рачо Ангелова, Симеонова, Бойкикева, советского медика Рыжикова.

21 ноября появились тупые боли в печени и желчном пузыре. С 22 ноября установилась температура 37,4°, которая стала его постоянным спутником.]

26 ноября 1947 г., среда

Вчера перед обедом в Болгарию прибыла с официальным визитом югославская правительственная делегация во главе с маршалом Иосипом Броз Тито.

Встреча в Софии произвела сильное впечатление на гостей. Один из них, наблюдая громадный митинг перед зданием Совета Министров, воскликнул: «Ве́лики бу́гарски на́род!» Г. Влахов, секретарь Тито, сказал, что мы лучше их устроили встречу.

Наше же руководство вначале было неудовлетворено из-за отдельных промахов. Так, например, в Совете Министров была организована легкая закуска стоя. Товарищ Димитров пожелал отвести гостей в какой-либо зал, чтобы сесть. Григоров, в обязанности которого входило руководство протоколом, куда-то внезапно запропастился. Мы засуетились, ища зал, Димитров рассердился и сделал довольно острое замечание за организацию встречи Банчеву. Но это были мелкие неурядицы, не отразившиеся на настроении. В итоге все прошло очень хорошо.

Кортеж из машин от вокзала до Совета Министров двигался по настоянию югославской охраны с целью большей безопасности чрезвычайно быстро. Машины просто летели сквозь живой человеческий коридор. Люди порядком замерзли — ждали с 7 часов 30 минут — 8 часов, а митинг начался в 11 часов 15 минут. Но это обстоятельство не явилось помехой. Народу собралось на площади столько и каждому так хотелось быть поближе, что произошла давка — люди буквально качались, как морские волны. Были и несчастные случаи. Судя по сегодняшим газетам, на площади собралось 300 тыс. человек. Воодушевление было исключительным.

Сразу же по прибытии в Совет Министров руководители двух стран повели дружеский разговор и сердились, когда им мешали.

Как только люди с улиц пришли на площадь, мы уведомили двух выдающихся деятелей, что митинг можно начинать.

В своей речи Тито наряду с другим сказал:

— Новая Югославия и новая Болгария нашли общий путь с того момента, когда порвали со всем, что связывало их с прошлым,— с тем отрицательным старым, которое разделяло наши народы, которое в продолжение веков стояло между нами, между нашими народами, между кровными братьями. Да,— продолжал он,— новая Югославия и новая Болгария будут единодушны в своих усилиях. У них большой друг — Советский Союз, непобедимая страна социализма... Великий Советский Союз имеет в нашем лице своих верных друзей, и никогда никакая сила не сможет разделить нас с нашими великими братьями, народами Советского Союза [1].

Димитров выглядел хорошо.

Его речь произвела глубокое впечатление.

Вечером на приеме был организован концерт с участием наших лучших артистов. Танцевальная труппа Народной оперы — красивые и стройные мужчины и женщины, одетые в легкие национальные одежды,— танцевала исключительно хорошо. Артистка Магда Колчакова декламировала свои стихи. Крыстю Сарафов рассказал какую-то народную сказку на одном из местных диалектов.

В 23 часа 15 минут отбыли на вокзал для отъезда в Варну. Димитров уехал с гостями.

[Так прошел этот день. Мы все находились в состоянии радостного возбуждения, восхищались энергией и бодростью Димитрова. Только доктор Симеонов был озабочен. Вот что было записано в его медицинском дневнике утром: «25.XI 1947 г., 8 часов 30 минут. Спал плохо. Общее бессилие, общая слабость».

— Во время речи на митинге,— вспоминал доктор Симеонов,— у Димитрова была температура.

«Особых жалоб нет!»

А ведь у него были боли, но с каким подъемом, как вдохновенно говорил он с балкона Совета Министров, хотя дул холодный ноябрьский ветер! В его возрасте и здоровый человек свалился бы с ног от усталости после такого напряженнейшего дня, а он выдержал, не выдав ничем, что чувствует себя неважно.]

Маршрут через Плевен до Варны и оттуда через Пловдив до Софии был непрерывным праздничным шествием, триумфом искреннего братства и взаимной любви. Сердце народа было переполнено самыми светлыми чувствами — доверием, надеждой, любовью. То, что мы наблюдали на железнодорожных полустан-

---

[1] Борба, 1947, 26 ноября.— *Прим. перев.*

ках и станциях, проезжая от Цариброда через Белград до Бледа, повторялось и от Софии до Евксинограда и обратно. Все полустанки и вокзалы были украшены флагами — болгарскими, югославскими и советскими, плакатами и бесчисленными лозунгами, портретами Сталина, Тито, Димитрова.

На каждом полустанке, на каждой станции, где была предусмотрена остановка поезда и где она не предусматривалась,— везде за много часов до его прибытия стекались огромные массы народа и с нетерпением ждали. Холодным ноябрьским утром шел снег, а перроны и прилегающая к вокзалу в Мездре площадь уже в 5 часов почернели от собравшихся многих тысяч жителей окрестных сел и городов (поезд должен был проследовать в 7 часов утра), даже из Врацы пришли пешком тысячи людей — молодежь была разбужена орудийными выстрелами и шла целых три часа, чтобы успеть вовремя. В маленьком околийском городке Горна-Оряховице собралось... 100 тыс. человек. Откуда стекалась эта огромная масса? Тито в одной из своих речей сказал: «Мы, прибывшие сюда из Югославии, знали, что найдем в братской Болгарии теплый прием. Но открыто должен вам сказать, что мы изумлены приемом, который оказали нам повсюду — и в Софии, и на протяжении всего пути» [1].

Димитров ехал этим же поездом, но не выходил к народу ни первым, ни сразу вместе с высоким гостем, а всегда давал возможность Тито появиться в окне, выступить (там, где предусматривалось выступление). Только после этого показывался и он, и прокатывались еще более мощные приветственные возгласы.

В Евксинограде, в старом, расположенном на берегу моря дворце царя Фердинанда, состоялись официальные переговоры. Был уточнен окончательно текст Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между двумя странами. 28 ноября в 18 часов вечера Димитров и Тито в торжественной обстановке подписали союзный договор, заключенный на 20 лет. Но в душе нашей было такое чувство, что устанавливается этот договор на вечные времена. «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи,— говорится в опубликованном коммюнике,— подписанный в Евксинограде Димитровым и маршалом Тито, открывает новую светлую страницу в истории болгарского и югославского народов — страницу вечной и нерушимой дружбы, самого тесного и всестороннего братского единения...»

В своей речи после подписания Димитров заявил: «Мы счастливы в наших стремлениях иметь много друзей во главе с вели-

---

[1] Борба, 1947, 30 ноября.— *Прим. перев.*

ким Советским Союзом... Растущий на планете фронт мира, демократии и социализма — наша могучая опора...»[1]

В пятницу, 28 ноября, в 12 часов ночи, поезд с гостями отбыл с Софийского вокзала.

6 декабря 1947 г., суббота

В понедельник, 1 декабря, тов. Димитров вызвал меня на доклад. Когда я пришел к нему в час пополудни, застал его за работой в верхнем кабинете. Через некоторое время он спустился в кабинет на веранде и принял меня там. Я собрал много материалов, которые готовился обстоятельно ему доложить, но он попросил сказать ему о самом важном: торопился, не было времени. Вообще, с тех пор как он возвратился, у него столько работы, что ему постоянно не хватает времени. На него наваливаются все новые и новые задачи, а времени нет и нет.

Предстоят воистину большие дела: окончательно доработать и принять конституцию, подготовить предложения по новому составу Совета Министров, реорганизовать государственный аппарат, создать новый политический орган Отечественного фронта, осуществить еще визиты для заключения договоров, провести национализацию. Задачи, задачи — одна другой важнее, одна другой неотложнее.

Эти месяцы имеют огромное значение для нашей страны.

Среди материалов, которые я докладывал ему, было и одно анонимное письмо. Рабочий, имевший троих детей, жаловался, что болгарские власти оставили народ с 300 *г* хлеба, жиров не давали уже три месяца; ему мучительно больно, возвращаясь домой вечером, встречать голодные взгляды своих ребятишек. Я сказал в нескольких словах о содержании письма. Товарищ Димитров протянул руку, взял его себе и внимательно прочел. Потом дрожащим, взволнованным голосом сказал мне:

— Да, все еще есть такие! Тяжело...

Письмо причинило ему трудно скрываемые муку и боль. Он сделал в его верхнем углу приписку: прочесть ряду руководящих товарищей, хотел, чтобы горькую правду знали все. Мы сняли копии и разослали.

Сразу же после доклада он снова поднялся в кабинет наверху. Ни слова не промолвил о делах в Совете Министров. Наш обычный после доклада разговор не состоялся. Его сейчас явно занимает более важное дело.

В среду состоялось продолжительное заседание Совета Ми-

---

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 13, с. 293.— *Прим. перев.*

нистров. Оно длилось часов до шестнадцати. Это обстоятельство явилось причиной двадцатиминутного опоздания на поклонение праху Тины Кирковой. Кончина видной деятельницы, товарища одного из основателей партии — Георгия Киркова-Мастера, была со скорбью встречена всей партией. Товарищ Димитров отправился в Центральный Комитет на улицу Врабчи, 10, а оттуда вместе с членами Политбюро ЦК — в другое здание ЦК (улица Врабчи, 18), в маленьком зале которого был поставлен гроб с телом покойной. Несколько министров уже стояли в почетном карауле. В этом почетном карауле был особый смысл: как будто в задумчивых сосредоточенных лицах коммунистов и социал-демократов можно было прочесть общее признание правоты Киркова. Последними в караул встали Димитров, Коларов, Костов и другие. В переполненном зале стояла тишина. Люди отдавали дань глубокого уважения старейшей коммунистке. Глаза товарища Димитрова, казалось, стали еще больше и глубже. В нем чувствовалась какая-то суровая, мрачная скорбь. Казалось, будто в этот момент он видит перед собой Киркова, великолепного незабвенного Мастера, и, может быть, в тысячный раз подводит итог выполнения его заветов, его наставлений, которые мы дополнили ленинскими. Кирков вместе с Дедом — символ беспредельной преданности делу рабочего класса, бескорыстной службы партии, твердости и непреклонности против чуждого влияния и чуждых поползновений в рядах партии; теплой заботы по отношению к кадрам, символ борьбы, борьбы и еще раз борьбы за дело угнетенного рабочего класса.

Разве сегодня Димитров не воплотил в себе эти положительные черты Киркова?

Один из товарищей тихо сообщил, что почетный караул у гроба с прахом покойной закончился. Члены Политбюро во главе с Георгием Димитровым и Василом Коларовым подняли гроб и вынесли его на руках на Красную площадь. Там они поставили его на специально подготовленную машину.

Димитров возвратился в Совет Министров. Через некоторое время он принял в своем кабинете деятелей чешского рабочего движения.

В воскресенье, 30 ноября, Народное собрание приняло проект конституции во втором чтении. Г. Димитров задержался в своем кабинете и вошел в зал заседаний несколько позже.

Когда дошли до последней, 101-й статьи, Васил Коларов торжественно объявил, что более половины депутатов проголосовали за ее принятие, и закончил:

— Статья 101 принята! Таким образом, проект Конституции Народной Республики Болгарии принят во втором чтении.

 Заказ 3717

Наступил волнующий момент. Все встали, вспыхнула бурная овация. Встал и товарищ Димитров. Он аплодировал от всего сердца, широко улыбаясь. И для него это был замечательный день. С разных концов зала неслись приветствия.

— Да здравствует новая конституция!

Мощное «ура!» пронеслось из конца в конец зала и заполнило его до краев.

Тодор Павлов выкрикнул:

— Да здравствует новая, Димитровская конституция!

Снова загремело «ура!», «браво!», аплодисменты не стихали. Кто-то из земледельцев воскликнул:

— Димитровской конституции — ура!

Возглас был подхвачен всем залом (говорю «всем залом» по привычке, потому что смотреть за тем, что делает небольшая группка лулчевистов, мне было некогда).

Васил Коларов подал знак, что хочет говорить.

— Господа депутаты,— сказал он.— Проект конституции принят во втором чтении; для окончательного принятия предстоит голосование в третьем чтении. В соответствии с установленным порядком голосование проекта конституции в третьем чтении не может быть проведено раньше чем через три дня после голосования во втором чтении.

После этого он пояснил, что голосование в третьем чтении будет производиться поименно, подписью.

— Все депутаты,— закончил он,— приглашаются на следующее заседание Великого народного собрания.

Георгий Димитров, молча наблюдавший до сих пор, с волнением добавил:

— Все!

И спустя немного дополнил с сердечной шуткой:

— Больные или здоровые — все депутаты в четверг обязательно должны быть!

Эти его слова были встречены оживленными аплодисментами депутатов.

4 декабря, в четверг, в 16 часов 30 минут, началось принятие проекта конституции в третьем чтении. Зал был в приподнятом настроении, почти все депутаты пришли пораньше и заняли свои места, галереи были переполнены множеством граждан, дипломатический корпус тоже был здесь.

Председатель Совета Министров, как только прибыл в Народное собрание, вызвал в свой кабинет доктора Минчо Нейчева и Йордана Чобанова. Они сделали последние уточнения в тексте некоторых статей. После этого Димитров вошел в зал заседаний, встреченный радостными овациями депутатов. Спустя немного

появились члены временного Председательства Народной Республики во главе с Василом Коларовым.

По докладу Йордана Чобанова приступили к принятию конституции статья за статьей, депутаты голосовали единодушно (включая и маленькую группу лулчевистов). Возник небольшой спор, как формулировать единодушие. Васил Коларов после каждого голосования объявлял:

— Проголосовало более половины депутатов. Принимается!

Димитров предложил, что нужно сообщать о том, что все депутаты голосовали единогласно. Коларов, однако, возразил и пояснил, что он ведет голосование в соответствии с процедурой, предусмотренной в правилах, и что о единогласном голосовании он заявит в конце. Так он и продолжал объявлять результаты.

— Сто первая статья принята! — прозвучал наконец торжественно его голос.

И снова вспыхнули бурные овации, «ура!», «браво!», возгласы в честь конституции.

— Для того чтобы конституция была окончательно принята,— продолжал Коларов,— необходимо, чтобы она была проголосована депутатами в целом поименно путем личной подписи. На столе стенографистов будут лежать две тетради, в каждой из которых список. В одной распишутся те, кто проголосует «за», в другой — те, кто будет голосовать «против».

Услышав последние слова, Димитров, глядя на маленькую группку лулчевистов, так сердечно, широко и неудержимо засмеялся, что рассмеялось все собрание. Лулчевисты — хвост злостной реакции — не знали уже, что им делать, и от бессилия проголосовали за мероприятия правительства.

Секретарь парламента Ефрем Митев начал читать одну за другой фамилии депутатов. Каждый названный приближался к столу, брал ручку и расписывался против своей фамилии. Как только произносилось имя кого-нибудь из видных деятелей, вспыхивали аплодисменты — то массовые и бурные, то совсем слабые: «Ну, раз и ты где-то в верхах, проявим и к тебе почтение». Имя Димитрова было встречено дружной и самой горячей овацией, которая не стихла до тех пор, пока он не поставил свою подпись и не возвратился на место. Депутаты, стоя, долго аплодировали Василу Коларову, с уважением был встречен Кимон Георгиев; имя Трайчо Костова вызвало особенно сердечную овацию — все депутаты встали и долго бурно аплодировали; поднялся и Димитров и с ласковой, теплой улыбкой, глядя на медленно переступавшего Трайчо Костова, аплодировал.

Были зачитаны телеграммы от некоторых отсутствующих по уважительным причинам депутатов. Они прозвучали трогатель-

но: «Болен, из-за высокой температуры не могу принять участие в заседании. Голосую за конституцию» — писал, например, один из депутатов. Оппозиционные лидеры Коста Лулчев и Хр. К. Пунев(на других я не смотрел) отправились к тому углу стола стенографистов, где лежала тетрадь для голосования «за». Собрание на этот раз не реагировало никак. У него было чувство меры.

Секретарь прочел последнее имя в списке.

Васил Коларов объявил результаты: «из 364 присутствующих депутатов 364 поставили свои подписи в книге с «за»» — и торжественно провозгласил:

— Конституция Народной Республики Болгарии принята Великим народным собранием единогласно.

Было 18 часов.

Все в зале, как один, встали. Начались нескончаемые аплодисменты, возгласы: «Ура!», «Да здравствует конституция!», «Да здравствует Димитровская конституция!» Прозвучал артиллерийский салют. Собравшиеся на площади многотысячные массы народа громогласным «ура!» продемонстрировали свое одобрение.

После длившейся несколько минут овации Васил Коларов поднялся и произнес краткую речь — одну из самых красивых и содержательных своих речей, великолепную по мысли, языку, стилю, интонации.

— Нынешний день — исторический для болгарского народа день. После победы 9 сентября 1944 г. и низвержения монархии 15 сентября 1946 г. этот день будет записан золотыми буквами в исторические скрижали Болгарии...

Закончив, Коларов сразу же объявил, что предоставляет слово Председателю Совета Министров.

Произнесенная им короткая, но яркая речь не была плодом какой-то долгой предварительной подготовки, а родилась во время заседания.

— Новая конституция,— сказал Председатель Совета Министров,— закрепляя принципы народной демократии, расчищает путь для общественного развития нашей страны, что приведет к окончательному уничтожению всех остатков капиталистической, эксплуататорской системы, к освобождению трудящихся от всякой эксплуатации, то есть к полной ликвидации эксплуатации человека человеком [1].

А в это время на площади перед зданием Народного собрания собрался большой митинг. Вдохновенно и пламенно говорил депутат Тодор Живков.

---

[1] См. *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы). М., 1957, с. 413.— *Прим. перев.*

— Наш народ,— сказал Живков,— с восторгом встретил Димитровскую конституцию. Но чем больше радуется трудовой народ, тем горше нашим врагам. Они, однако, должны знать, что народ начеку и неусыпно следит за их происками. Этот народ будет беречь Димитровскую конституцию!

Митинг закончился, но люди не расходились. Одна из групп собравшихся начала скандировать: «Хотим видеть Димитрова!» Возглас был подхвачен всей огромной массой. Спустя немного вышел Димитров и поздравил народ с принятием новой конституции.

Повсюду в этот день при встрече на улице люди поздравляли друг друга с новой конституцией. Так продолжалось и на следующий день.

В пятницу, 5 декабря, в Военном клубе выступал с концертом Государственный институт слепых имени Георгия Димитрова. Председатель Совета Министров постоянно и с живым участием шефствует над этим институтом, следит за его деятельностью. Его большое сердце было отзывчиво к несчастью слепых. Концерт уже начался, а многие из приглашенных не посчитали нужным прийти на него. Через некоторое время прибыл Г. Димитров. Концерт мгновенно был прерван, вспыхнули долго не смолкающие овации. Он, стоя в одной из лож балкона, приветливо махал правой рукой. Потом настоятельно попросил тишины.

Слепые девочки и мальчики исполнили свою музыкальную программу, состоявшую из народных песен и произведений наших и зарубежных композиторов. Председатель Совета Министров слушал сосредоточенно и внимательно. Во время паузы два слепых ученика — воспитанники института, мальчик и девочка лет по тринадцати — пришли в ложу и преподнесли Димитрову букет цветов. Он сердечно поблагодарил детей. Весь зал, затаив дыхание, следил за тем, что происходит в ложе. Внимание растрогало Димитрова. Он, опершись одной рукой о стул, наклонился с балкона и сказал несколько слов. На концерте речи не произносятся, но это краткое выступление не только ничего не нарушило, а, наоборот, соответствовало духу обстановки. Взволнованным голосом, среди всеобщего внимания он говорил о том, что в своем несчастье слепые могут быть внутренне счастливы, так как они тоже могут быть строителями нашей новой родины.

— У вас нет глаз, но у вас есть горячо бьющиеся сердца, есть внутреннее зрение, которым вы можете увидеть, почувствовать, пережить достижения, завоеванные нашим народом, его успехи в строительстве нашей народной республики. Вы можете быть очень и очень полезными гражданами и гражданками нашей Родины.

После концерта Димитров пригласил директора института Д. Домусчиева и завел с ним разговор о положении института. Состоялась глубокая, содержательная беседа.

На первый взгляд ничего особенного не произошло — Председатель Совета Министров страны посетил концерт слепых учащихся. Однако это далеко не так. Это не было актом вежливости или благотворительного деяния, которые так часто бывают, нет. Получилось нечто необычное, с более глубоким смыслом. Димитров действительно живет муками и радостями людей, которых ведет, переживает за их несчастье; в его душе, широкой и отзывчивой, есть место для каждого в отдельности и для всех вместе.

Прошло уже столько времени со дня поджога рейхстага и процесса в Лейпциге, а мир все еще возвращается к ним. Пройдет много, много лет, а интерес к этим событиям — особенно в период 1968—1972 гг.— будет нарастать еще более интенсивно. Писали и пишут статьи, издавали и будут издавать книги, снимали и будут снимать фильмы. Телевидение и радио будут искать сенсации и новые открытия, театры будут привлекать все новую публику драматизмом и героизмом лейпцигского поединка. Пожар и процесс были ключами двери, перешагнув порог которой мир стал мудрее. В них всматривались пристально и справа и слева, борцы за мир и поджигатели войн, искатели истины и те, кто всячески пытался ее затемнить.

16 декабря 1947 г. 14-я годовщина заключительной речи Димитрова дала новый повод снова заговорить о процессе. В нескольких статьях было подчеркнуто, что слова Димитрова, разоблачавшие тогда нацизм, в не меньшей степени относятся и к сегодняшним реваншистам и поджигателям новой войны.

Но Лейпцигский процесс давал нам себя знать и другими путями. Из многих стран на разных языках непрестанным потоком приходили письма; писали люди, которые так или иначе были связаны с процессом (или просто, затаив дыхание, следили за ним по печати). Письма, правда немного произвольно, можно разделить на два вида: одни — обыкновенные, а другие — чудаковатые. Прежде всего два слова о некоторых обыкновенных.

Роза Людер писала о том, как слушала по радио в первые дни процесс. Сейчас она рассказывала Димитрову о своей сегодняшней жизни в Восточной Германии. Из Вроцлава (Польша) дал знать о себе некий Игнаций Двожинский, бывший парикмахер в Моабитской тюрьме. В то время он был заключенным. Он приходил два раза в неделю с надзирателем в камеру Димитрова, чтобы побрить его. Сочувствовал ему, глядя на наруч-

ники, в которые были закованы его руки. «Настоящее письмо,— писал Игнаций,— исполнение моего желания со времени заключения: поздравить Вас, когда Вы будете на свободе, в качестве свободного вождя рабочего класса». Двожинский — член Польской рабочей партии.

А из чудаковатых было письмо некоего Рудольфа Зёнке. Он писал из Берлина, что был свидетелем на процессе. Но, как он сообщал, после этого был осужден на три года тюрьмы из-за «злостной клеветы», потому что... Танев опроверг его показания. Вот до чего дошел бесстыдник! И сейчас он просит Председателя Совета Министров выслать ему ни больше ни меньше как... «скромные продукты питания». Из Лейпцига же написал некий М. Иесель с просьбой прислать ему письменную характеристику о том, как он держал себя, будучи свидетелем прокурора в процессе. Для Димитрова было небезынтересным взглянуть и на такие письма — они, может быть, напоминали ему некоторые подробности процесса, а может быть, вызывали улыбку. Он просмотрел и это письмо, подчеркнул его в нескольких местах красным карандашом и в конце царапнул свою обычную закорючку, что означало: не заслуживает внимания и можно оставить без последствий. Верх бессовестности, бесспорно, принадлежит одному молодчику, который представился как Эрих Глюзе. Оказалось, что он был помощником надзирателя в тюрьме Моабит; потом стал нотариусом и адвокатом. Он приписывал себе большие заслуги: будто бы служил для связи между Димитровым и Торглером, делал много услуг арестованным и, наконец, ко всему прочему, часто встречался с Розой Тельман. Сейчас бывший помощник надзирателя очень желал увидеться с Председателем Совета Министров и остаться при нем... на год-два, для того чтобы поучиться у него...

В письмах того же рода содержались просьбы некоторых военных преступников о содействии в избавлении от справедливого суда. Из «немецкого лагеря для интернированных» в Дармштадте прислал письмо некий Карл Брендер, бывший старший полицейский в полицейском управлении Лейпцига, служивший во время войны в частях СС. Какие злодеяния он вершил! А теперь ему нужно представить оправдательный материал, и поэтому он обращается к Председателю Совета Министров, утверждая, что оказывал ему услуги во время процесса: «Когда Вас водили на трудные допросы, часто не дав позавтракать, я отдавал Вам свой завтрак». В награду просит от Председателя Совета Министров «краткое письмо о вышеупомянутом случае». Г. Димитров прочертил через весь лист сбоку письма гневную черту.

В другой раз обратился не помощник надзирателя, а сам надзиратель Лейпцигской тюрьмы Мартин Кинаст. Он просил о более мелкой услуге — выслать ему рекомендательное письмо с таким заключением, чтобы он мог поступить сейчас снова надзирателем в другую тюрьму. Кто-то напоминал о том, как они с Димитровым разговаривали «в зубном кабинете следственной тюрьмы Лейпцига». На этом письме была поставлена резолюция: «Неправда!..»

Из писем в связи с Лейпцигским процессом больше всех заслуживает внимания то письмо, в котором сообщалось о дневнике американского посла Уильяма Додда. Оно пришло в середине декабря 1947 г. из Ганновера (Западная Германия). Письмо было написано по-французски, подписано: «Доктор С. Х. В. Венд». Этот господин писал, что недавно он впервые прочел книгу, изданную в Нью-Йорке в 1941 г.,— «Дневник посла Додда». Не будучи уверенным, что эта книга известна в Болгарии, автор «позволяет себе выслать прилагаемые к письму две выписки... которые чрезвычайно важны для оправдания моего друга Дильса, делом которого я занимаюсь в настоящее время». Из этих слов можно было понять, что автор письма, вероятно, адвокат, нанявшийся для защиты перед трибуналом пресловутого Дильса — начальника гестапо во времена поджога и процесса и в последующие годы. Кое-что мы узнали и о дальнейшей судьбе Дильса. ««Дневник Додда»,— сообщалось в письме,— является единственным благоприятным доказательством о деятельности господина Дильса в те бурные дни». И, может быть, сейчас, увидев эти отрывки из дневника господина Додда, Председатель Совета Министров Болгарии вспомнит о роли господина Дильса и... «будет добр сказать несколько слов о написанном господином Доддом». Это может иметь большое значение для доказательства «тех гуманных чувств, которые господин Дильс всегда проявлял по отношению к своим бывшим политическим неприятелям». Мы могли догадаться, что раз Дильс оказался на скамье подсудимых в трибунале, то значит успел проявить достаточно «гуманных чувств» и свершить достаточно преступлений.

Письмо заинтересовало Димитрова.

Разумеется, Председатель Совета Министров не мог ни подтвердить, ни опровергнуть слова посла — их достоверность мог гарантировать единственно только Додд, но он давно был мертв. Заключенный менее всего мог знать, о чем говорится в правящих и дипломатических кругах и что скрывается ими.

Димитров внимательно прочел письмо и написал на нем следующую резолюцию:

«1. Использовать соответствующим образом.
2. Достать сам дневник.
3. Достать также дневник его дочери».
19.XII 1947 г.

Г. Дим.».

Так впервые возник вопрос о дневнике посла Додда. В Болгарии до этого он был неизвестен. О дневнике Марты Додд знали отчасти.

Димитров поручил найти обе книги. Для меня осталось неизвестным, сумели ли их разыскать и попали ли эти книги вообще в руки Димитрова.

С «Дневником посла Додда» я смог познакомиться лишь после 1961 г., когда он был издан на русском языке. Дневник, говорится в предисловии к советскому изданию, «занимает особое место. Оно определяется в первую очередь разоблачительной силой... Так делаются войны —вот основной смысл рассказа...» [1]

Додд — американский посол в Берлине в 1933—1937 гг., начавший вести свой дневник с первых дней работы. Он умер вскоре после возвращения в Америку. Его дочь и сын опубликовали дневник в 1941 г., когда война уже бушевала на всех фронтах.

Додд не вышел за рамки честной созерцательности, не поднялся до сознания жизненной необходимости объединения сил для обуздания распоясавшихся поджигателей войны, не понимал подлинного смысла всех событий того времени. Его отношение к поджогу рейхстага и Лейпцигскому процессу также непоследовательно. Для него, как белый день, ясно, кто поджег рейхстаг, и он, не скрывая этого, указывает на Геринга. Однако странно, что сам процесс (в отличие от своей дочери) он, в сущности, замалчивает. Лишь из последних страниц становится понятным, что он следил за ним внимательно, давал себе отчет о масштабе фигуры Димитрова.

Совсем неожиданно для самого Додда тема процесса и Димитрова буквально врывается и в его кабинет, и в его дневник. 22 и 25 декабря 1933 г. он делает записи, которые позже раскроют миру сатанинский замысел гитлеровского головореза Геринга о покушении на жизнь Георгия Димитрова.

«*Пятница, 22 декабря.* Сегодня утром меня посетил один журналист, чьи сообщения всегда отличаются достоверностью. Имя его я не решаюсь назвать даже в своем дневнике. По его словам, высокопоставленный германский чиновник — как я догадываюсь, начальник тайной полиции Рольф Дильс — сказал ему, что Германский верховный суд собирается завтра оправдать ком-

---

[1] Дневник посла Додда. 1933—1938. М., 1961, с. 3, 4.— *Прим. перев.*

мунистов... Что же касается Георгия Димитрова, болгарского коммуниста, от которого отреклась его собственная страна, то по приказу прусского премьер-министра Геринга он должен быть убит до того, как сможет выехать за пределы Германии... Журналист был очень взволнован... и подчеркнул, что если только не будут предприняты немедленные меры к тому, чтобы мировая общественность узнала о приказе Геринга, то Димитров будет убит. <...>

В 4 часа дня мой знакомый журналист рассказал мне, что лондонские вечерние газеты поместили сообщение о намечавшейся расправе с Димитровым; мой журналист сообщил об этом одному из телеграфных агентств. После этого он написал информацию и для американской прессы, которая никоим образом не может навлечь неприятности на того, кто сообщил ему обо всем этом, но должна завтра произвести соответствующее впечатление на германские власти и спасти тем самым жизнь Димитрова. <...>

Рождество, 25 декабря... Сегодня во второй половине дня я побывал на дому у своего знакомого журналиста. Полюбовавшись несколько минут рождественскими украшениями, я отвел его в сторону. Он рассказал мне, что его высокопоставленный друг поблагодарил его за умелое использование прессы, в результате чего удалось, никого не компрометируя, оказать должное воздействие на немецкие официальные круги. Так как Геринг был в отъезде, его заместитель, чтобы предотвратить выполнение приказа об убийстве Димитрова, отдал распоряжение саксонской полиции позаботиться о безопасности освобожденных узников и проследить за тем, чтобы они не переходили прусскую границу» [1].

Вот как Уильям Додд стал авторитетным, может быть единственным, свидетелем этого эпизода из эпилога Лейпцигского процесса.

Иное дело — с Мартой, дочерью посла Додда. Молодая женщина вовсе не была безучастной к битве, разыгравшейся во время процесса. Может быть, ею руководили простое любопытство и желание наблюдать поединок между Димитровым и Герингом, увидеть такого прославленного героя, как Димитров, может быть, симпатия к антифашистской борьбе (уже тогда симпатия ее была очень живой), может быть, все, вместе взятое, привело ее в зал суда. Там она увидела, как всесильный властелин Геринг входил триумфально и как вышел посрамленный.

Свои впечатления Марта Додд опишет в книге, которую поз-

---

[1] Дневник посла Додда. 1933—1938, с. 109, 110, 111, 112.— *Прим. перев.*

же издаст у себя на родине,— «Через окно посольства». Она — очевидец, который сильно, эмоционально и талантливо описывает поединок Димитрова с Герингом. Не случайно ряд авторов, когда хотят ярко воспроизвести картину поединка, цитируют слова Марты Додд. Я бы добавил, что процесс наблюдался «через окно посольства» не только политически мыслящим и владеющим пером человеком, но и... женщиной. Чисто по-женски она почувствовала поразительную мужественность Димитрова.

Книга Марты Додд была издана и в Берлине на немецком языке в 1946 г. Оттуда ее доставили в Болгарию. Вот отрывок из нее:

«Димитров был элегантным, привлекательным, черноглазым мужчиной, излучавшим самые удивительные жизненность и смелость, какие я вообще когда-либо видела у кого-нибудь из людей. Все в нем было жизнью и жаром; огонь убеждения, возмущения, ненависти пылал в его манере держаться и в его лице, и в мощном голосе... Димитров был не только остроумным диалектиком и логически мыслящим человеком, он был мужчиной, притягивающей к себе динамичной личностью. Я никогда не забуду его полное жара спокойствие, с которым он стоял перед Герингом. Лицо его излучало пламень презрения. Это была подлинная борьба, подлинное сражение. Геринг стоял там чудовищно распухший, с расплывшимся и надутым брюхом, со слегка наклоненным лицом, торжественный и уже немного нервный. Голос его был несдержан, жесты — мелодраматичны... Димитров с гордой и страстной, но владеющей чувствами ораторской силой обратил внимание на несуразности и абсурдные противоречия в показаниях Геринга. Он так подчеркнул все это и начал с таким убийственным сарказмом раскрывать столь много подробностей, что Геринг приказным тоном потребовал от него прекратить свою речь. Он кричал хрипло, страшно, с таким темно-красным лицом, что казалось, из него вот-вот брызнет кровь; почти задохнувшись, он старался заглушить обвиняющий, ясный, убедительный голос другого... Димитров дал возможность ему закончить, а затем сделал несколько таких вызывающих замечаний, за которые Геринг приказал удалить его из зала суда. Нацистам стоило больших усилий овладеть положением».

17 декабря 1947 г., среда

Прошло десять дней, полных значительными событиями.

Была принята Конституция Народной Республики Болгарии, составлено новое правительство во главе с Георгием Димитровым, избран Президиум Народного собрания, а в продолжение

уже четырех дней в стране находится албанская правительственная делегация.

Работа по формированию нового правительства протекала так:

9 декабря, во вторник, с утра состоялось заседание Политбюро ЦК, на котором был рассмотрен вопрос о характере и составе будущих государственных органов.

В тот же день, после обеда, на своем первом после принятия новой конституции заседании Великое народное собрание избрало Президиум Народного собрания и Бюро Народного собрания.

Все депутаты приняли присягу. Председателем Президиума был избран доктор Минчо Нейчев, заместителями Председателя — Кирил Клисурский (БЗНС) и Димитр Нейков (социал-демократ). В Бюро Народного собрания были избраны Райко Дамянов (Председатель) и заместители Председателя — Яни Янев (БЗНС), доктор Георгий Атанасов (социал-демократ) и Атанас Драгиев («Звено»).

Сразу же после этого слово было предоставлено Председателю Совета Министров:

— Вношу предложение включить в повестку дня на завтра вопрос о принятии отставки правительства и образовании нового правительства.

На следующий день товарищ Димитров, войдя в зал, не пошел к месту председателя правительства, а сел на одну из депутатских скамеек. Следуя его примеру, на депутатские скамейки сели министры старого правительства, а вместе с ними и бывший временный Председатель Республики Васил Коларов. Это вызвало веселое оживление в зале. Только члены Президиума и Бюро Народного собрания заняли отведенные им в переоборудованной части зала места (переоборудование было произведено с целью размещения всех членов нового коллективного главы государства).

Председательствующий Райко Дамянов объявил, что от парламентских групп поступило предложение принять отставку правительства, избрать Председателем Совета Министров Георгия Димитрова и возложить на него обязанность представить на одобрение собрания новых министров.

Весь зал поднялся и бурно приветствовал его. Кто-то из земледельцев прокричал:

— Да здравствует Георгий Димитров! Ура! — И зал сердечно подхватил лозунг.

Перешли к прениям. Первым взял слово Васил Павурджиев. Он говорил несколько минут, но его краткая речь произвела очень хорошее впечатление — точная, культурная, искренняя, в

духе нерушимого единства. С краткими речами выступили представители и других парламентских групп Отечественного фронта: Ефрем Митев — от социал-демократов, Христо Лилков — от «Звена», Анастас Петров — от радикалов, Поптомов — от коммунистов. Все горячо поддержали кандидатуру Димитрова. Поптомов выразил твердую уверенность в том, что второе димитровское правительство будет «еще более работоспособным».

Во время голосования депутаты единодушно подняли руки в знак одобрения и устроили Димитрову бурную овацию. Он встал, слегка повернувшись в сторону, чтобы не стоять спиной к депутатам, и давал знак рукой: «Хватит, хватит!»

На следующий день, утром, снова состоялось заседание ЦК, на котором был обсужден уже конкретный состав правительства.

Руководящим началом при формировании правительства было желание усилить его дееспособность. Димитров встречался с руководством парламентских групп партий Отечественного фронта и уточнял характер и состав правительства. 10-го вечером его состав в общих чертах уже был известен. 11 декабря, в четверг, после обеда, собралось Великое народное собрание.

— После переговоров, которые состоялись у меня с руководителями парламентских групп,— заявил Председатель Совета Министров с трибуны,— я пришел к заключению, что могу представить на одобрение Великого народного собрания следующий состав будущего правительства Отечественного фронта.

И он начал перечислять.

Трайчо Костов — заместитель Председателя Совета Министров, председатель Комитета по хозяйственным и финансовым вопросам.

Васил Коларов — заместитель Председателя Совета Министров, министр иностранных дел...

Петко Кунин становится министром промышленности и ремесел вместо генерала Христо Лилкова. Наша партия взяла на себя прямое руководство промышленностью.

Цола Драгойчева становится министром связи. Первая женщина-министр в Болгарии! Кимон Георгиев остается заместителем Председателя Совета Министров и министром электрификации и мелиорации. Бай Рачо Ангелов должен покинуть свое министерство из-за межпартийных комбинаций; министром народного здравоохранения становится Трайчо Доброславский. Оббов покидает кабинет окончательно. Георгий Трайков становится заместителем Председателя Совета Министров и сохраняет портфель министра земледелия и государственной собственности. Крыстю Добрев, любимец Старозагорской области, бывший секретарь обкома, выдвинут министром торговли вместо старого, не

очень работоспособного нашего товарища Йордана Божилова. Васил Павурджиев становится министром шахт и подземных богатств. Создаются три новых государственных органа — Государственная плановая комиссия, Комитет по делам науки, искусства и культуры (КНИК), Комиссия государственного контроля.

После этого Председатель Совета Министров коротко мотивировал этот состав: большинство бывших министров предлагается в состав нового правительства, избрание лишь «некоторых из них не предусматривается — одних из-за перехода на другую государственную или общественную работу, других из-за того, что оказались неподходящими для работоспособного правительства». Перед нами, пояснил Димитров, не новый кабинет, а обновленное и дополненное правительство Отечественного фронта, которое будет достаточно работоспособным; в связи с этим декларация предыдущего правительства останется в силе, и в будущем принятие новой декларации не предусматривается. Приступили к обсуждению состава правительства. В коротких выступлениях представители парламентских групп одобрили его.

В правительство вошли деятели, пользующиеся известностью энергичных и деловых работников. Благодаря этому руководящий аппарат государства становится, бесспорно, более однородным и идейно чистым, безусловно, более деловым и дееспособным; новые органы управления усиливают руководящую функцию государства.

После того как был одобрен новый кабинет, Роза Юльевна заглянула к нам и посидела немного в нашей секретарской комнате в Народном собрании. Оказалось, что она не знает еще состава нового правительства. Она попросила нас сказать, какие изменения произошли и кто новые министры. При упоминании некоторых имен она восклицала с настоящим удивлением. Были удивлены и мы тем, что она не знала о свершившихся изменениях. Уже чуть ли не половина города знала имена новых министров, а она, жена Председателя Совета Министров, не знала их. С одной стороны, товарищ Димитров, видимо, не говорил с нею о своих государственных делах, но, с другой, и она не проявляла ненужного любопытства. Мы и раньше замечали, что товарищ Димитрова не информирована о некоторых происходящих последних событиях, но не ожидали, что до такой степени. Это было не потому, что товарищ Димитров не доверял ей. Напротив. Однажды по какому-то поводу он сказал: «Роза Юльевна до конца своей жизни предана партии и коммунизму». Но что касается принципа, он придерживался его, как видим, до конца.

Между тем к нам в комнату вошел один из врачей, и, таким образом, появился повод заговорить о здоровье товарища

Димитрова и о том, что слухи на эту тему не прекращаются...

— Он должен беречься сейчас,— сказал доктор с присущей осторожностью.

Роза Юльевна была категоричнее.

— Здоровье Георгия Михайловича в порядке,— сказала она раздраженно.— Он никогда не чувствовал себя так хорошо, как сейчас. Он выглядит сейчас очень хорошо. Я не позволю так говорить о нем. Он сейчас здоров, но должен соблюдать режим, чтобы не увлечься работой и не переутомиться.

Эти слова знаменательны. Хорошо, если бы товарищ Димитров окончательно выздоровел. Между прочим, выглядит он сейчас прекрасно.

В субботу, в 13 часов 30 минут, состоялся прием в Военном клубе по случаю окончательного вывода Советской Армии из Болгарии. Присутствовал и генерал-полковник Цветаев, прибывший специально по такому случаю. В своей речи генерал Георгий Дамянов высказал сожаление, что советские части уходят, они были подлинной гарантией нашей безопасности. В ответном выступлении генерал-полковник Цветаев поблагодарил за нашу заботу о советских воинах. В конце приема товарищ Димитров поднял тост, который был и точной оценкой роли советских частей в Болгарии: «Нам оказывали помощь и содействие, а не чинили препятствия на пути нашего демократического развития...»

Он сердечно попрощался с главными руководителями частей Советской Армии в нашей стране, они вновь почувствовали внимание и заботу, которые всегда отличали его отношение к советским воинам в Болгарии.

[«Г. Димитров,— напишет позже маршал В. А. Судец,— проявлял неустанную заботу о советских войсках, расположенных в то время на территории Болгарии. Он лично неоднократно посещал военные гарнизоны, подолгу беседовал с солдатами и офицерами, интересовался их бытом и нуждами, разъяснял обстановку в Болгарии и помогал нам во всем. Он всегда был близким советским воинам и желанным гостем в воинских частях» [1].]

В воскресенье вечером во время разговора с Титко Черноколевым зашла речь о третьем томе. По этому поводу Титко передал мне свой разговор с товарищем Димитровым.

— Мы,— сказал Димитров,— говорим о вождях, забывая, однако, что вождь не икона, а непосредственный руководитель. Вы не организуете изучение этой книги, не написали о ней статью, не обратили на нее внимания как на настоящее руководство.

---

[1] Спомени за Георги Димитров, т. 2. 1934—1949. С., 1971, с. 600—601.— *Прим. перев.*

Все это очень правильно.

В воскресенье с утра, в 11 часов, на Софийский вокзал со специальным югославским поездом прибыла албанская правительственная делегация. Товарищ Димитров дал указание, чтобы встреча албанской делегации была не менее внушительной, чем югославской,— чтобы были митинг, много встречающих на улицах, встречи на вокзалах по пути следования, речи, подарки — вообще, чтобы был проявлен максимум внимания и к представителям этой маленькой страны.

На вокзале в Софии не было никакого особого торжества — все было перенесено на площадь 9 Сентября. Машины направлялись к зданию Совета Министров. На этот раз кортеж двигался совсем медленно, и люди могли спокойно наблюдать за гостями. Встречающих было много. Хотя погода и была холодной (с вечера пошел снег, и утром, 15 декабря, его навалило порядочно), люди ожидали с нетерпением, танцевали хоро, пели. Машины с официальными гостями были встречены с большим восторгом.

На площади собралось около 200 тыс. человек.

Товарищ Димитров произнес с балкона короткую, образную речь. Он говорил о героической борьбе албанского народа против фашизма — народа, который «по национальному духу, по своей твердой воле и героизму, по своей любви к свободе и независимости своей родины... является нашим братским народом на сто процентов...». Участники митинга с веселым и бурным одобрением встретили слова Димитрова: «Когда мы, болгары, хотим подчеркнуть исключительно твердый характер человека, доблесть гражданина, непреклонность борца против тирании, вы знаете, что мы часто говорим: «У него албанское упорство...» Сейчас я от наших албанских друзей узнал, что в Албании, когда хотят охарактеризовать очень храброго человека, часто говорят: «Похож на лютого болгарина». Или: «Лютый, как болгарин». Это сходство характеров болгарского и албанского народов не случайно, и оно очень нам поможет в будущем, в деле строительства нашей прочной искренней дружбы». Оратор закончил свою речь словами о том, что наши народы обязаны перед историей и грядущими поколениями создать «единый гранитный фронт от Черного до Адриатического моря, от Варны через Софию и Белград до Тираны, единый гранитный фронт свободы, народной демократии и прочного справедливого мира, как часть общего во главе с великим Советским Союзом... фронта против империализма и поджигателей новой войны» [1].

---

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 13, с. 314, 315.— *Прим. перев.*

Албанские гости, сопровождаемые Димитровым, отбыли поездом в Пловдив, а оттуда на машинах во дворец Кричим. Там состоятся переговоры и будет подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

25 декабря 1947 г., четверг

Наступило великое время национализации.

Итак, во вторник, 23 декабря, будут национализированы все частнокапиталистические промышленные предприятия и шахты; сразу же вслед за этим будут обобществлены и банки. Напряжение у всех нас, кто знал об этом, было велико. Операция решающая, сложная и тяжелая, связанная с возможными затруднениями в ходе ее проведения и конфликтами. Ликвидировалась как класс основная прослойка буржуазии. Экспроприировались в первую очередь представители крупного промышленно-финансового капитала — губидельниковы, буровы, жакасевы, чапрашниковы и т. д. Позиции иностранного капитала подрывались в корне. Встречаясь в коридорах Совета Министров или Народного собрания с товарищами, знавшими о подготовке, мы заговорщически смотрели им в глаза, многозначительно сжимали кулаки.

В эти дни я наблюдал за Георгием Димитровым. Он был в состоянии какого-то особенного возбуждения. Не позволял занимать его мелкими делами, откладывал все текущие вопросы «на потом». У меня было такое чувство, что он бегает, а не ходит. Мы и раньше замечали подобное состояние — когда он обдумывает что-то новое и многократно взвешивает предстоящее решение; накануне крупных начинаний с важными последствиями он всегда именно такой. А ведь у него держится повышенная температура. И вместо соблюдения постельного режима он целиком отдается работе.

В понедельник, 22 декабря, под руководством Димитрова собралось Политбюро. Был принят окончательный текст проекта закона о национализации, уточнены все вопросы по занятию предприятий. И в Политбюро, и в Совете Министров Димитров дал указания провести работу так, чтобы, во-первых, ни в коем случае не допустить ухудшения положения рабочих и, во-вторых, не допустить снижения производства или ухудшения работы предприятий. В тот же вечер он говорил публично о значении предстоящего акта. Было это так. В воскресенье в Народном театре открылся Учредительный съезд Союза народной молодежи. В понедельник вечером по единодушной и настойчивой просьбе делегатов товарищ Димитров посетил молодежный съезд и выступил с краткой речью. В ней он недвусмысленно заявил,

что предстоит уничтожить «все остатки эксплуататорской капиталистической системы под нашим небом» и что будет «расчищен путь к окончательному освобождению трудящихся от всякой эксплуатации, к ликвидации эксплуатации человека человеком». Эти слова Димитров произнес с такой титанической силой, с таким глубоким и неподдельным волнением, какие возможны только тогда, когда человек видит, что наступает время осуществления его самой заветной цели. Зал разволновался. Георгий Димитров информировал молодежь и общество о предстоящей решительной операции. Этой же ночью, на рассвете, был пущен в ход мастерски организованный механизм, с помощью которого уже 23 декабря в собственность народа перешли частные фабрики и шахты. Когда 24 декабря речь была опубликована, дело было сделано.

Центральный Комитет в те дни был превращен в штаб, державший в руках все нити. Туда стекалась вся информация. К 11 часам дня позвонил Асен Григоров из Центрального Комитета и известил нас:

— Все идет прекрасно! — сказал он своим мягким голосом.— Отовсюду с периферии сообщают, что фабрики заняты рабочими, назначены коменданты, которые будут следить за тем, чтобы, пока не утвердится новое руководство, не было допущено никаких нарушений. Директора отбыли к своим новым местам назначения еще ночью. Ими стали многие рабочие, особенно из числа ударников.

Сведения поступают непрерывно и из Министерства внутренних дел: до сих пор не зарегистрировано случаев сопротивления со стороны капиталистов-собственников, саботажа не наблюдается. Наша буржуазия не решилась на открытое выступление. Может быть, раньше удалили ей зубы, а может быть, она сейчас готовится нанести удар? Однако не могло быть сомнений в большой злобе, которую она затаила против народной власти.

Прошла спокойно передача капиталистических предприятий в Софии. Рабочие начали переименовывать фабрики. Одна телефонистка, отзываясь на звонки, гордо отвечала:

— Фабрика имени Георгия Димитрова, бывшая собственность Бакиша!

Совет Министров собрался на заседание во вторник, 23 декабря. По поручению председателя главный секретарь Спасов предварительно разослал повестку дня, в которую было включено несколько маловажных вопросов, а в качестве первого пункта было записано неопределенно: доклад министра промышленности и ремесел. Ничто не должно было выдать готовившуюся операцию! Заседание было назначено во Вране, но не в 11 ча-

сов, как обычно, а раньше — в десять. Проект закона о национализации частных капиталистических предприятий был роздан членам Совета Министров только накануне самого заседания.

Мы ждали известий в здании Совета Министров и волновались, радостные и возбужденные. Радиоприемник был постоянно включен. К часу пополудни Софийское радио сообщило решение Совета Министров, которым одобрялся законопроект о национализации. Был передан и сам текст законопроекта. Люди ликовали. Сияли их лица! При встрече на улице слышались взаимные поздравления:

— Ну, лиха беда начало!

— Дай бог добрый час!

— Настоящий праздник!

Забежал на несколько минут домой перекусить, а мой тесть, пожилой человек, встретил меня словами:

— Большой замах, скажу тебе! Большой замах! 60 лет уж не помню такого замаха!

Точно такое же чувство было у всех. Этот акт партии и народной власти был чем-то новым, ударившим буржуазию и врагов прямо в сердце. Все другое, что сделали мы до сих пор, какую бы историческую значимость оно ни имело, казалось, только дополняло происшедшее 9 сентября. Сейчас мы делаем новый шаг, который продвигает нас решительно вперед,— берем капитализм прямо за горло. Здесь уже непосредственно пахнет социализмом. Газета «Земеделско знаме» в своем вчерашнем номере назвала национализацию «мирной революцией». Повсюду в стране прошли еще во вторник восторженные многолюдные собрания и митинги. Говорят, что Пловдив давно не видел такого народного торжества. На митинг в этом небольшом городе собралось около 70 тыс. человек.

Заседание Великого народного собрания, назначенное во вторник после обеда на 15 часов, было открыто только в 18 часов в торжественной атмосфере. Председательствующий объявил:

— Поступили следующие проекты законов: от министра промышленности и ремесел — законопроект о национализации частных промышленных и горнорудных предприятий...

По залу будто прошел электрический ток! Все, как один, встали: «Ура!», «Браво!». Бурные овации! Ликование! Радость!

Голосование закона было проведено вчера, в среду, 24 декабря. Проект его был зачитан статья за статьей с обоснованием каждой из них. Пункт первый гласил: «...национализируются и становятся собственностью государства... т. е. общенародной собственностью, все частные предприятия следующих отраслей промышленности (перечисляются почти все отрасли)...» Сразу

же было предоставлено слово профессору Петко Кунину, министру-инициатору, для защиты законопроекта. Низенький, подвижный профессор-министр с большим воодушевлением произнес большую речь, пояснил сущность закона, исторические основания для его принятия, дал напутствия новым руководителям предприятий, обратил большое внимание на необходимость единоначалия и единства действий между хозяйственным, партийным и профсоюзным руководством. Этот закон, сказал он, подготовлен по поручению Георгия Димитрова. Вдохновенно подняв руку, Петко Кунин заявил: «Вчерашнее решение правительства Георгия Димитрова... воспринимается всем народом как давно назревшая историческая необходимость».

Национализированы более 6 тыс. предприятий (среди них мельницы, маслобойни и т. п.), кооперативные и ремесленнические мастерские национализации не подвергаются; лишь 500 предприятий имеют более 50 рабочих — болгарская промышленность в подавляющей своей массе мелкая, со слабой техникой и неразвитой организацией производства. Все это признаки отсталости в прошлом. На пути укрупнения предстоит обеспечить более рациональное использование этих предприятий.

Первым слово в прениях взял Добри Бодуров — один из старейших депутатов, социал-демократ, преданный сторонник Отечественного фронта. Он сказал:

— Представленный законопроект является историческим актом. Я счастлив оттого, что я депутат Народного собрания, которое принимает этот законопроект.

Георгий Божков тоже высказался со всей определенностью:

— Объединенные земледельцы встречают национализацию промышленности с радостью и облегчением.

Атанас Драгиев из «Звена»:

— Учитывая изложенные здесь соображения, от имени моей парламентской группы я заявляю, что мы полностью одобряем закон и будем голосовать за его принятие, глубоко сознавая, что он является одной из самых смелых, крупных, направленных на пользу народа и родины инициатив Отечественного фронта.

Драгиев закончил свое выступление довольно пестрым лозунгом:

— Да здравствует правительство Отечественного фронта во главе со смелым и самым крупным реформатором господином (!) Председателем Совета Министров товарищем (!) Георгием Димитровым!

Христо Юруков заявил, что его парламентская группа восторженно одобряет проект закона, так как он ведет к социализму, к которому радикалы давно (!) стремились!

На каждом из двух заседаний Председатель Совета Министров был неизменно на своем месте. Как только закончилось первое чтение, он встал и предложил, а собрание приняло это предложение, ввиду срочности рассмотреть законопроект сразу во втором чтении.

Между тем на площади перед Народным собранием состоялся многолюдный митинг. Снова говорил Петко Кунин.

Сегодня, 25 декабря, в четверг, Народное собрание приняло другой законопроект — о банках. Докладывал министр финансов Иван Стефанов. Банковское дело объявляется государственной монополией и будет вестись только двумя национальными банками — Болгарским народным банком и Болгарским инвестиционным банком; все существующие акционерные банки (болгарские и иностранные) прекращают свое самостоятельное существование, их активы и пассивы переходят полностью и по праву государственным банкам. Производится перестройка организации и самого банковского дела с целью его рационализации.

— Вместе с этим законопроектом окончательно уходит в небытие банковская система частного капиталистического сектора,— заявил в своем выступлении депутат Спас Маринов (БЗНС).

А сейчас коснемся некоторых других вопросов.

В среду, сразу же после принятия во втором чтении закона о национализации, товарищ Димитров прошел в свой кабинет. Попросил меня пригласить к нему Пеко Такова и принести из секретариата внесенный министром финансов законопроект о пенсиях для крестьян. К нему поступили сигналы, что под видом внесения в закон изменений делаются попытки ограничить право на получение пенсии. Пеко Таков, председатель Общего земледельческого профессионального союза, подтвердил опасения — лишаются пенсий около 100 тыс. человек, и это чрезвычайно плохо отражается на настроении людей. Председатель Совета Министров распорядился немедленно возвратить законопроект в Совет Министров и министерство, поручив дать об этом сообщение в печати. Оно было опубликовано на следующий день.

«По предложению Председателя Совета Министров Георгия Димитрова законопроект об изменениях и дополнениях к закону о пенсиях для крестьян снят с повестки дня Великого народного собрания».

Когда я докладывал одно письмо от пенсионеров из Никополя, мне оно показалось очень пессимистическим, даже злым — такая мрачная картина была нарисована в нем: пенсионеры изнемогают со своими мизерными пенсиями, обесцененными из-за войны. Но товарищ Димитров по-другому отнесся к письму:

— Да, это не ложь! Тяжелое у них положение! — и направил его министру финансов со своей припиской.

Административный слет врачей закончился 22-го, а 23-го пришла их поздравительная телеграмма. Среди врачей проявлялось недовольство тем, что ни в прошлом году, ни сейчас их не поприветствовали ни Димитров, ни Коларов. Председатель Совета Министров незамедлительно написал врачам прекрасное письмо.

Мы уже получили несколько писем от озабоченных состоянием здоровья Димитрова граждан, которые предлагают свои методы лечения «грудной жабы». Видимо, снова распространился слух о его болезни.

В пятницу, 19 декабря, в своем кабинете в Народном собрании товарищ Димитров встретился с группой членов ЦК РМС во главе с Нинко Стефановым и Живко Живковым с участием Титко Черноколева, отвечающего в Политбюро за работу с молодежью. Были обсуждены отдельные вопросы, связанные с предстоящим съездом, который должен заложить основы единого союза молодежи. Товарищи доложили о своем предложении назвать новый единый союз молодежи Союзом народной молодежи (СНМ). Товарищ Димитров утвердил это название.

— Мы предлагаем,— сказал Нинко Стефанов,— чтобы знамя союза было таким: на красном фоне — трехцветная лента.

— Да,— продолжил мысль Димитров,— это хорошо, но надо подумать, не добавить ли еще один, третий элемент — пятиконечную звезду. Звезда,— продолжал он,— символ будущего, более счастливой человеческой жизни, символ международной солидарности, символ социализма. Таким образом, ваше знамя будет состоять из трех элементов, трех символов: красный цвет — труд и борьба, упорная борьба трудящихся; трехцветная лента — национальное единство; звездочка — символ того, куда мы идем, за что боремся.

— Абсолютно правильно! Принимаем! — отозвались товарищи. Но Нинко Стефанов продолжил:

— Мы предлагаем также поместить на знамени ваш профиль.

Димитров решительно отверг это предложение.

— Вы,— сказал он,— этим самым развращаете вождей, руководителей! Этого нельзя допускать!

— В данном случае такой опасности нет! — ответил Титко Черноколев.

— Нет, но в принципе это так! — заявил товарищ Димитров.

Он с такой же неохотой выслушал идею поместить его барельеф на значке.

22 декабря Димитров посетил Учредительный съезд Союза народной молодежи и произнес там замечательную речь. Молодежь встретила его с неописуемым энтузиазмом. Оратор указал прежде всего факторы, делающие необходимым объединение болгарской народной молодежи в единую организацию. После этого он перешел к некоторым актуальным проблемам международного положения и обстоятельно остановился на том, существует ли опасность новой мировой войны.

— Силы демократии и мира на земном шаре,— заявил Димитров,— несравненно больше, чем силы империалистической реакции и поджигателей новой войны... Панические слухи о войне — это шантаж, при помощи которого американские империалисты и другие реакционные силы стараются запугать народы, нарушить их мирный творческий труд.

Говоря о роли масс в предотвращении войны, он подчеркнул:

— Народы хотят мира... Они сыты по горло недавно закончившейся мировой войной, чтобы помышлять о новой войне, гораздо более ужасной и разрушительной, чем была последняя. Все народы против войны [1].

Вместе с тем Димитров указал, что наш народ готов в любой момент всеми средствами раздавить всякую местную провокацию, всякое возможное нашествие.

Он говорил, что наша сила растет, что она увеличивается и за счет братских договоров о дружбе, которые мы заключили и заключим в ближайшее время. Но гарантией полного успеха в борьбе за мир является только самоотверженный труд народа [2].

23 декабря вечером вновь избранный ЦК СНМ дал ужин в Военном клубе в честь представителей зарубежной молодежи. Как будто нарочно в этот вечер несколько раз подолгу выключали электричество. Димитров пришел позже. Молодежь его ждала. Встретили его восторженно. Там был и Васил Коларов. Не было никаких других тостов, кроме тоста, поднятого Председателем Совета Министров за соревнование между Болгарией и Югославией.

— Мы пьем за наше соревнование. Мы будем бороться и соревноваться по всем направлениям. Вы,— сказал он, обращаясь к представителям Омладины,— опередили нас и в принятии конституции, и в строительстве народной республики, и в вопросах национализации. Мы вас перегнали в других областях; однако мы убеждены, что возьмем верх и перегоним вас во многих отношениях. Вот за какое соревнование давайте выпьем.

---

[1] См. *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1939—1949 гг.). С., 1968, с. 487—488.— *Прим. перев.*

[2] См. там же, с. 488, 489.— *Прим. перев.*

Димитров беседовал с представительницей Индии, интересовался положением там, задавал вопросы о партии.

Потом он начал делиться воспоминаниями. Присутствующие слушали их с живым интересом. Лалю Ганчев предложил товарищу Димитрову написать воспоминания.

— Мы с Василом,— сказал товарищ Димитров,— никогда не сможем взяться писать воспоминания. Однако можно сделать и так. Когда-нибудь мы сядем и начнем рассказывать, а вы посадите возле нас одного-двух стенографистов, чтобы записывали. Так будет надежнее.

Вновь зашла речь о том, как он читал роман Чернышевского «Что делать?».

— Целых шесть месяцев я был под впечатлением этого романа и его героев. Мне во всем хотелось подражать Рахметову, стать стойким и выносливым, как он. И должен вам сказать, что только благодаря этому я смог перенести те большие трудности, которые вставали на моем пути. Все было прекрасно, но, когда я дошел до гвоздей, на которых спал Рахметов, пришлось отступить, у меня не хватило духа, и я сказал себе: я и без гвоздей буду тверд, нет смысла проводить этот опыт,— и он заразительно засмеялся.

А вот случай, который произошел у Г. Димитрова с народным поэтом Иваном Вазовым.

Будучи молодым наборщиком, Димитров единственный из всех печатников понимал почерк Вазова, и поэтому ему всегда поручали набирать его произведения. Но народный поэт часто возвращал свои стихотворения исправленными многократно и всякий раз требовалось набирать заново. Это создавало трудности в работе, выход газеты задерживался. Все другие рабочие расходились по домам, оставался только Димитров. Однажды Вазов, несколько раз поправив одно из своих стихотворений, зашел посмотреть, как идут дела. Молодой Георгий говорит ему: «Господин Вазов, что вы делаете. У вас столько поправок, что выход газеты всегда задерживается! Все наши печатники давно уже закончили работу, остался один я». Тогда Вазов (Димитров описал его, каким он был,— высокий, стройный, с усами) похлопал его по плечу и сказал: «Георгий, знай, что именно так рождается искусство! Без труда нет искусства!»

— И я,— сказал он, заканчивая свой рассказ,— всегда стремился работать, как Вазов.

В воскресенье, 21 декабря, товарищ Димитров присутствовал на утреннике, посвященном памяти погибшего в борьбе поэта Николы Йонкова Вапцарова.

17 декабря нашему другу, академику Н. С. Державину, ис-

полнилось 70 лет. По этому поводу товарищ Димитров послал ему теплую телеграмму. В ней, в частности, говорилось:

«Желаю Вам долгих лет жизни, здоровья, бодрости и плодотворной деятельности на пользу великой славянской семьи»[1].

30 декабря 1947 г., вторник

Вчера вечером Георгий Димитров посетил съезд БЗНС, который открылся в воскресенье утром в зале кинотеатра им. Цанко Церковского. Уже в субботу стало ясно, что Димитров, возможно, выступит на съезде с приветственной речью. В воскресенье он с живым интересом следил за ходом съезда, а вчера, в понедельник, поручил обратиться с просьбой к Георгию Трайкову дать нам экземпляр полного текста его речи.

Трайков говорил около четырех часов и рассмотрел множество вопросов, но стержнем его выступления была тема идейно-политического наследия Стамболийского и политики союза сегодня. Исходя из демократических принципов Стамболийского, он доказывал их преемственность в принципах и деятельности Отечественного фронта. Политика БЗНС в рамках Отечественного фронта является естественным продолжением политики Стамболийского и деятелей Единого фронта. Именно поэтому усилия враждебных антинародных сил направлены на то, чтобы «отклонить БЗНС от пути Стамболийского, заставить Земледельческий союз изменить этим принципам, написанным кровью самого Стамболийского». Трайков остро разоблачал пораженцев и двуличников в рядах союза и его руководства, «которые одним глазом смотрят на Отечественный фронт, а другим — в лагерь врагов». «БЗНС воспринимает новые программные принципы Отечественного фронта, ставящие целью установление трудового демократического социалистического общества в Болгарии».

Как только упоминалось имя Георгия Димитрова, в зале вспыхивал искренний восторг; призыв к единству со славянскими народами во главе с Советским Союзом постоянно вызывал бурные овации. Наиболее активной была группа делегатов, сидевших на балконе слева. В центре ее были молодые люди во главе с Петром Танчевым[2]. Скандировали точно так, как это делалось и на наших собраниях. Энтузиазм, царивший на съезде, был воистину удивительным и неожиданным, так как было известно, что на съезде присутствуют в большинстве своем пожилые люди.

Мелкая буржуазия решительно продвигалась в сторону но-

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 13, с. 325.— *Прим. перев.*

[2] Петр Танчев — секретарь БЗНС с октября 1974 г.— *Прим. перев.*

вых тенденций развития. Колеблющаяся крестьянская природа уже ориентировалась к социализму, и это ясно было видно на съезде земледельцев.

Товарищ Димитров прибыл к 5 часам 30 минутам. Сопровождаемый Георгием Трайковым и Георгием Божковым, он прошел прямо в ложу, расположенную в последнем ряду балкона.

По залу будто прошел электрический разряд. Все, бурно аплодируя, вскочили на ноги с громогласным «ура!», громкими, восторженными возгласами: «Хотим, чтоб говорил Димитров!» Ложа так расположена в глубине зала, что большинство присутствующих не видело дорогого гостя.

— Димитрова на сцену! Димитрова на сцену! — настойчиво раздавалось со всех сторон. Но он стоял наверху. Сидевшие в президиуме руководители БЗНС кричали громко, глаза их светились от вспыхнувшей радости. Георгий Трайков вышел на сцену и сообщил:

— Товарищ Георгий Димитров хочет, чтоб мы прежде всего закончили свою работу, и после этого он осуществит нашу мечту и наше желание услышать его.

Все одобрительно зашумели, уселись по местам и продолжили свою работу. Зачитали резолюцию, которая была категорической: «Обязать новое руководство хранить непоколебимое единство с БРП(к), крепко стоять на позициях Отечественного фронта». Внесли изменения в Устав, зачитали все поправки, около десятка, и начали голосовать. Вначале кто-то внес предложение все изменения в параграфах Устава проголосовать сразу, но председательствующий сделал им внушение, и тогда начали рассматривать пункт за пунктом. Делегаты голосовали так, что, даже не ожидая обычного: «Кто за?», как только пункт был зачитан, автоматически поднимали руки. Однако оказалось, что в одном из пунктов, в который были внесены существенные изменения, касавшиеся положения Верховного союзного совета, допущены серьезные ошибки. Несмотря на это, все проголосовали и одобрили его. Тогда встал Георгий Трайков и подчеркнул, что комиссия по Уставу допустила недосмотр. Он предложил отменить только что одобренный текст и внес другое предложение, более правильное. Предложение его без обсуждения было принято. Трайков говорил медленно, обдумывая слова, авторитетно. Он выделялся среди остальных. Имя его становилось все более популярным, при упоминании его люди вставали, часто слышались возгласы: «Трайков! Трайков!» Он, улыбаясь, тоже вставал, немного постояв, садился, за ним садились все остальные. Слава его недавняя, родившаяся в последние месяцы, и поэтому еще сладкая, неперекипевшая и весомая.

По предложению Трайкова избрали новый Совет-правление, и на этом повестка дня была исчерпана. После этого слово было предоставлено Димитрову. Он направился к выходу с балкона. Все, стоя, ожидают его. В зале движение. Кто-то предложил:

— Давайте крикнем «ура!» Давайте-ка встретим его...

И загремело мощное крестьянское «ура!».

Димитров снова появился в зале. Аплодисменты превратились в неистовую овацию, снова разнеслось «ура!».

— Димитров наш! — скандировали сотни людей.

Медленно, приветственно махая рукой, улыбающийся, с блестящими глазами Димитров поднялся на сцену. Он поздоровался за руку с некоторыми из сидящих в президиуме и взошел на трибуну. Рукой дал знак залу утихнуть и наконец начал говорить:

— Братья и сестры!

Мне особенно приятно, что могу приветствовать ваш съезд, так как я считаю, что этот съезд имеет историческое значение не только для объединенных земледельцев Болгарии, но и для всего болгарского народа.

После этих памятных слов он дал характеристику съезда:

— Он глубоко отличается от многих состоявшихся до сих пор съездов Болгарского земледельческого народного союза. Можно сказать, что своими решениями ваш нынешний съезд проводит *глубокую* борозду между прошлым и настоящим. После многих злосчастных шатаний и заблуждений в рядах объединенных земледельцев в известные периоды времени ныне вы ставите все точки над «и», уясняя себе многие основные вопросы нашего общественного развития, политики и тактики самого вашего союза [1].

В голосе его зазвучали металлические нотки, когда он открыто, честно, бескомпромиссно заговорил о самом важном и высказал горькую правду о БЗНС после смерти Стамболийского.

— ...Земледельческий союз... не смог сохранить целостности своей организации. Она разбилась на множество частей и частичек и явилась, как вам известно, для многих и многих политических карьеристов и авантюристов лестницей, с помощью которой они достигли государственных и других постов и внесли разногласие и коррупцию в ряды этой братской нам боевой организации...

...Здоровое ядро народнической идеологии Александра Стамболийского было заглушено буржуазным бурьяном и терновником, от которых вы сейчас окончательно освобождаетесь [2].

---

[1] См. *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 414.— *Прим. перев.*

[2] См. там же, с. 417—418.— *Прим. перев.*

...Я глубоко убежден... что, если бы Стамболийский имел счастье жить в наше время... он был бы первым среди вас... взял бы перо и живым словом, железной метлой вымел бы этот вредный буржуазный бурьян, чтобы ликвидировать все то, что получило нарицательное название «дружбовщины» [1].

Между оратором и залом установилась прямая, живая связь — люди слушали, не сводя глаз, напрягая слух, откликались, бурно одобряли.

Наконец Димитров смягчил тон и заговорил о высоких достоинствах Стамболийского, убежденного демократа-республиканца. Овации и аплодисменты достигли апогея, когда оратор прочувствованным мощным голосом обратился к делегатам:

— Ваш союз похож на дуб, переживший и выстоявший много бурь, но на его теле, на его коре наросло много паразитов, которые сосали его жизненные соки, не давали ему правильно развиваться и едва не довели его до гибели. Очистите окончательно свой дуб от этих паразитов! [2]

Гром и буря аплодисментов, «ура!», возгласы:

— Мы его очистим!

Это длилось буквально несколько минут.

Речь Димитрова вылилась в откровенный и честный разговор о судьбе Земледельческого союза. С редким умением народного трибуна он нашел их больное место, прямо в глаза сказал им то, что они искали, и сформулировал это так образно, что стало ясно каждому.

Участники заседания бурно реагировали, да и сам Димитров расчувствовался. Исчезла напряженность, он начал говорить легко и свободно, говорил о будущем села, о наших усилиях по преодолению различия между городом и селом.

— ...Мы должны сделать и сделаем в будущем нашу небольшую страну цветущим садом для болгарского народа и неприступной крепостью против поползновений иностранных завоевателей! [3]

Он закончил речь, попрощался с президиумом и направился к выходу, на ходу принимая рукопожатия почти от всех, мимо кого проходил. Энтузиазму зала не было границ. «С Димитровым — вперед!», «Димитров наш!» — скандировали со всех сторон.

---

[1] См. *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 418, 419.— *Прим. перев.*

Дружбовщина — склоки, подсиживание, использование партийных организаций в личных, корыстных целях.— *Прим. перев.*

[2] См. там же, с. 421.— *Прим. перев.*

[3] См. там же, с. 420—421.— *Прим. перев.*

Потом был официальный ужин в гостинице «Болгария». К 20.30 гости уже были там. Присутствовали члены Совета-правления, несколько членов Политбюро ЦК, зарубежные гости из Югославии, Румынии, Венгрии. Прибыл и товарищ Димитров. Ужин начался. Велись отрывочные разговоры. Я слышал, как земледельцы говорят:

— Если бы эти вещи бай Георгий сказал нам раньше, мы бы не наделали столько ошибок! — цитировал слова Ради Найденова один из делегатов.

— Он сказал обо всем так, как было нужно,— сказал другой.

Димитров встал и попросил слова:

— Позвольте мне в этой товарищеской среде искренне поделиться с вами некоторыми опасениями, возникшими у меня после столь блестяще проведенного съезда.

И Димитров снова сказал откровенно, прямо в глаза, смело и открыто деятелям БЗНС — пусть у них не закружатся головы от успехов. Им предстоит еще очень большая работа по перевоспитанию своих кадров. «Для них (настоящих земледельцев.— *Н. Г.*) очищается удушливая атмосфера интриг, личных дрязг, коррупции в союзе и открывается перспектива нового, чистого мира, во имя которого человеку имеет смысл работать и жертвовать собой» [1].

Эти слова Димитрова очень понравились земледельцам.

— Бай Георгий знает, как задеть за живое, все обстоит именно так! — сказал один из делегатов.

— Он знает, где раки зимуют, старый конспиратор, и очень хорошо разбирается в этих делах! — сказал другой.

Слово взял Трайков, который говорил о том, что есть новый Земледельческий союз, и что они — «земледельцы нового типа», как сказал Ради Найденов.

Часов в одиннадцать вечера Димитров уехал домой.

С некоторыми из товарищей, членов Политбюро, зашел разговор, где встречать Новый год.

— Дома,— сказал товарищ Димитров. Потом добавил:

— Это будет у нас новая традиция — всем встречать Новый год дома, с детьми, около елок.

В ответ на слова одного из товарищей, что ему хочется уехать из Софии, он сказал:

— А я хочу выспаться. Что мне нужно — так это лечь и выспаться!

Реорганизация, новое правительство, бюджет, национализация, визиты — что только не ложилось на его плечи.

---

[1] *Димитров Г.* Съчинения т. 13, с. 353.— *Прим. перев.*

Получено приглашение нашей партийной делегации принять участие в работе VI съезда Итальянской коммунистической партии, который состоится с 4 по 10 января в Милане. Приглашение подписано генеральным секретарем партии Пальмиро Тольятти. Делегатом нашей партии определен член Политбюро ЦК Владимир Поптомов. Перед его отъездом Георгий Димитров встретился с ним и дал ему напутствия.

Таким образом, у меня появилась возможность глубже вникнуть во взаимоотношения между Георгием Димитровым и Пальмиро Тольятти. Я не видел Тольятти, но непрестанно чувствовал, что Димитрова связывает с ним не только дружба и уважение, но и нечто большее — глубокое взаимное понимание. Хотя и нечасто, но они различными способами поддерживали между собой связь — иногда просто открыткой к Новому году, иногда поздравляли друг друга по какому-либо общественному поводу. Нетрудно было понять, что у этой дружбы глубокие корни и она имеет важное, актуальное значение.

Тольятти — знаменитый Эрколи, один из замечательных деятелей международного коммунистического фронта. Изгнанный фашистским режимом Муссолини со своей родины еще в 1925 г., он с 1927 г. возглавил Центральный Комитет партии. Участвовал в подготовке VII конгресса Коминтерна и его работе; выступил с одним из основных докладов на конгрессе: «О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны»; затем он один из секретарей ИККИ, страстный сторонник новой ориентации Коминтерна, авторитетно провозглашенной на VII конгрессе Георгием Димитровым. Можно сказать, что Георгий Димитров, Дмитрий Мануильский, Морис Торез, Вильгельм Пик и Пальмиро Тольятти — пятерка, олицетворяющая сущность новой ориентации. Эрколи участвовал в гражданской войне в Испании, а позже жил и работал в Москве, где познакомился с Димитровым еще ближе.

Во время беседы с Поптомовым Димитров позвонил и попросил отпечатать письмо. Оно было написано на большом бланке Совета Министров по-русски красным карандашом и адресовано Эрколи (Тольятти).

Вот его текст:

«Дорогой Эрколи!

Наш товарищ Поптомов расскажет тебе о том, что происходит в нашей стране и что мы делаем. Ты, со своей стороны, расскажешь ему подробно о положении в Италии и о работе вашей партии.

Горячий братский привет по случаю Нового года тебе и всем друзьям.

Крепко жму твою руку!
Привет от Розы и от меня твоей супруге.
30.XII.47

Г. Димитров».

Еще до возвращения Поптомова мы живо следили по печати за ходом съезда. Он был важным политическим событием международного значения. На нем присутствовали такие замечательные деятели, как Морис Торез и Гарри Поллит, делегация ВКП(б). В 4—5-часовом пламенном докладе Тольятти призвал к беззаветной борьбе против американского империализма, выступил за широкий народный фронт, который призван обеспечить независимость, демократию и экономическое преуспевание страны. За несколько дней до Нового года было сообщено, что заложены основы Народно-демократического фронта, что коммунистическая и социалистическая партии, Тольятти и Ненни, договорились о единстве действий. Италия стала ареной мощного народного движения во главе с коммунистической партией и другими левыми силами; стачечная волна достигла невиданной силы.

По возвращении Поптомов передал Димитрову сердечные поздравления от Тольятти, подробно информировал Димитрова и Политбюро о поездке и опубликовал в нескольких номерах газеты «Работническо дело» впечатления об Италии и о съезде.

— Когда я выступал с приветствием,— говорил он в своей информации,— вспыхнули бурные овации. А как только я сказал, что приветствую их и от имени товарища Димитрова, все поднялись с мест, аплодировали и кричали: «Да здравствует первый антифашист!»

В разговоре о тактике партии зашла речь о VII конгрессе Коминтерна, Тольятти сказал: «Сейчас настало время полного простора для осуществления идей, выдвинутых в 1935 г.»

Так в эти дни связались воедино имена Георгия Димитрова и Пальмиро Тольятти. Об отношении Тольятти к Димитрову мы можем судить и по другим источникам. В своих воспоминаниях и статьях Тольятти поставил Димитрова чрезвычайно высоко среди «людей, оставивших глубочайший отпечаток в истории последних десятилетий; это была исключительная личность, объединявшая в себе талант марксистского теоретика, смелого борца, опытного политического деятеля и неутомимого организатора». «Мы многому научились у этого великого человека: вере в наши принципы, логичности и точности мысли, упорству сопротивления, устремленности вперед, любви к народу, безграничной преданности делу пролетарской, социалистической революции, непоколебимым защитником которой является сегодня Советский Союз».

Часть вторая

1948 год; Георгий Димитров и социальный перелом; беседа с сентябрятами; Димитров среди членов «Звена»; перед слиянием с социал-демократами; XIV пленум; Владимир Поптомов; в Румынии; Георгий Димитров и принципы отношений между государствами; заявления и критика; подготавливается программа Отечественного фронта

2 января 1948 г., пятница

Вот и наступил Новый, 1948 год!

Димитров встретил Новый год дома, возле большой елки со свечами и подарками для Бойко, были приглашены и некоторые сотрудники охраны. После ужина тов. Димитров высказал некоторые интересные оценки. Ему задали несколько вопросов. Спросили о Франции: не наступило ли там время совершить вооруженное восстание? Он засмеялся и сказал, что эти дела так не делаются.

«Почему только сейчас проводится национализация?»

«Она могла быть проведена еще в прошлом году или сразу же после 9 сентября. Но тогда мы должны были бороться с капиталистами за их фабрики, и они могли стать опорой в борьбе против нас. А сейчас, как видите, все идет тихо, мирно. Милиция осталась безработной. Никаких происшествий, никаких инцидентов... Мы нашли самый подходящий момент и осуществили свои намерения. Но в таком положении кроется известная опасность. Все, кого коснулась национализация... еще могут сделать попытку выступить в какой-либо форме против нас и найти способ выразить свое недовольство. Нужно быть начеку! Нужно проявлять величайшую бдительность!»

О Дамяне Велчеве. «Мы прежде всего изолировали его, а когда он остался один в Военном министерстве, заставили его собственноручно подписать приказ об увольнении двух тысяч офицеров, а после этого сошел со сцены и он. Сейчас эти офицеры клянут его — он их уволил. После этого он перестал быть опас-

ным. Он остался в одиночестве, покинутый своими друзьями и презираемый своими недругами».

Чудесный Новый год! Снег, снег! До вчерашнего дня все было черно, открыто и зябко, сегодня покрыто толстым слоем снега. Пусть весь год будет таким удачным! Какой оптимизм! Все говорят о хорошем урожае, который может спасти положение.

По просьбе организации сентябрят[1] я провел к Димитрову около 40 детишек, которые пришли его поздравить с Новым годом по старому народному обычаю. Он их пригласил прежде всего в свою квартиру к елке. Они поздравили его, но... забыли про Розу Юльевну и Бойко. А Бойко стало обидно, почему его не поздравляют. Ребятишки вскоре подлетели и к нему. Стало еще веселей, сентябрята преподнесли свои маленькие сувениры, плясали хоро. Димитров тоже взялся за руки и начал притоптывать вместе с ними. Пошла танцевать и Роза Юльевна. Председатель Совета Министров испытывал настоящее удовольствие от прихода детей; впрочем, так было всегда, когда они приходили к нему. Принялся плясать хоро, сжав губы, а глаза лучатся, блестят, светятся и смеются. И каждому, кто встретится взглядом с этими глазами, кажется, что улыбаются они именно ему.

Пригласил сентябрят к столу со сладостями, разговорился с ними:

— Как ваши успехи? Есть ли среди вас отличники, очень хорошо, хорошо, средне и слабо успевающие?

Один из сентябрят шустро ответил:

— Среди нас нет троечников и двоечников. Есть только отличники, очень хорошие и хорошие ученики.

— Война с двойками и тройками — это должно быть одним из самых важных ваших лозунгов. Так, как дело обстоит у вас, должно быть повсюду в стране, у всех сентябрят... Наша народная республика требует от вас: учиться на пятерки и шестерки, вести борьбу против троек и двоек[2].

Один из сентябрят задал подготовленный заранее вопрос:

— Товарищ Димитров, просим вас рассказать что-нибудь из вашей жизни, из вашего детства.

— У меня не было таких условий, какие вы сейчас имеете,— медленно и без видимой охоты заговорил Димитров.

— Когда я был таким ребенком, как вы, были совершенно другие условия. Тогда не было народной республики, не было организации «Сентябренок», которая заботится о детях. Ничего

---

[1] Члены детской организации Отечественного фронта «Сентябренок».— *Прим. перев.*

[2] См. *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 430.— *Прим. перев.*

подобного не существовало. Мы, дети, были предоставлены самим себе и жили в тяжелейших условиях... А что делали мы, будучи детьми? Сами засучивали рукава, чтобы учиться. В вашем возрасте, в 12—13 лет, я покинул школу. Как раз тогда, когда мне пошел тринадцатый год и я был во втором классе, отец мой заболел, и я должен был идти работать. Вынужден был начать работать в типографии в надежде, что через несколько лет смогу вернуться в школу. Однако это мне не удалось. Но, хотя я и работал в типографии, я продолжал учиться. В типографии работал по 10—12 часов в день, а вечером, когда усталый возвращался домой, всегда занимался. Читал беспорядочно, без программы, без руководителя: некому было мне посоветовать, что читать. Часто засыпал над книгой. Так работал годами. Разумеется, если бы не этот труд, не было бы и того, что я сейчас знаю [1].

Потом Димитров рассказал им, как читал роман Чернышевского «Что делать?» и как дошел до гвоздей, на которые ложился Рахметов, чтобы закалить свою волю.

Ребята, не сводя с него глаз, слушали зачарованно.

— Если хотите извлечь из этого урок, то он заключается в следующем:

Во-первых. Ежедневно — физкультура, движение, укрепление организма.

Во-вторых. Не валяйтесь по утрам в кровати, как это обыкновенно хочется человеку. Сразу, как только проснешься, нужно вскочить, сделать зарядку и начинать работу.

В-третьих. Не ленитесь. Если появилась лень, немедленно боритесь с ней и преодолейте ее.

В-четвертых. Не увлекайтесь поверхностными, мимолетными и часто вредными удовольствиями. Я курильщик, и притом страстный. Таким я стал в последние годы, но до 1927 года не курил. Сентябрята не должны курить. Это должно стать для них законом. Во всем остальном пусть мне подражают, но в курении — нет. Вы должны выбрать здоровые удовольствия, которые увеличивают ваши физические и моральные силы, а не такие, которые вредят вашему здоровью и могут расслабить вашу волю [2].

Он высказал много ценных мыслей о том, каким должен быть правильный стиль работы и жизни.

— Вот так старался я работать, жить и учиться...— закончил он.— Вы находитесь в очень благоприятных условиях, и они станут еще лучше. Каждый из вас совершит преступление, если не

---

[1] См. *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 432—433.— *Прим. перев.*

[2] См. там же, с. 434.— *Прим. перев.*

использует полностью эти благоприятные условия в своей учебе, для своего всестороннего развития на пользу нашей родине [1].

Вечером первого января во Вране состоялся дружеский ужин только для узкого круга приглашенных. Участвовала большая часть членов Политбюро, но не все — некоторые из них были вне Софии. Прибыли со своими женами и Георгий Трайков, Кимон Георгиев и Георгий Кулишев. (К слову, если мне не изменяет память, руководитель земледельцев впервые был приглашен Димитровым для участия в таком узком семейном празднике.) Димитров был очень оживлен — рассказывал, поднимал тосты.

Из многих стран получено бесчисленное множество новогодних поздравлений. Получена и телеграмма следующего содержания: «Счастливого Нового года! Пусть здравствует наша молодая республика под Вашим мудрым управлением». Подписана она: «Дедушка Петр, ополченец из Горна-Бани». Телеграмму с категорическим заявлением в поддержку Отечественного фронта прислал Петр Попзлатев из Стокгольма. Подобную поздравительную телеграмму с политической декларацией о полной и безусловной поддержке Попзлатев прислал и 20 дней назад в связи с принятием новой конституции. На нее тогда товарищ Димитров обратил большое внимание. «Отсюда,— писал Попзлатев наряду с другим,— полнее всего видно величие этого акта. Воистину Конституция Народной Республики — это результат эпической борьбы...» Димитров написал красным карандашом: «Показать министрам и членам Политбюро.— Г. Д.». Мы размножили телеграмму в достаточном количестве экземпляров и разослали с сопроводительным письмом.

С особым удовлетворением прочел Димитров новогоднее поздравление Елина Пелина. На мелованной бумаге наш выдающийся писатель остроумно написал:

«Уважаемый господин Димитров!

Поздравляю Вас с Новым, 1948 годом и, исполненный самых теплых чувств, желаю Вам бодрости духа, свежести ума, крепости тела и успеха дела.

На многие лета.

Елин Пелин».

Димитров задержал взгляд на письме, усмехнулся и красным карандашом дважды подчеркнул имя автора.

Прочел телеграмму скульптора Андрея Николова и сказал:

— Вот видишь, в свое время он говорил, что согласен идти с нами вместе и работать с нами только при одном условии — раз-

---

[1] См. *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 436.— *Прим. перев.*

решить ему критиковать. Хорошо,— говорю ему,— критикуй! Лично мне посылай все, что считаешь нужным. А до сих пор не прислал ничего...— и засмеялся лукаво.

Заговорили о том, что несколько дней назад Илия Бешков поместил в газете «Отечествен фронт» одну из своих примечательных карикатур о Бай Ганю [1] и конституции.

— Хорошо идут дела, уже все идет хорошо! — сказал Димитров.

Среди новогодних открыток было и письмо Алана Буша — известного дирижера, пианиста, английского коммуниста и активного общественника. «Ваши усилия в борьбе за достижение мира вдохновляют всех, кто трудится во имя улучшения жизни человека на планете»,— заканчивал А. Буш. Димитров сам написал на письме ответ: «Сердечно благодарю за Ваши теплые поздравления и пожелания... Со своей стороны, шлю Вам пожелания здоровья и новых успехов...» Велел нам перевести и послать телеграммой Бушу.

Мне стало ясно, что у Димитрова с Бушем старые связи.

В среду, под Новый год, я передал ему три книги, которые он поручил нам для него разыскать, а именно: «Дневник графа Чиано» [2], «Дипломат поднимает завесу» и «Тайная война против Советской России» американских прогрессивных публицистов Ал. Кана и М. Сейерса. О «Дневнике...» вопрос возник два дня назад, в понедельник. Димитров, проходя в ресторан гостиницы «Болгария» мимо витрины книжного магазина, остановился, спросил, чья это книга, и поручил незамедлительно ее приобрести. «Дневник...» я только бегло просмотрел, поэтому мои впечатления о нем поверхностны, но «Тайную войну против Советской России» знаю очень хорошо. Я сказал ему, что это интересная книга. Мое замечание было для него поводом сказать:

— Да, я знаю, сам велел ее перевести.

А этого-то я не знал.

1948 год стал годом социального перелома. Если конец 1947 г. проведенной национализацией ознаменовал крупный поворот в экономической области, то 1948 год сыграл эту роль в общественной жизни. Страна решительно двигалась к социализму. Наступал новый этап в нашей жизни. Один за другим проходили съезды, пленумы, конференции политических партий, Отечественного фронта, профсоюзов, других организаций; прекра-

---

[1] Бай Ганю — герой одноименного произведения Алеко Константинова (1863—1897).— *Прим. перев.*

[2] Граф Чиано, министр иностранных дел фашистской Италии, зять Муссолини. Он приводил в своем дневнике разоблачительные данные о гитлеровской Германии.

щали свое существование одни партии, коренным образом перестраивались другие, принимались новые программы, ставились крупные задачи.

В работе многих съездов, пленумов, совещаний Димитров принял личное участие, в адрес других направил напутственные телеграммы и письма. Он внимательно и деятельно следил за бурными изменениями в общественной жизни и направлял их.

Организации были разные, но везде просматривалось нечто общее — Димитрова встречали повсюду с воодушевлением, приветствовали горячо, бурно, как народного вождя — и на съездах профсоюзов, и Отечественного фронта, и БЗНС.

Он, руководитель БКП, стал общепризнанным вождем всего общества, всего народа, пользовался огромным авторитетом, уважением и симпатиями не только среди коммунистов и рабочих, но и среди самых широких слоев населения, среди всех партий Отечественного фронта, олицетворявшего выкованное БКП единство и сплоченность нашего народа в его стремлении к социализму. Димитров стал символом общенационального единства. Только тот, кто знаком с историей Болгарии, может оценить подлинный смысл этого факта, этого исключительного завоевания — национального, народного, политического, государственного. Единство во имя общей цели высвобождало колоссальную энергию, бьющую из недр народа, энергию, с помощью которой можно было достичь невиданных результатов.

8 января 1948 г., четверг

3 января, в субботу, Георгий Димитров побывал и на национальной конференции Народного союза «Звено». Он приехал туда под вечер, к концу ее работы. Делегаты еще утром заслушали авторитетный доклад Кимона Георгиева, а затем оргсекретаря Георгия Кулишева. В своем докладе Кимон Георгиев занял ясную позицию: общенациональные интересы и интересы громадного большинства населения делают необходимой эволюцию, направленную на создание новой, более высокой формы социально-экономической жизни в нашей стране. «Социалистический строй, бесспорно, более совершенный строй, и едва ли кто-нибудь может сомневаться в том, что будущее за ним, а не за капиталистическим хозяйством, которое несет на себе печать загнивающей системы». Поэтому — он счел необходимым сказать об этом — нет оснований для какого бы то ни было беспокойства.

Конференция хорошо встретила Димитрова, с бесспорной симпатией, а частью делегатов он был принят восторженно. В своей речи Председатель Совета Министров говорил о месте

«Звена» до сих пор и в будущем и особенно о нашем пути к социализму, о социалистическом грядущем страны. Очень высокую оценку дал он Кимону Георгиеву — «нашему товарищу по борьбе и строительству новой жизни в нашей стране... Его заслуга еще более велика, если принять во внимание противодействие ряда консервативных, закостенелых голов и малодушных элементов в вашей собственной среде»[1]. Закончил Димитров свою речь в обстановке всеобщего одобрения. Очень показательны возгласы, которые слышались в разных концах зала:

— Пусть товарищ (!) Георгий Димитров чаще приходит к членам «Звена» на благо Народной Республики Болгарии!

А Кимон Георгиев, благодаря его за принятие приглашения прийти на конференцию, сказал: «Это выступление не только руководителя БРП(к), но и руководителя всего болгарского народа» (!).

На другой день, в воскресенье, 4 января, состоялся XIV пленум Центрального Комитета партии, в котором приняли участие и члены Центральной контрольной комиссии. Заседание состоялось во Вране с широкой и чрезвычайно важной повесткой дня, главный смысл которой сводился прежде всего к реорганизации партийного руководства с целью обеспечения единого руководящего центра партии и государства в лице ЦК, чего, как считалось, до настоящего времени не удавалось сделать. С целью повышения работоспособности состав Политбюро уменьшили до девяти членов с пятью кандидатами; вместо председателя партии вводилась должность Генерального секретаря ЦК, которым был избран товарищ Димитров. Сформировался Секретариат, а также Оргбюро ЦК в количестве 23 человек. Кроме того, пленум заслушал информацию Васила Коларова о подготовке и проведении Второго съезда Отечественного фронта и о выработке программы его Единой общественно-политической организации; об управах[2] народных советов; о национализации (Петко Кунин) и о государственном бюджете (Иван Стефанов).

Но вместе с этими вопросами, преимущественно организационного характера, на пленуме были обсуждены кардинальные вопросы нашего развития за истекший период. Разгорелась очень оживленная дискуссия, во время которой высказывались противоположные точки зрения. Она прошла в обстановке широкой демократии. Мне кажется, что именно на этом пленуме Димитров раскрылся еще полнее как человек и руководитель, для которого слова о демократии в партии, о терпимости в партии и

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 438—439.— *Прим. перев.*

[2] Так в то время назывались исполкомы народных советов.

обществе, о критике и самокритике не красивые пустые фразы, а глубокая сущность.

В понедельник во время заседания Совета Министров, рассматривавшего проект годового бюджета, было известно, что Добри Терпешев должен уйти в 1 час 30 минут, так как в 2 часа ему нужно было участвовать от имени правительства в торжественной встрече участников бригад, строивших линию Перник — Волуяк. Но... заседание закончилось поздно после обеда, а Д. Терпешев с заседания так и не ушел. Произошла предосадная неурядица. Два-три дня тому назад в печати было сообщено, что линия Перник — Волуяк закончена и что после ее торжественного открытия 5 января у станции Радуй юноши-строители проедут поездом по вновь построенной трассе, прибудут на Софийский вокзал и пройдут по улицам внушительной колонной. Управление железных дорог и Союз народной молодежи готовили триумфальное шествие. Но поезд прибыл в столицу с большим, небывалым до сих пор опозданием — не в 2 часа, не в 3 часа дня, а в полночь. Опоздание произошло из-за того, что во время движения поезда к туннелю № 3 сошли с рельсов несколько вагонов (жертв нет). Назначенное торжество было сорвано. Кроме того, не было подготовлено необходимое жилье, и некоторым ребятам пришлось всю ночь мерзнуть на улице.

Еще когда Совет Министров заседал, крайне разгневанный и обеспокоенный председатель правительства остро поставил вопрос:

— Кто принял решение организовывать это торжество и кто отвечал за то, чтобы железнодорожная линия действительно была закончена?

На другой день, уже зная о том, что случилось ночью, Димитров незамедлительно написал следующую записку в Политбюро:

«...Эта, так небрежно и необдуманно организованная молодежная, акция из рода тех, что могут скомпрометировать прекрасное дело молодых строителей в глазах общества и нанести урон чувству собственного достоинства молодежи.

В целях недопущения подобных крайне нежелательных случаев впредь *Политбюро делает строгое замечание руководству движением молодежных строительных бригад и предлагает ответственному за молодежное движение при Центральном Комитете товарищу Титко Черноколеву вместе с председателем Союза народной молодежи товарищем Живко Живковым срочно, в кратчайший срок, не более 5 дней, расследовать причины допущенного провала, установить его непосредственных виновников и доложить Политбюро о ре-*

зультатах расследования вместе с предложением о соответствующих санкциях».

Записка его была разослана всем членам Политбюро.

Наш долг, прежде чем нас захлестнут текущие события, вернуться еще раз к XIV пленуму Центрального Комитета.

Главная положительная особенность XIV пленума — это дух, в котором он прошел. В его заседаниях проявилась широкая, я бы сказал, подлинно ленинская демократичность. Открывая пленум и приступая к первому пункту повестки дня (реорганизация партийного руководства), Димитров обратился ко всем участникам пленума со следующими словами:

«Для того чтобы мы могли правильно решить вопрос и не было необходимости спустя месяц-два вновь возвращаться к нему, я прошу членов Центрального Комитета высказаться по этим предложениям совершенно спокойно, искренне и, я бы добавил, решительно. Мы здесь в своем кругу, в своем собственном доме, и давайте говорить здесь без каких-либо скрытых соображений. Пусть каждый выскажет свое мнение по персональным вопросам, касающимся партийного руководства. Мы выслушаем предложения, какими бы они ни были, и в конце концов решим так, как будет наиболее разумно в нашей партийной обстановке с учетом имеющихся возможностей».

В своем заключительном слове Георгий Димитров развил другую мысль, которая приобретала особое значение:

«Наши руководящие кадры после 9 сентября должны были комплектоваться из нескольких различных категорий наших товарищей... Всех их надо было сплотить, наладить их совместную работу, с тем чтобы создать монолитное партийное руководство, без которого партия не могла бы добиться никаких успехов. Эта задача была не из легких. Нужно было приложить громадные усилия и труд по созданию взаимного доверия, взаимного признания и взаимного уважения, чтобы добиться того, что мы имеем,— создания сплоченного, монолитного руководства».

На этой оценке следует остановиться особо. Сказанное характеризует обстановку в нашем Центральном Комитете в начале 1948 г. (в конце этого года обстановка изменится таким образом, что для ее лучшего понимания необходимо будет вернуться к оценке, данной в начале года). Цитируемые слова сказаны в конце заседания, на котором велись серьезные споры по главным вопросам нашей политики, высказывались различные мнения и сталкивались противоречивые оценки.

Главная дискуссия развернулась по третьему пункту повестки дня — докладу Васила Коларова о проекте программы Отечест-

венного фронта. Прежде всего обсуждался вопрос о характере революции 9 сентября: была ли она пролетарской, народно-демократической или буржуазной? Шел поиск верной оценки нашего пути от 9 сентября до настоящего времени, разговор о нашей политике и тактике, о темпах движения, о работе партийного руководства.

Эти вопросы затрагивались в той или иной степени еще на XIII пленуме, когда Георгий Димитров и Васил Коларов отсутствовали, а Трайчо Костов не принял участия в обсуждении, и, таким образом, Вылко Червенков провозгласил свою личную точку зрения. На XIV пленуме в развернувшейся живой дискуссии активное участие приняли многие товарищи. Очень активным был Георгий Димитров, аргументированно выступал Васил Коларов. Димитров бросал реплики, уточнял и выяснял позиции выступавших, однако это его вмешательство не только не останавливало, а, напротив, всячески поощряло каждого свободно, без боязни высказать свое мнение. Люди чувствовали у Димитрова широту, терпимость и теплоту; он выслушивал, выжидал, уважал собеседника, создавал условия для критики. Эта дискуссия была рассуждением, размышлением вслух всего боевого и умного коллектива, называемого Центральным Комитетом партии.

Вот как сформировались отдельные точки зрения. Кое-кто из руководящих деятелей высказал крайние взгляды, которые вели к полной переоценке политики и тактики в период после 9 сентября: «9 сентября... власть из рук буржуазии перешла в руки пролетариата», «Поскольку мы не дали ясной оценки, мы задержали наше развитие. Наша национализация могла быть проведена еще год тому назад», «В свете этого нужно переоценить наши действия. Темпы нашего движения вперед замедленны»; другие считали, что 9 сентября нужно определить как «народно-демократическую революцию»; третьи: «9 сентября рабочий класс взял власть не самостоятельно, а с частью буржуазии, мы были вынуждены долгое время идти вместе с нею»; в таком же духе: «Рабочий класс взял власть не только вместе с крестьянством, а со всеми другими демократическими и прогрессивными элементами... Мы не опоздали с национализацией; это может привести... к ревизии всей нашей политики с 9 сентября до сих пор», «9 сентября произошли глубокие политические изменения... нам нужно было завоевывать позиции в народном хозяйстве, и мы едва сейчас добились руководящей роли нашей партии. Наши союзники не признавали этой руководящей роли. Сейчас они признают ее», «Раз утверждается, что не было пролетарской революции, тогда выходит, что мы имеем дело с буржуазно-де-

мократической революцией, что в корне неверно», «Мы не совершали социалистической революции» и др.

В заключительном слове Димитров обстоятельно изложил свою позицию:

«Взяв власть путем вооруженного восстания Девятого сентября, мы должны были временно делить эту власть с частью буржуазии повсюду: в государственном аппарате, в общественной жизни и т. д. Наши руки в известном отношении были связаны».

Далее Димитров подчеркнул, что мы были вынуждены считаться и с международной обстановкой, и с задачей всеми силами содействовать победе. «Нужно было избежать всего, что могло помешать единству сил, которые вели войну против Германии. Это было законом для нас, для всех коммунистов в мире». Какую бы другую характеристику мы ни дали восстанию Девятого сентября, «оно необходимо, объективно, вопреки нашей воле, остается народным восстанием с революционными последствиями, раскрывающими путь к революционным преобразованиям в государственном аппарате и во всех областях политической, хозяйственной и культурной жизни нашей страны».

После этого оратор остановился на позиции Вылко Червенкова. Поводом для этого послужило выступление последнего на XIII пленуме о развитии нашей страны и о политике партии, в том числе его слова о нашем отношении к союзникам, в которых, как подчеркнул Димитров, «нет ни грана марксизма». «Мы должны на различных этапах применять различную тактику по отношению к нашим союзникам. На первом этапе нам нужно было сказать, что задачи, стоящие перед нашим народом, не могут быть решены одной партией, сколь сильной бы она ни была, что необходимо сотрудничество всех партий Отечественного фронта. Было ли это тогда верным? Да, было!.. Благодаря этой нашей правильной политике мы достигли тех успехов, которые имеем сейчас». А вот другая формулировка: «Мы,— говорил (В. Червенков.— *Н. Г.*),— неправильно оценили характер восстания Девятого сентября, поэтому опоздали и понесли потери». «Верно ли это? Если вы правильно оценили мое первое и второе письма в Центральный Комитет о том, что народное восстание Девятого сентября имеет глубоко революционный характер и открывает путь революционным преобразованиям, могло ли это, как оценка этого восстания, сдерживать наши дальнейшие мероприятия? Разумеется, не могло...»

После этого Димитров снова затронул вопрос об отношении к нашим союзникам: «Партия, не способная совершать маневры,— потерянная партия», «Некоторые из этих маневров, воз-

можно, шли несколько дальше, в некоторых случаях уступки могли бы быть и меньшими... Верно, что мы могли недооценить наши силы и, возможно, допустили ошибки. Эти ошибки мы должны подвергнуть критическому разбору, извлечь из них уроки на будущее. Но наши уступки были не ошибкой, а необходимостью, они нам помогли добиться такого положения, что руководство «Звена» признало нашу партию руководителем, признало своим руководителем и Димитрова... оно благословило национализацию, хотя национализация била непосредственно и по их интересам».

Далее Димитров опроверг утверждение некоторых товарищей, что мы допустили ошибку, предоставив во время выборов широкую свободу оппозиции, и что, если бы прибегли к более твердым мерам, могли бы ограничить число оппозиционных депутатов, что мы допустили возможность для оппозиции устраивать хулиганские выходки в Народном собрании. «Давайте будем более опытными политиками. Это должен был почувствовать сам народ... Наш народ должен был понять, что есть депутаты, которые торгуют его интересами. И когда мы выбросили их из Народного собрания, никто не поднял руку в их защиту, никто не сказал ни слова. Петков провалился окончательно и перед зарубежным миром, и перед народом. Было ли это ошибкой? Мне тоже было неприятно слушать его каждый день, но я набрался терпения и знал, до каких пор это будет продолжаться. Именно мы подготовили этот удар. Ошибка ли все это? Если мы серьезно, как марксисты, желающие таковыми быть, будем действовать сообразно реальной действительности, а не в угоду тому, что мы хотим принять за эту действительность, мы должны будем прийти к единственному заключению, что наша нетороплиость не была ошибкой. Слабости и недостатки мы, как партия и партийное руководство, не можем не иметь. Однако наша партия, как руководящая сила Отечественного фронта и всего нашего народа, в основном успешно выполнила свою задачу и открыла исключительно благоприятные возможности для строительства социалистического общества в Болгарии при поддержке и земледельцев, и членов «Звена», и социал-демократов, и экзарха как главы церкви. А для народа и внешнего мира это имеет огромное политическое значение».

Димитров подчеркнул, что мы и впредь будем бдительными, будем укреплять армию и органы государственной безопасности. В заключение он сказал: «То, что произошло Девятого сентября, и по характеру и по последствиям некоторые из наших товарищей не хотят видеть...» Они не видят главного и основного, а берутся спорить и спорят, как сказал оратор, о мухе. Затем он со-

общил, что предстоит «создать партийный документ, который должен быть принят на съезде или пленуме», в этом документе будут освещены все неясные вопросы, с помощью этого документа «партии станут ясными и наши достижения, и наши ошибки, из которых мы будем делать и наши выводы».

Таким образом, Георгий Димитров изложил свою точку зрения на политику и тактику партии в последние годы. Как видим, Димитров крайне далек от методов административного нажима и давления, к которым, как это было ясно видно, клонил подход Вылко Червенкова. Линия Димитрова — линия нового времени, линия VII конгресса Коминтерна. Это — честное отношение к нашим союзникам и когда мы ведем борьбу за широкий народный фронт, и когда его создаем, и когда власть оказалась сосредоточенной прежде всего в наших руках. Мы бы отреклись от самих себя, если бы не стояли именно за такое честное отношение к нашим союзникам; мы бы могли скомпрометировать себя перед всем миром, опорочить коммунизм, отрезать путь к сплочению масс вокруг партии в будущем. Но вместе с тем это все предполагало новаторскую политическую работу среди союзников. Они имели возможность изжить некоторые из своих иллюзий, неправильных взглядов, консервативных понятий и мало-помалу, учась у жизни в ходе самого общественного развития, проверяя на собственном опыте правильность наших позиций, проходить вместе, рука об руку, этапы политической борьбы. С другой стороны, когда утверждалась народная власть, неизбежным становилось расслоение, в процессе которого чуждые буржуазные элементы отпадали, а вокруг партии консолидировались исключительно ценные силы Отечественного фронта. В состав этих сил входили как отдельные видные личности, так и влиятельные массовые организации. И в том, что социализм стал у нас в стране всенародным делом, заслуга именно этой политики партии.

Выступление, на котором мы остановили свое внимание, характеризует Димитрова как крупного теоретика и политика, который умеет маневрировать, правильно направлять удар, сплачивать и объединять, смотреть далеко вперед.

В Отчетном докладе Центрального Комитета V съезду партии был сделан обзор исторического пути партии и даны оценки современному положению; Димитров уточнил некоторые свои позиции, сделал более верными ряд своих формулировок, обогатил их идейно.

«Георгий Димитров был настоящим коммунистом-ленинцем,— напишет позже Т. Черноколев.— Он был образцом руководителя, строго соблюдавшего ленинские методы коллективного руководства. Он создал прекрасную атмосферу в Полит-

бюро и Центральном Комитете партии. На меня неизменно производило впечатление, что на заседаниях Политбюро он всегда внимательно выслушивал всех товарищей. Более того. При рассмотрении почти всех значительных вопросов он спрашивал мнение каждого в отдельности товарища и гарантировал полную возможность каждому свободно высказаться. Особенно внимательно он выслушивал тех, кто возражал, кто высказывал свое несогласие по данному вопросу...» [1]

Тот же дух царил и во время заседаний Совета Министров: остро чувствовалась ответственность, пронизывающая каждого; каждый ощущал доверие, широкую возможность излагать и защищать свою точку зрения. Мне много раз и самому доводилось наблюдать эту обстановку, не раз я слышал отзывы министров. Крыстю Добрев, министр торговли, например, очень сильно прочувствовал эту атмосферу.

— Что делает товарищ Димитров?— Крыстю Добрев до недавнего времени был секретарем областного комитета партии, человек с размахом общественника, красноречивый, поэтому и разговор с собеседником начинает с вопроса.— Он говорит: «Вы — министры, вы должны уметь брать на себя ответственность, решать! Зачем тащите сюда, в Совет Министров, всякие мелкие вопросы? Решайте их сами! Конечно, вы должны их хорошо обсудить, посоветоваться и смело брать ответственность на себя».

— Знаешь,— продолжал спустя много лет эту же мысль Крыстю Добрев,— мы действительно брали ответственность на себя! Была дисциплина, не было страха перед ответственностью. Отвечали за каждую ошибку и недостатки. Димитров давал нахлобучку, но не раздавливал, он с помощью критики создавал подъем. Я не боялся ничего. Знал, что, если в чем-то ошибусь, меня поправят. Вызовут, надерут по-братски уши... Таким образом, человек мог развернуться, показать свою полную силу.

И в заключение наших заметок о XIV пленуме можно сказать следующее: с течением времени станет понятно, что начинала формироваться другая линия в нашем партийном руководстве, характеризовавшаяся прежде всего догматизмом и доктринерством. Постепенно она сформируется и станет выразителем особых позиций не только в оценке периода после Девятого сентября, но и по отношению к Отечественному фронту и нашим союзникам (в первую очередь к БЗНС), к судьбе Трайчо Костова, в отношениях к кадрам, к характеру и путям нашего развития

[1] Спомени за Георги Димитров, т. 2. 1934—1949, с. 525.— *Прим. перев.*

и т. д. К сожалению, эта другая линия спустя год с небольшим возьмет верх в партийном руководстве вплоть до весны 1956 г. Историческая заслуга Апрельского пленума 1956 г. ЦК в том, что он отверг эту линию.

И при уменьшении на XIV пленуме числа членов Политбюро в его составе остался Владимир Поптомов. Георгий Димитров ценил и любил Поптомова. Его роль в ближайшие месяцы возрастет еще больше.

Бай Владо, как мы, молодежь, любили называть его,— человек, не создающий вокруг себя шума, без внешнего блеска, без эффектных речей; на первый взгляд казалось — обыкновенный человек. Но за этой кажущейся обыденностью скрывался деятель с легендарной биографией, выдающаяся политическая фигура, человек, кровно связанный с народом, с безупречным чувством интернационализма и ярко выраженного патриотизма. Он — великолепное олицетворение ленинско-димитровского единства интернационализма и патриотизма.

Владимир Поптомов — верная опора, когда создается сложный узел противоречий. Ему чужд какой бы то ни был национализм, но он враг и нигилизма в национальном вопросе, а точнее, в болгарском национальном вопросе. Поптомов — страстный приверженец Советского Союза и неразрывной дружбы с советским народом. Он люто ненавидит антисоветский национализм и считает его тягчайшим преступлением против революции и прогресса. Он — воплощение любви к Болгарии и БКП, болеет за свой родной Пиринский край, он неотделим от болгарского отечества. Его благородство, доброта, исключительная принципиальность, трезвость и реализм мысли, страстность при защите своих убеждений — все это отводит ему, бесспорно, видное место в нашей политической жизни.

10 января 1948 г., суббота

Вчера перед обедом в одном из залов Народного собрания состоялось очень важное заседание Национального комитета Отечественного фронта совместно с руководящими органами входящих в него партий, массовых организаций и бюро парламентских групп. Был рассмотрен проект второй программы Отечественного фронта.

К 11 часам 10 минутам прибыл товарищ Димитров. Заседание уже началось. Текст проекта предварительно не раздавался. Даже назначенная для этой цели комиссия из-за организационной неповоротливости не рассматривала его в полном объеме.

Это сделало необходимым чтение проекта программы, а он был достаточно длинным — 20 машинописных страниц. Как бы там ни было, проект был оглашен. Программа воистину была документом эпохи, богатым мыслями и блестящим по изложению, хорошо продуманным, написанным с огромным размахом, содержавшим широкую панораму будущего Болгарии. И самое важное — все были убеждены, что предначертания будут выполнены. До сих пор Болгария не имела такой программы.

Началось обсуждение. Первым выступил Георгий Кулишев — полная поддержка, ни слова возражения, сделал только несколько дополнений; за ним встал Тодор Павлов — внес предложение, чтобы программа соответствовала тексту конституции о защите трудовой собственности и была дана языковедам на просмотр с точки зрения стиля и языка (Димитров бросил реплику: «Перед съездом дадим ее Академии наук, чтобы вы поработали над нею»); Пенчо Костурков — с восторгом принимает ее целиком, внес лишь некоторые дополнения; Здравко Митовский — принимает и вносит дополнение: предусмотреть специальный пункт относительно заботы о детских садах и яслях. Димитров внимательно слушал выступления и время от времени кивал головой в знак одобрения. В заключение выступил сам и закончил:

— У нас уже нет времени для раскачки. Предсъездовские собрания начались, и мы с проектом программы запаздываем. Она уже должна была быть сейчас в руках работников Отечественного фронта в городах и селах, и на ее основе нужно было вести всю предсъездовскую подготовку. Необходимо немедленно приступить к такой работе.

Димитров предложил, и собрание согласилось избрать комиссию из числа представителей всех партий и организаций, входящих в Отечественный фронт, которая окончательно отредактирует проект программы, с тем чтобы уже сегодня вечером прочесть ее по радио и незамедлительно опубликовать. Программу нужно вынести на всенародное обсуждение. Так и было сделано. Комиссия работала напряженно весь день, и в 10 часов вечера Пеко Таков, член Президиума Великого народного собрания, от имени Национального комитета ОФ с волнением прочел программу своим выразительным басом. Люди слушали с повышенным интересом, программа внесла ясность в их души.

Как только закончилось утреннее заседание Отечественного фронта, Председатель Совета Министров перешел в свой кабинет в Народном собрании. Туда зашли профессор Иван Стефанов, пригласили и Трайчо Костова. Втроем они начали смотреть доклад по проекту государственного бюджета, с которым должен был выступить министр финансов на послеобеденном засе-

дании парламента. Читал Иван Стефанов. Его останавливали, выясняли отдельные места, вносили поправки — и так до 2 часов. Весьма утомительное занятие.

Направляясь к выходу, Димитров, поняв, видимо, по моему взгляду, что вертится у меня на языке, отрезал сразу от двери:

— Для доклада сейчас нет времени. Если можно, после обеда!

Но после обеда было не легче.

Уже с самого начала заседания Великого народного собрания (оно началось в 16.20) он был в зале. Как только председательствующий Райко Дамянов объявил, что повестка дня состоит из двух пунктов: а) проекта закона о бюджете на 1948 г. и б) отставки депутатов, Председатель Совета Министров взял слово и сделал важное заявление по третьему пункту проекта бюджета. В этом пункте шла речь о том, чтобы сметы расходов зарплаты работников министерств и их подразделений одобрялись только Председателем Совета Министров по докладу министра финансов.

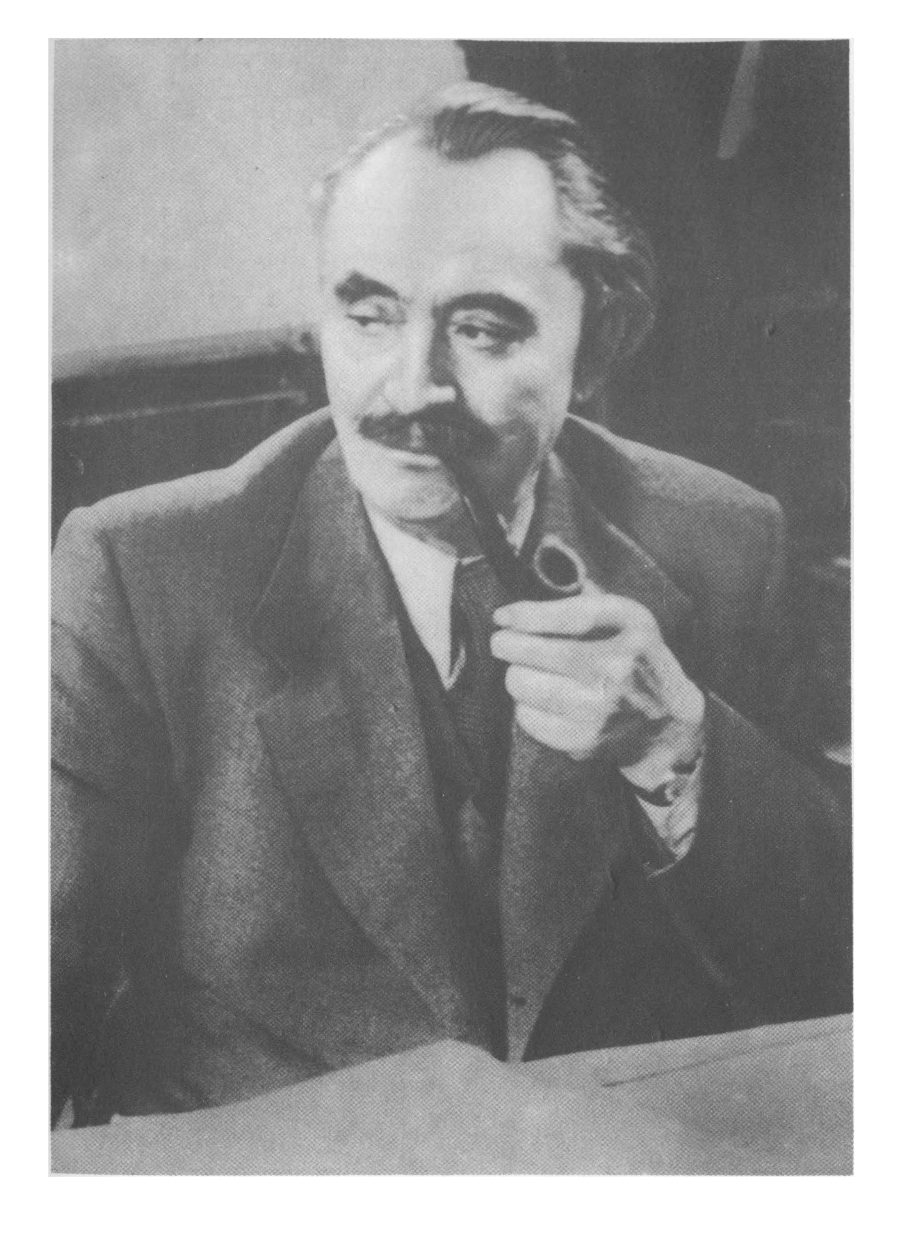
— Этот пункт,— сказал Димитров,— неправильный и антиконституционный. При разработке проекта бюджета этот вопрос не был рассмотрен с необходимой серьезностью. Великое народное собрание не может предоставить даже председателю правительства право определять по докладу министра финансов и утверждать расходы на содержание аппарата министерств и их подразделений. Это право Народного собрания и его бюджетной комиссии.

И добавил:

— Мы только что приняли нашу народную конституцию. И мы не можем при принятии нашего первого же бюджета после голосования этой чудесной конституции сами позволить такое, хотя и небольшое, нарушение ее.

Димитров вновь внимательно выслушал весь доклад, который читался более трех часов. Министр финансов Стефанов выступил хорошо. Он сделал подробный обзор международного хозяйственного положения, проницательно проанализировал финансово-экономическое положение страны. И как всегда, все глубоко аргументированно, культурно и точно. Министр обратил внимание на тот факт, что впервые за много лет бюджет государства внесен на обсуждение Народного собрания еще в самом начале января; полностью обеспечивается финансирование второго года нашего двухлетнего плана; подготавливается новое огромное строительство; в 1948 г. мы должны усовершенствовать хозяйственное планирование, использовать все резервы народного хозяйства.

Сразу же после выступления перешли ко второму пункту по-

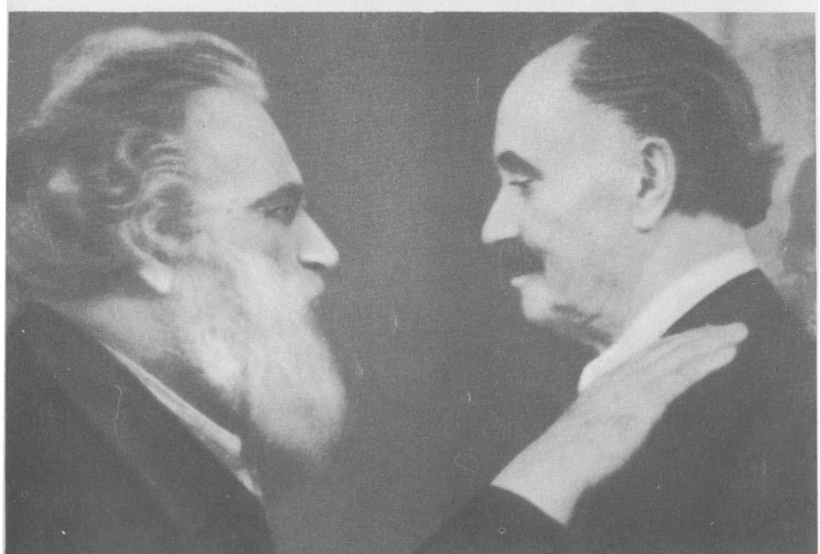

Георгий Димитров

В. Коларов, Г. Димитров и Тр. Костов в Великом народном собрании в день принятия новой Конституции НРБ. *4 декабря 1947 г.*

Георгий Димитров голосует за принятие Конституции НРБ. *4 декабря 1947 г.*

Трудящиеся Румынии приветствуют болгарскую правительственную делегацию во главе с Георгием Димитровым. *Бухарест, январь 1948 г.*

Георгий Димитров беседует с болгарским скульптором Андреем Николовым. *София, 1948 г.*

Митинг трудящихся Софии
по случаю II съезда
Отечественного фронта.
3 февраля 1948 г.

Георгий Димитров выступает
на II съезде Общего рабочего
профессионального союза.
София, 2 марта 1948 г.

вестки дня. Он имел, скорее, процедурный характер, но по нему совсем неожиданно возник серьезный разговор об отношении к парламенту в нашей стране.

Вот как это произошло. Трое депутатов по разным причинам (главным образом из-за предстоящего длительного отъезда за пределы страны) подали в отставку. На основе их заявлений Народному собранию нужно было освобождать их от обязанностей депутатов и объявить депутатами кандидатов в дополнительных списках на выборах. Началась обычная процедура: председательствующий приглашал тех, кто согласен принять отставку того или иного и заменить его тем или другим, поднять руку. Но Председатель Совета Министров бросил реплику:

— Вам нужно сообщить и мотивы, по которым подают в отставку эти депутаты. Сказать, почему они подали в отставку.

Между депутатами завязался короткий спор о том, какой должна быть процедура,— нужно ли голосовать или нет, как должно идти то или иное голосование. По окончании голосования Председатель Совета Министров встал и заявил:

— Мне не хотелось бы, чтобы у кого-нибудь осталось сомнение, правильно или нет проходила процедура принятия отставок.

И разъяснил, что предусматривает наша конституция и устав Народного собрания, что правильно и что неправильно в таких случаях.

«Это была,— как выразился после его выступления один депутат,— целая лекция по конституционному праву».

В конце выступления Димитров снова коснулся вопроса о мотивах отставки и высказал замечание подавшим в отставку депутатам, что они не имеют права и не могут подавать в отставку, не мотивируя ее перед Народным собранием.

— Народное собрание,— сказал Димитров,— должно знать, почему депутаты отказываются от высказанного им народом доверия. В будущем подобное не должно повторяться.

Димитров выступал за то, чтобы Народное собрание было полноправным органом, и старался, чтобы его работа была избавлена от какого бы то ни было формализма.

Заседание закончилось вечером в половине девятого. Товарищ Димитров присутствовал на нем до конца. Каким напряженным был его рабочий день!

Сегодня, в субботу, с раннего утра, собралась бюджетная комиссия для того, чтобы закончить то, что не было сделано предварительно,— рассмотреть расходы на содержание аппарата министерств. Вечером товарищ Димитров поручил сообщить ему, когда соберется комиссия, так как хотел присутствовать на ее заседании, однако не сумел.

После обеда он приехал в свой кабинет в Народном собрании. Слушал по репродуктору, что происходит в зале,— шло обсуждение проекта бюджета — и одновременно занимался текущими делами. Прежде всего он принял Степана Кирсанова. В нем нераздельно сочетались скромность, благородство и культура. Советский посланник информировал Председателя Совета Министров Болгарии о том, что, по данным Советского правительства, американцы и англичане начали в Средиземном море вызывающую беспокойство возню, имея, вероятно, в виду направить удары своего военного флота и морской пехоты на Грецию (что означает удар по греческим повстанческим войскам); естественно, нельзя исключать также опасности и для Болгарии, Югославии и Албании. Эта новость не была неожиданностью для председателя правительства. Через западные агентства в последние дни до нас доходили вести о военной активизации империалистов в Средиземноморье. После информации Кирсанова озабоченность Димитрова усилилась: он тревожился как за судьбу братского греческого народа, так и из-за возможной опасности для наших границ.

Председатель правительства продолжал свою работу в кабинете до половины седьмого — одна за другой состоялись его беседы с министром внутренних дел, с председателем Государственной плановой комиссии, с министром народной обороны и с председателем ОРПС, председателем Бюро Народного собрания. Обсуждались различные проблемы, но прежде всего в повестку дня был поставлен вопрос о повышении нашей бдительности, о необходимости принятия мер предосторожности на наших южных границах. От генерала Дамянова Димитров самым настоятельным образом потребовал, чтобы наши вооруженные силы были начеку.

Неожиданно после 18 часов из репродуктора прозвучало выступление оппозиционера-лулчевиста Копринкова. Он нагло заявил, что проект бюджета якобы ведет страну к пропасти, что они отказываются его одобрять и не будут голосовать за него. Месяцами лулчевисты таятся, как мыши в норе; когда присутствуют, когда нет; безмолвно поднимают руку за все начинания правительства, а сейчас — такой резкий поворот! Связь с возней империалистических сил, о которой трубили западные радиостанции, была такой очевидной, что яснее едва ли могло быть. Их снова осенила старая крохотная надежда на военную интервенцию в Болгарию! После разгрома петковцев лулчевистская группка, хотя это было внешне и незаметно, сохраняла свою контрреволюционную сущность. Димитров был не из тех, кто мог спокойно выслушать подобную мерзость.

Перед этим выступлением Енчо Стайков, первым попросивший слова, говорил о том, что 1947 год, первый год выполнения нашего двухлетнего хозяйственного плана, явился для нас хорошей школой. Эта школа дала нам важный урок, и в 1948 г. мы пойдем вперед еще более твердо и смело. В выступлениях следующих ораторов также указывалось, что новый бюджет — основа для нового большого хозяйственного подъема. Так как обсуждение было закончено, сразу же после оппозиционеров слово попросил министр финансов. Он очень остро, с присущей ему способностью аргументировать разбил в пух и прах доводы Копринкова. Стефанов сказал, что к лулчевистам применима мысль великого немецкого революционера Карла Либкнехта о шейдемановцах и носкиевцах: «Люди отвечают не только за то, что они делают, но и за то, чего они не делают!»

— Вы,— обратился он к оппозиционерам,— также отвечаете за то, чего не делаете.

В конце его речи в зал вошел Димитров, который немедленно вмешался своей репликой, обращенной к оппозиционной группке из трех человек:

— Вы — чужая граммофонная пластинка!

Лулчевисты протестовали, остальные бурно аплодировали, поднялся невероятный шум. Димитров продолжал бросать гневные слова, а затем начал обличительную речь. С большим негодованием, размахивая рукой, он гремел своим стальным голосом в зале Народного собрания. Димитров приводил обвинение за обвинением. Он заявил оппозиционерам, что основа их смелости после такого длительного молчания находится в другом месте; они чувствуют, что в Средиземное море прибывают разные корабли, в другом месте накапливаются войска, определенные события происходят в Греции.

— Вы рассчитываете на войну!

Оратор обвинил лулчевистов в том, что они конспирируют, замышляют заговор, шушукаются, делают ставку на войну. Гнев переполнял Димитрова, и все, что было у него на сердце, было у него на устах. [Никто не предполагал тогда, что из-за этой речи произойдут неприятные осложнения.]

Лулчевисты пытались оправдаться, выкрикивая отдельные слова или фразы, один из них, встав с места, кричал: «Только о Болгарии, только о Болгарии!» и т. д.

Председатель Совета Министров еще некоторое время побыл на заседании, после чего вернулся в свой кабинет.

Я докладывал ему дополнительно о поступивших по случаю Нового года телеграммах, которые товарищ Димитров хотел по-

смотреть сам. Он внимательно перелистывал их, читал, смотрел, от кого, подчеркивал. Сказал мне:

— Очень важно, кто послал и что послал. Вот Цыганчев, он сторонник Драгнева, прислал такую телеграмму.

(В телеграмме своей Цыганчев говорил о социалистической Болгарии.)

Я доложил Димитрову о телеграмме, в которой сообщалось, что он избран делегатом съезда Отечественного фронта. Были и другие подобные телеграммы — во многих местах его избирали своим первым делегатом. Он велел мне собрать их в отдельную папку. Поручил ответить на поздравления по случаю Нового года всем сразу. Приказал также передать директору по печати Топенчарову, чтобы завтра все газеты вышли с передовыми статьями, посвященными всенародному обсуждению программы Отечественного фронта. Я передал для публикации ответную телеграмму И. В. Сталина по случаю Нового года.

В 21.15 Димитров отбыл во Врану, где должен был принять польского посланника Залевского, уезжавшего из страны.

Сегодня после обеда газеты сообщают из Румынии о том, что там ожидается визит Георгия Димитрова во главе болгарской правительственной делегации.

17 января 1948 г., суббота

Главным событием в эти дни был визит болгарской правительственной делегации во главе с Димитровым в Румынию.

Уже несколько дней Румыния усиленно готовится к визиту, печать и радио посвящают свои главные материалы Болгарии и Георгию Димитрову. Газета «Скынтейя» опубликовала большую статью под заголовком «Председатель Совета Министров Болгарии — легендарная личность европейской демократии»; помещена полностью и его речь на съезде БЗНС. Эту же речь в более или менее сокращенном виде опубликовали почти все ежедневные газеты. Наша печать также полна материалами о визите.

В понедельник, 12 января, правительственная делегация собралась на заседание в кабинете Председателя Совета Министров в Народном собрании. Были уточнены все вопросы по нашим позициям в предстоящих переговорах, и прежде всего рассмотрен проект Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который предстояло подписать.

Делегация отбыла на следующий день, во вторник, до обеда. Председатель Совета Министров прибыл на Центральный вокзал в 10.50 и был встречен своим заместителем Кимоном Георгиевым. Димитров был в серой меховой шапке и сером пальто

с меховым воротником. Без пяти минут одиннадцать поезд отошел. Соображения органов безопасности взяли верх, и поездка до Русе совершалась инкогнито. Но конспирация была слишком тщательной. После обеда, часа в три, министр финансов Иван Стефанов спросил меня, когда отбудет делегация, чтобы поехать проводить ее, а товарищ Драгойчева в свою очередь сердилась на вокзале, что ей не сообщили о времени — узнала лишь в последний момент. Забыли и о румынском посланнике в Софии — Клеже, ему пришлось вылететь на самолете, чтобы догнать делегацию.

В среду, ровно в 10 часов утра, наша делегация сошла с парохода и вступила на румынскую землю. Уже встреча в Джурджу показала, что визит нашей делегации будет народным праздником.

Перед вокзалом в Бухаресте для встречи гостей собралось не менее 250 тыс. человек.

Документы были подписаны в пятницу, 16 января. Георгий Димитров и доктор Петру Гроза подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, а Трайчо Костов и Георге Георгиу-Деж — протокол об экономическом сотрудничестве между двумя странами. К 12 часам 30 минутам на площади Виктории перед Министерством иностранных дел состоялся грандиозный митинг. Сообщалось о невероятном на первый взгляд факте, о том, что на митинге присутствовало более 500 тыс. человек! «Нужно было,— писал один из наших корреспондентов,— сопровождать Георгия Димитрова за рубеж, чтобы со всей силой убедиться, какой огромной популярностью пользуется он не только в нашей стране, но и среди народов других стран». Сам по себе митинг был удивительным явлением — какое-то море восторга и братских чувств. Выступили Анна Паукер, доктор Петру Гроза и Георгий Димитров.

Как только закончились речи, началось народное веселье. К ужасу органов безопасности обеих сторон, Георгий Димитров повел за собой Грозу, и они вдвоем сошли вниз к народу. На огромной площади кружился бесконечный хоровод. Оба Председателя Советов Министров включились в этот невиданный танец, среди полумиллионной массы народа притопывая в ритме танца. И никто не мог их здесь охранять, да и не было нужды ни в какой охране, потому что, как сказал однажды Димитров, нет лучше охраны, чем сам народ.

А накануне состоялся обед, устроенный румыно-болгарским обществом. Появление Димитрова в зале было встречено 10-минутной овацией и скандированием. В художественной программе приняли участие и детские группы. Когда программа закон-

чилась и Димитров направился к выходу, ребятишки бросились к лестнице и преградили ему путь — им хотелось увидеть Димитрова вблизи. Он долго стоял среди них.

В этот же день, в субботу, вечером, мы говорили по телефону с Д. Ганевым, посланником в Бухаресте. Спросили его, действительно ли эта цифра — 500 тыс., сообщенная газетами, верна.

— Не только верна,— сказал товарищ Ганев, человек сдержанный и скупой на слова,— но и меньше действительной. Было не 500 тысяч, а 700—800 тысяч человек. Это воистину был невиданный в Бухаресте митинг.

Делегация уже возвращается поездом в Болгарию, сопровождаемая до границы Анной Паукер.

Братский румынский народ явно переживает период бурного политического подъема. В прошлом буржуазно-помещичья страна с разительными контрастами — великолепие и внешний блеск наряду с ужасной нищетой масс, невежеством и коррупцией — сейчас расправила плечи, свободная, чистая, исполненная светлой веры в будущее. Хотя партия, как известно, была в подполье малочисленной и испытывала недостаток кадров, она быстро приобрела широкое влияние в массах.

В речах, произнесенных по различным поводам Димитровым, доктором Грозой и Анной Паукер, единодушно подчеркивалось, что мы увековечиваем нашу дружбу; очищаем окончательно «авгиевы конюшни от прошлого в наших взаимоотношениях, как народов, так и государств» (Г. Димитров), навсегда закрываем старую страницу в нашей истории и открываем новую, светлую страницу.

Договор обеспечивает общую защиту свободы и независимости, территориальной целостности и государственного суверенитета наших стран против любых посягательств, откуда бы они ни исходили. С обеих сторон было подчеркнуто, что СССР — главная опора и гарантия мира между народами, что наша дружба с ним — краеугольный камень нашей внешней политики.

Сегодня вечером, в субботу, наша делегация прибывает в Русе. Завтра утром она отбудет в Софию. Готовится всенародная встреча — Национальный комитет Отечественного фронта опубликовал призыв, в котором приглашал граждан Софии выйти организованно всем на встречу; город занят подготовкой — знамена, портреты, лозунги.

Несколько строк и о других событиях последних дней.

В воскресенье и понедельник продолжалась работа над проектом государственного бюджета. С утра до вечера в воскресенье (11.I) заседала бюджетная комиссия Народного собрания и рассматривала бюджеты большинства министерств. В разра-

ботке бюджета Совета Министров товарищ Димитров принимал личное участие, по его указаниям некоторые службы расширяются и укрепляются. В воскресенье профессор Иван Стефанов попросил встречи с Председателем Совета Министров, для того чтобы внести некоторые уточнения. В понедельник бюджетная комиссия начала заседания рано и к обеду приняла все бюджеты. После обеда Народное собрание заседало до 8 часов вечера, рассмотрело все бюджеты, а в конце в целом проголосовало за государственный бюджет на 1948 г. во втором чтении. Во время голосования присутствовал и председатель правительства. На этом очередная сессия Народного собрания закончилась. Следующая сессия откроется 1 февраля.

Во вторник газеты (вначале «Изгрев» неофициально, а затем «Труд» несколько более официально) сообщили, что заключено соглашение с СССР о поставке нам 75 тыс. *т* зерна; прибытие первой партии ожидается в эти дни.

Во вторник же утренние газеты поместили речь Димитрова против оппозиции. Эта речь — в центре внимания всех. Я слышал, как люди, встречаясь, говорили: «Речь читали? Прекрасно! Бай Георгий здорово всыпал им». К речи проявляется обостренный интерес и за рубежом. Радио Белграда незамедлительно передало ее полностью, Би-би-си посчитало необходимым передать ее в изложении. Последовали злобные нападки со стороны некоторых реакционных зарубежных органов прессы.

Есть решение о новом главном секретаре Совета Министров — Атанасе Войнове, который до сих пор работал в качестве советника.

18 января 1948 г., воскресенье

Полностью опубликованы коммюнике и договор с Румынией. В договоре говорится, что мир на Балканах может быть достигнут только в том случае, когда «героический греческий народ обеспечит свою свободу и независимость». В нем содержатся почти те же положения, что и в совместных документах с Югославией: взаимная военная помощь, экономическое сотрудничество, согласование хозяйственных планов, таможенные соглашения и т. д. Решено в ближайшие годы построить первый мост на Дунае между нашими двумя берегами.

Еще с восьми утра группы людей начали собираться на улицах. Погода, как и до сих пор, теплая, мягкая, солнечная. К 10 часам улицы уже забиты, площадь заполнена. Играют военные оркестры на площади 9 Сентября и других больших площадях. Во многих местах вьются хоро, льются песни, скандиру-

ются лозунги. Дух восторженности пришел из Бухареста в Софию.

Поезд прибыл ровно в одиннадцать. К 11.20 в начале бульвара Дондукова появился кортеж. Георгий Димитров был с Трайчо Костовым. Люди задвигались, слышались возгласы «ура!», наступила всеобщая радость. Димитров и Трайчо Костов, улыбаясь, приветствовали встречавших. Кортеж остановился перед зданием Совета Министров. Димитров, Костов, Коларов, Трайков и Митовский более 10 минут отвечали на овации.

Димитров сразу же направился в свой кабинет. Остальные вошли в комнату, которая была перед самым балконом. Мы приветствовали членов делегации словами «добро пожаловать». Предложили им минеральной воды, немного бутербродов. Комната переполнилась и стала походить на улей. Георгий Трайков начал делиться своими впечатлениями. Он просто очарован.

— Народ, народ! Очень, очень теплая встреча.— И начал с увлечением рассказывать.— Димитров завоевал их своей сердечностью. Встречи с детьми, с молодежью, с народными делегациями, речи, вдохновенные и сильные,— все это способствовало завоеванию сердца румынского народа. Я,— продолжал Трайков,— делаю заключение по Джурджу. И когда ехали туда, нас встречали очень хорошо, но, когда возвращались, это была не встреча, а энтузиазм, восторг. Все вышли нас провожать.

После этого Трайков поделился своими впечатлениями о докторе Петру Гроза. Он охарактеризовал его как горячего поборника дружбы с СССР и прогрессивного развития Румынии, сторонника союза с компартией. Передал нам разговор, состоявшийся во время обеда, устроенного румыно-болгарским обществом. Димитров сказал тогда, что перед нами стоит задача — приступить к строительству социализма; эта задача должна решаться не только коммунистами, но вместе с ними и другими прогрессивными партиями и движениями, с участием широких народных масс.

По этому поводу завязался шутливый разговор.

«Неутомимые люди — коммунисты, дьявол их возьми,— сказал доктор Гроза.— Отправились мы с ними несколько лет тому назад делать демократию. Захотелось им, видите ли, демократии. Давайте, говорят, демократию делать. Потом — давайте делать народную демократию. Хорошо, народную демократию будем делать. Наконец,— давай-ка республику, причем народную республику. Хорошо. И народную республику сделаем. А сейчас вот Георгий Димитров нас приглашает социализм делать. Ну хватит же, ей-богу, дайте нам отдохнуть.— И давай смеяться».

И у нас есть болгарский Гроза (не по рангу, а по остроумию

и таланту во всем найти шутливую формулу) — Ради Найденов, министр юстиции. Он был там[1] и продолжил в том же тоне:

«Это очень верно! Многие из наших земледельцев говорят мне: «Согласны мы, согласны, и с социализмом согласны, но зачем же так спешить, давайте потихоньку, полегоньку, постепенно его вводить». Но разве коммунисты дадут покой!»

...Товарищ Димитров вышел из своего кабинета. Вид у него бодрый. Не видно и следов усталости. Одет в черное пальто с черным воротником, в черной шляпе. В этот момент приехала Роза Юльевна. Они расцеловались, и она попросила его зайти в кабинет. В 11.45 диктор начал читать свой репортаж. Потом прикрыл микрофон рукой и начал ждать. Выйдя из кабинета, Председатель Совета Министров пригласил делегацию и присутствовавших министров следовать за ним. Гром восторженных возгласов встретил его. Диктор оповестил всю страну, что Димитров выходит на балкон.

Он начал свое выступление сильным и бодрым голосом. Там, где было нужно, он так мощно повышал свой голос, что придавал тому, что говорил, непреодолимую силу. Я не помню другого такого случая, когда бы так неподражаемо, проникновенно и пламенно, так увлеченно, с таким чувством и волнением говорил Димитров на митинге. Народ слушал речь с непередаваемым вниманием.

Димитров говорил около 45 минут. Говорил не только о визите, а и по внутренним проблемам — о единстве, о необходимости воспитания и перевоспитания нашего народа в духе братства и дружбы, особенно с Советским Союзом, о требовании укреплять хозяйство, дисциплину, особенно на национализированных предприятиях. «Мы — сами кузнецы своей судьбы, своего будущего и своего счастья». Он предупредил, что нужно избежать пустого самодовольства и «головокружения от успехов». Говорил и по внешнеполитическим проблемам — об опасности с юга, о готовности защищать нашу священную землю. Димитров снова подчеркнул преимущества народной демократии и социализма, которые обеспечивают нашим странам прогресс, единство и труд; в то же время в государствах, входящих в сферу империализма и руководствующихся доктриной президента США Трумэна и планами государственного секретаря Маршалла, царят безработица, нищета, гражданские войны.

В заключение оратор заявил, что трудное и опасное позади. Как раз в этот момент за его спиной был только Кимон Геор-

---

[1] Так у меня записано, но я не знаю, как Ради Найденов попал на обед и нет ли здесь какой-либо неточности.

гиев. Многие рассмеялись двусмыслице, вспомнив о дружбе Кимона Георгиева и Дамяна Велчева. Какой-то шутник бросил:

— Вот тебе и анекдот.

...Димитров и Роза Юльевна уехали во Врану.

Сразу же после обеда, часа в три, я засел за расшифровку речи.

Я испытывал явное удовлетворение от своей стенографской работы, даже, не помню уже перед кем, похвалился немного, что сумел записать все, притом точно, совсем не подозревая, что именно эта стенограмма вызовет неодобрение и создаст мне столько неприятностей. Стенограф не просто механически записывает живую речь, в его задачу входит и некоторая редакция сказанного, устранение неизбежных повторений слов и выражений, расстановка фраз, задача заполнить словами то, что было выражено мимикой или жестом. После расшифровки речи я поработал над ней именно с этой точки зрения — текст приобрел законченный вид, таким я его и представил. Но оказалось, что работу свою я проделал не так, как было нужно, слишком увлекся. С Кюлёвским мы сверили текст со стенограммой. Под вечер я привез готовый материал во Врану. Димитров отдыхал. Как только он встал, тотчас вызвал меня.

Прежде всего он дал мне для передачи в печать свое заявление перед журналистами на пресс-конференции, которое он просмотрел и значительно сократил. Пресс-конференция состоялась вчера, в субботу, 17.I, в поезде на пути из Бухареста в Джурджу. Присутствовали и оба министра иностранных дел — Анна Паукер и Васил Коларов. Участвовали преимущественно журналисты из Румынии, но были и от западных агентств и газет. С обширным высказыванием Димитрова перед представителями печати я познакомился сейчас впервые. В нем содержался и ответ на вопрос двух западных журналистов: скоро ли будет создана Балканская федерация?

Я вновь убедился в том, какой мастер слова Димитров. В этой трудной живой речи, над которой мы с Кюлёвским ломали головы, он одним росчерком исправлял мысли, давал новые связки, размещал строчки... Одно из предложений мы оставили без изменений, так как оно было сложным. Димитров спросил меня, почему мы так поступили. Я ответил ему, что мы не смогли справиться. Он прибавил одно «и», поставил запятую, дописал несколько новых слов, и мысль стала безупречно ясной.

Я просто был изумлен, как он помнит свою речь и какие высокие требования предъявляет к точности при написании и выступлении. Для нас это была целая школа. Димитров хорошо помнил из своей речи почти каждое слово. Там, где мы замени-

ли некоторые слова, он увидел их и сказал, что плохо застенографировано. Я заменил, например, слово «достояние», как русизм, на слово «притежание» (владение), но он сразу же сделал замечание. Несколько раз он сказал мне, что речь застенографирована плохо. Поздно вечером Димитров послал Кюлёвского на радио сделать новую сверку по магнитофонной ленте, а затем захотел еще раз прослушать по записи. После сверки он снова прочел при мне текст и внес еще поправки.

— Вы,— сказал он мне,— правите так, как будто это статья. Есть разница между статьей и живой речью. Живая речь не только терпит, а требует повторения коротких выражений, сильных фраз. Они там необходимы, чтобы произвести эффект, усилить впечатление. Поэтому правку необходимо делать внимательно, чтобы не загубить силу живой речи, живого слова.

Такие замечания он сделал позже и Кюлёвскому.

Спросил меня:

— Как идут дела? Что нового?

Я только хотел заговорить о его поездке в Бухарест, как из соседней комнаты раздался голос Димитрова. Вошла Роза Юльевна и сообщила, что включила приемник — передавали речь. Он взял чашку с кофе в руку и сразу же попрощался со мной.

Ему захотелось сесть перед приемником, закурить сигару, пить кофе и внимательно слушать; хотелось заметить все недостатки, слабые места и сделать нужные выводы.

Я заглянул в Совет Министров и оттуда сразу же отправился в Дирекцию по печати, где начал диктовать текст речи. Появился редактор Тотев и сказал, что один экземпляр речи по просьбе Топенчарова нужно направить Василу Коларову для просмотра той части, где речь идет о внешней политике. Сомнения не было, что это делалось по просьбе Димитрова.

Спустя немного пришел Кюлёвский и тут же был вызван к телефону для разговора с Димитровым. Последовало несколько новых поправок.

Затем я начал читать товарищу Димитрову отдельные места его речи. Через некоторое время разговор прервался. В трубке раздался недовольный женский голос:

— Вы уже целый час говорите (часа еще не прошло, но когда человек сердится — всегда преувеличивает.— *Н. Г.*)! Занимаете линию! Заканчивайте!

Председатель Совета Министров:

— Ради бога, ради бога, не мешайте нам, у нас важное дело.

— Важное дело! Нельзя! — отрезал сердитый голос телефонистки.

Председатель Совета Министров (сдержанно, но уже с гневными нотками в голосе):

— Я прошу вас не мешать!

Телефонистка:

— И другим нужно говорить. Заканчивайте,— оборвала его телефонистка.

Так какая-то телефонистка, сама того не ведая, бедняга, объявила выговор председателю правительства... Спор прекратился сразу же, как только я вмешался и заявил, что говорит Председатель Совета Министров. Злая телефонистка сконфуженно умолкла. Как мы уже говорили и раньше, одно из трех зол, которые больше всего гневят Димитрова,— это плохая телефонная связь.

Спустя немного времени от Васила Коларова привезли экземпляр текста речи. Я посмотрел поправки — те же самые, что незадолго до этого нам передал Димитров. Он целиком прислушался к мнению Коларова.

19 января 1948 г., понедельник

Вчера Димитров лег спать в 2 часа ночи. Он поздно звонил мне домой, но я в это время был в дороге.

Я все еще нахожусь под воздействием его вчерашней речи. Мне думается, что важные мысли в ней нельзя рассматривать сами по себе, а как продолжение сказанного в его выступлениях в Румынии. Это заставило меня пересмотреть газеты за несколько последних дней.

Одна тема здесь развита наиболее полно и ясно: как необходимо строить нашу дружбу, чтобы она была реальной, прочной и искренней; какие меры нужны, чтобы все, что записано в договоре, осуществлялось на деле, а не осталось только на словах; какую идейно-политическую и воспитательную работу необходимо вести.

Думаю, что его мысли по этим вопросам имеют принципиальное и программное значение, и в марксистско-ленинской идейной сокровищнице они не могут не найти свое место на переднем крае. Недостаточно, говорил Димитров, развивать чувство дружбы и доверия только между передовой частью наших народов. «Необходимо действительное, полное сближение наших народов, народных масс, необходимо сближение наших деятелей науки и культуры, наших писателей, нашей промышленности, необходимо сближение и взаимное познание всех областей нашей политической, экономической и культурной жизни».

Вот великолепная мысль:

«Вы знаете, что в личной и семейной жизни чувство любви делает чудеса, а несчастная любовь часто доводит до личных ка-

тастроф. Любовь, без сомнения, такая же основа, один из важных факторов и в отношениях между народами. Мы должны чувствовать себя не только соседями, братьями формально. Необходимо систематически культивировать, развивать и растить любовь между здоровыми народными силами румынского и болгарского народов».

«Сколько болгар и сколько румын,— спросил он,— знают хорошо о совместной героической борьбе наших народов в прошлом?» И Димитров подчеркнул, что наша традиционная дружба — огромный национальный капитал обоих народов. Она — «захороненное сокровище из исключительно ценных исторических бриллиантов и алмазов», которое правящие буржуазно-реакционные верхушки в прошлом нарочно не открывали своим народам. «Они старались сохранить свое классовое господство, свои режимы грабежа и эксплуатации наряду с другими методами и с помощью грубой фальсификации истории наших народов». Именно поэтому необходимо сделать все возможные выводы, извлечь все уроки. Народные правительства двух стран «ищут эту богатую сокровищницу истории, ищут уроки настоящего и будущего своих народов. Они стараются перестроить свои академии наук, свои университеты и образ мышления своих ученых и профессоров таким образом, чтобы скорректировать фальсифицированную историю наших народов в действительно научном свете, во имя их общего блага».

Наши народы должны познать самих себя, познать свою историческую роль и ценность. С участием всей общественности двух стран — «и мужчин, и женщин, и молодежи, и детей и в нашей, и в вашей стране» — читать лекции, делать доклады, организовывать радиопередачи, демонстрировать фильмы, пропагандировать песни — все что может воспитывать в духе крепкой и искренней дружбы и взаимного уважения; выбросить из учебников и школьных пособий — от начальной школы до университета — все, что «фальшиво, реакционно и вредно в истории двух народов и их взаимоотношений». Таким путем мы построим не только железный мост через Дунай, но и «живой мост в наших душах, который должен быть нерушимым» [1].

Вчера в своей речи в Софии Димитров повторил, что необходимо воспитание и перевоспитание обоих народов, начиная от верхов государства и общества и кончая последней лачугой.

Все это — яркое выражение вдохновенного и искреннего интернационализма. Интернационализма в действии! Интернационализма, слитого с патриотизмом в одно неразрывное целое!

Думаю, что такое определение наиболее точно.

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 13, с. 398—404.— *Прим. перев.*

20 января 1948 г., вторник

Сегодня, как и вчера, мы стараемся ничем не беспокоить тов. Димитрова. Ни с кем его не соединяем, не звоним ему и сами. Хотим, чтобы он отдохнул как можно полнее.

Вчера печать опубликовала заявления Димитрова перед журналистами, сделанные им в поезде во время поездки в Джурджу (в то время мы еще и не подозревали, какой они вызовут резонанс и какая драма разыграется вокруг них).

Газеты публикуют сообщение, что прибыло первое советское судно с зерном из СССР. В Бургасе состоялся митинг.

В течение нескольких дней собралось более десятка вражеских писем. Они до конца враждебны — гадкие, угрожающие. Одно время их почти не было. Сейчас зачастили снова. Это показательно. Не докладывая о них Димитрову, я отправил их все прямо Г. Ганеву, помощнику директора народной милиции.

А сегодня Председатель Совета Министров потребовал вдруг через Банчева прислать эти письма ему. Возникла необходимость быстро вернуть их от Г. Ганева обратно.

Некоторое время тому назад семья Димитровых оказала помощь одной женщине с тремя близнецами, и сейчас приходит масса писем, содержащих просьбу о помощи. Заниматься такими письмами очень тяжело.

Пришло любопытное письмо от двух семей — Васила Попова и Бориса Попова из Горна-Джумаи [1]. В новогодний вечер, когда баница была разрезана, вытащили из нее веточку и для Димитрова. Ему выпало здоровье! В конверте сложена кизиловая палочка, символизирующая здоровье [2].

Председатель Совета Министров послал телеграммы семи именинникам (среди них Иван Масларов, Иван Винаров, Иван Кинов, дочь Гаврила Генова — Иванка Генова, секретарь Русенского обкома Иван Димитров).

Художник Иван Гешев прислал одну из своих картин — на переднем плане Димитров рассматривает план Хаинбоазского перевала. По поручению Димитрова сегодня я пригласил секре-

---

[1] Город Горна-Джумая в 1950 г. был переименован в Благоевград.— *Прим. перев.*

[2] По существующему в Болгарии обычаю, незадолго до полуночи хозяйка ставит на стол большой новогодний пирог — баницу, между множеством слоев которого в тесте запрятаны веточки кизила с различным числом почек. Каждая из веточек имеет символическое значение: здоровье, счастье, путешествия, успехи в работе, любовь и т. д.— *Прим. перев.*

таря Союза художников познакомиться с картиной и оценить ее. Между нами состоялся приблизительно такой разговор.

— Мы ждем, что вы пригласите нас написать товарища Димитрова с натуры.

Я возразил, что это едва ли возможно, надо чтобы инициатива исходила от них, со стороны союза, в противном случае вряд ли возможно будет выделить время для специального позирования. Оказалось, что они сами не принимают никаких мер к этому. Тогда я предложил:

— В таком случае у вас нет оснований сердиться на Кирила Тодорова. Его деятельность в такой обстановке можно оправдать, ему удается отнять немного свободного времени у больших людей, чтобы их увековечить.

— Мы решили объявить конкурс на портреты Димитрова и других руководителей.

Я выразил опасение, что они наверняка не смогут позировать каждому. Потом высказал идею, которая меня занимала в последнее время:

— Мне кажется, что вы упускаете такие удобные случаи, когда действительно можно увековечить Димитрова: во время митингов, собраний, съездов, на которых он выступает. В это время он — поэт, нужно непременно нарисовать его в такой момент. Сколько времени можно будет еще рисовать Димитрова?!

Художники загорелись желанием непременно на этот раз что-нибудь сделать. Попросили обеспечить их пропусками на съезд Отечественного фронта, где бы они могли наблюдать его вблизи. А вдруг получится!

Съезд Отечественного фронта открывается 2 февраля. С докладом выступит товарищ Димитров. Все его усилия уже направлены на подготовку доклада.

В воскресенье на конференции Третьего района Отечественного фронта Димитров был избран делегатом на съезд с правом решающего голоса.

В посленовогодние дни я работал над стенограммой беседы Димитрова с сентябрятами. Вначале я только лишь расшифровал ее, чтобы иметь возможность прочитать текст и подумать, что с ним делать дальше. Когда стенограмма была доведена до приемлемого, на мой взгляд, вида, я передал ее товарищу Димитрову. Мне было дорого, что я вызвал у него приятное удивление. Он взял стенограмму себе, а через небольшой промежуток времени возвратил ее мне снова. Он поработал над ней — кое-где улучшил и уточнил свои мысли, сократил некоторые высказывания, устранил отдельные неточности, возникшие при переписывании. Ему захотелось поработать еще:

«Поправить редакционно и в будущем *выправленный* текст использовать

Г. Д.».

Так мы и сделали.

Это техническая сторона дела. Содержание же разговора занимало мои мысли значительно больше. Сам для себя я назвал беседу маленьким катехизисом коммунистической морали. В ней коротко изложены главные требования, условия роста и развития молодого человека как полноценной личности. В этой беседе отражается внутренний мир Димитрова, его личность.

Вот некоторые из требований Димитрова:

— Человек должен иметь острое зрение, видеть, что происходит в жизни, иметь прекрасный слух, чтобы хорошо слышать, чувствовать пульс народа, иметь хорошее обоняние, чтобы отличать добро от зла, старое от нового, не воспринимать того, что плохо пахнет.

— Когда провожают старый и встречают Новый год, вечером, перед тем как лечь, каждый — от мала до велика, от ученого до простого человека — должен подвести итог прожитому дню: что узнал нового, далеко ли ушел или остался позади, извлечь уроки на будущее.

— Необходима твердая воля! Нужно закалять свою волю и характер, твердость и упорство для того, чтобы выдержать все трудности и препятствия, встающие на пути. Нужно быть готовым к подвигам и героическим делам!

— У каждого должен быть идеал. Нельзя жить без идеала. Нужен здоровый идеал, исходящий из глубин, из недр нашего народа. Вера в правду, в силы народа, в силы и будущее социализма и коммунизма — вот настоящий путь!

— Нужна беспредельная любовь к Родине, народу. Необходимо любить народ таким, какой он есть! Честность и преданность Родине! В то же время ненависть, безграничная ненависть к врагам народа, к фашизму и реакции. Не равнодушие, не безразличие к общественной жизни, а активное участие в борьбе против врагов народа.

[Беседа была напечатана в пятом номере журнала «Бодра смяна» под заголовком «Мудрые советы».]

21 января 1948 г., среда

Вчера во Вране в 11 часов состоялось заседание Политбюро, принявшее важные, принципиальные решения. По докладу Титко Черноколева было решено приступить к отчуждению крупного земледельческого инвентаря (тракторов, молотилок) — одному из революционных мероприятий народной власти. Под-

Тодор Живков и Георгий Димитров
на Софийской городской конференции
Отечественного фронта.
7 марта 1948 г.

Георгий Димитров подписывает
Договор о дружбе, сотрудничестве
и взаимной помощи между
Народной Республикой Болгарией
и Союзом Советских
Социалистических Республик.
Москва, 18 марта 1948 г.

Георгий Димитров выступает на митинге трудящихся Софии в связи с подписанием Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между НРБ и СССР.
София, 24 марта 1948 г.

Георгий Димитров, Клемент Готвальд и Васил Коларов во время переговоров о заключении договора между Болгарией и Чехословакией.
Прага, апрель 1948 г.

Председатели Совета Министров
Болгарии и Польши
Георгий Димитров
и Юзеф Циранкевич
подписывают союзный договор.
Варшава, 29 мая 1948 г.

рывалась сила зажиточного крестьянина, кулака, укреплялся социалистический сектор на селе. Министерству земледелия было поручено подготовить соответствующий законопроект. Было решено также создать государственную монополию на нефть; по этому вопросу будет подготовлен соответствующий закон (ответственный — Трайчо Костов).

Были рассмотрены и некоторые открытые вопросы проекта договора с Чехословакией в связи с письмом Готвальда Димитрову. Мы стояли на той точке зрения, что необходимо заключить договор о взаимной помощи при любом нападении, откуда бы оно ни исходило; чехословацкая же сторона настаивала на том, чтобы взаимная помощь оказывалась только при нападении со стороны Германии и ее союзников. Началась переписка на самом высоком уровне, однако договоренность достигнута еще не была. Димитров и Готвальд условились посоветоваться со Сталиным и Молотовым. Политбюро решило отложить заключение договора с Чехословакией до тех пор, пока не будет достигнута согласованность.

Сегодня во Вране долго заседал Совет Министров. С 10 часов заседание длилось почти до четырех. В обширную повестку дня входил и вопрос о состоянии дач, домов отдыха и других заведений в различных курортных местах — вообще о развитии курортного дела. По предложению Председателя Совета Министров назначена комиссия, которой поручено в 15-дневный срок подготовить доклад по этому вопросу. Поручено определить и его исходные начала: создать специальное управление по курортам при Совете Министров, выделить объекты для использования их профсоюзами, недавно созданным предприятием по международному туризму — «Балкантуристом», Министерством народного здравоохранения. Это самый решительный шаг из всех, предпринимавшихся до сих пор, направленный на то, чтобы изъять курортно-лечебное дело из частных рук и поставить его, в каком бы жалком состоянии оно ни было, на солидную общественную основу с целью превращения его в одну из главных забот народной власти.

Министром шахт и подземных ресурсов назначен Кирил Клисурский — земледелец. Было решено также наградить Николая Райнова в связи с его юбилеем серебряной медалью «За достижения в науке и искусстве».

Товарищ Димитров сообщил мне после заседания, что вечером поедет в кинотеатр «Республика» на собрание, посвященное памяти В. И. Ленина.

Незадолго до начала торжества в центральной ложе появился Димитров, встреченный бурными аплодисментами.

Кратким эмоциональным вступительным словом, цитируя Маяковского и Димитра Полянова, собрание открыл Тодор Павлов. С докладом выступил министр народного просвещения доктор Кирил Драмалиев.

Димитров присутствовал до конца собрания. В перерыве он вышел в коридор и долго разговаривал с небольшой группой ответственных товарищей. Заразительно смеялся — опять что-то остроумное рассказывал бай Добри. К его рассказу нечто веселое прибавил и Димитров.

Назавтра назначил мне прийти к нему в 12 часов на доклад.

22 января 1948 г., четверг

Когда я вошел, Димитров сидел за столом. Он слегка кивнул мне головой, и я тотчас начал. Вначале у меня язык будто одеревенел, я никак не мог собраться с мыслями, но потом успокоился. Показал ему — как он поручал — и враждебные письма. Хотел схитрить и обойтись только общей характеристикой, которую приготовил, но он настоял, чтобы я докладывал каждое письмо в отдельности. Мне было неудобно читать ему их, поэтому я начал разворачивать письма и класть перед ним с короткими пояснениями. Он вчитывался в некоторые из них. После просмотра двух-трех я перестал подавать ему их и начал докладывать о других материалах, но он остановил меня:

— Дайте мне все враждебные письма.

Просмотрев их, добавил:

— Да, национализация, эти наши меры их озлобляют. Этого следовало ожидать.

Я показал ему целую папку собранных удостоверений делегата и телеграмм, в которых сообщалось об избрании его делегатом на различные околийские конференции Отечественного фронта или на сам съезд.

— Все удостоверения перешлите комиссии по проверке полномочий при Национальном комитете.

Он проявил интерес к письму одного товарища из Пловдива — Теню Казака, железнодорожника, инструктора областного комитета партии, очень смело критиковавшего руководство Болгарских государственных железных дорог, начиная от министра, генерала — главного директора и кончая руководителями более низких рангов, за плохую эксплуатацию наших дорог. Казак представлял положение на железных дорогах как катастрофическое — никто не принимает во внимание ни решений ЦК, ни рекомендаций советских специалистов. Он требовал, чтобы Председатель Совета Министров решительно вмешался и исправил

положение. Димитров взял письмо в руки, прочел несколько отрывков, выслушал мои пояснения и написал резолюцию: обратить особое внимание на этот сигнал, хорошо его проверить и доложить ему о результатах.

Другое сообщение: польские кооператоры посылают болгарским детям вагон сахара, который предоставляют в распоряжение товарища Димитрова. Лицо его просветлело:

— Прекрасно! А что, если мы передадим его в распоряжение нашего Совета по надзору за детьми, а?

— Будет очень хорошо, товарищ Димитров!

Спустя немного я сообщил новость Розе Юльевне — члену упомянутого совета. Она всплеснула руками от радости.

Когда я показал ему кизиловую веточку, которую с пожеланием здоровья ему прислали из Горна-Джумаи, Димитров искренне и от всего сердца рассмеялся:

— Выразите им мою сердечную благодарность!

Димитров прочел внимательно в «Правде» доклад М. А. Суслова о годовщине со дня смерти В. И. Ленина. Прочел с красным карандашом в руке. Написал: «Срочно издать отдельной брошюрой для массового распространения». Категорически потребовал обратить внимание на качество перевода.

Члены Политбюро возвратили с некоторыми замечаниями и дополнениями записку Председателя Совета Министров относительно непорядка при открытии линии Перник — Волуяк. Указывалось, что большая доля вины падает на руководство железных дорог, что именно с ним нужно разобраться.

Погода продолжает стоять теплая, солнечная, ясная. В воздухе (особенно за городом) чувствуется такая свежесть, как будто вот-вот наступит май. В парке Враны цветут подснежники и крокусы, почти уже зацвел кизил, природа начала оживать. Однако многие высказывают беспокойство: не наступят ли коварные холода, которые уничтожат все на полях? Действительно, если так продолжится еще некоторое время, растения и плодовые деревья расцветут, а потом... Вспоминаю поверье, распространенное в прошлом среди женщин в народе: нельзя много смеяться, сильно веселиться и радоваться — не к добру. Люди испокон веков боятся мстительного отношения природы к себе. Январь, а кажется, будто апрель. Бывают дни, когда солнце греет так тепло, так сверкает на стенах и крышах, что хочется сбросить с себя тяжелое зимнее пальто. Кое-кто уже ходит в пиджаке. Вчера вечером шел сильный дождь. Из Министерства земледелия рекомендуют принять меры по предотвращению преждевременного цветения плодовых деревьев...

23 января 1948 г., пятница

Впервые опубликован новый Государственный герб Народной Республики Болгарии.

Димитров принял непосредственное участие в его разработке. Он высказал свое мнение еще во время предварительного обсуждения замысла, следил за ходом работы. В одном из фойе Народного собрания уже выставлялись графические и рельефные варианты последнего проекта, принятого специальной комиссией Президиума Народного собрания. Раза два доктор Минчо Нейчев предпринимал попытку договориться с Димитровым, когда и как провести рассмотрение и принятие проекта. Мне показалось, что он немного недоволен. «Раз считают, что мы не в состоянии утвердить даже герб...» — сказал он, слегка нервничая, вторично напоминая мне об этом.

Во время своего очередного появления в Народном собрании вместе с другими членами Политбюро ЦК, с участием доктора Нейчева, Димитров рассмотрел варианты. Но он не удовлетворился только этим, а поручил мне взять все разработки и занести ему в кабинет. Там он внимательно просмотрел проекты и велел отправить их в Президиум с письмом от его имени. Вот его замечания:

> «Во-первых. *Звезду нужно сделать побольше,* ясно выраженного красного цвета, расположить ее несколько ниже, а хлебные колосья возле нее сделать короче.
>
> Во-вторых. Хлебные колосья *должны быть более естественными.*
>
> В-третьих. Лев должен быть *поменьше,* с головой и гривой льва, а не львицы».

Президиум указом утвердил новый герб. В гербе сочетаются несколько элементов: венок из хлебных колосьев символизирует нашу землю с ее плодородием и вместе с тем говорит о тесной связи нашего герба с советским, хлебные колосья венца которого — важный отличительный признак; в основании герба дата нашей победы — 9. IX. 1944; в середине лев — знак нашего национального сознания и гордости, символ связи с бунтарскими годами Возрождения; в самом верху пятиконечная звезда — символ международной солидарности и нашего социалистического будущего; трехцветное и красное знамена.

27 января 1948 г., вторник

В воскресенье, 25 января, состоялись заседания двух высших партийных советов — радикалов и социал-демократов, на которых намечалось рассмотреть главные проблемы дня.

Социал-демократы начали разговоры по ним еще 5 января. В субботу я встретил в коридоре Георгия Попова — заместителя Председателя Совета Министров, председателя Комитета по культурным и социальным вопросам, одного из видных лидеров социал-демократов. Разговорились.

— Мы занимались,— сказал он мне,— темой единства рабочих партий. Завтра созываем наш высший партийный совет, который будет обсуждать этот же вопрос. Ожидаем, что в понедельник на наше заседание придет товарищ Димитров.

Их высший партийный совет действительно собрался в воскресенье и заслушал доклад Димитра Нейкова. Главный секретарь социал-демократов подчеркнул необходимость единства в рядах Отечественного фронта, единства рабочего класса: «Один класс, одна партия!» «Маркс и Энгельс выдвинули лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Отсюда следует вывод, что не может пролетариат иметь две различные партии»,— ясно заявил Нейков. Объединение обеих партий необходимо подготовить и провести после съезда Отечественного фронта. «Это должно быть делом не только Центрального Комитета, но и всех членов партии».

Авторитетно прозвучало и выступление старого деятеля Добри Бодурова. Министр Здравко Митовский предложил принятую единодушно декларацию — подготовить слияние БРСДП с БРП(к).

В понедельник, вопреки их ожиданиям, Димитров не пришел к ним, а с утра написал и послал им коротенькое письмо. Я не понял точно, в чем состояла причина отказа от встречи. Думаю, что взяли верх международные соображения: Социал-демократическая партия должна была самостоятельно принять такое ответственное решение. В своем письме Димитров не сказал открыто об объединении, а говорил о том, что, «исходя из интересов всего народа и необходимости единства рабочего класса в рамках Отечественного фронта, (Высший партийный совет.— *Н. Г.*) примет решения, содействующие ускоренному созданию нашей народной республики и торжеству нашего общего дела — строительству нового, социалистического общественного строя».

Они уже закончили свои заседания, когда в обед я снова встретил Георгия Попова. Он охотно стал рассказывать, как протекали заседания.

— Мы приняли решение об объединении! — сказал Попов.— И такое единство было у нас, какого я не видел с той поры, как помню себя и работаю в партии. Все единодушно и с радостью воспринимают это объединение, никаких противоречий! Может быть, и найдется, разумеется, кто-то, кому не по нутру это, но яв-

ных возражений не было. Может быть, некоторые коммунисты и воспротивятся объединению. Таковыми могут быть отдельные старые тесняки, у которых, как только они услышат слова «широкий социалист», волосы встают дыбом.

И Попов поделился своими личными впечатлениями о непримиримой борьбе, которая велась в свое время между тесными и широкими социалистами, о горячих спорах и нетерпимом отношении их друг к другу.

Вчера газета «Радикал» громогласно объявила, что в воскресенье состоялся их «величественный» Высший партийный совет. Это заставило многих улыбнуться.

«Величественный совет» выслушал несколько докладов и проголосовал резолюцию в духе единства и социализма; избрал новый Совет-правление во главе со Славчо Стоиловым. Димитров направил радикалам короткое поздравительное письмо.

На этом закончилась серия пленумов, съездов, конференций и высших партийных советов отдельных партий Отечественного фронта накануне его Второго съезда.

Дорога к крупным преобразованиям, которые должен был открыть съезд ОФ, была открыта.

В воскресенье открылась художественная выставка четырех больших советских художников — Александра Герасимова, Сергея Герасимова, Александра Дейнеки и Аркадия Пластова. Присутствовало значительно больше людей, чем на открытии нашей общей художественной выставки, хотя и там было много народу. В последнее время интерес к любым событиям, связанным с искусством (и в первую очередь, разумеется, с советским искусством), неимоверно возрос. Там, где в прошлом можно было насчитать несколько десятков ценителей, сейчас наблюдается массовое посещение.

Большой интерес к советской выставке имеет и конкретную причину — то, что видят посетители, захватывает сознание каждого: великое искусство, огромный размах, невиданный у нас ранее. Не будет преувеличением сказать, что с помощью этой выставки многие люди впервые приобщаются к изобразительному искусству. Мы сами наглядно убедились в том, что советское изобразительное искусство глубоко народно по духу.

Вчера, в понедельник, был ратифицирован договор с Румынией. Это было сделано на совместном торжественном заседании Президиума Народного собрания, правительства и Бюро Народного собрания в большом (красном) зале Совета Министров. В 12 часов прибыли все приглашенные, включая дипломатов братских стран. Димитров, Тр. Костов и Коларов все еще не появлялись, их что-то задерживало в кабинете Председателя

Совета Министров. Высокое собрание ждало в красном зале, люди суетились, становилось все более неудобно... Спустя какое-то время Войнов и Антон Недялков (из Министерства иностранных дел) пригласили собравшихся сесть за длинный стол; справа места заняли члены Президиума Народного собрания, слева — министры, а прямо — члены Бюро Народного собрания; дипломаты уселись в сторонке вдоль стен.

Но пришлось опять ждать не менее получаса. Доктор Минчо Нейчев нервничал.

Было ясно, что трое ведущих товарищей над чем-то усиленно работают. Почти в час дня Димитров, Коларов и Костов вышли, встреченные аплодисментами. У Димитрова был еще более сосредоточенный и суровый вид, чем тогда, когда я его видел входящим в свой кабинет. Заседание началось немедленно. Доктор Минчо Нейчев прочел текст договора и предоставил слово министру иностранных дел для доклада. Торжество должно было передаваться по Софийскому радио. Один из радиотехников заторопился поставить микрофон перед Коларовым, но почему-то замешкался и поэтому мог опоздать и пропустить начальные фразы. Димитров махнул в сердцах рукой, взял сам и поставил микрофон перед Коларовым. Речь была содержательной, красивой. Как всегда, Коларов сумел найти слова, которые обыкновенному оратору и не пришли бы в голову. Какое-то время он читал по отпечатанным на машинке страницам, но затем отошел от предварительно составленного текста и начал говорить по отдельным листкам, написанным от руки. Именно сейчас его слова звучали наиболее авторитетно. Коларов говорил об отношениях с монархо-фашистской Грецией и об угрозе нам с юга, о готовности болгарского народа отразить любые посягательства. Разумеется, основная часть речи была посвящена болгаро-румынскому союзному договору.

Наблюдательному слушателю уже стало ясно, почему задержались трое руководителей. Уточняли речь министра иностранных дел. Странная, очень странная задержка! Никогда они так внимательно не готовили на первый взгляд обычную по своему предназначению речь. Притом Коларов! Да мы и не заметили ничего в самой речи, что давало бы основание считать, что произносится особое выступление.

Еще одно впечатление. Открывая заседание, доктор Минчо Нейчев впервые в официальной обстановке обратился ко всем присутствующим со словом «товарищи». И в дальнейшем предоставлял слово отдельным представителям парламентских групп с этим новым обращением. Например:

— Слово имеет товарищ Лилков.

А Лилков как будто еще не может освоить нововведение, начинает, как и прежде:

— Господа...

Димитров сразу же возвратился в свой кабинет. Заторопился вслед за ним и я, чтобы успеть доложить. Войдя в кабинет, я увидел, что он усиленно пытается открыть одно из окон. Ему было жарко, и он хотел немного проветрить комнату. Но давно не открывавшиеся окна поддавались не так-то просто. Когда он оставил свою попытку, принялся я, но и передо мной створки не отступили, и пришлось искать другое, более податливое окно, чтобы открыть. Было похоже, что Димитрову нездоровится, лицо его пылало, ему было тяжело, вид у него был озабоченный.

Потом он уехал.

После обеда у него поднялась температура. В городе эпидемия гриппа. Врачи встревожены, так как у него предстоят напряженные дни в период проведения съезда ОФ. Поздно вечером врачи Симеонов и Бойкикев констатировали легкий грипп: температура 37,4—37,5°, боли в горле и во всем теле, сильная слабость и недомогание.

Сегодня температура спала, чувствует себя лучше, однако общая слабость и утомление сохраняются.

Он все еще продолжает оставаться чем-то озабоченным.

Погода стоит весенняя. На последнюю декаду прогноз обещал холод и снег, но ничего подобного. Поднялся небольшой ветер, слегка похолодало, и только. Солнце греет так сильно, что людям не верится, что на дворе январь. Ночи ясные, и луна светит ослепительно ярко.

Все больше чувствуется предсъездовское напряжение. Все силы и внимание руководителей партии направлены на подготовку съезда. Времени для откладывания нет. Позавчера из НК ОФ прислали текст проекта программы с последними поправками для одобрения Димитровым; настаивают, чтобы мы им вернули документ как можно скорее, с тем чтобы они могли его распространить. Отчетный доклад товарища Драгойчевой также у товарища Димитрова. Он все еще работает над ним, а его тоже просят возвратить, чтобы заранее отпечатать. Димитров с большим напряжением работает и над своим докладом. Костадинка, наша чудесная машинистка, почти неотлучно во Вране, где печатает и перепечатывает отдельные части доклада. Кюлёвский тоже привлечен для оказания непосредственной помощи — собирает материалы, выполняет и другие поручения. Сегодня мне позвонил Панталей Матеев, уже в качестве кинодеятеля. Они хотят не только заснять выступление, но и записать доклад на магнитофон, поэтому просят дать им текст на день-два пораль-

ше. Из Кырджали приехала специальная делегация, чтобы вручить Димитрову удостоверение делегата съезда. Люди настаивают, чтобы Димитров их принял, хотят вручить документ лично.

Случившееся вокруг заявлений Георгия Димитрова в поезде по дороге в Джурджу я прослежу бегло здесь только затем, что оно было для меня еще одним поводом убедиться, каким непоколебимым сторонником болгаро-советской дружбы является Георгий Димитров, а вместе с тем увидеть его еще раз как человека и коммуниста.

Георгий Димитров был подвергнут критике — вначале закрытой, а потом и публичной — за его высказывания о федерации или конфедерации балканских, придунайских и некоторых других стран народной демократии. Высказывания были названы «вредными, наносящими ущерб странам народной демократии и облегчающими борьбу англо-американских империалистов против этих стран».

28-го вечером Димитрову было передано по прямой связи сообщение ТАСС о том, что в «Правде» опубликовано заявление, в котором наряду с другим говорилось: «...эти страны нуждаются не в проблематической и надуманной федерации или конфедерации и не в таможенной унии, а в укреплении и защите своей независимости и суверенитета путем мобилизации и организации внутренних народно-демократических сил, как правильно сказано об этом в известной декларации девяти коммунистических партий» [1].

Георгий Димитров пришел к выводу, что это сообщение должно быть опубликовано полностью и в болгарской печати, без каких бы то ни было сокращений. Он только счел необходимым, чтобы одновременно вышло и краткое заявление от имени БТА с известным объяснением. Это объяснение было написано им, в нем, в частности, указывалось, что «вопрос о создании федерации или конфедерации он (Председатель Совета Министров.— *Н. Г.*) считает преждевременным и неактуальным».

Димитров принял критику. Принял ее безусловно. Он недвусмысленно заявил: «Я сделаю соответствующие выводы».

Свидетельством того, что он действительно сделал для себя выводы, был столь внимательный подход к речи во время ратификации последнего союзнического договора.

Признавая свою ошибку, Димитров хотел предотвратить возможное использование его заявления западной пропагандой во враждебных целях и непрестанно укреплял болгаро-советскую

---

[1] Правда, 1948, 28 января.— *Прим. перев.*

дружбу. Поступающие через БТА сведения тем более давали основание для этого: реакционные западные круги пытались раздуть этот случай, вбить клин, трезвоня о якобы существующих «разногласиях». Хотя и с опозданием, но остервенело они бросились комментировать заявления Димитрова в поезде.

Димитров снова поставил на первый план великое общее дело, дружбу, единство. В нем взяли верх трезвость и реализм над обидой и ущемленным самолюбием. Это и было свидетельством его мудрости.

Димитров вновь возвратился к этому вопросу в своем докладе на съезде Отечественного фронта 2 февраля с. г. и во всеуслышание, в публичной самокритике, категорически заявил:

«...Пользуюсь случаем заявить, что критические замечания... по поводу той части моего последнего интервью, которая относится к вопросу о возможном создании федерации или конфедерации балканских и придунайских государств, включающей Польшу, Чехословакию и Грецию, и об образовании между ними таможенного союза, а именно, что «эти страны нуждаются не в проблематической и надуманной федерации или конфедерации и не в таможенной унии», а нуждаются в «укреплении и защите своей независимости и суверенитета путем мобилизации и организации внутренних народно-демократических сил, как правильно сказано об этом в известной декларации девяти коммунистических партий», что эти замечания... обоснованны и являются своевременным, ценным и полезным предупреждением против возможных увлечений, неуместных и вредных для народно-демократических стран» [1].

И счел необходимым совершенно определенно подчеркнуть:

«II конгресс Отечественного фронта собрался, чтобы продемонстрировать в нынешней международной обстановке безоговорочную и непоколебимую преданность нашего народа демократическому лагерю, его верность великому Советскому Союзу, возглавляющему этот лагерь. Наш народ нашел в этом лагере свое естественное место, и нет такой силы, которая могла бы оторвать нас от него, так как жизненные интересы и будущее болгарского народа полностью совпадают с интересами мирового демократического лагеря, возглавляемого великим Советским Союзом» [2].

Следует отметить, что и в этом случае, как и по другим поводам, Димитров проявил неповторимые качества коммунистической партийности. Партиец с большой буквы! Во имя великого

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 469.— *Прим. перев.*

[2] Там же, с. 456—457.— *Прим. перев.*

дела, во имя расцвета болгаро-советской дружбы, для того чтобы сохранить и укрепить единство, Димитров сдержал свои порывы, дал дорогу только принципиальному и положительному, тому, что сплачивает и объединяет.

Димитров так мотивировал во время одного из своих разговоров свои побуждения сделать упомянутые заявления: «Для повышения экономической мощи и обороноспособности страны нам необходимо сотрудничество с другими дружескими странами новой демократии». Если мы проследим, как формулировалась эта идея еще в 1946 г., то неизбежно придем к выводу: Димитров смотрел на эту идею только как на форму более тесного сотрудничества и более тесных связей с СССР, смотрел на нее как на этап к дальнейшему, еще большему кооперированию. При обсуждении ее он мог бы скорректировать ее и развить глубже, потому что в ней была заложена его забота о том, чтобы новые страны народной демократии покончили с разобщенностью и изолированностью и, руководствуясь коммунистическим идеалом, завещанным Марксом, Энгельсом и Лениным, объединились вместе с СССР в строительстве нового общества.

На самом деле верно — не была найдена удачная форма, не следовало такие важные декларации делать единолично. Но факт остается фактом: идея о тесной и многосторонней интеграции новых народно-демократических стран и СССР — не только по пути двусторонних договоров и не только по пути хозяйственного сотрудничества, но и на основе более высоких, более развитых форм международной организации — уже рождалась. «Но такая таможенная уния — жизненная необходимость для развития наших стран. Поэтому мы сознательно и смело подготавливаем ее осуществление с союзными странами, и она будет осуществлена» [1],— сказал буквально Димитров в своем заявлении. С проницательностью прозорливого политика заглядывал он вперед, в будущее. Диалектика современной жизни неизбежно вела к двум тенденциям — поощрять и развивать, с одной стороны, национальную независимость и самостоятельность, государственный суверенитет каждой отдельной страны и, с другой стороны, группироваться этим же самым независимым государствам в более крупные содружества (экономические, политические, военные), с помощью которых они могут устоять против также консолидирующегося противника и дать простор качественно новому развитию производительных сил, гарантировать тот самый суверенитет и ту самую независимость с помощью единственно эффективных совместных действий и работы.

---

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 13, с. 425.— *Прим. перев.*

Позже в ответ на объективно созревшую историческую, политическую, экономическую и идеологическую необходимость началось формирование Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Однако как реальный, первостепенный фактор он вырос позже.

Исключительно важная мысль была заложена в высказываниях Димитрова, но она не смогла вылиться в законченную концепцию.

29 января 1948 г., четверг

Внимание Г. Димитрова полностью направлено на подготовку II съезда ОФ.

Вчера в течение всего дня он никого не принимал, не хотел, чтобы его беспокоили и по телефону. Врачи предписали строжайшее соблюдение режима, с тем чтобы он мог сберечь силы для съезда, который потребует колоссального напряжения. Запрещены всякие встречи, не разрешается заниматься ничем, кроме вопросов съезда. Насколько я понимаю из материалов, проходящих через мои руки, готовится объемный, аналитический доклад, который будет продолжаться часа три. Попытался проникнуть к Димитрову с текущими документами на несколько минут, потому что некоторые вопросы просто напирают, но не сумел. «Потом!»

Вся печать и радио уже вплотную занимаются съездом.

Часть третья

Второй съезд Отечественного фронта; исторический доклад; об одной демонстрации; «большой капитал»; Г. Димитров — председатель ОФ; Андре Симон и «Коричневая книга»; герб и символ индустриализации; болгаро-советская дружба непоколебима; Адриана Будевская отправляется на родину

2 февраля 1948 г., понедельник

Второй съезд Отечественного фронта открылся сегодня утром.

В Народном театре собралось более тысячи делегатов со всех уголков страны — представителей различных слоев, партий и организаций ОФ. Краткое восторженное выступление Цолы Драгойчевой, нынешнего главного секретаря НК ОФ, было выслушано с вниманием.

Георгий Димитров выступил с большим — и по продолжительности, и по содержанию — докладом. Читал его сравнительно спокойно, сдержанно, явно сберегая свои силы. Однако, заканчивая, дал голосу волю и с таким порывом прочел последние строки, что зал буквально взорвался. Он закончил, сел на свое место, а овации все продолжались и продолжались.

...Над докладом он работал до поздней ночи. В последний момент внес одно изменение во внешнеполитический раздел. Там был абзац, в котором говорилось об агрессивных действиях современного империализма, о его отчаянных усилиях возродить германский милитаризм и фашизм, создать враждебный СССР и народно-демократическим странам империалистический фронт. Это место доклада он и дополнил, отметив, что агрессивные устремления американских империалистов находят усердную поддержку «черчиллей и их оруженосцев — бевинов», дав, таким образом, ясное определение незавидной роли правых лейбористов в Англии. Это новая и точная реплика в завязавшемся в последнее время диалоге Бевин — Димитров, достойный

ответ задиристым и злобным нападкам английского министра иностранных дел по поводу речи против лулчевистов в Народном собрании.

«Отечественный фронт, его развитие и стоящие перед ним задачи» — так озаглавлен доклад. В нем уже в самом начале определяются задачи съезда. Он призван преобразовать Отечественный фронт в единую общественно-политическую организацию с новой общей программой, с обязательной для всех дисциплиной и выборными руководящими органами, с помощью которых эта организация должна быть вполне способной справиться с новыми большими задачами, стоящими перед нашей страной. Перечисляются четыре основные задачи ОФ.

Первая — воспитывать народные массы и молодежь в духе народной конституции; укреплять у народа высокое сознание своей силы и роли как хозяина своей судьбы; еще более активно привлекать его к участию в управлении государством; воспитывать еще более высокое чувство национального достоинства и патриотического долга.

Вторая — содействовать всеми средствами максимальному развитию производительных сил, индустриализации и электрификации страны, максимально поднять ее экономическую мощь, превратив ее в современную индустриально-аграрную страну с развитой фабрично-заводской и горной промышленностью, широко применяющей электрическую энергию и искусственное орошение, с развитым современным транспортом и механизированным земледелием; развивать и все более расширять государственный, т. е. общенародный, сектор народного хозяйства; всячески поддерживать кооперативы крестьян и ремесленников, одновременно оказывать всестороннюю помощь и защиту самостоятельным земледельческим хозяйствам и ремесленникам; улучшать материальное и культурно-бытовое положение народа.

Третья — повысить обороноспособность родины.

Четвертая — обеспечить последовательное проведение правильной национальной внешней политики, краеугольным камнем которой являются союз и нерушимая дружба с СССР.

Обобщая сказанное, докладчик заключил:

«Осуществление этих задач в их совокупности будет означать ликвидацию остатков эксплуататорской, капиталистической системы и создание основ социалистического общественного строя в нашей стране» [1].

Таким образом, Отечественный фронт принял задачу построения социализма в нашей стране как свою общую и непосредст-

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 488.— *Прим. перев.*

венную задачу. По моему скромному мнению, это самый существенный момент в работе съезда.

В специальном разделе Димитров подчеркивает среди характерных черт будущей организации Отечественного фронта «широкое развертывание созидательной, творческой критики и самокритики, которая в наших условиях должна все больше и больше становиться и станет одной из основных движущих сил общественного развития» [1].

Выясняется и другой важный вопрос: отрицает ли образование единой организации существование и деятельность отдельных партий, входящих в Отечественный фронт? «Было бы вредным заблуждением думать, что у нас уже пришло время для ликвидации отдельных партий, входящих в Отечественный фронт, что они уже сыграли свою роль». Напротив, их существование оправданно, и впредь они будут приобщать к Отечественному фронту те слои населения, среди которых имеют влияние и связи, содействовать созданию полного морально-политического единства нашего народа. Новое состоит в том, что сейчас партии должны развивать свою деятельность в соответствии с программой Отечественного фронта, подчинять ее требованиям его устава [2].

Так Димитров начертал с теоретической и стратегической точек зрения перспективы нашего общественно-политического развития.

В разделе о международном положении докладчик разъяснял, что силы мира, демократии и социализма гигантские; если они проявят необходимую выдержку и твердость, империалистическая агрессия будет обречена на провал: «Мы живем в период, когда социализм поставлен в порядок дня, когда нельзя идти вперед, не идя к социализму. Путь к социализму различен для различных стран, в соответствии с их историческими, национальными и другими особенностями, но это неизбежный и единственно спасительный путь для всех стран и всех народов» [3].

На нескольких страницах прослеживаются исторические корни Отечественного фронта и делаются важные для нашего народа выводы.

После доклада руководство заседанием принял Кимон Георгиев. В нем чувствуются перемены. На всех произвело впечатление, что он — хотя и как-то неумело и с известной неловкостью — уже постоянно употребляет обращение «товарищ» и «то-

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 489.— *Прим. перев.*

[2] См. там же, с. 490.— *Прим. перев.*

[3] Там же, с. 456.— *Прим. перев.*

варищи». Вчерашняя передовая статья в газете «Изгрев» написана им; в ней говорится о светлых перспективах, открывшихся перед нашим народом, и вполне определенно употребляются неоднократно выражения «товарищ Димитров», «наш товарищ Димитров»! Сегодня утром Кимон Георгиев обращался так уже ко всем, даже и к «товарищу Мархолеву», к «товарищу Славчо Стоилову»... Эта на первый взгляд мелкая деталь — символ нашего времени.

После обеда выступали с приветствиями рабочие, крестьяне, ремесленники, молодежь, воины, сентябрята, представители турецкого меньшинства. Все выступления были выслушаны внимательно и сопровождались самой искренней радостью. Начали приветствовать съезд и зарубежные гости.

Слово предоставили Василу Коларову. Зал встретил его с большой любовью — несколько минут ему аплодировали, скандируя: «Коларов», «Коларов». Он высказал благодарность зарубежным гостям за приветствия, произнес стройную речь, в которой были и величие и простор. Мастер слова! Внезапно замолк на полуслове. Все с тревогой смотрели на него. Он стоял, молчаливый и бледный, легко склонил голову вниз. Стоял так, безмолвный, около полминуты, опершись на трибуну. Дежурные врачи засуетились за сценой. Доктор Симеонов взял в руки какой-то пузырек и, поскольку я был рядом, сказал мне:

— На всякий случай!

(Нам было известно, что у Коларова старый порок сердца.)

Но необходимость появляться врачам на сцене отпала. Ему стало легче, он снова продолжил свою речь, но чувствовалось, что силы еще не вернулись к нему. Что-то из уже сказанного повторил. Постепенно пришел в себя и продолжал:

— То, что создает наш народ, является вкладом в общечеловеческий прогресс. Не только большие народы творят прогресс человечества, вносят в него вклад и малые народы.

Во время одного из заседаний Димитров сказал мне нервно:

— Дайте мне чистый лист бумаги.

Я не знал, для чего он ему. Спустя немного, он попросил оформить как проект решения Политбюро написанную красным карандашом записку следующего содержания:

«...Политбюро, принимая во внимание речь... в которой *главный руководитель партии и Отечественного фронта товарищ* Георгий Димитров квалифицируется как *«великий вождь»* или *«самый великий сын родины»,* что случается и в печати... предлагает всем партийным работникам и особенно редакциям и руководителям печати *избегать подобных неуместных и вредных лестных выражений».*

К концу дня записка была подписана членами Политбюро и оформлена как решение.

Незадолго до окончания заседания Димитров вышел из зала.

Вчера была открыта очередная сессия Народного собрания. Впервые в зале был вывешен на красном фоне новый герб республики.

3 февраля 1948 г., вторник

Начались прения по докладу. Председательствующий предоставил слово для выступления товарищу Кимону Георгиеву, который сказал:

— Наша вера в силы демократии безгранична, наше будущее едино. Демократия совершает победный марш. Новая программа закладывает основы более совершенного общественного строя, каким, бесспорно, является социалистическое общественное устройство.

Тодор Живков заявил четко, вдохновенно:

— Мы уверяем вас, товарищ Димитров, и вас, товарищи делегаты, что сумеем использовать возросший энтузиазм и подъем для создания в столице единой общественно-политической организации, условия для которой давно созрели.

Христо Здравчев из Бургасской области:

— Программа Отечественного фронта была встречена особенно хорошо и с большим интересом беспартийными массами. Люди говорят: «Вот когда будет образована наша партия»; у Отечественного фронта такое влияние и авторитет среди беспартийных масс, какого у партии в отдельности нет.

Георгий Енчев, земледелец из Свиштова:

— В работе съезда Земледельческого союза содержалось много мудрости. Мы встретили Димитрова так, как встречали нашего учителя Стамболийского и Даскалова. Я видел слезы на глазах старых объединенных земледельцев, причиной которых были высказанные им напутствия... Дело святое, дело чистое. Мы уже учимся целых три года. Я сейчас сдаю экзамен, как нужно работать.

Искренний оратор. Речь его произвела глубокое впечатление.

Димитр Нейков:

— Мы будем идти на взаимодействие не с буржуазными партиями, а вместе со всем народом будем строить социалистическое общество.

Во время речи Нейкова в зал вошел товарищ Димитров, встреченный очень радушно.

Георгий Трайков:

— На съезде Земледельческого союза мы приняли программу Отечественного фронта как свою собственную. Много лет мы пытались вести борьбу в одиночку за выполнение задач, которые ставили перед собой, сумели даже взять самостоятельно в свои руки власть. Но, несмотря на то что руководителем Союза был тогда Стамболийский, мы не удержали власти, свергнутые немногочисленной буржуазной реакцией. Это научило нас участвовать в борьбе в одном ряду с Рабочей партией. Поэтому вполне естественно, что Земледельческий союз отозвался на призыв Коммунистической партии и товарища Димитрова о создании Отечественного фронта. Межпартийная борьба все больше и больше будет терять свою остроту. Не взаимная борьба, а сотрудничество! Мы знаем, нет трех путей, нет трех сил, есть только два пути — путь капиталистической эксплуатации и путь социализма. Мы видим самую лучшую защиту наших интересов только в совместной, рука об руку с рабочими, борьбе за социализм.

Речь его лаконичная, продуманная, эмоциональная. Он умеет вложить в свое выступление много пафоса, но знает необходимую меру.

— Да здравствует единство! — закончил Трайков.

Зал начал скандировать: «Да здравствует Димитров!», «Димитров! Димитров!» Димитров встал, постоял немного, кивнул головой и сел, потом подал знак рукой: «Пора уже и остановиться». Затем последовал еще более энергичный жест: «Хватит, хватит, хватит! Остановитесь же!»

Али Рафиев:

— Сегодня турки свободно живут и развиваются. Мы заявляем, и пусть это слышат ялчины[1] и их господа за океаном, что турецкое население выступает за Отечественный фронт.

Таир Салимов:

— В Болгарии живут 250 тысяч цыган. У нас не было раньше своего места в жизни, не было никаких гражданских прав, наши дети не получали никакого образования. Их школой была улица. После 9 сентября мы стали полноценными людьми. В будущем году мы дадим сотни ударников хозяйственного фронта. Ведется борьба за ликвидацию неграмотности, проявляется забота о цыганках-матерях.

Салимов вызвал турецкое меньшинство на соревнование за включение в общественно полезный труд и повышение культурного уровня. По залу прошло оживление, раздался смех, возгласы «браво!».

[1] Ялчин — турецкий журналист, который специализировался на желчной, ядовитой клевете против Болгарии.

Михаил Андреев, представитель Добричской околии:

— В Добрудже нет электричества, нет воды, нет дорог, железнодорожных линий, нет общественных зданий, школ, больниц, домов отдыха, родильных домов. Есть села, жители которых носят питьевую воду за несколько километров. Наша надежда — в программе Отечественного фронта.

Неожиданно из-за кулис на сцену вышла к рабочему президиуму какая-то старушка, в завязанном под подбородком черном платке, какие носят обычно во время траура, и медленно направилась к товарищу Димитрову. Она обняла его и поцеловала, что-то тихонечко сказав ему. Он ответил сочувственно. Зал с недоумением, затаив дыхание, следил за этой сценой. Цола Драгойчева пояснила, что это бабушка Иванка Колева из Хаскова, сын ее погиб в районе Бургаса, будучи партизаном. Товарищ Димитров и бабушка Иванка поговорили, и она ушла. Он тотчас вызвал меня и велел организовать старушке бесплатный проезд до Бургаса, к месту гибели ее сына, кроме того поручил принести ему какой-нибудь его (Димитрова) портрет. Когда я через некоторое время передал портрет, он сделал на нем надпись для бабушки Иванки. После обеда я организовал все необходимое для ее отъезда, вручил билет и портрет. Благодарности ее не было границ.

Тодор Павлов коснулся вопросов работы академии. Вместе с тем он заявил:

— Болгаро-советские общества стоят на посту, на стороне Отечественного фронта.

Димитр Димитров с габровской фабрики «Надежда»:

— 86 рабочих — сейчас директора предприятий. Рабочие и руководители гордятся успехами промышленных предприятий после национализации.

Йорданка Найденова, жена Ради Найденова, говорила о деятельности единого женского союза.

Утренние газеты объявили, что после обеда, в 16.20, на площади перед Народным театром созывается митинг с демонстрацией в связи с окончанием работы II съезда Отечественного фронта. Выступление на митинге было поручено Тр. Костову.

4 февраля 1948 г., среда

Вчера после обеда Димитров пришел на съезд к половине пятого, и ему сразу же было предоставлено заключительное слово по докладу. Так как все в своих выступлениях были единодушны, он сказал:

— Прошу освободить меня от заключительного слова,— и пошел на свое место.

Слово было предоставлено докладчику по Уставу. В своем выступлении он сообщил, в частности, что внесено изменение в наименование руководящего органа Отечественного фронта: вместо Национальный комитет — Национальный совет. Оратор пояснил, что это делается по предложению Димитрова. Действительно, Председатель Совета Министров изложил в эти дни свое обобщенное понимание наименований национальных руководящих органов. Он считает, что название «комитет» необходимо сохранить только за руководящим органом БРП(к), ее Центральным Комитетом (разумеется, и за ЦК СНМ). Все другие руководящие органы должны иметь другие наименования — «советы» и пр.

Митинг начался в 16.30. Времени для его организации было совсем мало, поэтому высказывались опасения, что люди могут не собраться. Вначале казалось, что на небольшой площади перед Народным театром не соберется много народу, не были заполнены целиком даже некоторые из близлежащих аллей городского сквера. Но скоро стало ясно, что опасения эти напрасны. Казалось, что здесь собралась вся София. После митинга я разговаривал с тов. Тодором Живковым.

— Это неожиданно и для нас. Мы думали, что будет значительно меньше людей,— сказал он.

Первым на трибуну вышел Трайчо Костов. Он говорил пламенно и сильно. Речь свою он снова произносил по стенограмме, но не читал, а лишь время от времени поглядывал в свой блокнот. Он особенно подчеркнул то место из выступления генерала Гундорова [1] на съезде, где говорилось, что Советский Союз готов и в будущем оказывать нам всестороннюю помощь в случае любой опасности, откуда бы она ни исходила.

Большинство зарубежных гостей присутствовали на митинге и заняли места недалеко от трибуны для выступлений.

Митинг закончился, и я направился в зал заседаний. Неожиданно столкнулся с Димитровым, выходившим мне навстречу. Сказал ему, что митинг прошел исключительно хорошо и уже началась демонстрация. Он крайне удивился:

— Как так, закончился митинг и началась демонстрация? А вы меня не предупредили! Я специально послал человека, чтобы он сказал вам. Почему вы мне не сообщили? Вы должны были предупредить меня о начале демонстрации.

Не дождавшись моего объяснения и извинения (среди нас, его помощников, произошло какое-то досадное недоразумение, подобного сообщения мне никто не передавал), он немедля

---

[1] А. С. Гундоров — председатель Славянского комитета.— *Прим. перев.*

пошел на трибуну. Его появление было встречено бурными овациями. Только что начавшаяся демонстрация остановилась. Те, кто были сзади, напирали вперед, прошедшие возвращались; со всех улиц и аллей народ заспешил к маленькой площади. Димитров, улыбаясь, махал им шляпой. Народ ликовал.

После настоятельных усилий организаторов и милиции демонстрация потекла. В отличие от других, в ней не чувствовалось внутренней организации, почти не было плакатов и лозунгов, лишь кое-где развевались знамена. Только люди, люди — с поднятыми для приветствия руками и улыбающимися лицами. Все так было переполнено и уплотнено, что ребята из одного школьного оркестра, для того чтобы продвигаться, вынуждены были поднять барабан над головой. Детишки, сидевшие на плечах отцов и матерей, махали обеими ручонками.

Слева от театра пробиралась группа учеников 5-й софийской прогимназии. Крик, порыв, напор, устремленные вперед руки. Милиционеры едва удерживали их движение. Димитров, увидев их, тотчас подал милиции знак рукой — дети мигом, как стая птиц, влетели на освободившееся перед трибуной место и начали по-детски восторженно выражать свою любовь к Димитрову, свою большую радость от того, что видят его так близко, почти рядом с собой. Они стояли более получаса, пока прибывающие волны демонстрантов не отнесли их в разные стороны.

Медленно проходила группа за группой. Шествие продолжалось два часа. Не было притворства, искусственного энтузиазма насильно доставленных людей! Нет! Это было самым сердечным, искренним и глубоким выражением естественных чувств, настоящим праздником, который глубоко трогал и волновал! «Революция — это праздник народов»,— вспомнил я слова Ленина. Вот он — праздник нашего народа! Кто не может оценить объективно это народное торжество, тот не может понять новое содержание подлинной демократии — народной демократии. Стоило лишь вглядеться в лицо кого-нибудь из демонстрантов, как сразу можно было увидеть все величие чувств народа. Демонстрация произвела на всех глубокое и неотразимое впечатление. Чувствовалась та настоящая, неповторимая, чистая радость, какая была непосредственно в день 9 сентября. Решительные мероприятия народной власти, партии и Отечественного фронта в последнее время, и прежде всего блестяще проведенная национализация, пробудили в народе новые силы и новые большие надежды. И сейчас эти силы и надежды проявлялись.

Уже стемнело, прожекторы освещали снопами своих лучей сотни, тысячи поднятых рук и придавали серебристый цвет наклонившимся ветвям деревьев.

На демонстрации присутствовал и корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс. По поводу единодушного избрания рабочего и почетного президиума съезда он заявил: «Здесь нет никакой демократии, это скрытое насилие». А сейчас этот господин растерялся: он беспрестанно сновал взад-вперед со своим фотоаппаратом и не знал, что фотографировать прежде всего. Вот она, наша демократия, господин представитель Ассошиэйтед Пресс! Такая, какую вы или не можете, или не хотите понять! Мы едины и вместе идем в борьбе за лучшее будущее народа!

Только после того, как прошел духовой оркестр, Димитров вместе с министрами и гостями вошел в театр.

На съезде был объявлен получасовой перерыв. Тем временем там была принята программа, а по докладу Г. Кулишева — манифест.

Кабинет директора театра Георгия Караславова в эти дни был приспособлен для рабочего места Георгия Димитрова. В перерывах здесь проходили отдельные совещания, последние уточнения в списках Национального совета и т. д.

После перерыва съезд приступил к выборам руководящих органов. Прежде всего в соответствии с вновь принятым уставом необходимо было избрать председателя Национального совета Отечественного фронта. Председателем был избран единодушно с бурными овациями Георгий Димитров. Начались выборы членов Национального совета — 155 человек. За каждого нужно было голосовать в отдельности. Эта процедура была введена по инициативе Димитрова — каждый член Национального совета должен чувствовать персональную ответственность! Одному из кандидатов дали отвод. В список входят все руководители отдельных партий Отечественного фронта, видные деятели науки и культуры, много рабочих-ударников, рядовые члены кооперативов, единоличники, женщины, представители молодежи.

Димитрову предоставили слово для заключительного выступления. Он говорил пламенно и твердо, с подъемом. Как всегда, он жестикулировал обеими руками, часто сжатыми в кулак. Воодушевил всех, зажег делегатов. Мы очень часто, сказал он, злоупотребляем словом «исторический», но «II съезд Отечественного фронта совершил действительно историческое дело»; и он перечислил: съезд принял программу, «осуществление которой должно превратить и превратит Народную Республику Болгарию в цветущую, сильную духом, сильную своей экономической и культурной базой, сильную по отношению к зарубежным злопыхателям страну»; создана народная общественно-политическая организация — Отечественный фронт, и она должна быть построена в короткий срок во всей стране; сделан решительный

шаг на пути окончательной ликвидации всех остатков элементов партийной коалиционности внутри Отечественного фронта [1].

«Все новое, здоровое, жизнеспособное — все, что имеет будущее, представлено на этом съезде избранными народом делегатами. Демократический дух болгарского народа, его стремление к лучшему будущему воплощены в решениях, принятых съездом, в программе, утвержденной им, в уставе, узаконенном им в качестве своей конституции» [2].

Он обратил особое внимание на демократизм, царивший в работе съезда.

Каждое слово Димитрова зал слушал затаив дыхание. Конец речи, сильный своей образностью и проникновенностью, пленил сердца всех.

«Давайте сплотимся в такую единую дружину, которую невозможно было бы поколебать ни изнутри, ни извне; в дружину, которая была бы способна отбивать и правой и левой рукой, и левой и правой ногой и особенно своей крепкой головой и своим железным кулаком все удары, атаки, козни и интриги наших врагов, преодолевать все трудности и препятствия, бороться со всем гнилым, старым, умирающим в нашей действительности, наследием капитализма в нашей стране» [3].

Димитров отправился на свое место и, стоя, вытирал платком пот, а зал продолжал аплодировать. Проходили минуты, аплодисменты не стихали. Председательствующий уже успел сказать, что съезд закончил свою работу, а зал продолжал с еще большей силой аплодировать. Все стояли, и никто не хотел уходить. В сознании всех делегатов жила мысль, что совершено большое, как только что сказал Димитров, великое историческое дело. Вдруг в глубине зала кто-то запел. Весь зал поднялся и подхватил песню. Песню подхватили и президиум, и тов. Димитров. Зарубежные гости, поднявшись, как и все, сияли. Стихла эта песня. Тогда Димитров сам запел новую — «Дружную песню» Киркова. Ее подхватили мощные голоса. Группа делегатов выкрикнула лозунг привета борцам Греции. Съезд будто только того и ждал. Величественный момент. Греческий гость, тов. Апостолу, не понимая слов, быстро попросил ему объяснить. Радость засияла на его лице, он быстро вскочил на свой стул, поднял вначале одну стиснутую в кулак руку, затем обе руки и начал провозглашать лозунги.

Вдруг в зале подхватили «Интернационал». Димитров и другие члены президиума заколебались, но только на миг, а потом

---

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 13, с. 509—512.— *Прим. перев.*

[2] Там же, с. 513.— *Прим. перев.*

[3] Там же, с. 514.— *Прим. перев.*

сразу и президиум во главе с Димитровым подхватил эту песню. Великий символ. Пело и большинство зарубежных гостей. Международный боевой марш гремел под сводами театра на десяти языках.

Второй съезд Отечественного фронта закончился.

Характерна реакция англичанки мисс Аллен, добродетельной либеральной дамы из Англии, лет пятидесяти. Она ездит из страны в страну и интересуется преимущественно положением женщин. Вначале она смотрела на все с простым любопытством и без особого интереса. Я следил за выражением ее лица. Оно изменялось буквально с каждым часом. К концу съезда мисс Аллен уже полностью передалось общее настроение.

Сегодня для членов Национального совета и зарубежных гостей был устроен прием в Совете Министров. Пришла туда и мисс Аллен. Во время заседаний съезда я хотел воспользоваться каким-либо случаем и спросить ее переводчицу о впечатлениях гостьи. Но случая не представлялось. Наконец сегодня я увидел, что они сели одни в сторонке, и предложил одному из товарищей подойти к ним. Он принял мое предложение.

— Что произвело на нее самое сильное впечатление?

— Энтузиазм народа, единство и согласие. Должна вам сказать, что любой человек на Западе, даже при желании, не сможет понять, что происходит в вашей стране. Прошло всего четыре дня, как я покинула Англию, а кажется, будто я нахожусь в другом мире. Такую демонстрацию невозможно провести в Англии ни за что на свете, несмотря на то что в Лондоне живет семь миллионов человек. Дружеские отношения, существующие между различными слоями народа, так естественны. Димитрова я вижу в первый раз. Это выдающийся человек, и вместе с тем он такой человечный. Хотя газеты в Англии и не сообщают об этом, он у нас очень популярен и очень любим. Стоит, например, упомянуть его имя на каком-нибудь рабочем собрании, раздаются аплодисменты. У меня за три дня накопилось столько впечатлений.

— Поняла ли мисс, что означает наш Отечественный фронт?

— Очень хорошо поняла и буду объяснять всем, когда уеду. Очень большое впечатление произвело на нее пение песен и направление телеграмм.

— Имеет ли мисс ясное представление о новой демократии?

— Хорошо будет, если больше людей приедут к вам и увидят все сами.

На приеме много плясали хоро. Димитров увлек в танец и мисс Аллен, и она притопывала медленно вместе со всеми.

Был там он допоздна, почти до половины первого.

Вечером для делегатов исполнялась опера «Борис Годунов». В главной роли Христо Брымбаров, замечательный мастер.

Всем зарубежным гостям Димитров подарил свою книгу (том третий) с автографом.

5 февраля 1948 г., четверг

Вчера в половине пятого, после обеда, в Народном собрании собрался вновь избранный Национальный совет Отечественного фронта. Заседанием руководил Георгий Димитров, председатель Национального совета. Работали над окончательной редакцией программы и устава Отечественного фронта. Оба документа были одобрены единодушно. После этого приступили к принятию последней редакции манифеста. Зачитал его Поптомов. Текст его был длинный, написанный невыразительным языком, он почти повторял программу и доклад. Чувствовалось сразу, что этот документ на манифест не похож. Выступавшие один за другим не одобряли его, подвергая критике. Титко Черноколев наиболее точно сформулировал, что должен содержать манифест: быть кратким, ясным, теплым, призывным, таким, чтобы его можно было вывесить в любой корчме, донести до последней лачуги. Большинство высказавшихся внесло конкретные предложения, указывало, что и как поправить. Димитров два-три раза обращался к комиссии по подготовке манифеста.

— А вы записывайте, записывайте замечания!

Внесли предложение прекратить обсуждение, но Димитров не принял его.

— Может быть, товарищи выскажут еще какие-либо предложения, которые необходимо будет иметь в виду.

Он старался уже на первом заседании создать творческую атмосферу, обстановку свободного обсуждения, товарищеской критики и дискуссии. После того как выступило достаточное число людей, председатель Национального совета подвел итог:

— Проект необходимо вернуть комиссии для его переработки в духе высказанных замечаний.

Он сам внес предложения, кого из товарищей привлечь, с тем чтобы закончить работу на более высоком литературном и политическом уровне.

Выборы тоже прошли в духе деловитости и единодушия. Были избраны Исполнительный комитет из 34 человек и Постоянное бюро из 10 человек. Как видим, терминология и аппарат — нечто среднее между БРП(к) и БЗНС. Был избран главный секретарь Национального совета. Пять человек выбраны секретарями. По составу кадров видно, что партия сосредоточивает свои

силы в Национальном совете и в Отечественном фронте вообще как в единой организации.

Кимон Георгиев сидел молча. Время от времени он лишь поднимал руку, когда нужно было голосовать. Это мимолетное впечатление, быть может, ничего и не значило, но мне интересно наблюдать за ним и следить за его реакцией.

Димитров закрыл заседание кратким напутственным словом. Спокойно, без напряжения он постепенно развивал свои мысли. Остановился на новом большом подъеме, который охватил наш народ, привел в качестве примера вчерашнюю демонстрацию, которой он дал очень высокую оценку. «Это доверие Отечественному фронту. Это твердая вера в то, что надежды, которые народ связывает с осуществлением программы Отечественного фронта, будут оправданы»[1]. Это наш большой капитал. Наш долг — не растратить его, а оправдать. «И не дай бог, если мы, Национальный совет и правительство Отечественного фронта, не оправдаем этих надежд!»[2]

У нашего единства, указал Димитров, принимая во внимание работу съезда, действительно здоровая основа, но нельзя закрывать глаза на то, что не везде и не всегда будет так. «Здесь будут необходимы и большое умение, и большое терпение, и большая разъяснительная работа, и известные взаимные уступки между деятелями Отечественного фронта в каждом отдельном месте в рамках нашего устава и на основе принятой нами общей программы»[3].

После этого председатель Национального совета задержал внимание присутствующих на новой тактике, которую попытается применять внешний и внутренний противник,— будут усиливаться подлые интриги, наблюдаться различные попытки внести элементы разложения в ряды Отечественного фронта. Мы должны быть вооружены идейно-политически. Самое большое за один месяц необходимо создать организацию Отечественного фронта во всей стране, снизу доверху.

Речь его была воспринята всеми с большим пониманием.

Я немедленно договорился со стенографами, как можно быстрее расшифровать ее для того, чтобы передать в печать.

В публикациях зарубежной прессы содержатся острые нападки на Димитрова лично: или за речь против оппозиционной группки, или по поводу его заявлений, или в связи со съездом.

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 497—498.— *Прим. перев.*

[2] Там же, с. 498.— *Прим. перев.*

[3] Там же, с. 496.— *Прим. перев.*

Я только что вспоминал о Кимоне Георгиеве. Хочу до конца понять его. А он почти уже уходит из нашего рассказа и если будет появляться, то редко и совсем на непродолжительное время. В политической жизни, однако, он еще многие годы будет занимать свое место.

В качестве министра в последующих кабинетах, и особенно в качестве министра электрификации и мелиорации, К. Георгиев пользовался уважением человека, проницательного в работе, умеющего овладеть тонкостями соответствующей отрасли и руководить с высоким знанием дела. Государственный руководитель, знающий свое дело, вникающий в его суть, обладающий удивительной деловитостью,— таковым было общее убеждение.

Уже будучи в преклонном возрасте, Кимон Георгиев поступил в институт на электротехнический факультет и, как говорили, успешно закончил его.

Во время заседаний Совета Министров проявлялась и другая черта характера Кимона Георгиева — его способность владеть собой. Он умел хладнокровно выслушать и подождать, пока не будут высказаны все возражения против его предложений, почти никогда не терял самообладания, не взрывался. Даже тогда, когда он сильно нервничал (все лицо его и шея воспламенялись) и казалось, что вот-вот раскричится, и в этом случае он никогда не доходил до резкости и грубости, не ополчался на своих оппонентов, а всегда мог сдержать себя. Он внимательно прислушивался к чужим доводам и, убедившись, что они правильны, принимал их.

Прошло много лет. На IX съезде нашей партии (1966 г.) в президиуме в качестве почетного гостя сидел и товарищ Кимон Георгиев, которому было уже 86 лет. Кимон Георгиев не только встал вместе с коммунистической партией на позиции социализма, но и до конца остался нашим верным товарищем по борьбе. Его эволюция — это эволюция честного болгарского патриота, который понял, что путь, указанный партией,— единственный путь действительного обновления и развития страны. Вопреки огромным для него как личности трудностям, он не сделал ни одного шага в сторону от ОФ и от честного союза с партией. По праву газета «Отечествен фронт» назвала его в связи с его 90-летием «большим патриотом и демократом, подлинным деятелем Отечественного фронта и выдающимся болгарином».

9 февраля 1948 г., понедельник

В субботу вечером я поехал во Врану на доклад.

Заканчивался перегруженный, трудный рабочий день Димитрова. Состоялось продолжительное заседание Совета Министров,

проходившее почти весь день и закончившееся только к 17 часам; рассмотрен был ряд законопроектов перед внесением их в Народное собрание; наряду с другими было принято решение наградить писателя Людмила Стоянова Золотой медалью за достижения в области науки и искусства и в связи с его 60-летием.

Сразу же после этого состоялось заседание Комитета по военным и внешнеполитическим вопросам. Когда я прибыл во Врану, члены комитета только что начали расходиться. А вслед за этим предстоял прием венгерского посланника и корреспондента «Руде право» Андре Симона.

Тяжелый день!

После венгерского гостя прибыл Андре Симон. В сущности, зовут его Отто Кац — известное имя. Он один из двух редакторов-соавторов «Коричневой книги» и, насколько я понимаю, инициатор ее издания или, самое малое, один из инициаторов. «Коричневая книга» — единственный в своем роде исторический документ. Она появилась в период между поджогом рейхстага и началом процесса в сентябре и стала безжалостным разоблачением компании Гитлера, как действительного и прямого поджигателя рейхстага, имевшего далеко идущий коварный, разбойничий замысел. Она была делом нескольких, преимущественно немецких, антифашистов-эмигрантов и была издана в Париже. Незамедлительно была переведена на многие языки (немного позже и на болгарский) и сыграла немалую роль в деле антифашистского воспитания интеллигенции и особенно нашей молодежи. Хотя после переворота 19 мая 1934 г. «Коричневая книга» в Болгарии была запрещена и преследовалась, она передавалась из рук в руки и читалась с жадностью. Сам Димитров не видел книги, но ее аргументы висели дамокловым мечом над фашистским трибуналом. Обвинение вынуждено было непрерывно защищаться от этих аргументов. Димитров на одном из очередных заседаний предложил разрешить ему использовать книгу. Разумеется, ему было отказано.

В то время, когда вышла «Коричневая книга», Димитров еще не был тем героем, который выдвинулся потом как выдающийся политик, тактик и стратег и превратил Лейпцигский процесс в арену борьбы двух политик, двух мировоззрений, двух миров. Всего этого в книге нет, здесь Димитров еще только выдающийся деятель БКП и политэмигрант. Но она ценна своей неопровержимой правдой.

Андре Симон, насколько я понял, в то время был сотрудником международной пролетарской организации (МЕЖРАБПОМ) в Париже, где он и внес свой ценный вклад в создание «Коричневой книги».

• Товарищи из редакции газеты «Работническо дело» обратили особое внимание на нашего редкого гостя, взяли у него интервью, рассказали о нем, назвав его «журналистом высокого класса с международным опытом», пользующимся «всемирной известностью». Его заявления, на мой взгляд, представляют большую ценность. В Болгарии он впервые.

Первое, что бросилось ему в глаза,— «тесная связь между Председателем Совета Министров Георгием Димитровым и народом. Когда Димитров вышел на трибуну и все поднялись приветствовать его, нам стало ясно, что здесь выступает один из великих сыновей Болгарии, человек, который ни на секунду не потерял своей связи с народом». Неизгладимый след в памяти гостя оставила «славная демонстрация. Я видел много демонстраций в разных столицах мира, но никогда до сих пор не присутствовал на демонстрации, которая состоялась при закрытии съезда Отечественного фронта и которая была выражением полной свободы и железной воли не допустить, чтобы колесо истории было повернуто вспять. Это была внушительная манифестация глубокой неразрывной связи между Димитровым и народом».

В конце своего интервью он сказал: «Я очень счастлив, что имею возможность видеть Болгарию. *Хочу сказать, что это значительно ценнее всего того, что мне довелось видеть во многих странах»* (курсив мой.— *Н. Г.*).

Пока он ожидал приема, мы с ним наговорились вдоволь. Это человек лет пятидесяти пяти, энергичный, я бы даже сказал, динамичный, с быстрой и острой мыслью, с очень хорошим отношением к Болгарии и к Димитрову лично. С Димитровым, как я понял, он встречается впервые. Я спросил его, между прочим, и о положении в Чехословакии; он сказал, что в стране очень сильны германофобские настроения.

— Чехи не хотят и слышать немецкой речи в Праге.

Спросил его о снабжении в Чехословакии.

— Ваш народ лучше, чем в Чехословакии, снабжается жирами и мясом, но хлеба у нас получают немного больше вашего — 350 *г*. У нас население почти не получает никаких овощей.

Димитров беседовал с ним продолжительное время.

Наконец наступила пора доклада, хотя уже и было довольно поздно. Выслушал меня Димитров терпеливо, до конца.

— Примите меры для ответа на все телеграммы с приветствиями в связи со съездом,— сказал он мне.

Потом спросил:

— Есть ли враждебные письма? Что в них?

Сказал ему, что уже нет. Действительно, после того случая, когда их сразу скопилось больше обычного, таких писем мы сей-

час не получаем. Он посмотрел на меня испытующе, с легким сомнением во взгляде, но похоже было, что мой вид внушал ему доверие, и он продолжил:

— Следите за ними и немедленно докладывайте мне!

Он встал и собрался уходить. Я напомнил ему, что завтра состоится чествование 35-летия творческой деятельности Николая Райнова. Известный деятель нашей культуры, историк искусства, писатель, художник, профессор Академии художеств. Райнов — человек высокой культуры и широкой эрудиции, с причудами в личной жизни и без особой идейной и политической ориентации (сын его, Богомил, еще со школьных лет участвует в нашем движении). Председатель Совета Министров поручил заглянуть к нему завтра, в воскресенье, чтобы отправить приветствие юбиляру, а потом вернулся, сел и написал его. Вначале он написал его теплым, а затем сделал несколько сдержаннее. Вручая мне текст, добавил:

— Этим мы исполнили свой долг перед ним.

Подписал для юбиляра и одну из своих книг, которую тоже передал мне для вручения.

В воскресенье я пошел на торжественное собрание в кинотеатр «Республика». Оказалось, что участников собралось больше, чем может вместить зал. Собрание открыл Тодор Павлов. Он высоко оценил деятельность юбиляра и, как мне показалось, перехвалил его заслуги.

Приветствие Димитрова прочел Александр Обретенов.

В конце собрания юбиляр — с лицом аскета, которое излучало глубокую, тонкую мысль,— ответил на приветствия. Поблагодарил прежде всего «нашего общего любимого, гениального (!) вождя Георгия Димитрова».

Вечером я позвонил Димитрову и рассказал о событиях дня. Выслушав меня, он в свою очередь сказал мне:

— Я несколько дней не буду во Вране. Наиболее важные дела доложите мне потом.

Больше он мне не объяснил ничего, я же не имел права и не мог интересоваться. Понял только, что будет отсутствовать и Трайчо Костов.

Сегодня утром болгарская делегация на высшем уровне в составе Георгия Димитрова, Васила Коларова и Трайчо Костова вылетела в Москву с неофициальным визитом. Я узнал, что приглашение было получено накануне съезда.

[Приглашение было направлено и югославской делегации на высшем уровне. В Москву отбывают Э. Кардель, М. Джилас[1] и

---

[1] М. Джилас позднее стал ренегатом.

Бакарич; И. Б. Тито не участвует во встрече. Советскую делегацию возглавляет И. В. Сталин. В состоявшихся трехсторонних и двусторонних переговорах затронуты животрепещущие вопросы, рассмотрены взаимоотношения между братскими странами.]

12 февраля 1948 г., четверг

Хотя с каждым днем становится холоднее, все еще тепло. С утра лишь немного подмораживает, а днем иногда дует слабый ветерок. Сведения о посевах радуют. Вчера вечером у меня был товарищ из Плевена, который подтвердил, что посевы развиваются очень хорошо.

Сейчас у нас период политического затишья. Съезд прошел, буря прошла. Дел много, но все-таки напряжение спадает. Руководство наше отсутствует. Вчера была опубликована инструкция Национального совета о создании организаций Отечественного фронта. Все необходимо закончить до 10 марта, работа будет вестись по территориальному принципу. Сегодня в газете «Изгрев» появилось первое, насколько мне помнится, инструктивное письмо руководства «Звена», в котором они рекомендуют своим людям принять активное участие в создании организаций. Зарубежные журналисты почти все разъехались. Топенчаров 10 февраля выступил в газете «Отечествен фронт» со статьей «Держите вора!», разоблачающей Лоуренса, злорадного корреспондента «Нью-Йорк таймс». Сделано весьма удачное сопоставление между американской лжедемократией и зарождающейся в нашей стране социалистической демократией.

В течение нескольких дней отвечаю на телеграммы, полученные в период работы съезда. Это сейчас основное мое занятие. Их так много, что порой не знаешь, как избежать повторений. Телеграммы и письма создают очень ценную, непосредственную связь Димитрова с местными руководящими работниками, с рабочими, крестьянами, бедняками, неимущими. Люди чувствуют, что бай Георгий, товарищ Димитров, Георгий Димитров близок им, свой, что руководитель партии и государства не абстрактный миф и недосягаемое божество, а реальный, осязаемый человек, который учит, ведет и направляет.

Вчера начало заседать Народное собрание. В его работе не было ничего примечательного — прошло второе чтение законопроекта о гражданской мобилизации. Был внесен на рассмотрение ряд новых законов — о Президиуме собрания, о народных советах, хозяйственных перевозках, о создании государственного монопольного предприятия «Петрол» и др. Сегодня Народное собрание начало их рассмотрение одного за другим. Я некото-

рое время пробыл там. Закон о народных советах исключительно краток, хорошо подготовлен. Край как обособленная административная единица, вопреки настойчивым предложениям, не предусматривается. Такое решение приняло в принципе Политбюро на своем заседании 6 февраля. В мотивировке к законопроекту для Президиума Народного собрания лежит основная мысль, которую в последнее время постоянно высказывает тов. Димитров: закон должен содержать только принципиальные вопросы, а переходные положения, дополнения и подробности пусть определяются правилами, постановлениями, указами. Не много законов, а действующих продолжительное время!

13 февраля 1948 г., пятница

Сегодня после обеда Димитров и Коларов возвратились из Москвы, где они были с неофициальным визитом. Трайчо Костов остался в СССР на отдых.

В середине дня Народное собрание отложило свои заседания до 18 февраля.

16 февраля 1948 г., понедельник

В субботу, 14.II, после обеда, мы были с докладами во Вране. Ждали долго. Только к 5 часам Г. Димитров сошел вниз и начал выслушивать доклады. В выражении его лица чувствуется еще более суровая сосредоточенность, он стал еще более взыскателен к каждому и ко всем и в первую очередь к себе самому.

Прибыл главный прокурор республики, слегка прихрамывающий Димитр Георгиев. Он явился в связи с неудачной публикацией какого-то обвинительного акта. Пока он ждал, мы долго с ним говорили. Ему и другим товарищам все еще не ясна функция Главной прокуратуры. Сейчас они для себя ее уясняют: «Раз Прокуратура есть в Советском Союзе и в Югославии, значит, работа для нее имеется».

Свой доклад я сделать не смог — было уже поздно и началось какое-то заседание.

В эти дни я снова с большим интересом перечитал доклад Димитрова на Втором съезде. Такого всеобъемлющего, высокопринципиального доклада у нас до сих пор не было.

Уже поступило сообщение о создании первой единой организации ОФ в одном из русенских сел. Завтра будет создано много организаций в Софии.

Бешков впервые опубликовал свою карикатуру в газете «Новини».

Сегодня неожиданно вновь всплыл вопрос о новом изменении в государственном гербе. Поводом к этому послужило письмо одного гражданина, в котором он выражал недоумение в связи с отсутствием в гербе индустриального символа и предлагал внизу под львом поместить зубчатое колесо. Мне показалось довольно интересным это разрисованное эскизами письмо, в котором смело критиковался акт народной власти, но я был твердо убежден, что ничего уже сделать нельзя — герб был одобрен и опубликован. Показал письмо тов. Димитрову только для того, чтобы соблюсти его четкие указания: сообщать ему обо всем наиболее существенном. Но произошло нечто неожиданное. Едва услышав, о чем идет речь, Димитров схватил письмо и принялся его читать, внимательно рассмотрел рисунки, призадумался и отрезал:

— Он прав! Мы не доглядели! Индустриализация в условиях народной власти — вот что сейчас наша самая главная задача, которая поможет мобилизовать силы и волю всего народа в течение многих лет. Без нее мы не сумеем занять достойное место среди других народов.

Написал резолюцию: просил пересмотреть вопрос о государственном гербе. Немногие на его месте осмелились бы приступить к пересмотру столь деликатного вопроса. Его не смутило то, что простой человек подсказывает решение.

[Предложение об изменении герба было быстро обсуждено и принято. Было исполнено графическое и скульптурное изображение зубчатого колеса. Новым актом Президиум утвердил обновленный вариант государственного герба.

Я не уверен, однако, в одном: уведомили ли мы гражданина, внесшего предложение об изменении в гербе? Письмо с резолюцией Димитрова пошло по своему пути, вышло из наших секретарских рук и, возможно, осело где-нибудь в канцелярии. Если бы Димитров узнал об этом, он страшно бы рассердился и не успокоился до тех пор, пока не убедился, что гражданину сообщено о судьбе его письма и его идеи. Позже я пытался разыскать это письмо в архивах, но нигде не смог его найти. Если гражданин еще жив, пусть эти строки будут, хотя и запоздавшим, ответом на его письмо.]

21 февраля 1948 г., суббота

Вчера товарищ Димитров велел мне отправить председателю Бюро Народного собрания следующее многозначительное письмо:

«Бюсты Димитрова и Коларова, установленные перед внутренним входом Великого народного собрания, *следовало бы немедленно убрать.*

Установка их была политически нецелесообразной и является грубой ошибкой.

Если в Народном собрании необходимо иметь бюсты, то *единственные* бюсты, которые могут быть поставлены там,— это бюсты *Васила Левского* и *Христо Ботева.*

Прошу принять это во внимание и немедленно сделать *все* необходимое.

21.II.1948. Пред. Совета Министров *Г. Дим.*».

Мы читали письмо с Банчевым и Кюлёвским с подлинным удивлением. Его нельзя было не связать с запиской Димитрова во время Второго съезда Отечественного фронта! Он систематически возражает и протестует против своего возвеличивания. Записка навела меня и на другую мысль — она говорит об уважении Димитрова к парламенту и о высоком месте, которое он отводит Левскому и Ботеву, великим деятелям нашей национальной революции. Я написал короткое сопроводительное письмо и направил с ним документ председателю Бюро Великого народного собрания.

Уже несколько дней стоит настоящая зима — снег, холод, ветер. Неужели возникнет опасность для посевов?

В среду, 18 февраля, Народное собрание приняло в первом и втором чтении законопроект об изъятии крупного земледельческого механизированного инвентаря. С помощью этого акта несколько тысяч тракторов и молотилок переходят в собственность государства. Деньгами оплачивается только часть их стоимости, другая часть возмещается облигациями.

В Совете Министров идет крайне напряженная работа. Заседания, заседания, заседания. Так много правительство никогда не заседало. К предстоящей сессии Народного собрания подготавливаются новые законы.

Сегодня вечером был во Вране на докладе. Ждал больше трех-четырех часов. Димитров долго заседал с Терпешевым, Войновым и Начевым, которые докладывали о решениях комитета.

На скорую руку и я смог передать ему несколько материалов, другие оставил в папке на столе. Больше ничего сделать не успел. Он ушел на ужин с представителями военнослужащих, отбывающих трудовую повинность, в связи с их награждением.

В Чехословакии возник острый и тяжелый правительственный, а точнее говоря, политический кризис. Министры трех буржуазных партий, участвовавших до настоящего времени в

правительстве, подали в отставку с явным намерением вызвать свержение правительства и переориентацию чехословацкой политики. Как пишет газета «Руде право», эти партии оформились как антинародные, антидемократические, антисоциалистические организации. Коммунистическая партия подняла народ на ноги.

25 февраля 1948 г., среда

О международном положении. Кризис в Чехословакии продолжается уже шесть дней. Коммунистическая партия развернула огромную работу по его преодолению. Принимаются меры по созданию нового Национального фронта, мобилизуются массы, есть даже стачки. Эти события — тема номер один в печати. Клемент Готвальд проявляет великолепные качества организатора народных масс. Позавчера он заявил в своем выступлении: «Реакционеры, которым удалось завладеть руководством трех крупных партий... думали, что могут, используя свое формальное большинство в парламенте и в правительстве, вызвать правительственный кризис, заставить нынешнее правительств подать в отставку...»[1] Но, убедившись, что их планы раскрыты, они «создали внутри правительства и внутри Национального фронта реакционный блок...»[2], рассчитывая с помощью различных махинаций изменить характер правительства, саботировать и тормозить его деятельность. Реакция стремилась «добиться еще до выборов изменения в соотношении сил, остановить нынешнее развитие, ликвидировать народно-демократический строй, повести... государственный корабль в обратном направлении»[3]. Коммунисты, наоборот, хотят возродить Национальный фронт и построить его «на лучшей, более крепкой политической и организационной основе»[4]. «На этой основе мы приступаем к пополнению правительства, к тому, чтобы правительственный кризис был быстро, как можно быстрее, в ближайшие дни, если не в ближайшие часы, разрешен и ликвидирован»[5].

Димитров внимательно следит за ходом кризиса в Чехословакии. Все наиболее значительные известия сообщаются ему незамедлительно. По некоторым вопросам он требует более подробной информации.

Временное похолодание 19—20 февраля сейчас постепенно ослабевает. А позавчера вечером начал идти мокрый снег. Вчера утром вся земля, деревья, провода и крыши покрылись белым

[1] *Готвальд К.* Избранные произведения, т. 2 (1939—1953 годы). М., 1957, с. 202.— *Прим. перев.*
[2] Там же, с. 203.— *Прим. перев.*
[3] Там же, с. 206.— *Прим. перев.*
[4] Там же, с. 208.— *Прим. перев.*
[5] Там же.— *Прим. перев.*

убранством. Вечером снова шел снег, поднялся ветер, и ночью значительно похолодало. Сегодня светит солнце, но холодно.

Совет Министров заседает непрерывно. Вчера — почти весь день, сегодня — тоже. После обеда — заседание Народного собрания. Подготовлены 12 наиболее важных законов, которые должны быть рассмотрены на этой сессии. Остальные будут постепенно рассматриваться Советом Министров и, вероятно, оформляться или как указы, или же будет созвана внеочередная сессия Народного собрания. Вчера вечером там был внесен новый законопроект о кинематографии. Кинематографическое дело в стране национализируется. Все частные кинотеатры, фирмы, материальные ценности и т. п. переходят в руки государства. Важнее, разумеется, другое — закладываются основы отечественной, социалистической болгарской кинематографии.

Внесен закон и о радио.

Вчера было окончательно принято решение о выплате народной пенсии Раде Гаврил Георгиевой и наследникам Васила Павурджиева [1]. Рада Г. Георгиева — жена Гаврила Георгиева — крупного деятеля революционного рабочего движения, одного из основателей наряду с Благоевым и Кирковым партии, человека глубокой мысли и организаторского таланта, имя которого исключительно популярно. Мне вспомнилось, что зимой или весной 1946 г. Рада Г. Георгиева направила письмо тов. Димитрову. Сообщала, что она буквально заброшена и не имеет никакой поддержки. Димитров прочел письмо с крайней озабоченностью. Он немедленно попросил Розу Юльевну лично самой навестить ее и отвезти кое-какие подарки. Роза Юльевна попросила меня сопровождать ее, чтобы мог и я увидеть жалкие условия, в которых находится жена так глубоко уважаемого Гаврила Георгиева. Мы отправились куда-то на бульвар Патриарха Евтимия, точно не могу вспомнить, в какое место. Бабушка Рада лежала больная. Единственная ее дочь, жившая с нею, работала и заботилась о ней. Нищенская обстановка — не было угля, квартира давно не отапливалась. Мне стало мучительно больно. Крупный деятель, стоявший у истоков нашей партии, наше знамя, ушел из жизни еще лет тридцать тому назад, а жена его живет в бедности, как в прошлом; слава окружала его, имя его живет и после его смерти, а она при жизни томится в одиночестве и нужде. Я не знаю, что рассказала Роза Юльевна тов. Димитрову о нашем визите, но уверен, что он принял и другие меры. И вот сейчас решением Народного собрания ей назначается пенсия в знак большого признания заслуг ее мужа.

---

[1] Васил Павурджиев умер в начале января 1948 г.— *Прим. перев.*

Вчера Народное собрание не начало свое заседание в назначенное время — долго ждали окончания заседания правительства и прихода министров. Как только появился Председатель Совета Министров, заседание началось, было около пяти. Сообщили, что поступил запрос по поводу инцидента с турецким самолетом. Несколько дней назад на нашей территории упал и разбился турецкий самолет. Немедленно сообщили эту новость Димитрову, который созвал короткое заседание в узком составе. Было решено выступить с сообщением, которое опубликовали в печати. Самолет и пилоты — один живой, остальные мертвые — возвращаются Турции в знак добрососедства.

Доктор Иван Пашов от имени всех парламентских групп сделал запрос: «Нам стало известно, что в связи с этим случаем в Турции организована бешеная антиболгарская кампания. Какие меры предпринимает правительство для прекращения этой кампании, наносящей вред добрососедским отношениям между Народной Республикой Болгарией и Турецкой Республикой?»

Васил Коларов пояснил, что действия наших пограничных частей абсолютно закономерны и оправданны с точки зрения международного права. «Болгария, как суверенное государство, имеет право и должна защищать неприкосновенность своей территории и своего воздушного пространства». «...Каждому здравомыслящему человеку, без сомнения, ясно, что два турецких самолета летели над нашим черноморским побережьем не по ошибке, а с определенными целями, о характере которых нетрудно догадаться».

Гнев вызвали приведенные Коларовым данные о яростных атаках турецкой реакционной печати против болгарского народа. Так, газета «Хергюн» называет нас народом, «который еще не вышел из своего первобытного состояния». «Это народ-слуга», «наши вчерашние рабы», «с образом мышления рабского племени», «единственный язык, который они понимают,— это язык железного кулака».

Далее Коларов заявил:

«Я не могу с этой трибуны не выразить глубокое возмущение всего болгарского народа и самый энергичный протест в связи с тем, что подобные дикие исступления, напоминающие мрачную эпоху кырджалей и башибузуков, допускаются и поощряются ответственными кругами соседнего государства».

К сожалению, этот ответ не был передан по Софийскому радио в 20.30, а лишь только в половине одиннадцатого вечера.

После этого по ряду вопросов выступил Димитров. Я передал ему приглашение принять сегодня вечером участие в учредительном собрании Отечественного фронта в 42-й секции.

— К сожалению, я не смогу этого сделать. Пойдите, пожалуйста, вы, сообщите товарищам, что я не приду, и передайте им мой привет и пожелания успешной работы.

Потом неожиданно повернулся ко мне и раздраженно спросил, глядя на меня подозрительно и испытующе:

— Мне сказали, что мне передаются не все письма, получаемые на мое имя. Верно ли это?

Я вздрогнул от так укоризненно поставленного мне вопроса, но подтвердил:

— Да, не все вам передаем!

— Почему это делается? — повторил он гневно свой вопрос.

Я объяснил. В кабинет ежедневно поступают десятки и десятки писем, телеграмм и заявлений; только для того, чтобы открыть их, прочесть, сделать по ним заключение и ответить авторам, кроме меня работают три-четыре человека; что было бы, если бы мы передавали ему все эти письма? Однако я добавил, что мы неукоснительно соблюдаем данные им указания и обо всем важном, симптоматичном, обо всем, что так или иначе касается его, партии или правительства, сообщаем ему или передаем корреспонденцию лично.

Он принял это объяснение, успокоился, но все-таки сказал:

— Передавайте мне все враждебные письма, как и все другие, в которых будет что-либо примечательное.

Я сказал ему, что мы будем стараться делать это еще более внимательно. Но все же у меня в голове осталась навязчивая мысль: возможно, он начнет забывать об этом или из-за загруженности работой отвлечет свое внимание на другие дела. Спросил его, когда он может выделить время художникам. Он вначале немного нахмурился и спросил:

— Что они хотят?

— Вам надо позировать им, товарищ Димитров. Действительно нужно. Очень настойчиво просят,— снова завел я свою песню.

Он махнул рукой:

— Напомните мне после съезда ОРПС!

Я сказал ему о рукописях некоего Думбалакова. Получил указание посмотреть, что это за человек, и, если положительный, помочь ему издать четыре тома своих мемуаров.

После этого Димитров уехал во Врану.

Я отправился в Конёвицу, в 42-ю секцию. Погода была холодная, ветреная, стлался поземкой снег, ледяные крупинки били в лицо и по глазам. Собрание проходило в школе им. Л. Каравелова, расположенной в конце бульвара Стамболийского. На пороге меня встретили вопросом:

— Вы на собрание?

Я ответил утвердительно. Перед другой дверью меня остановил парень:

— Что вы хотите? — Видно по всему, ожидают высокого гостя.

Я сказал, что прибыл по поручению Председателя Совета Министров. Немедленно вызвали секретаря парторганизации, который, едва услышав, что я от Димитрова, поспешил за председателем собрания. Я заглянул в зал. Актовый зал школы, торжественно украшенный лозунгами, знаменами, портретами, был полон народу. Здесь были и представители журнала «Былгарско дело»: ясно, что почувствовали возможность подготовки материала — «Димитров у граждан Конёвицы». И вот я должен их, а еще больше собравшихся в зале разочаровать. Я сказал обо всем председателю. Он вначале расстроился, но тут же и обрадовался. Ведь прибыл специальный человек от Димитрова.

В воскресенье, 22 февраля, всеми газетами была опубликована в качестве передовой статья Димитрова «Болгарский народ хранит глубокую любовь и признательность к Советской Армии-освободительнице», посвященная Красной Армии в связи с 30-летием ее создания. В этой статье есть мысль, которая очень точно выражает действительное положение:

«Поэтому болгарский народ рассматривал советские войска, которые должны были остаться у нас в силу соглашения о перемирии, не как оккупантов, *а как дорогих гостей и покровителей. Когда советские войска покинули нашу страну, народ расставался с ними с чувством глубокой любви и признательности*»[1] (курсив мой.— *Н. Г.*).

Статья имеет особое значение. Она еще раз самым категорическим образом подтверждает нашу позицию непоколебимой верности и дружбы с Советским Союзом. Ничто и ни при каких обстоятельствах не в состоянии поколебать эту дружбу!

А 23 февраля, в понедельник, Димитров посетил выставку четырех крупных советских художников. В книге отзывов он собственноручно написал:

«Прекрасное впечатление оставляет у посетителя эта советская художественная выставка. Я бы хотел, чтобы на ней побывали многие и многие тысячи болгар и болгарок и испытали то большое наслаждение, которое испытал я, посетив эту выставку высокого советского искусства.

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 500.— *Прим. перев.*

Желаю от всего сердца нашим талантливым и трудолюбивым художникам учиться у своих советских коллег — больших мастеров, не копируя их, разумеется, а осваивая их творческий размах, высокую технику и, самое главное, народный дух и характер их произведений. Искусство на службу народу, правде, социализму!»

26 февраля 1948 г., четверг

Вчера в Чехословакии создано новое правительство во главе с Клементом Готвальдом, составленное преимущественно из коммунистов и социал-демократов. Кризис был разрешен в желаемом компартией направлении — правые буржуазные партии отстранены от Национального фронта и от власти. Народные массы сказали свое веское слово. Чехословакия остается в семье народно-демократических стран еще более надежной ее частью.

Все наши газеты нацелили свои передовые статьи против антиболгарских нападок турецкой печати.

Вчера вечером заседание Совета Министров продолжалось допоздна — почти до половины восьмого. Приняты все проекты законов, среди которых и рассмотренный в предварительном порядке законопроект об отчуждении крупной недвижимой городской собственности — новый большой революционный шаг народной власти.

Сегодня Народное собрание рассмотрело законы о радио, кино и крупной городской собственности. По законопроекту о кино высказались Елена Гаврилова, Слави Пушкаров и Димо Казасов. Елена произвела глубокое впечатление. Ее выступление резкое, непосредственное. Даже товарищ Димитров, вначале что-то сосредоточенно читавший, снял очки и начал внимательно слушать. Несколько раз ей аплодировали.

Разумеется, наиболее крупное мероприятие — законопроект об отчуждении крупной городской недвижимой собственности. В своем выступлении министр Ради Найденов указал, что ликвидируется еще одна из форм крупного капитала в стране, дававшая до настоящего времени возможность крупным собственникам вести паразитический образ жизни, заниматься спекуляцией и обострять жилищный кризис, особенно в Софии, тяжело пострадавшей от бомбардировок. Отчуждаются принадлежащие одной семье более чем одно жилище (дом или квартира), торговые постройки или не занятые под строительство участки, отчуждаются также все здания, используемые как гостиницы, больницы, частные бани, в том числе и дачи (в соответствии с

утвержденным списком); стоимость отчужденного имущества оплачивается облигациями государственного займа.

Все три закона были приняты. Одновременно в кабинете Председателя Совета Министров началось заседание Военного комитета.

Даю сообщение в печать о том, что сегодня приняты Левычкин, временный поверенный в делах Советского Союза, и генерал Павлов, новый советский военный атташе.

Усиленно готовится съезд Общего рабочего профессионального союза (ОРПС). Доклады всех трех докладчиков уже готовы и находятся на просмотре у тов. Димитрова.

27 февраля 1948 г., пятница

Сегодня 14-я годовщина освобождения Димитрова из фашистской тюрьмы после процесса в Лейпциге. По этому поводу в большинстве газет публикуется много материалов.

К сегодняшнему дню уже сложилось мнение о докладной записке нового председателя столичного народного совета Добри Брадистилова относительно сооружения памятника на Братской могиле в парке Свободы. В записке, адресованной Политбюро, указывается, что, несмотря на неоднократную постановку этого вопроса, он все еще не нашел своего решения. «Нужно,— говорится в записке,— в непродолжительное время соорудить памятник, достойный тех, чьи останки захоронены на этом месте; памятник, который будет выражать отношение нашей общественности к памяти павших в борьбе против фашизма».

Выясняются пути сбора средств и порядок проведения конкурса по проекту.

Георгий Димитров красным карандашом написал следующую резолюцию:

> «*Предложение товарища Брадистилова можно принять.* Дать на подпись членам ПБ. Если будут возражения, внести на заседание ПБ.
> 27.II.1948 *Г. Дим.*».

[Доклад Брадистилова с сопроводительной запиской был направлен всем членам Политбюро ЦК, которые вернули его затем со своим мнением. Один из товарищей предлагал воздвигнуть мавзолей-памятник, другой — сократить срок строительства и по возможности построить памятник уже в этом году; некоторые настаивали на том, чтобы Политбюро высказало мнение и по основным композиционным элементам памятника. После этого было оформлено соответствующее решение ПБ ЦК.]

27 февраля 1948 г., пятница (продолжение)

Пришло новое письмо от А. Будевской. Оно волнует своей горечью и оптимизмом.

«С помощью...— Будевская перечисляет имена некоторых наших соотечественников,— я узнала о большом интересе, который Вы, дорогой народный вождь, и новое республиканское отечество проявляете ко мне и вообще ко всем труженикам науки, пера, искусства, культуры и т. д. и за который позвольте мне высказать Вам свою восторженную сердечную благодарность.

Ваше указание сделать все возможное для моего скорейшего возвращения на родину, от которой я, по ряду причин, была оторвана уже 10 лет, тронуло меня до слез».

Следуют строки боли от разлуки с родиной:

«Эти долгие годы в изгнании, хотя в известной степени и не совсем неприятные, поскольку я прожила их, деля горе и радость вместе с моим изгнанным болгарской реакцией сыном Вилли и его милыми детишками и супругой, были все-таки и годами тяжелых испытаний... Хотя и сломленная неволей и тяжестью преклонных лет, я следила с живым интересом за борьбой нашего измученного, но славного, имеющего боевые традиции трудового народа...»

В конце письма она сообщала, что осталось только уладить некоторые небольшие формальности и она выезжает на родину, «которой,— писала она,— я хочу отдать свои последние слабые силы».

Товарищ Димитров прочел письмо Будевской и немедля сам написал нашему другу Христо Гоневскому, председателю Центрального комитета «Свободная Болгария» в Буэнос-Айресе, телеграмму следующего содержания:

> «Сделайте все необходимое для возвращения Будевской в Болгарию (оплата дороги и прочие расходы)».

Этой телеграммой устранялись последние препятствия для отъезда знаменитой артистки. Мы незамедлительно отправили телеграмму в Аргентину.

Часть четвертая

Димитров накануне съезда ОРПС; процесс полной ликвидации капиталистического класса; руководящая роль рабочего класса; пусть не возникнет у нас головокружения; детский городок; Димитров подписывает исторический договор с СССР; еще раз о роли женщины, о семье и детях; созидательный поход; болгаро-чехословацкое братство; Клемент Готвальд

3 марта 1948 г., среда

Прежде всего о проводах Степана Кирсанова. Он работал здесь весьма продолжительное время, показал себя хорошим дипломатом, завоевал симпатии многих. Часто встречался с Г. Димитровым, что, по моему мнению, способствовало еще большему обогащению его политического опыта.

На прощание в его честь был устроен с нашей стороны прием в Совете Министров. Пришел почти весь дипломатический корпус, генералитет, присутствовало много министров. Председатель Совета Министров и Кирсанов обходили гостей, здоровались с большинством за руку, фотографировались. Фотографы нащелкались досыта, а через час Ганчо проявил пленки и вручил фотографии лично Кирсанову, что произвело эффект.

По окончании приема С. Кирсанов с супругой (стройной, но начинающей полнеть красивой женщиной) зашли в кабинет, где простились с Председателем Совета Министров. Уходя, Кирсанов попрощался со всеми нами за руку и направился вниз по лестнице. Товарищ Димитров ценит и любит его. Кирсанов относится к нему с сыновним почитанием.

После проводов я вошел в кабинет и передал товарищу Димитрову удостоверение и другие документы делегата съезда Общего рабочего профессионального союза (ОРПС). Он придает важное значение этому съезду, старательно следит за его подготовкой; по его предложению составлена комиссия Политбюро для оказания помощи в работе съезда; сам он собирается посетить съезд и со вчерашнего дня готовит речь.

В воскресенье, с самого утра, я уже был в новом, точнее, обновленном театре «Возрождение» [1] на площади Возрождения.

Несколько слов о самом театре. Оформление его было сделано просто плохо. Вместо того чтобы развесить подходящие, в духе нового времени, картины, гравюры, барельефы и другие произведения изобразительного искусства на тему труда и борьбы, администрация его увлеклась дешевкой — нагородила около сцены и в коридорах сплошь обнаженные женские тела [2]. Какое воспитательное воздействие будет оказывать театр подобным видом, это еще вопрос. Я поделился своим впечатлением с одним из руководящих товарищей из профсоюзов, но оказалось, что это его нисколько не смущает,— не было ничего другого, а эти скульптуры были готовы. Я не выдержал и рассказал о своих впечатлениях об оформлении рабочего театра товарищу Димитрову.

— Почему такая безыдейность? — сказал он озабоченно.— Что нового принесем мы в культуру нашей страны, если будем так оформлять общественные здания?

Наблюдал за делегатами в фойе перед открытием съезда, а затем и во время его заседаний. На съезде присутствует трезвомыслящий, умный, ищущий народ, с высокой степенью политической активности; чувствуется хорошее настроение, стремление совершить полезное дело.

Доклад Райко Дамянова, начавшийся сразу после открытия, раскрывает достижения рабочего класса и профсоюзов и ставит предстоящие задачи. Докладчик выдвинул и одну новую задачу — постоянно и старательно изучать указания Димитрова. «Давайте признаемся честно, что мы мало изучаем труды Димитрова». Этой рекомендации съезд уделил большое внимание; о ней говорил и Зах. Георгиев, секретарь профсоюза рабочих культурных и общественных организаций. Этот же вопрос был заложен и в проекте резолюции в числе важных неотложных задач. Очень правильно. Не славословием заниматься, а на деле учиться у него!

После обеда выступали с приветствиями зарубежные гости и представители общественных организаций. Присутствуют гости из многих стран. Советские профсоюзы прислали съезду приветственную телеграмму.

Я сидел в зале, слушал, смотрел и старательно вел записи, а потом информировал Димитрова по телефону или другим спо-

---

[1] Позже был переименован в им. Георгия Димитрова.

[2] Может быть, я слишком строг! Не так уж и опасны эти обнаженные женские тела, но неудачное оформление остается фактом.

собом, как идет работа съезда: кто выступал, о чем говорил, какова реакция. В воскресенье докладывал по телефону. Выслушав меня, тов. Димитров сказал:

— Передайте Райко Дамянову, если это можно организовать, пусть приедут рабочие наиболее крупных предприятий и поприветствуют съезд. Можно из Перника, железнодорожники пусть приедут. А вы продолжайте регулярно следить за работой съезда: кто как выступает, как реагируют рабочие на то или иное высказывание, как относятся к тому или другому оратору...

В понедельник был заслушан доклад об организационной деятельности ЦК между двумя съездами. Сразу после этого доклада было предоставлено слово министру промышленности и ремесел Петко Кунину, который приветствовал съезд от имени правительства и в продолжительном выступлении говорил об успехах и проблемах нашей промышленности.

Начались выступления — деловые и краткие. В них содержалась критика ЦК ОРПС, самокритика со стороны некоторых деятелей, ударники делились своим опытом, давали обещания. Произвело впечатление то обстоятельство, что ударники выступали очень скованно и как-то неестественно, не в своем рабочем стиле. Оказалось, что наверху, в одной из комнат, работает какая-то комиссия, которая предварительно просматривает и готовит отдельные выступления, «чтоб были покультурнее»...

Представители рабочих от крупных промышленных предприятий выступили с приветствиями.

В понедельник прибыл и представитель Объединения свободных немецких профсоюзов. Его встретили бурными аплодисментами, которые показались мне отсутствием чувства меры. Я поделился этой мыслью с товарищем Димитровым, но он отнесся к этому факту иначе:

— Ничего! Пусть проснутся, пусть встряхнутся немного!

В обед я поехал во Врану отвезти ему некоторые материалы, переданные мне Райко Дамяновым, и проинформировать о последних новостях. Он заканчивал работу над своей речью.

— Я приеду к одиннадцати часам. Вы следите за всем внимательно.

Выслушал мою информацию. Я знал, что он получает прямую информацию. Интересно: не отказался выслушать и меня. Он хочет быть всесторонне информированным. Спросил меня:

— А рабочие, простые рабочие, выступают или только профсоюзные деятели говорят речи?

Задал мне и другой вопрос:

— Вы мне скажите точно, хорошо подумайте и ответьте мне, есть ли на съезде критика, хорошенько оцените!

Вопрос действительно был не из легких! Подумав, я высказал свои соображения. Как и следовало предполагать, он не удовлетворился одним моим ответом.

— Есть ли критика, критика? — настойчиво спрашивал он и у других товарищей.

В конце разговора наказал мне:

— Передайте руководству съезда, что нужно предоставить возможность людям высказываться свободно, не прерывать выступлений, не готовить их предварительно. Пусть те, кто желает выступить, получат такую возможность!

Это я и передал Р. Дамянову, который принял меры по выполнению рекомендации: работа «комиссии» была прекращена, уменьшился регламент для выступлений, с тем чтобы могло выступить больше людей. Выступили все записавшиеся, за исключением трех-четырех человек.

Вечером, когда я хотел найти товарища Димитрова, оказалось, что он в кинотеатре «Республика». Я отправился туда. Там проводился вечер, посвященный находившимся в Болгарии начальникам отделов милиции из братской Югославии. Я пробрался в одну из лож и начал ждать. Коллектив художественной самодеятельности Дирекции милиции выступал с программой. Концерт был слабенький. Спустя немного времени Димитров ушел. Он заглянул в Совет Министров, чтобы еще раз посмотреть свою речь. Я подошел к нему первым и доложил о работе съезда. Особое внимание обратил на внесенные предложения. Наиболее важные из них он немедленно записал в свой блокнот. Спросил меня о настроении делегатов. Полученная им в первый день информация содержала известные противоречия. Сейчас я полнее мотивировал свое сообщение. Действительно, на этом съезде до сих пор не мог зародиться тот энтузиазм, который сопровождал работу съезда Отечественного фронта; чувствовалась известная инертность. Я объяснял это несколькими причинами, и, видимо, это было наивно, в первую очередь небольшой популярностью большинства людей, которые руководили съездом.

— Они должны стать популярными,— сказал Димитров.— Должны сами стараться стать популярными. Это необходимо.

Он предложил ввести в состав ЦК ОРПС и турка.

Во вторник заседание началось с доклада Бориса Благоева. Вслед за ним выступил министр труда и социального обеспечения Здравко Митовский.

Продолжалось обсуждение докладов.

К половине двенадцатого прибыл Димитров. В зале его уже ожидали. Выступавшие непрестанно посматривали на дверь.

Димитров появился в фойе театра, поднялся на второй этаж и вошел в ложу. Зал взорвался бурей аплодисментов, как орудийный салют. Зазвучала «Дружная песня», потом «Интернационал» с активным участием зарубежных гостей. Овации длились долго, пока сам Димитров несколько раз не подал знак рукой — просил прекратить. Затем продолжались выступления. Наконец слово было предоставлено ему.

Стоя на трибуне, Димитров говорил около часа — медленно, сильно, свободно, внушительно. Речь была выслушана с редким вниманием. Глубокая мысль, откровенный тон, страстность оратора приковывали внимание. Если кто-то пытался аплодировать, по залу разносилось предупредительное: «Чш-чш, тише!» Только группа фоторепортеров сновала около трибуны, безостановочно фотографируя. Это, видимо, досаждало ему, в конце концов он нервно махнул им рукой и продолжал свою речь.

— В вашем лице,— обратился Димитров к делегатам,— горячо приветствую весь наш героический рабочий класс...

В отдельных местах он читал, а чаще свободно импровизировал; вторая половина речи носила характер настоящего живого выступления с короткими фразами и более свободным их построением. Речь его — прежде всего итог нашей общественно-преобразовательной деятельности в последний период и наступивших социальных изменений. Во-первых, пояснил он, капиталисты как класс были отстранены от руководства обществом, народным хозяйством и государством; в Болгарии происходит процесс полной ликвидации эксплуататорского, капиталистического класса. Во-вторых, «совершается процесс ликвидации паразитических крупных крестьянских хозяйств. Тем самым окончательно закрывается путь к созданию новых таких же паразитических хозяйств...». В-третьих, интеллигенция все более присоединяет свои силы к усилиям трудового народа в строительстве новой жизни.

Все это вызывает коренные изменения в соотношении классовых сил, и наше общество имеет уже два основных производительных общественных класса — рабочий класс и класс трудящихся крестьян, у которых нет противоречивых интересов. В среде самого рабочего класса происходят серьезные структурные изменения, «глубокий процесс, который... в будущем усилится еще более». *«Рабочий класс нашей страны уже не является пролетариатом в старом смысле слова,* эксплуатируемым и угнетаемым капитализмом» [1].

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 504.— *Прим. перев.*

И далее:

— *Без рабочего класса с его новым положением и задачами нет и не может быть народной демократии.* Народная демократия возможна лишь при руководящей роли рабочего класса. ...Ныне руководящая роль нашего рабочего класса находит всеобщее признание в среде Отечественного фронта, в среде всех граждан и гражданок, любящих свою родину [1].

Самое сильное впечатление произвела та часть речи, где рассматриваются вопросы атмосферы и духа, которые должны царить повсюду в нашей общественной жизни. Здесь весь Димитров, с его классовостью и партийностью, с его народностью и демократизмом, с его гуманностью.

— ...Нашим профессиональным союзам и вообще нашим общественным организациям необходимо обязательно развернуть настоящую внутреннюю — у вас профсоюзную — демократию. *Вы должны опираться на инициативу — и только на инициативу, по-моему,— каждого рабочего и служащего нашей страны...* Позвольте мне сказать, не обижая никого, что в этом отношении имеется много, много прегрешений. Руководитель организации не командир; председатель, секретарь и другие не начальники. Они не могут командовать... Они руководят, руководят силой убеждения, воспитания, воздействия и особенно путем своего личного примера. *Члены каждой организации должны иметь свободу, не боясь каких бы то ни было последствий, высказывать свое мнение и свои критические замечания* по тому или иному вопросу. *Должна быть свобода!* Кто не прав — для этого имеется руководство, для этого существуют центральные органы... Поправляйте, поправляйте тех, кто ошибается, но дайте им возможность сказать свое слово и то, что является здоровым и полезным в их мыслях, предложениях и советах, принимайте обеими руками... [2]

В рабочем классе,— продолжал Димитров,— нельзя терпеть вельмож, нельзя терпеть губернаторов. Рабочий класс растет повседневно, и он требует от своих руководителей и деятелей и ума, и характера, и воли, и такта — и такта! — по отношению к рабочим и служащим. И руководителя — большого или маленького,— который этого не понимает, о! его мы можем живым оплакивать. Это относится не только к профсоюзам в целом, это относится к каждому предприятию, каждому учреждению, профкомитету... это относится и к директору предприятия; особенно сейчас, когда выдвигаются из вашей собственной среды способ-

[1] См. *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 505—506.— *Прим. перев.*

[2] См. там же, с. 511—512.— *Прим. перев.*

ные, преданные люди, нужно, чтобы у них нос не задирался выше головы! *Чтобы у них не появилось головокружения,*— закончил свою мысль Димитров,— *так как оно и их погубит и самое дело, за которое мы все несем большую ответственность*[1] (курсив мой.— *Н. Г.*).

Димитров сошел с трибуны. Сдерживавшие до этого момента свои чувства рабочие бурно зааплодировали, снова зазвучала «Дружная песня», вновь прозвучал «Интернационал», возгласы «С Димитровым — вперед!» сменялись громогласным «ура!». С трудом Димитров и Райко Дамянов усмиряли разбушевавшуюся стихию.

После обеда был избран ЦК во главе с Райко Дамяновым, принят устав, проголосована резолюция. Товарищ Димитров вновь был избран почетным председателем ОРПС.

Когда съезд еще заседал, в его честь началась демонстрация софийских рабочих и служащих. Она прошла мимо здания Совета Министров, где товарищ Димитров и другие руководители приветствовали демонстрантов.

4 марта 1948 г., четверг

Большие холода уже почти прошли. В целом озимые и другие культуры не пострадали, за исключением рано начавших цвести плодовых деревьев. Потеплело, сегодня и особенно вчера чудесно грело солнце.

За эти несколько дней произошли важные события.

Вчера, 3 марта, Димитров вместе с Георгием Дамяновым присутствовали на принятии присяги молодыми воинами. В этом есть особый смысл: День освобождения Болгарии — день клятвы молодых воинов. Приказом от 3 марта генерал Г. Дамянов проводит важные реформы: все старые знаки военной формы отменяются, вводится новое обращение — вместо «господин» «товарищ». «Старое обращение «господин»,— говорится в приказе,— необходимо заменить близким народной душе, теплым и сердечным обращением «товарищ»». Подчеркивается, что необходимо говорить: «Товарищ генерал». В качестве знака на форме вводится пятиконечная звезда.

Димитров принял участие и в торжественном собрании, посвященном 70-летию освобождения Болгарии, которое состоялось в 11 часов в кинотеатре «Республика». Выступал Васил Коларов, который сделал краткий проникновенный экскурс в новую историю Болгарии. Оратор разъяснил «два фактора, которые создали Болгарию как свободное и прогрессивное госу-

[1] См. *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 512.— *Прим. перев.*

дарство: русско-турецкая война и болгарская национальная революция»[1].

— Сегодня, в день великого праздника нашего народа,— сказал Коларов,— мы платим нашу дань признательности как благородному русскому народу, вынесшему на своих плечах тяготы освободительной войны, так и доблестным болгарским революционерам, которые подготовили и облегчили русскую победу и обеспечили трудящимся городов и сел все блага, которые она принесла болгарскому народу[2].

Коларов указал, что освобождение Болгарии мы ценим как величайшее благо, как одно из важнейших событий, которое останется записанным золотыми буквами в нашей истории. «Вот почему беспредельна сейчас и навеки останется таковой признательность болгарского народа братскому русскому народу...»[3]

Далее оратор обрисовал, в чем состоит роль нашей национальной революции: она не только облегчила победу русского оружия, но и оказала вооруженную помощь русским войскам в лице славных болгарских ополченцев. А в силу своеобразного характера болгарской национальной революции — типично народной революции — социальная опора реакции в Болгарии, консервативные остатки потерпели сокрушительное поражение; таким образом, мелкобуржуазные слои (мелкие собственники, ремесленники и вышедшая из их среды интеллигенция) завоевали важные позиции. Все это способствовало возрождению Болгарии как современного государства с одной из самых прогрессивных и демократических по тому времени конституций[4].

Цитируемый доклад В. Коларова приобрел большую научную ценность. Позже станет ясно, что оценка двух факторов болгарского Освобождения была дана впервые в исторической науке. До того времени о них говорилось и писалось в отдельности, без раскрытия их диалектического единства.

Вечером в залах Совета Министров состоялся прием в честь национального праздника — Освобождения и съезда ОРПС. Присутствовало около 250 ударников, рабочих в сапогах и одежде из домотканого сукна и дипломатов в черных смокингах, их жен в длинных платьях с мелькающими то здесь, то там обнаженными спинами. Контраст создавал любопытную картину. Буржуазные дипломаты имели возможность видеть народ таким, какой он есть, наблюдать Димитрова, непринужденного и есте-

---

[1] *Коларов В.* Избрани произведения. 1944—1950. С., 1977, с. 413.— *Прим. перев.*

[2] См. там же, с. 413—414.— *Прим. перев.*

[3] Там же, с. 412.— *Прим. перев.*

[4] См. там же, с. 421—422.— *Прим. перев.*

ственного среди народа; непосредственно почувствовать, как простые люди относятся к нему. И они видели такую любовь, какую едва ли могли себе представить.

...Димитров и Роза Юльевна пришли к половине девятого и в качестве хозяев стали у входа, чтобы встречать гостей. Когда приглашенные собрались, оркестр заиграл «Шуми, Марица», потом Гимн Советского Союза и Славянский гимн. Под бурные аплодисменты Димитров и министры отправились в залы.

Отовсюду к Димитрову стали понемногу подходить рабочие и работницы, некоторые из них в нетерпении довольно грубовато начали расталкивать других гостей. Таким образом, вокруг Димитрова собрались почти все приглашенные на прием рабочие. Он начал здороваться за руку с теми, кто стоял близко. И тогда со всех сторон к нему потянулись руки — одна, другая, третья, четвертая... Люди улыбаются, сжимают его руку, взволнованно произносят обещания, смотрят на него с широкой счастливой улыбкой. Димитров неожиданно оказался среди моря протянутых к нему рук. Фотографы и кинооператоры беспрестанно щелкают. С одной из групп Димитров сфотографировался, но вот появляются работницы-текстильщицы — хотят сфотографироваться и они. Другие не уступают — того гляди поссорятся. А Димитров готов фотографироваться со всеми. Глаза его светятся бодро, молодо. Отовсюду слышится: «Товарищ Димитров, мы счастливы видеть вас, быть рядом с вами!», «Товарищ Димитров, теперь мы еще лучше будем работать!», «Товарищ Димитров, теперь все станут членами ОРПС!»

«Все ударники должны ими стать!» — добавляет он. И они обещают.

Уже давно наступило время ужина, а Димитрова окружают все новые и новые группы рабочих. Он уже направляется к выходу из зала, но, увидев рабочего или работницу, останавливается, подает руку, напутствует. Говорит так страстно и горячо, как будто говорит всему народу, всему миру. Сливенских текстильщиков он призывает быть гордыми: «Такими,— и он выпячивает грудь,— потому что вы — хозяева, сегодня хозяева — вы. Нет уже других хозяев в нашей стране!» Увидев ударника с двумя медалями, которых у всех было немало, высказывает пожелание: «Пусть еще две будет!» Встретит ударника с одной медалью, поощрительно замечает: «Еще, еще надо работать!» И рабочий совсем естественно отвечает: «Будьте уверены, товарищ Димитров, заработаю!»

Он уже подошел к маленькому залу, где был приготовлен ужин для официальных лиц, но снова вернулся, снова пошел до самого дальнего конца зала. В это время заиграли хоро, и он

пустился в пляс. Так ему хотелось подольше побыть среди рабочих, поговорить с ними! Я слушал, что говорили после его ухода: «Как учит нас — просто как отец!», «Ты здоровался с ним за руку? А я здоровался!», «И здесь уже побывала нога рабочего человека, и нет теперь ходу назад».

5 марта 1948 г., пятница

По предложению тов. Димитрова Политбюро на своем вчерашнем заседании приняло краткое, но важное решение. В пункте 10 протокола было записано:

«Оставшихся в живых 12 ополченцев, участников войны за освобождение нашей страны от османского ига, взять под опеку министра народной обороны с одновременным зачислением их на довольствие Министерства народной обороны. С этой целью министру народной обороны внести на ближайшее заседание Совета Министров предложение по решению указанного вопроса».

А сегодня Совет Министров издал следующее распоряжение:

«Одобрить предложение Министерства народной обороны о принятии на содержание оставшихся в живых 12 ополченцев — участников освободительной войны 1878 года, включая и их семьи».

Значение этого партийно-правительственного акта трудно переоценить! Встречи Димитрова с некоторыми из здравствующих ныне ополченцев, состоявшиеся во время торжеств 3 марта, послужили, видимо, поводом для принятия этого решения.

Вчера указом был окончательно одобрен герб с последним изменением — с зубчатым колесом. Утром указ был передан в печать.

После обеда я отправился в Народное собрание. По пункту первому повестки дня должны были лишать депутатской неприкосновенности трех депутатов: Любена Гумнерова, бывшего секретаря околийского комитета БРП(к) в Пазарджике, армейского полковника,— за бытовое разложение и продажу вина без разрешения и акциза; Спаса Николова, земледельца, члена центрального руководства ОЗПС,— за злоупотребления; Младена Биджова из Радомира, представителя ОЗПС, земледельца,— за присвоение около 200 тыс. левов.

Пеко Таков, докладчик комиссии, которой было поручено расследовать обвинения, привел обо всех троих ошеломляющие данные. После доклада слово попросил депутат от Земледельческого союза Илия Радков, который с возмущением осудил эти недостойные действия и предложил незамедлительно выдворить всех троих из парламента. Слово было предоставлено Любену

Гумнерову. Но оказалось, что он отсутствует. На трибуну вышел бессовестный и циничный Спас Николов. С первых его слов стало ясно, что он не только несамокритично оценивает свое поведение, но занимается демагогией и лжет. С бесстыдной наглостью Николов начал объяснять, что гонение против него организовано из-за внутренней борьбы в Земледельческом союзе, что корни обвинения кроются якобы в личном отношении к нему. Короче говоря, пытался доказать, что стал политической жертвой. Его выступление встретило решительный отпор со стороны депутатов. Они потребовали от него говорить только о своих проступках, оставив все другое.

Третьего депутата тоже не оказалось в зале.

«Объяснение» Спаса Николова вывело из себя Георгия Трайкова, и он незамедлительно потребовал слова. Сейчас, заявил он, сорвана та завеса, за которой пытались до сих пор скрываться предатели и мошенники в Земледельческом союзе. До сих пор, как только кого-нибудь начинали обвинять в неблаговидных действиях, он немедленно поднимал крик: «Вы преследуете меня по политическим мотивам, в другом отношении я непорочен, как девица, я борюсь за интересы народа, а вы устраиваете на меня гонение». Но теперь эта песенка спета. «Земледельческий союз,— заявил Г. Трайков,— пошел по новому пути». Он очищается и очистится от таких жуликов, как Спас Николов. В конце выступления Георгий Трайков сказал:

— Вечером, после митинга, посвященного съезду ОРПС, наш великий товарищ Георгий Димитров, когда мы ушли с балкона и сели поговорить, не помню по какому поводу, спросил меня: «Товарищ Трайков, а в каком состоянии вопрос о памятнике Александру Стамболийскому? Ведь здесь, в Совете Министров, мы решили установить в Славовице памятник этому великому сыну нашего народа. Кто занимается этим, и почему до сих пор памятник Стамболийскому не поставлен?» Мне было и досадно и стыдно, ведь я не мог сказать ему: «Ах, товарищ Димитров, ты готов, готов дать деньги, государственные деньги, для увековечивания памяти Александра Стамболийского, а знаешь ли ты, что наши депутаты собрали сотни тысяч левов на памятник ему и все эти левы съедены ими самими, съедены безнаказанно!» Теперь Земледельческий союз уже в силах справиться со всеми этими проходимцами...

Вот так был поднят занавес над зловонными остатками прошлой политической жизни Болгарии. Я задал себе вопрос: что бы случилось со Спасом Николовым в старых политических условиях? Он продолжал бы мародерствовать, наживаясь за счет народного труда. А бедный народ даже и осанну мог бы ему

петь — ведь он выдает себя за «мученика»... Мошенники в прошлом не раз успешно попадали в разряд святых.

Драгнев, которого раскритиковал Г. Трайков, направился к трибуне, не получив еще слова. Между ним и председательствующим произошла небольшая ссора.

До этого момента тов. Димитров, сидя в своем кабинете, слушал происходящее в зале по репродуктору и слышал вторую часть «объяснения» Николова. Но как только на трибуне оказался Драгнев, он вошел в зал. Оратор быстро закончил и торопливо отправился на свое место: ему было не до длинных речей в присутствии Димитрова.

Перед уходом из кабинета Димитров спросил меня:

— А почему не выступает Гумнеров?

Я объяснил. Председатель Совета Министров страшно рассердился.

— А почему его не привели?

Он немедленно приказал позвать Минчо Минчева и Димитра Димова, членов нашей парламентской группы. Потребовал у них объяснения, почему не обеспечено присутствие Гумнерова. Поручил без промедления доставить его сюда. Димитр Димов дал указание найти его и доставить, но мы ничего не смогли сделать, так как заседание Народного собрания тем временем закончилось. Товарищ Димитров еще несколько раз выразил свое крайнее недовольство тем, что Гумнерова не разыскали. Велел, если Гумнеров сделал предварительно какие-нибудь самокритичные заявления, обязательно довести их до сведения Народного собрания.

— Было бы хорошо,— сказал Димитров,— если бы он, несмотря на допущенные им ошибки, какие бы они ни были, вышел и сделал с трибуны Народного собрания самокритичное заявление, признал свои ошибки, а не так, как эти мерзавствующие здесь сволочи.

И действительно, Пеко Таков вышел и прочел самокритичные признания Гумнерова, предварительно сделанные им на заседании следственной комиссии, которой он направил письмо.

— В конце концов Любен Гумнеров,— сказал П. Таков,— принимая во внимание эти факты, это строгое расследование, заявляет сейчас, что он глубоко осознает свои преступления, совершенные им против народа, против Отечественного фронта, против родины, и что наказание, которое комиссия предлагает Великому народному собранию для него,— лишить его мандата, отозвать из депутатов; исключить по предложению околийского совета из организаций, членом которых он состоял; уволить из армии, где он до сих пор состоит на службе; посадить его, если это необходимо, в тюрьму — все это он считает справедливым, самым спра-

ведливым, уважаемое Народное собрание... Он считает, что это для него большой урок; он вынесет наказания и с сегодняшнего дня ставит перед собой одну задачу: искупить свои грехи, свое преступление перед болгарским народом.

Народное собрание лишило депутатских мандатов всех троих.

После заседания Димитров уехал на спектакль в Народный театр.

8 марта 1948 г., понедельник

В субботу, 6 марта, с утра проходило заседание парламентской группы нашей партии. С докладами один за другим выступили Васил Коларов, Добри Терпешев, Иван Стефанов и другие. Некоторые депутаты подняли вопрос о хлебе: нельзя ли улучшить качество хлеба, увеличить нормы выдачи? Добри Терпешев разъяснил, что у нас нет никакой возможности в настоящее время ни увеличить нормы выдачи, ни улучшить его качество. С согласия и по поручению Георгия Димитрова были подвергнуты критике многие из наших депутатов за то, что не относятся с необходимой серьезностью к своим обязанностям, что слабо заботятся о своем самообразовании. «В целом работа нашей парламентской группы неудовлетворительна»,— гласил самокритичный вывод.

Сразу по окончании заседания доложил обо всем по телефону Димитрову. Он велел проинформировать его завтра о съезде физкультурников и о конференции городской организации Отечественного фронта.

После обеда в Народном собрании во втором чтении приняли последний закон, вместо исключенных депутатов объявили о двух новых, и на этом очередная сессия была закрыта.

В воскресенье, 7 марта, с самого утра почти все мы были на ногах. Прежде всего я пошел в кинотеатр «Республика», где заседал II съезд Народного физкультурного союза. К половине одиннадцатого туда приехал Димитров. Встретил его генерал-лейтенант Владимир Стойчев, председатель Главного комитета физической культуры и спорта, все такой же вежливый, подтянутый, со спортивной выправкой.

Оттуда я немедля отправился в кинотеатр им. Д. Благоева, где работала конференция городской организации Отечественного фронта, чтобы подготовить приход туда Димитрова и организовать стенографирование. С докладом о предстоящих задачах организации выступил Тодор Живков. К половине двенадцатого прибыл Димитров. Я встретил его еще на улице, проинформировал о конференции. Вышел и радушно встретил его Тодор Живков.

Живков направился к сцене и с воодушевлением объявил:

— Товарищи, на нашу конференцию прибыл дорогой гость — товарищ Димитров.

В этот момент восторженно встреченный Димитров поднялся на сцену. Он поздоровался за руку со всеми членами президиума.

Выступления продолжались. Высказывались очень ценные мысли, критиковалась работа городского комитета ОФ. Районы объявили соревнование за лучшую постановку работы. Было уже начало первого, и я подумал, что Димитров не будет говорить. Как раз в этот момент председательствующий попросил его выступить, дать напутствия для будущей работы. Димитров встал и с трибуны коротко сказал о некоторых насущных вопросах нашей агитации. Он подчеркнул, что мы поступаем неправильно в агитационной работе, замалчивая некоторые деликатные вопросы или обходя их. Этим самым мы предоставляем нашим недругам возможность для спекуляций. После этого Димитров откровенно дал объяснение таким щекотливым вопросам, как, например, почему Председатель Совета Министров ездит по городу в сопровождении второго автомобиля, почему живет во дворце Врана, почему наши министры пользуются автомобилями. Эти вопросы были поставлены открыто и объяснены впервые. До сих пор никто не набирался смелости заговорить о них, каждый их обходил. А среди народа, даже среди отдельных коммунистов, по этому поводу шушукались сколько угодно.

Конференция продолжила свою работу — состоялись выборы нового состава городского комитета. Председателем городского комитета избран Тодор Живков. Только когда было объявлено, что конференция закрывается, Димитров уехал.

К 4 часам дня из Дирекции по печати сообщили, что Долапчиев [1] подал в Лондоне в отставку. Вместе с этим он сделал грязное заявление. Спустя некоторое время у нас в руках был полный текст телеграммы Франс Пресс. Действительно, его заявления были грязнее заявлений Юрукова [2], подавшего в отставку в пятницу. Мы немедленно сообщили об этом Димитрову.

---

[1] Долапчиев, Никола — реакционный болгарский деятель. После 9 сентября 1944 г. вступил в «Звено». С июля 1947 г.— посланник НРБ в Лондоне. В начале 1948 г. подал в отставку и остался в эмиграции. В марте 1948 г. лишен болгарского гражданства.— *Прим. перев.*

[2] Юруков, Васил — реакционный болгарский деятель. Вступил в «Звено» с момента образования этого союза. Был главным редактором газеты «Изгрев». Поддерживал связи с реакционными деятелями. С июля 1947 г.— посланник НРБ в Брюсселе. В начале 1948 г. подал в отставку и остался в эмиграции. В марте 1948 г. лишен болгарского гражданства.— *Прим. перев.*

Мне предстояло привезти к Димитрову на встречу две делегации — сентябрят из 20-й восьмилетней школы и учениц 1-й женской гимназии. Ребята хотели приколоть ему мартенички в связи с 1 марта, но времени не хватало, встреча со дня на день откладывалась. Согласился сегодня, в воскресенье, принять их. Делегации состояли из шести ребятишек с учительницей и пионервожатой и семи девушек-гимназисток со своей учительницей. Мы еле усадили их в две машины и отправились во Врану. К счастью, по дороге догнали нашу машину без пассажиров, немного разуплотнились. Прибыли к половине седьмого вечера. Димитров отдыхал. Мы немного подождали в прихожей. Все волновались в беспокойном ожидании. На них действовал каждый скрип двери. Потом мы пригласили их в гостиную перекусить.

Димитров, спустившись в свой кабинет, вызвал меня. Ему нужно было сориентироваться: сколько гостей, какого возраста, откуда... После этого он направился в гостиную. С ним вместе была и его семья — жена и Бойко.

— А-а-а, приятные гости! Здравствуйте! Добро пожаловать! — Димитров, широко улыбаясь, наклонился и ласково подал руку стоявшей ближе всех девочке. А она, смущенная, робкая, слова не может сказать. Онемели все наши гости, губы у них пересохли, и они безмолвно подавали руки.

— А сейчас, пожалуйста, садитесь! — указал рукой Димитров на стулья, расставленные вокруг длинного стола, и сел сам.

Несколькими словами и шутками он сразу же разрядил обстановку смущения. Стало как-то очень свободно и легко, вскоре взорвался смех. Ученики начали засыпать его вопросами, с легкостью отвечать ему. Свободнее почувствовал себя и сам Димитров. Не осталось и следа от его намерения быстрее закончить встречу:

— Как идет учеба? Какая часть учениц состоит в молодежной организации? А в каком состоянии физкультура, много ли учениц занимаются ею? Каковы успехи?

После этого он сам отвечал на их вопросы. Не с сухим назиданием, а вдохновенно напутствовал их, указывал им большие цели в жизни. Он посоветовал, например, проявлять терпение и такт по отношению к тем ученицам, которые находятся под влиянием реакционно настроенных родителей. Всю молодежь необходимо завоевать на сторону социализма.

— Останутся,— сказал он,— только неисправимые. Но с ними ничего не поделаешь.

Потом спросил:

— Какой у вас процент тех, кто смотрит назад сам или кого семьи тянут в прошлое?

— Бóльшая часть! — ответила одна из гимназисток.

Я подумал: «1-я женская гимназия расположена на улице Царя Шишмана, т. е. в центре города; там учатся преимущественно дети буржуазии, старого офицерства, старого чиновничества. Нужно будет при первой возможности сказать об этом тов. Димитрову».

— В организации не состоят только девять девушек, но есть такие, которых приняли насильно, а некоторые вступили, чтобы саботировать работу...

— Значит, хотят взять крепость изнутри... Это, разумеется, им не удастся.

Другая девушка спросила:

— Вы говорите, для того чтобы наша работа шла нормально, не нужно вести себя надменно. Но те, о которых шла речь, в большинстве случаев ведут себя именно так...

— Вам не нужно обращать на них внимания, не поддавайтесь на их вызов, потому что в идейно-политическом отношении вы стоите на целую голову выше их. Семья оказывает большое влияние, но не всегда она оказывает его в желательном для нас направлении. Вот мы, например, национализировали промышленные предприятия. Не думайте, что дочери бывших хозяев не испытывают влияния дома, где ругают правительство и молятся, чтобы Димитров скорее умер. (В этом месте дети неодобрительно реагировали восклицанием: «А-а-а!», а тов. Димитров добавил шутливо: «Думаю, большинство молится, чтобы жил».) Они слушают их,— продолжал он свою мысль,— и идут в гимназию с определенным настроением. Наши реформы коснулись стольких людей, однако мы проводим их в интересах всего народа! Но я убежден: несмотря на это, в вашей среде найдутся девушки, которые не пойдут со своими реакционно настроенными родителями, а пойдут с вами. Так было и в фашистское время. Мало ли детей, выросших в таких семьях, отдали даже свои жизни в борьбе за счастье народа! Молодое поколение всегда ищет нечто новое, чистое, светлое, его не устраивает жизнь в болоте и тине, лишь бы был сытый обед. Так обстоит дело и сейчас.

Димитров сказал, что очень важно, чтобы они, активисты Союза народной молодежи, работали над собой, были примером, оказывали влияние.

— Важно не только число, но и качество. Десять хороших девушек могут повести за собой сто других. Большое количество— важно, но только количество не решает успех дела. Необходимо качество, а качество должно быть и в руках, и в голове, и в сердце, и везде, где оно необходимо. Вы должны вырасти настоящими людьми! Здоровыми, сильными, закаленными, с железной

волей, с правильным мировоззрением. Учение, учение! Никто не должен ложиться вечером, не дав себе отчета в том, что он узнал за день.

Зашла речь и о школьной программе.

— Я знаю вашу программу, недавно просмотрел некоторые из ваших учебников. Мне кажется, что программа перегружена. Наверное, что-то можно было бы сократить, в рамках допустимого, разумеется. Вы много учите, накапливаете за время учебы в школе много знаний, но вы должны иметь в виду, что знания, не ставшие плотью от плоти, кровью от крови человека, скоро забываются. Вы должны стараться не только наполнить голову многими знаниями, но и связать эти знания между собой: математика, история, литература и т. п.— все должно быть связано. Поэтому мы и говорим о едином мировоззрении. Мировоззрение необходимо для того, чтобы голова не была похожа на универсальный магазин, нагруженный красками, платьями, тарелками, ложками,— чего только нет. Знания должны быть взаимно увязаны... Это произойдет в работе, в борьбе, в будущей жизни.

После этого он спросил:

— А что делает гимназия для тех учениц, которые живут в совершенно бедных семьях и не имеют дома даже элементарных условий? Вы можете оказать им какую-либо помощь?

И, услышав ответ, продолжал:

— Заботьтесь о них. Это очень важно. Имейте в виду, значительная часть нашего народа продолжает испытывать трудности и переносить тяготы и с продовольствием, и зачастую с одеждой, и особенно с жильем.

А коснувшись проблемы учителей, Димитров сказал:

— Звание учителя, кто бы его ни носил, нужно уважать. Это чувство необходимо воспитывать, утверждать. Учителя сами должны стремиться к тому, чтобы завоевать необходимый авторитет, любовь детей, всегда заботиться о своем престиже.

Беседа продолжалась. Особенно благоприятное впечатление произвела председатель гимназической организации СНМ. Она была из 6-го класса [1], с горящими черными и смелыми глазами, в которых чувствовалась какая-то сильная устремленность, с прекрасной юношеской душой; она задавала Димитрову вопросы так откровенно и чистосердечно, так рассказывала о своих впечатлениях, как будто исповедовалась самым искренним образом. В ее поведении и вопросах не было никакого шаблона.

---

[1] Сейчас соответствует 10-му классу.

Димитров все более увлеченно отвечал на вопросы, спрашивал сам и заводил разговор о все новых проблемах.

— Хорошие привычки очень полезны, потому что человек поступает хорошо автоматически, а плохие — заставляют человека зачастую бессознательно поступать плохо. Что касается девушек, то здесь есть две крайности: одна крайность — обращать внимание только на внешность, элегантно одеваться, быть как можно красивее, готовиться найти себе мужа с хорошим общественным положением. Другая крайность встречается обычно среди пролетарских девушек, комсомолок, коммунисток... Они правильно мыслят, что женщина должна быть прежде всего человеком. Но это совсем не означает, что девушке не нужно причесываться, одеваться красиво, чистить ногти. Это вредно. Мы, коммунисты, боремся за высокую культуру. Наши девушки и женщины должны быть чистыми, элегантными, красивыми, умными, преодолевать во всем буржуазную гниль. Надо уметь избежать обеих крайностей,— закончил тов. Димитров.

Девушки, не сводя с него глаз, жадно ловили каждое его слово.

— Красота проявляется по-разному,— продолжал Димитров.— Есть, например, красивые куклы, но пустые, бездушные; а есть другие девушки, внешне менее красивые, но с прекрасной душой, с высокой культурой, с богатой духовной жизнью. И красота нужна, и радость нужна, и любовь нужна, но все должно быть на здоровой основе. Мы хотим видеть молодых людей здоровыми, красивыми, умными, с хорошими характерами!

— А не оказывают ли влияние фильмы? — спросила председатель ученической организации.

— Именно на нездоровые фильмы налетают некоторые наши ученицы,— добавила другая девушка.

Димитров пояснил, что многие фильмы выпускаются из коммерческих соображений, для получения большей прибыли, а отрицательные последствия не принимаются во внимание и добавил:

— Нам нужно иметь побольше музыкальных фильмов! Их не только приятно смотреть, но они многое дают, особенно молодежи. Очень ценны научно-популярные фильмы — о технике, о научных исследованиях, о производстве, о путешествиях по различным странам; они расширяют кругозор, увеличивают знания, приносят радость, доставляют людям удовольствие. Мы сейчас принимаем меры по развитию нашей кинематографии, созданию собственной технической базы. Тогда можно будет создавать больше по количеству и лучше по содержанию фильмы на важные социальные темы, близкие вкусам нашей прогрессивной публики и целям воспитания.

Димитров учил своих молодых гостей: надо вырабатывать умение относиться критически к произведениям искусства — будь то кино, будь то литература; не увлекаться всевозможными романтическими историями и не принимать все за чистую монету. Хорошо было бы создать обычай собираться в свободное время по две-три девушки вместе, вместе читать и обсуждать книги, не входящие в школьную программу,— от Маяковского, например, до Смирненского.

— Нужно жить с настоящей радостью! Учитесь с песней, работайте с песней! И тогда, когда наступит время стать вам матерями, хотя это и сопровождается болью, рожайте с радостью. Это показатель здоровья народа!

Он с увлечением рассказывал им о некоторых эпизодах прошлого. Мальчики и девочки слушали его, позабыв обо всем! Время от времени он шутил, чтобы развеселить гостей.

Так незаметно создалась атмосфера сердечности, дружбы между гостями и хозяином. Установилось своеобразное созвучие в настроении, чувствах и мыслях, родилось общее воодушевление.

Все встали и собрались в одном конце гостиной, чтобы выполнить то, что было задумано гостями. Девушки прикололи мартеницы товарищу Димитрову, Розе Юльевне и Бойко. Черноглазая, темпераментная председательница от всего своего горячего сердца пожелала здоровья, разволновалась сама, разволновался Димитров, расчувствовались все присутствующие. Девушка поцеловала Димитрова в щеку. Дошла очередь до сентябрят. Один из них спросил:

— Товарищ Димитров, можно мы споем что-нибудь для вас?

— Можно!

— Товарищ Димитров, а можно мы прочтем вам стихи?

— Можно!

Растроганный, он слушал.

Встреча продолжается долго. Произошло то, что случалось всякий раз, когда Димитров встречался с детьми: они ему всегда приносят радость и бодрость, настоящий отдых. К детям он питает большую слабость, такую, какую может испытывать сильный, мужественный человек. Мне думается, что и он бы мог сказать словами Гёте: «Из всего на земле дети ближе всего моему сердцу!»

Когда я во Вране и до известной степени свободен и особенно когда нет Димитрова, позволяю себе побродить по дворцу и парку, с любопытством их изучаю.

Дворец, расположенный в центре огромного великолепного парка, делится на два крыла — старое и новое. Старое крыло — или, как его раньше называли, вилла,— построенное первым (в 1905 г.), меньше другого. А новое, выстроенное в 1912 г., значительно современнее и больше — это внушительное трехэтажное здание, но кровля верхнего этажа сорвана. Именно в новое крыло угодила бомба, оно сильно повреждено и в значительной части не используется.

Жилищем сейчас служит старое крыло, действительно имеющее вид виллы. Сразу, как только войдешь в огражденное стеклянными стенами помещение (желанное убежище от дождя и ветра), налево находится дежурная комната, где размещаются и дежурят сменные начальники охраны. В глубине первого и второго этажей веранда с застекленными чердакообразными помещениями. На первом этаже, на веранде, расположено длинное тесноватое помещение неправильной формы, пригодное для использования его в качестве кабинета. Ветвистые деревья заглядывают в его окна, от чего создается впечатление близости с природой. Именно здесь Димитров любит работать, особенно в хорошую погоду. Из кабинета на веранде хорошо просматривается ярко очерченный силуэт Витоши, на которую нередко он любит смотреть. Его рабочий стол слева от двери, позади стола шкафы с книгами.

Рядом с кабинетом на веранде столовая с продолговатым, с закругленными углами столом, по обе стороны которого стоят по десятку стульев. За обедом или ужином Димитров всегда сидит справа в передней части стола.

По узкой деревянной лестнице, украшенной еще в прежние времена чучелами птиц, среди которых больше всего глухарей, с картинами по стенам, можно подняться на второй этаж, там сразу направо расположен другой кабинет.

Спальни тоже на втором этаже.

Длинный, высокий коридор связывает старое крыло — виллу — с новым крылом. Новое крыло имеет, разумеется, отдельный вход, это, в сущности, парадный вход дворца, который сейчас закрыт; не используются просторные комнаты для официальных приемов. Сохранившиеся несколько помещений имеют служебное предназначение, они служат рабочим уголком дома. «Русская столовая» — не особенно просторное помещение: скорее, это небольшой зал, в котором и отделка стен, и мебель, в том числе стулья и стол (дело рук какого-то мастера из Одессы),— все сделано из редкой породы русской березы, этот своеобразный колорит всей обстановки придает помещению легкость. Большой стол со множеством стульев, расставленных вокруг него, стоит в

центре; именно за этим столом проходят заседания Политбюро ЦК и Совета Министров; в «русской столовой» принимаются делегации, там устраивается множество встреч. Здесь установлен специальный проекционный аппарат с небольшим экраном.

Напротив этого помещения через узкий коридор расположен кабинет, в котором чаще всего работает Димитров. Для этого кабинета характерен большой стол в виде буквы «Г», стоящий у самой застекленной стены, которая занимает почти всю западную сторону кабинета. Кабинет обшит деревом. В одном из углов оригинальный гарнитур — массивный диван со столиком и двумя-тремя солидными кожаными креслами. Это удобное место для уединенных встреч и бесед.

На восточной стороне «русской столовой» находится просторная терраса; возле нее высятся три-четыре гигантских дерева — какой-то особый вид акации; их огромные ветви нависают над самой террасой и создают уют.

Именно отсюда лучше всего любоваться парком дворца, его необозримым простором — поросшими сочной травой полянами, мощными деревьями или отдельными островками леса с растениями редких видов, альпинариумами, озерцами, беседками, тропинками, ручейками. Вообще это редкий по красоте уголок, сочетание труда талантливых рук, сотворивших его, с царскими возможностями создавать для себя уют.

9 марта 1948 г., вторник

Сегодня сообщается об изданном указе — лишаются гражданства два дипломата-предателя, полностью конфискуется их семейное имущество. Доброславский (министр, член «Звена») выступил с обширной статьей в газете «Отечествен фронт», озаглавленной: «Здесь были вредителями, за границей стали предателями». В статье остро ставится вопрос, почему столько времени терпели Юрукова, как червя, в Отечественном фронте. По мнению Доброславского, Юруков не прикрытый, а явный враг, подлец, который искал лишь момента, чтобы удрать из нашей страны. Он — масон, как и другие враждебно настроенные деятели «Звена». «Звено» исключает их из своих рядов.

11 марта 1948 г., четверг

Вчера вечером Димитров принял Петра Григорова. Партийное расследование по его делу закончено. Я не совсем информирован об этом, но думаю, что по отношению к нему возникло какое-то крайне досадное недоразумение. Он не восстановлен в

партии. Григоров в отчаянном положении — тяжело болен, покинут, возможно и без средств к существованию, подвергнут постоянным нападкам, сплетням и клевете; он просто сокрушен, голос по телефону едва-едва слышен. Димитров потребовал срочно устроить его на работу, помочь в организации лечения; принял также известного певца Петра Райчева и старую деятельницу партии Дору Анкову, попавшую в немилость. Обратил внимание на то, чтобы найти ей подходящую работу.

Дал указание в связи с годовщиной Сентябрьского восстания устроить похороны Гаврила Генова (дочь его сохраняла прах отца после кремации) и воздвигнуть ему памятник во Враце.

Со вчерашнего дня газета «Труд» начала публиковать серию статей под общей рубрикой «Изучим указания Димитрова».

Партиздат несколько дней назад выпустил брошюру Димитрова, написанную им в 1920 г., «От поражения к победе (Общая стачка на железных дорогах, почтах, телеграфе, в портах и на шахтах)». Написанная талантливо, страстным пером публициста, она является ценным историческим и политическим документом. Сама стачка, по словам Димитрова,— «целая эпоха в освободительном движении болгарского пролетариата». Стачка продолжалась 55 дней и охватила почти весь рабочий класс в таких жизненно важных узлах, как железные дороги, порты, почтово-телеграфная сеть и шахты, она парализовала всякое сообщение в стране, даже правительство длительное время не имело связи со своими собственными органами на местах. Крупная акция закончилась без экономических завоеваний — вся государственная машина объявила против стачечников настоящую войну, подняла вой вся буржуазная пресса. Но рабочие завоевывают «моральную победу» своей готовностью и смелостью продолжать борьбу, несмотря ни на что. Во главе героической борьбы — Димитров; здесь он проявляет свое природное дарование трибуна и организатора крупного масштаба, свое бесстрашие, сообразительность, непоколебимость. Димитров пишет брошюру через несколько дней после прекращения стачки. В ней он не только освещает ход борьбы, не только защищает стачечников от льющихся на них реакционных помоев, но извлекает и ценный опыт героической борьбы: «Сами по себе они (уроки.— *Н. Г.*) — уже *настоящее завоевание*... всего пролетариата и представляют *ценный* капитал для будущей борьбы рабочего класса»[1]. Издание брошюры сегодня имеет важный смысл, который раскрывается в кратком введении: «Необходимо... не прикрывать историческую истину, а видеть ее такой, какова она в действительности, и извлекать

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 5, с. 342.— *Прим. перев.*

из нее все необходимые уроки». Единство и сплоченность народных сил в рядах Отечественного фронта под руководством партии — вот главная заповедь сегодня.

Вчера мы получили компрессор, токарный станок и трансформатор, подаренные Димитрову Плевенской областью в связи с его 65-летием. Он поручил направить благодарственные письма. По его указанию оборудование передано на различные предприятия. Об этом было сообщено в печати.

9 марта «Правда» опубликовала ноту Советского правительства по поводу Лондонского совещания по германскому вопросу, разоблачающую действия трех западных стран. Решения совещания, по мнению Советского правительства, незаконны и никого ни к чему не обязывают.

Вчера вечером, как гром среди ясного неба, разнеслось сообщение о самоубийстве Яна Масарика — министра иностранных дел Чехословакии. Причины еще не выяснены. Уже сейчас высказываются предположения, что выкинет по этому поводу западная печать.

Приближаются выборы в Италии. Напряжение быстро растет и там. Во Франции временное затишье. В Америке начинается предвыборная борьба. Из Греции приходят сообщения о решительных акциях партизанских войск — разбиты целые правительственные отряды, взят один городок. Из Китая поступают хорошие вести — революционная армия успешно продвигается вперед.

13 марта 1948 г., суббота

В четверг вечером была принята делегация сливенских рабочих. Это были рабочие и руководители национализированных фабрик Антонова — Михайлова, Стефанова, предприятий «Калев» и «Интер». На встрече присутствовал и Добри Терпешев. Вначале все были очень смущены, но уже через несколько минут неловкость прошла: гости освоились и начали разговаривать совсем спокойно. Они вручили Димитрову гобелен и дали обещание выполнить годовые планы досрочно на 20—30 дней. Ударница Пенка Бобева пообещала, что будет работать на двух станах. Она является передовиком отрасли. Гости попросили председателя правительства выделить им один автобус для перевозки рабочих. Димитров поручил Терпешеву проверить, есть ли возможность для незамедлительного удовлетворения этой просьбы. В беседе зашла речь и о других вопросах, касающихся труда и быта рабочих. Иногда, для более полного ответа, Димитров обращался за сведениями к бай Добри, но тот запаздывал с ответами, и

Димитров сделал ему замечание. Бай Добри чувствовал себя учеником, получающим выговор, и пожимал плечами. В беседе были высказаны ценные напутствия, обращено внимание новых директоров на необходимость хорошо овладеть своим участком, улучшить работу производства, проявлять заботу о рабочих.

Из редакции еженедельника «Стыршел» очень настаивают посетить их выставку. Звонят по телефону, убеждают.

Подготавливается отъезд нашей официальной правительственной делегации во главе с Димитровым в Москву.

Сегодня утром состоялось заседание Исполнительного комитета Отечественного фронта. Представители киножурналов «Былгарско дело» и «Советская кинохроника» настаивают, чтобы заседание было проведено не в Народном собрании, а в Совете Министров. Мотивы кинематографистов: они снимают фильм о заводе им. Первого мая, хотят показать Виолету Бербенкову, первую ударницу коллектива, члена Национального совета, как она заседает и решает государственные вопросы; с этой целью им необходимо помещение, где заседания проходят вокруг одного стола, т. е. обстановка, которая имела бы «государственный вид», а не просто, чтобы стояли ряды стульев, как в Народном собрании. Весь зал опутан их кабелями.

Заседание длилось до часу дня, после чего Димитров принял подряд Николу Павлова, Димитра Нейкова, инженера Матева, Кюлёвского, Банчева, Христозова, Каприелова и других.

Инженер Матев пришел с эскизами проекта детского городка на реке Искыр. Димитров рассматривал их более получаса. Интересовался малейшими подробностями, давал указания по многим вопросам.

Идея строительства детского городка в поле между Панчарево и Горубляне — лично его, Димитрова (хотя здесь и не обошлось без участия Розы Юльевны). Чувствуется, что это дело ему по душе; все, что с ним связано, он делает с любовью, посвящает ему свое свободное время. Городок должен быть настоящим детским царством, как в сказках, чтобы дети отдыхали в прекрасных условиях, свободно играли, катались по своей железной дороге, сами ею управляли, имели театр, трудились и учились там, располагали животноводческой фермой и участком для занятий земледелием. И чего только не должно было быть там.

Уехал он только в 16 часов. Направился в Военное министерство (замещает генерала Георгия Дамянова, который в отпуске).

В последнее время особое место у нас занимает деятельность Государственного контроля — он действует энергично и серьезно, и это производит впечатление на всех.

Продолжают распространяться слухи — самые разнообразные, безобразные и бессмысленные. Явно видно, что они исходят и постоянно поддерживаются одним центром. И какое озлобление чувствуется в них! Особенно настойчиво шушукаются о новой войне. Некоторые даже определяют срок, когда она начнется, где и что будет подвергнуто бомбардировкам в первую очередь.

Снабжение ухудшилось. Исчезло даже то, что было раньше. Дороговизна на рынке невообразимая. Одно яйцо, например, позавчера на базаре стоило 30—35 левов (осенью продавали за 15—20 левов). Эта весна несет нам новые трудности. Хорошо, что пайки продовольствия выдают регулярно и по низким ценам.

19 марта 1948 г., пятница

Наши в Москве.

Улетели 15 марта, в понедельник, двумя самолетами для подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Советским Союзом. Состав нашей правительственной делегации самый представительный — в нее входят заместители Председателя Совета Министров Васил Коларов, Кимон Георгиев и Георгий Попов, а также Трайчо Костов, находящийся в Советском Союзе, министры Петр Каменов (земледелец) и Крыстю Добрев (тоже находится в Москве, где ведет торговые переговоры). От службы кабинета улетел Цвятко Банчев. Димитров считает нынешний визит в Советский Союз и подписание договора главным моментом своей жизни. [Кирил Лазаров вспоминает, что Димитров сказал перед своей поездкой: «Подпишу этот договор и можно умирать».]

При встрече в московском аэропорту руководитель болгарской делегации произнес краткую речь, в которой, в частности, сказал: «В дружбе с народами могучей страны социализма болгарский народ видит главную гарантию своей свободы, независимости и всестороннего преуспевания» [1]. От советской стороны их встречал В. М. Молотов (в качестве первого заместителя Председателя Совета Министров и министра иностранных дел) и заместители министра иностранных дел А. Я. Вышинский и В. А. Зорин.

Поддерживаем с делегацией регулярную связь. Высылаем некоторые материалы, разговариваем по телефону. С интересом следим за ее работой. Она уже четыре дня там. 17-го была при-

---

[1] Правда, 1948, 16 марта.— *Прим. перев.*

нята Н. М. Шверником, Председателем Президиума Верховного Совета СССР, а Молотов устроил в честь нашей делегации официальный прием.

18 марта 1948 г. стал историческим днем — был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Народной Республикой Болгарией и Советским Союзом. Подписали его Димитров и Молотов. Димитров назвал договор «новым ценнейшим вкладом в общие усилия Советского Союза и Народной Республики Болгарии», который «окончательно закрепляет исторические братские связи болгарского народа с великим русским народом и остальными народами Советского Союза... отвечает полностью жизненным интересам нашего народа и отражает его сокровеннейшие чаяния»[1]. Молотов в своем кратком слове после подписания заявил, что «этот договор основан на уважении принципов государственной независимости и национального суверенитета и служит делу укрепления демократического мира и безопасности в Европе»[2].

Мы все здесь даем себе отчет о величии этого акта. Болгаро-советская дружба в наших сердцах и душе; закрепление ее в договоре — событие, которое мы считаем естественным и исключительно важным. Мы не можем себе представить нашу будущую жизнь по-другому, кроме как рука об руку с нашими советскими братьями. Димитров стал выразителем этих наших сокровенных чаяний.

При подписании договора присутствовал И. В. Сталин.

...Несколько дней назад в кабинет поступило письмо с предложением присвоить среднему музыкальному училищу в Софии имя Димитрова. Председатель Совета Министров передал нам ответ директору и коллективу учителей следующего содержания:

> «...Он (Председатель Совета Министров) рекомендует назвать училище именем выдающегося отечественного музыкального деятеля, который служил верой и правдой своему народу и отдал свои силы становлению, популяризации и демократическому развитию болгарской музыки».

23 марта 1948 г., вторник

18 марта, в четверг, в Москве прием в честь болгарской правительственной делегации устроил наш посланник Найден Николов.

---

[1] Правда, 1948, 19 марта.— *Прим. перев.*
[2] Там же.— *Прим. перев.*

Письмом от 11 марта с. г., адресованным начальнику кабинета, Гоневский из Буэнос-Айреса сообщает, что Центральный комитет общества получил телеграмму тов. Димитрова и решил выделить необходимую сумму для возвращения Будевской, но в связи с тем, что встречаются некоторые трудности, они просят содействия.

Сегодня мне было поручено через наши дипломатические службы проверить, как обстоят дела, и сделать все необходимое.

25 марта 1948 г., четверг

В пятницу, 19 марта, И. В. Сталин, Председатель Совета Министров СССР, дал в Кремле обед в честь болгарской правительственной делегации.

Встреча нашей делегации в Москве носила главным образом протокольный, рабочий характер. Но в узком кругу высокого советского руководства болгарские гости были объектом большого внимания.

Сталин держался в тени, на переднем плане выступал Молотов — он встречал и провожал, подписал договор, выступил с речью.

Однако в другом отношении Сталин уделил немалое внимание болгарской делегации. Он дал обед, был очень активным во время переговоров и официальных церемоний.

Отбыли наши из Москвы вчера утром. Заявление, которое сделал Димитров в московском аэропорту, прекрасно. «Зная хорошо наш народ,— сказал он,— я могу заверить советских братьев в том, что он останется до конца верным другом. Чтобы ни случилось в будущем, болгарский народ никогда не подведет своего брата-освободителя» [1].

Вчера, после обеда, в 15.07, самолеты приземлились на аэродроме Враждебна. Улицы и площади Софии от Совета Министров до аэропорта были многолюдны, оживленны, в трепетном ожидании.

В 16.30 Димитров и другие руководители появились на балконе. Как их встретили люди! Мощной волной прокатились приветственные возгласы!

Георгий Димитров говорил коротко, искренне и тепло. Именно эту теплоту я почувствовал больше всего. В его тоне не было изысканности, а чувствовалась внушительная, мужественная сила, которая временами так захватывала всех, что казалось

---

[1] Правда, 1948, 25 марта.— *Прим. перев.*

поднимет сейчас всю площадь. А площадь была отзывчивой, исключительно живой. Но голос оратора время от времени становился тише. Димитров заявил, что заключен «равноправный договор, основанный на принципах: верность — за верность, дружба — за дружбу». «В лице Москвы и Советского Союза мы имеем не только освободителей в прошлом, но и верных товарищей, которые искренне и бескорыстно помогают усилиям нашего народа в строительстве счастливого и прекрасного будущего в нашей стране»[1]. Речь идет о действительно «крупном историческом событии»[2].

После митинга Димитров сразу же отбыл во Врану. Сказалась усталость после поездки. Как я понял, последние ночи были у него бессонными.

Члены нашей делегации очарованы Москвой.

Кимон Георгиев делится сегодня в газете «Изгрев» своими впечатлениями о поездке в Советский Союз. Чувствуется его искреннее воодушевление.

Сегодня вечером, немного отдохнув, товарищ Димитров поехал в Военное министерство. Он обходил кабинеты, разговаривал со многими военнослужащими. После этого приехал в Совет Министров.

[В газетах помещен снимок митинга, похожий на позавчерашние публикации,— снова на первой странице во всю ее ширину. В кадре виден Георгий Димитров, который говорит вдохновенно, мощно сжав кулак; рядом с ним Васил Коларов и Трайчо Костов; площадь заполнена бесчисленным множеством народа.

Историческая фотография!

Кто бы мог предположить, что у этой фотографии окажется злополучная судьба? Кто бы мог оспорить ее бессмертие — ведь она запечатлела такой важный исторический момент — речь Димитрова по случаю заключения болгаро-советского договора! Да и с профессиональной точки зрения это редкий снимок — Димитров проникновенно схвачен в своей увлеченности оратора. Поэтому фотография, о которой мы говорим, непрестанно перепечатывалась в последующие годы. Но... из-за присутствия Тр. Костова, который через год подвергся преследованию и репрессиям, ее публикация в определенный период была запрещена.]

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 516.— *Прим. перев.*

[2] Там же, с. 515.— *Прим. перев.*

27 марта 1948 г., суббота

В пятницу, 26 марта, в 11 часов утра, началось заседание Совета Министров во Вране. Продолжалось оно часов до пяти. По докладу министра иностранных дел В. Коларова был одобрен договор с СССР и принято решение осуществить во второй половине апреля визит нашей делегации на высшем уровне в Чехословакию и также подписать союзный договор. Во время заседания товарищ Димитров почувствовал себя плохо, лицо его стало заливаться краской. Это вынудило тов. Трайчо Костова прекратить заседание и отложить его. Оказалось, что температура поднялась до 39°. Врачи установили грипп.

Сегодня, в субботу, он целый день во Вране.

Сегодня нам стал известен его ответ на предложение, сделанное через министра народного просвещения доктора Кирила Драмалиева, которое гласило: «Совет-правление Союза научных работников на своем последнем заседании решил провозгласить почетными членами союза тт. Георгия Димитрова и Васила Коларова. Церемония будет проведена завтра, в пятницу, 26.III, на общем годовом собрании союза после соответствующих докладов». Димитров красным карандашом написал в левом верхнем углу:

«По-моему, нет *нужды* это делать.

25.III 1948 г. *Г. Дим.*».

Из Москвы прибыла не только официальная правительственная делегация. Вторым правительственным самолетом в Софию прилетала и... простая советская девушка.

— Мы заключили еще одно большое соглашение,— сказал шутливо министр Крыстю Добрев инженеру Николе Коларову.— Привезли тебе молодую жену.

И действительно, в Москве наряду с обсуждением крупных межгосударственных вопросов состоялся разговор и о личной судьбе двух человек.

На встрече (то ли у Сталина, то ли у Молотова) Георгий Димитров в конце беседы сказал:

— У нас есть еще один маленький, но очень важный вопрос. Нам нужна ваша помощь,— и усмехнулся.

— Пожалуйста, говорите! Во имя нашей дружбы...

И тогда наши товарищи рассказали о беде семьи Коларовых: присмотрели советскую девушку в качестве невесты, а законы не позволяют заключить брак.

— Во имя нашей дружбы это нужно уладить,— заключил Димитров.

Было дано согласие.

Сватовство состоялось.

Когда-то небезызвестная Елена стала причиной возникновения троянской войны. Сейчас неизвестная Роза прибыла как вестник мира и дружбы.

Итак, комсомолка Роза, сопровождаемая Цветой Коларовой, свекровью, прибыла в Софию. В аэропорту счастливый Никола Коларов обнял свою будущую жену, а она, смущенная и растерявшаяся от большого внимания к ее особе, стыдливо наклоняла пылающее лицо. Когда я ее увидел, сказал себе: она заслуживала, чтобы два правительства вели о ней переговоры! Чисто русский тип женщины, полная сил, жизнерадостная; вместе с тем в ее лице было что-то южное, придававшее ей особую обаятельность. Двадцатитрехлетняя девушка, учительница, родилась в семье советских служащих, большевиков. Мать ее — ленинградка, участница событий в бурные революционные годы; брат погиб на фронте в Отечественную войну.

Свадьбу справили 3 апреля. Посаженой матерью и посаженым отцом были Роза и Георгий Димитровы.

Вечером в доме, где жили Коларовы, состоялось свадебное торжество. Приглашены были все видные партийные, общественные и государственные деятели, друзья, сотрудники. Много народу, большая свадьба! Шутка ли — Васил Коларов сына женит! Коларов был поистине счастливым — радостно встречал гостей, обнимался со старыми товарищами, беседовал, смеялся. Снова обнялся с Димитровым — старые побратимы, ветераны, соратники по борьбе сегодня становились еще и родственниками. Димитров чувствовал себя легко, развеселился, настроение было приподнятым.

— Он чувствовал себя тогда очень счастливым,— скажут мне позже бывшие молодожены.— На нем был пестрый галстук, он все шутил по этому поводу. Возьмет его в руку, посмотрит на нас и говорит, посмеиваясь, папе: «Эх, Васил, не молоды мы уже, не молоды, но зато у меня яркий галстук».

Фотографы (где еще выпадет такая удача — увидеть собранных в одном месте столько знаменитых людей!) неутомимо щелкали фотоаппаратами. Один из этих снимков просто бесценен. На нем два побратима — Димитров и Коларов, усевшись на диване, весело посматривают на молодых. Димитров, видимо, только что отпустил какую-то шутку, а Коларов рассмеялся от всей души. Были и другие фотографии: при регистрации брака в народном совете, во время вручения подарков и во время приема гостей.— Замечателен на них Димитров! Везде смеющийся, но улыбка у него не обычная, а щедрая, и губы, и глаза, и все

его лицо выражают буйное веселье. Понимаешь, что в этот миг он или добросердечно подтрунивает над молодыми, или только что пошутил остроумно и со всей своей страстью и неистовым темпераментом отдался общей радости. Глаза его и губы говорят, что он все такой же насмешливый, озорной. Это глаза человека с неукротимым жизнелюбием. Эх, бай Георгий, нет в тебе и следа от старости! Ты юноша, и таким ты останешься навсегда.

13 апреля 1948 г., вторник

Прошло очень много времени с тех пор, как я сделал последнюю запись. В последние недели регулярно просматриваю ежедневные бюллетени ТАСС. В них богатая информация по международному положению. Эти материалы отнимают у меня массу времени, так как достаточно объемисты (по 300—400—500 страниц), но работа благодарная. Моя задача — отмечать самую важную информацию, с тем, чтобы, когда я передам бюллетень Димитрову, он мог просмотреть его за короткое время. Позавчера, когда я передавал ему большой бюллетень ТАСС, попросил его, если можно, назначить мне час для устного доклада, чтобы он не терял много времени для чтения бюллетеня самостоятельно. Он пообещал. Вчера утром, когда я передавал ему очередной бюллетень, Димитров сказал мне, улыбаясь:

— Возьмите этот! — и подал мне старый.

Перелистав страницы, я понял, что ночью он сам просмотрел его, прочитал и все старательно подчеркнул. Я пошел по следам его карандаша, чтобы увидеть, чего я не досмотрел. Таким образом, мне можно будет усовершенствовать свой критерий верной ориентации в сложных переплетениях современных международных проблем.

Димитров несколько дней тому назад принял деятельницу международного молодежного движения Хукхэм, англичанку, секретаря ВФДМ, одного из ее основателей, гостя ЦК СНМ.

Димитров беседовал с нею более получаса.

— Я хочу передать вам горячий привет от Всемирной федерации,— начала Хукхэм,— потому что вы известны как друг молодежи не только в Болгарии, но и во всех странах.

Димитров поблагодарил и спросил, какие у нее впечатления о Болгарии.

— Я была в вашей стране на многих собраниях и выступала на них,— сказала Хукхэм.— Самое сильное впечатление произвел на меня энтузиазм молодежи, ее активность на собраниях и терпение, с которым она слушает ораторов. На Западе, во Франции в частности, нельзя задержать молодых людей на одном

месте более двух минут — немедленно потребуется устраивать танцы. Это говорит о политической культуре болгарской молодежи, о высоком интересе к политике.

Димитров:

— Есть ли что-нибудь такое, что не понравилось вам у нас?

Гостья немного поколебалась, но, почувствовав настоятельный взгляд Димитрова, сказала:

— Я была мало времени и не могла увидеть все, однако что мне не понравилось, так это остатки прошлого — положение крестьянства, например...

Димитров поддержал ее:

— Говорите мне откровенно. Я люблю, чтобы друзья, приезжающие к нам из-за рубежа, говорили о том, что у нас плохо, а то, что прекрасно, я и сам хорошо знаю. Свежий глаз видит лучше, чем наши собственные глаза.

— Вообще, на приезжающих из западных, промышленно развитых стран производят сильное впечатление условия жизни в ваших селах. В наших городах, например, вы не увидите босых детей. Если мы встретим таких детей, для нас это будет целым скандалом. Я понимаю, почему у вашей молодежи такой сильный и неудержимый дух восстановления и строительства.

— Материальное положение нашей молодежи,— пояснил Димитров,— разумеется, хуже, чем в западных странах. Многие из наших молодых людей живут в нищете.

Потом добавил:

— Но у нас очень богатая душа и стремление к знаниям, любовь к родине. И самое лучшее выражение эта преданность находит сегодня в движении молодежных строительных бригад. Действительно, по ориентированности в политической жизни, в международных отношениях в том числе, наша молодежь стоит выше, значительно выше молодежи Запада.

И дополнил:

— Каждый из нас развивается. Ничто в нашей стране не стоит на месте. Все движется и все изменяется. Вопрос, в каком направлении!

Спустя немного Димитров продолжал:

— Действительно, мы добились некоторых успехов — и в хозяйственной области, и в политическом развитии страны, но мы не удовлетворены этим. Мы всегда недовольны собой. Всегда стремимся идти вперед, совершенствоваться.

Деятельница Всемирной молодежной организации слушала с глубоким вниманием и выражением почтительности. Димитров спросил ее о положении в федерации. Узнав о проблемах и труд-

ностях, с которыми сталкивается организация, он высказал некоторые советы:

— Нужно избегать раскола! Империалистические агенты будут делать все, чтобы внести раскол как вообще в ваши ряды, так и в отдельные стороны вашей деятельности.

Потом обратил особое внимание на дифференцирование работы, которую необходимо вести в молодежных организациях среди девушек.

— Это можно встретить и у нас,— подчеркнул он.— Мы не стремимся создать лучшие условия, проявить особую заботу и внимание к девушкам в нашей молодежной деятельности, смотрим на них так же, как и на парней, а это неправильно. Нужно всегда находить в работе с девушками наиболее подходящие формы деятельности.

Недавно, когда мы были у товарища Димитрова с Цвятко Банчевым, он неожиданно сказал нам:

— Я хочу попросить вас разыскать одного моего старого знакомого, зовут его Петко Величков. В прошлом он был социал-демократом, печатником.

— Что-нибудь дополнительно, товарищ Димитров, не можете ли нам сказать? — спросили мы.

— Больше ничего не могу вам сообщить, я потерял его следы очень давно,— развел он беспомощно руками.— Попытайтесь, расспросите старых товарищей, может быть, они чем-то помогут.

Задача трудная — все равно что искать иголку в стоге сена. Занялись мы поисками, расспрашивали там, сям. И слово за слово, след за следом действительно наконец попали на одного гражданина по имени Петко Величков. Он был когда-то тесным социалистом, а потом стал широким. Профессия тоже совпадала — печатник. Связались с этим человеком.

— Извините, пожалуйста, Председатель Совета Министров товарищ Георгий Димитров хочет встретиться с гражданином по имени Петко Величков...

Мужчина не дал нам закончить:

— Это я, я! Раз разыскивает Петко Величкова, значит, меня! Мы с ним знаем друг друга с давних пор.

Встреча произошла сегодня. Величкову уже 67—68 лет, у него седые волосы, интеллигентное лицо. У меня была возможность немного поговорить с ним. Он сам начал разговор, как только появился.

— Как поживает наш Георгий,— здоров ли? Слухи ходят...

Мы успокоили его — иногда побаливает, но держится.

— Он, знаете, никогда не жаловался, что где-то у него болит, что ему нездоровится. Собой он и в то время никогда не занимался.

Наш собеседник обладает чувством собственного достоинства и культурой, чувствуется уважение к Димитрову еще с прежней поры. Он старше Димитрова, был активным членом Социал-демократической партии еще до раскола. Работал вместе с Димитровым в типографском обществе, где они познакомились и сблизились. В 1902 г., когда 20-летний Димитров решил стать членом партии, рекомендацию ему давал именно Петко Величков. Два года спустя Петко Величков был избран делопроизводителем ОРСС (Общего рабочего синдикального союза). Он не оставался долго на этой должности — его заменил молодой, талантливый трибун Георгий Димитров, вставший уже на стезю профсоюзного и партийного деятеля, которая вывела его ко всемирной известности.

Дальнейший путь Величкова был извилистым. Вместе с Георгием Бакаловым, Николой Харлаковым и другими деятелями он оказывается в группе анархо-либералов и в 1906 г. рвет с партией тесных социалистов. Позже присоединяется к широким социалистам. Он и сегодня среди них. Но на протяжении всего времени он находился в их левом крыле и в 1927 г. вместе с нами работал над созданием НРПС (независимых рабочих профессиональных союзов). Величков еще в молодости сотрудничал с газетой «Работнически вестник», сам потом редактировал газеты и журналы, долгое время работал редактором в газете «Народ». И хотя политические и организационные пути обоих расходятся, несмотря на то что они попадают в две различные партии, ведущие ожесточенную борьбу между собой, Димитров и Величков сохраняют добрые отношения. Величков рассказал нам на скорую руку об отдельных эпизодах их совместной работы. Очень живописным был его рассказ об одном собрании стачечников, состоявшемся — не мог вспомнить точно — в предвоенные годы. В клубе широких социалистов собрались стачечники — сторонники и тесных и широких. Были и беспартийные. Нужно было поддержать общий дух, довести стачку до конца.

— Первым выступил я,— сказал Величков,— а потом пригласил собравшихся послушать внимательно и молодого товарища Димитрова. Встреченный со смешанным чувством, но и с интересом, он заговорил, стоя перед залом. Фигура его производила сильное впечатление и на меня, в прошлом близкого товарища и друга. У него был вид образованного человека, выросшего, возмужавшего. Его высокий лоб и умные глаза, мягкий, но решительный взгляд уже выдавали в нем руководителя и борца. Его

черная борода, достаточно длинная, но не небрежная, а аккуратно ухоженная, и такие же волосы придавали импозантность его виду. В голосе и в построении фраз было что-то заимствованное у Георгия Киркова, под сильным влиянием которого он рос. Мне трудно уже воспроизвести сейчас отдельные его фразы, но честно могу сказать, что слушатели были захвачены речью,— все ораторы, выступавшие до него, выглядели мелкими. Слова Георгия Димитрова откладывались в памяти и сердцах. Когда он через 20—25 минут закончил свою речь, в зале не было тесных и широких и каких бы то ни было других социалистов, а были восторженные почитатели товарища, коллеги, который завладел всеми и воодушевил их. Никому больше не хотелось брать слово — это выглядело бы неуважением к высокому духу и уму, осенившему всех. Я знаю, что всякий оратор редко достигает всех своих возможностей. Случай, о котором я рассказываю вам сейчас, был одним из таких — здесь дарование блеснуло во всей своей силе.

Между тем товарищ Димитров освободился, и наш разговор должен был прерваться. Встретились они радушно, разговаривали долго. К сожалению, этот их разговор остался между ними.

Последние два-три дня идет проливной дождь. Он пробудил все наши надежды. А ведь только еще в субботу мы получили служебный бюллетень гидрометеорологической станции, где говорилось о том, что «опасность новой засухи реальна». Как только поступил этот прогноз, начался дождь, причем обильный.

Союз борцов против фашизма созвал митинг на площади перед Народным театром в знак протеста против новых вызывающих действий греческих монархо-фашистов. Несколько дней назад они захватили группу наших пограничников. Митинг состоялся. Пламенную речь произнес на нем Тодор Живков.

Сегодня товарищ Димитров приехал в Совет Министров, принял некоторых дипломатов и выслушал наши доклады. Дал указания: письма, в которых выражается недовольство людей из народа, передавать Николе Начеву для использования в работе Комитета по хозяйственным и финансовым вопросам.

Идея Димитрова о создании детского городка под Софией начала осуществляться. 2 апреля Совет Министров рассмотрел специальный доклад о проектах детского городка и одобрил их. Вести строительство поручено Софийскому городскому народному совету. Уже в этом году планируется вложить 100 млн. левов. Детский городок будет принимать 5 тыс. ребят в одну смену.

Женщина и ее роль в обществе — эта тема выступила в последние дни на передний план и властно завладела вниманием Димитрова. Для этого возникли одновременно три-четыре повода. 7 апреля отмечался День матери и ребенка [1]. Димитров написал краткую статью, опубликованную во всех газетах.

«Семья — *основная ячейка нашего общества Отечественного фронта в Народной Республике Болгарии.*

Мать — *главная опора прогрессивной семьи в нашем обществе.*

Мать — *первая и самая ответственная воспитательница своих детей.*

Организация «Сентябренок» и школа — *незаменимые воспитатели детей — нашего самого большого национального капитала, будущего нашей нации.*

. . . .

Забота о повышении материального и культурного уровня жизни матери и о правильном развитии и воспитании детей — будущих граждан Народной Республики Болгарии должна стать повседневной задачей всего народа.

Окружить всеобщим уважением и всенародной заботой преданных нашей родине матерей, любовью, материнской и отцовской заботой наших детей — вот как лучше всего мы можем отметить День матери и ребенка» [2].

Сам он посетил (к концу) торжественное собрание в кинотеатре «Республика», посвященное чествованию этого праздника. Кстати, докладчиком на нем была Роза Димитрова.

5—6 апреля состоялся пленум Болгарского народного женского союза, который заслушал доклады Цолы Драгойчевой, Рады Тодоровой и Веры Начевой. На второй день, перед обедом, во время прений на пленуме побывал и выступил Димитров. Как он говорил! Это была темпераментная речь! Он был в своей стихии трибуна, оратора и агитатора, убеждал и советовал, предостерегал и воспламенял! Впервые он поднял ряд вопросов о новом быте, разъяснял теоретические основы нашей новой семьи и ратовал за новое отношение между мужем и женой, основанное на равноправии, уважении и товариществе. К сожалению, эта его важная речь по его поручению была опубликована только в газете «Народен женски глас» и почти осталась непрочитанной и неизвестной большинству населения.

— Как должно быть у нас,— задал вопрос Димитров,— и на каких основах строится и должна строиться прогрессивная

---

[1] Позже его перестали отмечать.

[2] *Димитров Г.* Съчинения, т. 14, с. 32—33.— *Прим. перев.*

семья?.. Наша прогрессивная семья в условиях строя Отечественного фронта должна быть основана:

во-первых, на равноправии жены с мужем;

во-вторых, на взаимном уважении мужа и жены;

в-третьих, на взаимной моральной помощи супругов;

в-четвертых, на совместной заботе о воспитании детей и,

в-пятых (не на последнем месте, конечно), на совместной работе и борьбе по осуществлению программы Отечественного фронта [1].

Далее следуют слова, полные житейской мудрости о тех трудностях и неприятностях, которые ведут иногда к разрушению семьи: «Такие мелкие трения и неприятности, связанные с практической жизнью и повседневными заботами, могут и должны быть преходящими, могут и должны быть преодолены при взаимном понимании и доброй воле мужа и жены» [2].

Димитров гневно бичует оставшееся вековое наследство — муж должен командовать, муж — господин, ему позволено все, а жена должна быть подчиненной. «Многие мужчины еще не могут освободиться от этого позорного наследия прошлого» [3]. «Нет никакого сомнения, что муж имеет большие обязательства, и в этом отношении его ответственность очень велика» [4]. «Но многое зависит,— говорит он,— и от самих женщин. Я бы вам дал братский совет: думайте и действуйте, руководствуясь не только мгновенным трепетом сердца или мимолетными увлечениями, а больше разумом, зная, что семья не только ваше личное дело и касается не только вас и детей — что очень важно,— а является общим делом» [5].

От того, что происходит в семье, подчеркнул он далее, во многом зависят и способности жены к общественной работе, во многом зависит и производительность труда мужа, сына и дочери на предприятии или в учреждении. «И в самой бедной обстановке можно создать — или помочь создать — более спокойную внутреннюю атмосферу...» [6]

Он закончил эту часть своей речи афоризмом: «Жена остается важным фактором в семье. Она является тем, кто главным образом создает атмосферу (хорошую или плохую) в семье. Муж, имеющий хорошую жену, быстро идет вперед, а муж,

---

[1] См. *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 525—526.— *Прим. перев.*

[2] Там же, с. 526.— *Прим. перев.*

[3] Там же.— *Прим перев.*

[4] Там же.— *Прим. перев.*

[5] Там же.— *Прим. перев.*

[6] Там же, с. 527.— *Прим. перев.*

имеющий плохую жену, идет назад, погибает. Правильно также и обратное. Однако для дома, для обстановки в семье и для детей более правильным является первое»[1].

Несколько дней тому назад он получил письмо от женщин, живущих на улице Г. Димитрова в Курске, прославившемся в 1943 г. во время гигантской битвы на Курской дуге. Написано от руки на четырех страницах почтовой бумаги. Вот это классическое письмо:

«Уважаемый товарищ Димитров!

Примите привет от нас — женщин, жительниц города Курска. Сегодня мы собрались на наше торжественное заседание в честь Международного женского дня; на нашем собрании присутствуют женщины — работницы, служащие и домохозяйки, живущие в нашем городе на улице, которая носит Ваше имя,— улице Г. Димитрова. Наша улица носит его с честью, товарищ Димитров! Когда наш город был оккупирован немцами, ни одна из нас не стала предателем, многие из нас были подвергнуты неслыханным издевательствам со стороны фашистских поработителей. Мы помогли нашим мужьям-воинам изгнать оккупантов, и сразу же, как только советские войска освободили наш город, мы — жители улицы Георгия Димитрова — добровольно организовали строительную бригаду и начали восстанавливать свой лежавший в руинах древний город.

Мы засыпали противотанковые рвы и воронки от снарядов, ремонтировали дома, мосты, разбивали парки, стирали белье раненых, ухаживали за ними, восстанавливали школы и больницы. Наши материнские руки не боялись никакой работы — мы были и штукатурами и каменщиками, медицинскими сестрами и воспитателями. На нашей улице мы восстановили 20 и вновь построили 8 домов. Улица Димитрова, изрытая немецкими противотанковыми рвами, заваленная баррикадами, улица, на которой немцы не оставили ни единого деревца, снова благоустроена и красива. Мы оставляли дома своих детей, оставляли все свои домашние дела и безвозмездно трудились целыми днями на благо нашей Родины, во имя процветания нашего города и нашей улицы, которой выпала честь носить такое славное имя. Ваше имя, товарищ Димитров! Общественность города, представители партийных и советских организаций горячо благодарили нас за нашу большую работу для общего блага. Большинство из нас было награждено почетными грамотами городского Совета.

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 527.— *Прим. перев.*

Все это дает нам право, товарищ Димитров, приветствовать сегодня Вас, а через Вас и всех славных тружениц славной Софии. Мы бы хотели, чтобы об этом нашем письме узнали женщины какой-нибудь улицы Вашей столицы, хотелось бы, чтобы они написали нам, как они содействуют восстановлению своего города, как они помогают своему правительству, новому демократическому правительству.

Мы желаем Вам, товарищ Димитров, долгих лет жизни, здоровья и счастья на благо Вашей славной республики и всех народов земли, которые помнят Ваши подвиги и горячо любят Вас... Желаем Вам лично и всему героическому народу Болгарской республики, всем женщинам Болгарии счастья и процветания. Мы всей душой и всегда — с Вами!

Ждем ответа!

По поручению всех женщин ул. Г. Димитрова г. Курска подписали:

Председатель уличного комитета — Романенко Василиса Петровна.

Секретарь уличного комитета — Дрочина Клавдия Сергеевна.

Письмо подписывают также члены добровольной строительно-восстановительной бригады ул. Г. Димитрова (следуют шесть подписей).

г. Курск, 8.III 1948 г.».

Воистину, удивительное письмо! Думаю, что только советские люди могли написать его! Великая душа у советского человека! О многом говорит это чудесное письмо! В нем и история, и сегодняшний день, в нем столько человечности и сердечной прямоты, оно полно трогательной и искренней симпатии. Димитров разволновался до глубины души и написал следующую резолюцию:

«Опубликовать в печати.

Газете «Женски глас» опубликовать его на *видном месте.*

7.IV 1948 г.

Г. Д.».

Мы перевели и передали его газетам. Женщины с бульвара им. Г. Димитрова в Софии готовятся направить ответ.

Из Москвы уже окончательно получены библиотека и архив Димитрова. Перевозка продолжалась длительное время — сложное и деликатное дело.

Докладывал об одной переписке с жалобой на... его жену. Вопрос изучали и до меня, но он поручил мне вникнуть в него лично. Я тоже пришел к выводу, что виновата Роза Юльевна.

Поскольку Димитров высказал просьбу правдиво проинформировать его, я начал докладывать обо всем, как было. Как раз в этот момент в кабинет неожиданно вошла... Роза Юльевна. Я попал как кур в ощип. Чтобы выйти всем из неловкого положения, я тотчас же перешел к другому вопросу. Но Димитров поднял голову, посмотрел на меня неодобрительно и сказал:

— Продолжайте докладывать, не смущайтесь.

Потом обратился к жене:

— Роза, здесь мы разбираем одно заявление о твоих ошибках. Послушай, что показала проверка.

Я, как мог, собрался с мыслями и продолжал излагать факты. Она слушала. Когда я закончил, сказала:

— Но, Георгий, я...— и начала что-то объяснять.

Димитров прервал ее строго и обратил внимание на то, что она всегда должна, прежде чем что-то сказать или сделать, десять раз обдумать свои слова и действия. Поручил мне направить ответ автору заявления.

Я увидел пример высокой, безусловной принципиальности и был искренне восхищен. Хорошее впечатление произвело на меня и то, что Роза Юльевна отнеслась ко мне по-партийному, не рассердилась, как этого можно было ожидать.

А вообще, Роза Юльевна была хорошим человеком. У нее были чудесные черты — душевная доброта, незлобивость, она излучала благородство, горела желанием помочь своему мужу, ей хотелось сделать что-то хорошее для страны; она не вмешивалась в высокие государственные дела, не проявляла любопытства к тайнам своего мужа (что свойственно большинству женщин), не становилась источником слухов; вообще, Роза Юльевна была партийным человеком. Димитров любил ее как свою супругу и ценил ее, стремился быть всегда внимательным и считался с ее желаниями. Однако и ее не лишил бог тщеславия, властности и своенравия.

20 апреля 1948 г., вторник

Зима прошла. Наступила цветущая, красочная весна. Все в природе цветет, уже завязываются плоды. Посевы в очень хорошем состоянии. Всего неделю назад почти по всей стране прошли обильные дожди; меньше их было в Добрудже и на побережье, но все же и там не сухо. До сих пор этот год складывается удачно — очень теплая зима не смогла спровоцировать деревья на цветение; не было снежного покрова, а посевы не вымерзли; сухой тревожный март, но засуха миновала — прошел обильный дождь.

Не только природа, но и люди цветут. Надежда и вера все больше крепнут и по многим другим причинам.

Международное и внутреннее положение страны благоприятно — у нас в руках уже договор с Советским Союзом, натиск извне не такой, каким он был раньше, лагерь мира и демократии все больше набирает силы во всем мире, не слышно больше злобных криков оппозиции. В воскресенье, два дня назад, проходили выборы в Италии. У нас ежечасно ожидают новостей. Эти выборы важны не только для судьбы Италии, но в значительной степени и для дела укрепления демократических сил в мировом масштабе. Не наложит ли руку агрессивный американский империализм на Средиземное море? Кто выйдет победителем в большой битве — Народно-демократический фронт, коммунисты или реакционный американский империализм с помощью своего «плана Маршалла»? Поступает много сообщений о фальсификациях, которые, видимо, проводятся повсеместно. Так, например, в Милан переброшены для голосования 50 тыс. итальянцев из Швейцарии. До сих пор не сообщается никаких существенных результатов. Небольшим исключением является публикуемая информация в газете «Труд» о серьезной победе Народно-демократического фронта во многих городах.

Наша делегация во главе с Георгием Димитровым в Чехословакии. Она отбыла вчера в 12.20 с Софийского вокзала поездом. Сообщение об этом опубликовано только сегодня утром. Уехала и Роза Юльевна с Бойко. Она родилась и выросла в Чехословакии, там живут ее близкие. В Чехословакию Димитров ехал с особым настроением. Многими духовными нитями он связан с этой страной, где бывал не один раз, ведя нелегальную работу; он долгое время работал вместе с Клементом Готвальдом, с которым у него личная дружба; немало признаков того, что там Димитрова глубоко уважают, а имя его широко известно; имеет значение, разумеется, и горячее стремление Розы Юльевны вновь побывать там...

Видно по всему, что предстоит величественная, небывалая встреча. Не секрет, что в популярности Димитрова во Франции и Чехословакии есть что-то особенное. Там, как и в других европейских странах, Димитров возвысился в глазах народных масс как легендарный герой еще во время Лейпцигского процесса. В Болгарии же из-за негативного отношения к Димитрову правительства и по вине сектантского руководства партии в то время все не могли еще почувствовать сразу и в полную силу это величие. Нас овеяло отзвуком подвига, а не самим подвигом непосредственно.

Одна из больших площадей в Праге несколько дней назад торжественно была названа его именем. Сегодня пресса сообщает, что одной из национализированных типографий тоже присвоено имя Димитрова. Чувствуется, что партия воодушевила весь народ Чехословакии и готовится превратить встречу болгарской делегации и Димитрова в большую политическую акцию.

В воскресенье, 18 апреля, по всей стране сентябрята дали свое торжественное обещание учиться и работать, чтобы стать достойными гражданами и защитниками Народной Республики Болгарии, бороться за дело Отечественного фронта. Каждый ученик, вступая в ряды организации «Сентябренок», дает обещание и после этого получает септемврийку или чавдарку — красный или синий галстук. Руководство организации попросило тов. Димитрова направить по этому случаю приветствие. В субботу они прислали Совету Министров просьбу принять демонстрацию сентябрят после торжественного обещания. Товарищ Димитров поручил всем министрам пойти в школы, а после этого приветствовать ребят во время демонстрации. В воскресенье, к 12 часам, Трайчо Костов, Васил Коларов, Георгий Трайков, Георгий Попов и другие министры были уже в Совете Министров. Погода была облачная, начинало понемногу моросить. В начале двенадцатого от бульвара Царя Освободителя[1] начали выстраиваться первые колонны маленьких демонстрантов. Димитрова еще не было; Васил Коларов, Трайчо Костов и другие министры вышли на крыльцо парадного входа принимать демонстрацию. Дети приближались (они были уже на расстоянии ста метров), когда внезапно начался дождь. Но ребята храбро продолжали идти вперед. Дождь превратился в ливень. Тогда министры стали подавать им знаки руками. Сентябрята, как один, побежали по лестницам, вбежали в здание Совета Министров, подняли невообразимый шум, столпились вокруг министров.

По движению охраны я понял, что подъехал Димитров. Когда машина остановилась, он высунул голову из кабины, и тут его встретило громкое, чистосердечное детское «ура!». Ребятишки, забыв о дожде, выскочили на площадь, чтобы увидеть и поприветствовать Димитрова. Под проливным дождем, измокшие до нитки, дети запели марш сентябрят на слова Асена Босева:

Сентябрята, сентябрята —
Дети радостной страны.
Мы идем вперед с вожатым,
Голосисты и дружны.

---

[1] Позже переименован в Русский бульвар.— *Прим. перев.*

И к учебе, и к работе,
Сентябренок, будь готов!
Наше знамя — гордый Ботев.
Наш учитель — Димитров [1].

Димитров вышел из машины. Сентябрята начали толкаться, чтобы пробраться к нему как можно ближе. Охрана впервые уступила свое место. Мы не могли наглядеться и нарадоваться на эту картину — Димитров среди наших детей, воспитанных нами. Как оказалось, это были в большинстве своем ребятишки из окраинных кварталов, может быть, недоедавшие, не имевшие приличной одежды и обуви, родители которых получают мизерную зарплату, особенно если они государственные или другие мелкие служащие, каждый день, вероятно, говорящие о недостатках и нужде. Дети — наши, они растут рядом с нами, мы их воспитываем, мы их закаляем.

Димитров поднялся по лестнице, окруженный со всех сторон плотным кольцом ребят. Откуда-то появилась мать с малышом на руках, который своими ручонками почти касался головы Димитрова. Он обернулся, погладил малыша, поцеловал его.

Постепенно дождь прекратился, на лестницах собралась целая армия детворы. Ребята смотрели на Димитрова, глазенки их сияли счастливым блеском. Один из пионеров подошел и повязал ему красный галстук, другой повязал красный галстук Коларову.

Постояв достаточно долго, Димитров собрался уходить, сопровождаемый гурьбой ребят; он сделал несколько шагов, остановился, обернулся, поднял руку и сказал:

— Желаю вам: воли — твердой, здоровья — крепкого, духа — бодрого и неутомимого труда для выполнения своего торжественного обещания с честью и достоинством — на благо и счастье нашего народа, нашей родины, во имя расцвета нашей народной республики, построения социализма. Вперед! Вперед! И только вперед!

Дети встретили призывы долгой овацией.

Чтобы они не простудились, Димитров приказал быстро развезти их по домам на всех имеющихся в нашем распоряжении машинах, включая его машину и машины министров. «Вызовите,— сказал он,— машины милиции и городского совета». Большинство сентябрят действительно оказалось из дальних районов города — Булина-Ливады и Конёвицы, и машинам долго пришлось ездить по грязным улицам. Много раз они возвращались, мы заталкивали в них по десятку мальчуганов и девчонок,

---

[1] Перевод Г. Чернейко.— *Прим. ред.*

и опять — к окраинам Софии. Я представил себе такую картину — лимузин Председателя Совета Министров останавливается перед каким-нибудь домом рабочего, и из него на виду своих изумленных родителей и приятелей из соседних домов важно вылезает мальчишка или девчонка. Правительственные машины развозили в этот день своих будущих хозяев.

— Кто знает,— шутил Георгий Димитров,— а может быть, это и не случайно, может быть, среди этих детей рабочих завтрашний Председатель Совета Министров? Их дети уже сейчас вступают в свои права!

30 апреля 1948 г., пятница

Занятый текущей работой, я не смог отметить много важных событий.

В среду, 28 апреля, наши возвратились из Чехословакии.

У Димитрова чувствуется глубокое удовлетворение. В речи на грандиозном митинге на площади 9 Сентября после возвращения он сказал: «Мы, болгарская правительственная делегация, провели счастливую неделю среди наших братьев — чехов и словаков», «...нам был оказан исключительно радушный прием» [1]. Там радушно, со всем славянским гостеприимством встречали не только государственного деятеля, болгарского Председателя Совета Министров, но и легендарного героя Лейпцига, чья популярность собирала всех, от мала до велика, на вокзалах, фабриках и городских площадях. Эта богатая гамма чувств, эта многоплановость визита определили картину исторического посещения, в котором непринужденно слились официально-протокольные мероприятия с массовыми народными демонстрациями. Все это было уже видно на пограничной станции Паркани, где забила ключом спонтанная народная радость. В Братиславе разразилась, как писала газета «Земнеделске новины», «буря ликования и восторга». Председатель словацкого правительства доктор Густав Гусак выразил свою радость от того, что ему довелось лично познакомиться с Димитровым. «Ваше имя и ваше дело,— сказал он,— с давних пор известны всем трудящимся Словакии и Чехии». В соответствии с дальнейшей программой поезд должен был остановиться на 5 минут на станции Бржецслав. И действительно, спустя 5 минут поезд тронулся, но тотчас остановился, потому что руководитель нашей делегации стоял еще на перроне, трудовой люд подносил ему хлеб-соль и горячо

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 540—541.— *Прим. перев.*

приветствовал его. Когда уже было нужно входить в вагон, два старых знакомых товарища приблизились к нему, он обнял их сердечно. Завязался оживленный разговор — в 1928—1929 гг. Димитров, в то время нелегальный партийный руководитель, бывал в этом городке, а эти двое помогали ему и прятали от полиции. До Брно, а оттуда до Праги люди восторженно приветствовали его.

20 апреля, в 19 часов 9 минут, поезд прибыл на вокзал в Прагу, украшенную (как писал один из корреспондентов) знаменами с двумя львами — чешским львом в короне и болгарским без короны. Первым вышел из вагона Георгий Димитров, первым подошел к нему Клемент Готвальд. Они обнялись и расцеловались по-братски. Приветственная речь Готвальда очень теплая и сердечная, в ней большое восхищение лично Димитровым: «Позвольте мне, господин Председатель Совета Министров Димитров, приветствовать лично вас, человека, прославившего болгарский народ во всем мире и завоевавшего уважение и любовь всех трудящихся», «Ваша личность... олицетворение новой народной Болгарии и олицетворение новой судьбы славянских народов...»

Вся чехословацкая печать в эти дни посвящает свои страницы преимущественно визиту и Димитрову лично. Еженедельник «Творба» под заголовком «Рыцарь Димитров» поместил отрывки из романа видной чехословацкой писательницы Марии Пуймановой «Игра с огнем», посвященные лейпцигскому подвигу. Об этом романе до сих пор в нашей стране не было известно. Необходимо обратить на него внимание! Большого художественного произведения о Лейпцигском процессе до сих пор создано не было. Можно считать, что произведение Марии Пуймановой — первое[1]. Тема Лейпцига 1933 г. не только не исчерпана, но продолжает оставаться источником вдохновения для творцов.

После состоявшихся двух встреч правительственных делегаций «в обстановке полного единодушия» текст Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи был принят, уточнен и ряд других хозяйственных и социально-культурных вопросов. 23 апреля договор был подписан. Два выдающихся деятеля своих народов — Димитров и Готвальд — поставили свои подписи

---

[1] Роман появился в Болгарии в 1950 г., и тогда мы смогли познакомиться с ним. Он — часть трилогии; рассказывает о событиях последних двух десятилетий накануне войны, причем в центре его написанные рельефно Лейпцигский процесс и борьба, личность Г. Димитрова. Позже газета «Отечествен фронт» сообщила следующее: «В связи со своей работой над этой книгой М. Пуйманова сразу же после окончания второй мировой войны побывала в Болгарии, чтобы встретиться с ним (Г. Димитровым). Личный контакт с Г. Димитровым обогатил ее впечатления и помог ей достичь большей пластичности его образа в романе».

под этим историческим актом. В договор включена следующая взаимно согласованная формула:

«Статья 2. Высокие договаривающиеся стороны берут на себя обязательства принимать соответственно все зависящие от них меры, чтобы сделать и в будущем невозможной любую угрозу и помешать любой агрессии со стороны Германии или другого какого бы то ни было государства, которое присоединилось бы к ней прямо или каким-либо другим способом».

Выражением большого уважения к Димитрову и Болгарии явилось решение переименовать один из крупных чехословацких коллективов — авиационный завод «Авиа» в завод имени Георгия Димитрова. По этому поводу на предприятии состоялся митинг рабочих с участием самого Димитрова, который был встречен с большой любовью. Он и здесь проявил себя не только государственным деятелем, но и народным трибуном, сумевшим глубокими и сердечными словами расположить своих слушателей; нередко употреблял чешские слова, называя Чехословакию «Лидова» [1] республика, обращался постоянно к народу со словами «соудрузи и соудружки» [2] (иногда «пани и панове») и, таким образом, еще больше завоевывал сердца чехословацких людей.

После подписания договора состоялся внушительный митинг на площади перед зданием ратуши, митинг, который надолго останется в памяти.

Димитров произнес перед 250 тыс. собравшихся большую речь — речь политика с мировым именем. В ней он поставил самые животрепещущие проблемы международной жизни, выступил против клеветников новой Чехословакии, страстно полемизировал с американским президентом Трумэном в связи с его подстрекательскими высказываниями по поводу февральских событий. Он поздравил трудящихся страны «с блестящей победой в феврале над темными силами реакции в Чехословакии, с победой чешского и словацкого народов, с победой героического рабочего класса...» [3]. Чехословакия окончательно отмежевалась от капиталистического мира, и это взбесило его идеологов и защитников; сейчас по ее адресу сыплются брань, угрозы, распространяется дезинформация. Им и давал отпор Георгий Димитров. Мы проехали, сказал он, от Паркани до Праги, побывали на некоторых заводах, встречались с чехами и словаками. «Повсюду мы видели сияющие лица, истинный энтузиазм и глубокую веру в

---

[1] Лидова *(чешск.)* — народная.

[2] Соудрузи и соудружки *(чешск.)* — товарищи.

[3] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 532.— *Прим. перев.*

народные силы, в свое народное дело»; «...Чехословацкая Республика живет полнокровной жизнью, охвачена подъемом и творческим трудом...» [1]

Георгий Димитров сказал категорично: *«...новая мировая война сегодня не является неизбежной и в ближайшее время не предвидится»* [2]. И перечислил важные аргументы. Перечисляя их, автор подчеркнул:

«...В-шестых. Потому что те, которые хотели бы разжечь пожар новой мировой войны, не могут выступить с каким-либо иным лозунгом, кроме лозунга о войне против демократии, о войне против социализма,— с тем же самым антикоммунистическим лозунгом Гитлера,— и именно в тот момент, когда для народов (рабочего класса, крестьянства, прогрессивной интеллигенции) демократия и социализм являются самым большим желанием и самым ценным приобретением в тяжелой борьбе против гитлеровского ига» [3].

Путь ясен:

«Нет таких вопросов между большими и малыми государствами, которые не могли бы быть решены мирным путем, без войн, если следовать подписанным международным соглашениям...» [4]

Из всего этого Димитров делает два важных вывода: во-первых, наши народы могут твердо и уверенно отдаваться творческому труду, не боясь паники и умышленно разжигаемой военной истерии; во-вторых, нам необходима еще большая бдительность, еще большее народное единство, мы должны готовиться и к защите — постоянной, твердой, неколебимой защите нашей свободы и независимости, нашего будущего и будущего наших детей.

В своей речи руководитель болгарской делегации неоднократно выражал уважение к Готвальду.

Краткую речь произнес и Готвальд: «Мы ощущаем сегодняшний день как подлинный праздник!»

Клемент Готвальд так все организовал, что Димитров чувствовал себя не только как лицо, прибывшее с государственным визитом, но и как его личный гость. Это Димитров ощущал на каждом шагу. Между ними состоялись и встречи, как говорят, с глазу на глаз, во время которых они откровенно обменивались мнениями, советовались. Их дружба родилась в борьбе, окреп-

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 534.— *Прим. перев.*

[2] Там же, с. 536.— *Прим. перев.*

[3] Там же, с. 537.— *Прим перев.*

[4] Там же.— *Прим. перев.*

ла в совместной работе, утвердилась в испытаниях, основана на общности идей и борьбы, а также на взаимной личной симпатии. Готвальду исполнилось в 1946 г. 50 лет, Димитрову предстояло в следующем году отметить свое 65-летие. Димитров — крупный, Готвальд — невысокого роста, но, если их возраст и рост разнятся, сходство в главном в их жизни было определяющим.

Знакомство между Готвальдом и Димитровым давнее, но по-настоящему они узнали друг друга и сблизились во время VII конгресса Коминтерна в 1935 г. Их дружба углубляется еще больше в годы войны, когда они вместе участвуют в борьбе мирового антифашистского и коммунистического движения. После разгрома гитлеровской коалиции они возвращаются в свои страны, но продолжают поддерживать прямые связи. Нередко они пишут друг другу, не упускают для этого любой повод (день рождения, Новый год и т. п.), чтобы засвидетельствовать свою взаимную симпатию и уважение. Дружба помогает им и в государственной работе. Личная переписка открывает наиболее прямой путь к быстрому взаимопониманию.

[Эта редкая дружба, связавшая навсегда двух выдающихся сыновей двух народов, два имени мирового коммунистического движения, выдержала испытание временем и трудности и осталась до конца незапятнанной.]

В субботу, 24 апреля, мы провожали первую смену участников строительных отрядов. На многолюдном молодежном митинге, состоявшемся по этому поводу на площади 9 Сентября, выступал Трайчо Костов. Он нарисовал панораму строительной Болгарии. 200 тыс. юношей и девушек — участников строительных отрядов будут работать в этом году на пяти самых важных национальных стройках. Первая из них, разумеется, Димитровград. Бай Трайчо назвал его «нашим новым индустриальным гигантом, городом химических азотно-туковых заводов, завода «Вулкан», шахт и электростанций «Марица» — образцом нового современного города, родившегося и развившегося в условиях Болгарии Отечественного фронта». Далее перечисляются водохранилище им. Г. Димитрова («Копринка»), водохранилище «Росица», линия электропередачи Мездра — Плевен и железнодорожная линия Ловеч — Троян. Кроме этого, будут созданы многочисленные околийские бригады, которые будут работать на отдельных, меньших по масштабу объектах местного значения (например, на проходящей по склонам Витоши дороге до «Золотых мостов», физкультурном комплексе на окраине Софии, в детском городке между Панчарево и Горубляне).

Первая смена отправилась в путь.

В нашем строительном походе есть и размах, и много романтики.

Началась работа и в детском городке. Добри Брадистилов, председатель столичного народного совета, снова напомнил в своем выступлении, что там в этом году будут проведены подготовительные работы — построены жилые помещения, водопровод, канализация, электрическая сеть и т. д. В следующем году развернется комплексное строительство всех разнообразных сооружений: спортивных площадок, парков, театров — всего, что даст возможность 5 тыс. детей в возрасте от 7 до 16 лет отдыхать, учиться, заниматься спортом, трудиться. В 1950 г. детский городок будет закончен.

Делается все необходимое для того, чтобы приступить к слиянию БРСДП и БРП(к). Исполнительный комитет социал-демократов избрал комитет, названный Комитетом единства. Комитет наделен неограниченными правами по подготовке и проведению объединения.

Сегодня — присвоение офицерского звания выпускникам димитровского выпуска Народного военного училища им. Васила Левского. К 11 часам прибыл товарищ Димитров, произвел смотр выстроенных частей, и церемония началась. Один за другим вызывались юнкера-димитровцы, и военный министр Георгий Дамянов объявлял приказ о присвоении им звания. Чудесный, подтянутый, стройный, дисциплинированный народ! Перед нами стоял действительно новый во всех отношениях выпуск Военного училища; в составе его было много бывших политзаключенных, партизан, детей рабочих и крестьян.

Товарищ Димитров выступил перед новыми подпоручиками на обеде. Он напомнил о горьком опыте прошлого, трагедии 9 июня, когда армия была обманута и использована против народа как орудие осуществления военно-фашистского переворота. Он подчеркнул значение Народной армии:

— Народ, не имеющий такой армии — народной армии в полном смысле слова, армии, обученной современному военному искусству, получившей военно-политическое воспитание в духе народной демократии,— такой народ, я должен вам прямо сказать, не является... по-настоящему самостоятельным и свободным народом, способным строить самостоятельно и свободно свое будущее и быть хозяином, полным хозяином своего собственного дома [1].

---

[1] См. *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1939—1949 гг.), с. 653—654.— *Прим. перев.*

— Народная армия,— говорил Димитров,— должна быть готова в любую минуту ударить по врагу, дерзнувшему нарушить мир в нашей свободной земле, ее рубежи, ее независимость и территориальную целостность [1].

Самая радостная новость на пороге Первого мая — увеличение норм выдачи хлеба! Правительство сдержало свое обещание перед народом. Из приводимых данных видно, что с новым увеличением нормы выдачи хлеба в нашей стране более удовлетворительны, чем в ряде других стран.

Завод «Авиа» (сейчас уже имени Георгия Димитрова) подарил тов. Димитрову 45-местный автобус. Сегодня, в пятницу, в Софии состоялось приятное торжество — Председатель Совета Министров подарил чешский автобус сентябрятам Софии и Софийской околии. Перед зданием столичной общины собралось много сентябрят и чавдарцев. На улице Гурко был сооружен небольшой помост для официальных лиц, а в стороне от него стоял автобус — новый и красивый. Товарищ Димитров приехал со своей женой и передал автобус представительной детской группе. Дети вручили ему цветы.

---

[1] См *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1939—1949 гг.), с. 653.— *Прим. перев.*

Часть пятая

Георгий Димитров и молодые участники строительных бригад; цыгане и новое время; встреча с земляками; поездка инкогнито по Южной Болгарии; государственный деятель и поэт разговаривают о животноводстве; новый принцип заготовки хлеба; повышение занятости населения в приграничных районах; Любица вблизи; Андрей Николов; письма; союзный договор с Польшей; на пути к первой пятилетке; личность не должна превращаться в культ; Вильгельм Пик и Огто Гротеволь

1 мая 1948 г., суббота

Вчера так пекло, что трудно было стоять на солнце, а сегодня погода мрачная, моросит. Ровно в 9 часов появился Димитров, и военный парад начался. В этом году наши воинские части прошли намного лучше, чем в прошлые годы,— стройные и крепкие ряды, поступь твердая и уверенная. Так же прошла и милиция. С 10 часов началась демонстрация. В две колонны, без большого количества транспарантов текла народная река перед трибунами. Неподдельное воодушевление владело тысячами людей, несмотря на то, что многие из них вымокли под дождем. Какой-то отец нес на плечах сынишку, который держал в ручонках маленький плакатик с надписью: «Да здравствует дедушка Георгий Димитров!» Хуже всех снова прошли ученики; ученики 1-й мужской гимназии вели себя просто глупо — прошли, задрав вверх головы, даже не глядя в сторону трибун. Лучше всех выглядели сентябрята — прекрасный народ, очаровавший всех нас. Демонстрация продолжалась до половины второго.

После нее везде по предприятиям и учреждениям были организованы обеды.

4 мая 1948 г., вторник

Сегодня для меня особенный день — я два раза был с Димитровым на публичных мероприятиях.

Днем присутствовал на его встрече с делегацией ЦК Союза народной молодежи во главе с Живко Живковым. Делегация

вручила обязательства молодежи, под которыми собрано 600 тыс. подписей. Сбор этих подписей — большая акция СНМ. Молодое поколение нашей страны на фабриках и в гимназиях, в городских кварталах и самых глухих селениях одобрило обязательства — программу широкой и разносторонней деятельности союза в текущем году. Молодежь, подписывая этот документ, наряду с другими обязательствами обещает направить 250 тыс. молодых строителей для работы на национальных, околийских и местных объектах.

Встреча состоялась во Вране, в зале на первом этаже. Пришли человек шестнадцать — Пенчо Пенев (Кубадинский), Лалю Ганчев, Станко Тодоров, прославленные строители, ударники. Димитров поздоровался со всеми за руку. Ему вручили символично 600 тыс. подписей (говорю «символично», потому что альбомы с подписями — это настоящая громада). Товарищ Димитров внимательно рассмотрел эти толстые тома и сказал:

— Передайте всем, кто подписал обязательство, мои самые добрые пожелания. Если бы я имел возможность, я бы написал каждому из них письмо, чтобы поприветствовать лично. То, что они делают, они делают для себя, для своей страны, для своего народа.

Затем он дал высокую оценку этой инициативе молодежи.

— Такого энтузиазма среди народа, особенно у молодежи,— сказал он,— какой существует сейчас, не было за всю нашу историю. Вы знаете, были революционные периоды, были восстания, была борьба и т. п., но такой всеобщий энтузиазм творческого труда, который бьет ключом из глубин сердца молодежи и трудового народа,— совершенно новое явление. Самое ценное, что есть у нашей народной республики сейчас,— это большие дела нашей молодежи, Союза народной молодежи на пользу народу.

Димитров говорил с увлечением, вдохновенно. Здесь много новых ценных мыслей о значении бригад, о воспитательной роли движения молодых строителей. Даются напутствия, как нужно строить жизнь в бригадах, какую духовную атмосферу следует создавать в них. «Нельзя ничем чернить человеческое достоинство рабочего-строителя,— подчеркивает Димитров.— Это молодежное движение должно стать незаменимой школой воспитания самой молодежи», «Здесь, как на фронте, возникает искренняя дружба; из строительных отрядов будут выходить люди, которые полюбили труд, патриоты, люди развитые, сильные. В совместном труде между юношами и девушками создаются новые, братские, товарищеские отношения». Но, подчеркнул он, для того чтобы увенчать это великое дело действительным успехом, необходимы большие усилия, напряжение физических и мо-

ральных сил, необходима закалка характера и воли, большая выносливость — и в дождь, и в грязь, и в трудностях не вешать носа. «Нужно все суметь преодолеть!»

Он обратил особое внимание: в рамках возможного непрестанно заботиться об улучшении бытовых условий в бригадах, чтобы палатки содержались в чистоте, были украшены, не допускались недостатки в обеспечении питанием, чтобы были и песни и танцы, «потому что с песней труд легче, радостнее и значительно производительнее».

Говоря о скептическом отношении некоторых людей к движению молодых строителей и его значению, Димитров сказал:

— Вы знаете, что крупные события современники не всегда могут оценить в достаточной степени. Следующие поколения их видят лучше.

И он вновь рассказал библейскую легенду о Давиде и Голиафе. И маленький человек, и малый народ способны совершать большие дела, если только они умелые и смелые. В последнее время Димитров часто ссылается на пример Давида и Голиафа.

— Мы — маленькая страна. Но те 7 миллионов, которые населяют эту маленькую страну, должны по духу и по огромному, неиссякаемому энтузиазму быть равными народу в 50 миллионов. Мы не можем похвалиться такой крупной промышленностью, которая создана в некоторых странах, и электрификацией, но мы можем дать пример того, как строить, как творить во имя свободы, независимости и счастья народа. Так будем же горды и счастливы, что наш народ имеет возможность показать пример для подражания, пример, который, без сомнения, усилит и укрепит уважение народов других стран к нашему народу.

После официальной части товарищи были приглашены к столу. Разговор продолжился. Димитров живо расспрашивал о положении молодежи, о том, как идет запись в строительные отряды, каковы настроения и трудности. Один за другим гости отвечали на вопросы:

— В бригады уже записались 230 тысяч юношей и девушек. На всех национальных объектах, в том числе и на некоторых объектах местного значения, работа уже началась. По имеющимся сведениям, везде дух бодрый, большой подъем.

Товарищи проинформировали и о некоторых трудностях.

Фотографировались.

После обеда, в 17 часов, я сопровождал Димитрова в Комиссию государственного контроля, где состоялось национальное совещание, в котором принимали участие работники центральных и заведующие районных инспекций. Бросается в глаза, что большинство деятелей нашего государственного контроля — молодые

люди; сам министр — самый молодой из деятелей такого ранга. В выступлениях ясно чувствовались смелость и непреклонная решимость.

Димитров выслушал несколько выступлений, после чего слово было предоставлено ему. Он произнес, по моему мнению, одну из замечательных речей — определил задачи государственного контроля, подчеркнул то огромное значение, которое имеет его деятельность для народной власти, уважительное отношение народа к нему. «Комиссия государственного контроля должна стать совестью Народной Республики Болгарии»[1]. «Комиссия представляет собой исключительно ценный, оперативный дезинфицирующий аппарат, который поможет нам еще лучше очистить и оздоровить атмосферу в нашем собственном доме, в Народной Республике Болгарии»[2]. Руководитель партии обратил внимание на необходимость того, чтобы не только раскрывать и наказывать нарушителей, но и предотвращать нарушения, своевременно вскрывать все гнилое, плохое, вредительское, используя в этом деле пример профилактических мероприятий в медицине.

Эта речь имеет и более широкое значение. Она дает ясное представление о том, каким Георгий Димитров видит характер нашего общества, к которому мы сейчас стремимся и которое сейчас создаем. В ней идет разговор о светлом и чистом идеале нашего социалистического общества и борьбе против всего, что может тормозить и задерживать наше движение.

5 мая 1948 г., среда

Димитров дал указание подготовить от его имени ответ всем сентябрятам в города и села, членам турецких и других национальных меньшинств дружин, которые направили ему приветствия в связи с принятием торжественного обещания. Ответ попросил показать ему предварительно.

— Кое-кто считает,— сказал он мне,— это маловажным делом. А в действительности это дело особой важности.

Разумеется, и эта его связь с представителями народа важна. Позавчерашний день принес дополнительное доказательство этому. Приехал товарищ из Бургаса и рассказал нам о судьбе одного нашего письма. Некоторое время тому назад мы послали кратенькое поздравительное письмо пяти рабочим из Бургаса, организовавшим работу во внеурочное время. Каждый из них хотел иметь это письмо у себя, и поэтому они переписали его. И каждый из них повесил копию письма в рамке!

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 549.— *Прим. перев.*

[2] Там же, с. 551.— *Прим. перев.*

Представил текст беседы с молодежной делегацией по случаю вручения обязательств. Димитров посчитал публикацию его нецелесообразной, приказал подготовить лишь подробную информацию для печати. Мне было жаль, что такая содержательная беседа не будет опубликована, пытался его уговорить, но он не согласился.

6 мая 1948 г., четверг

Сегодня Георгиев день — именины товарища Димитрова. Никаких особых мероприятий не предусматривалось, придет лишь узкий круг людей на обед, и ничего более. Но из многих мест начался нажим — организовали делегации, которые направлялись в Княжево, просили приема. Там их принимал именинник в прошлом году. Крестьянин из Ново-Село Пловдивской области Асен Ангелов Сребрин ждал уже с самого утра. Он привел с собой тридцатикилограммового белого барашка и хотел его подарить лично. Очень интересный человек. В прошлом году на Георгиев день он послал барашка, но не получил ответа (кто знает, что произошло!), и оппозиционеры смеялись над ним; поэтому на этот раз Сребрин решил приехать сам и заткнуть рты злопыхателям. Это скромный, бедный человек, со значком борца против фашизма, с открытым, улыбчивым, честным лицом. Утром, поняв, что не сможет попасть на прием, он ушел такой убитый, что не сказал даже «до свидания». Оставил своего барашка и ушел, а барашек побежал за ним следом. Мы возвратили этого человека, попросили подождать, решили доложить, что скажет тов. Димитров.

В Княжево у Димитрова он держался так же просто, как и перед нами. Увидев, что там был фотограф, он просил сфотографировать его вместе с барашком. Димитров заинтересовался Сребриным.

— Напомните мне,— сказал он нам,— сделать что-нибудь для него. Надо подумать, может быть, поблагодарим его письмом, может быть, что-то другое сделаем. Напомните непременно.

[Что было сделано по этому поручению Димитрова, я не помню, и отметки об этом в моем дневнике нет. Много лет спустя, в 1966 г., я узнал совершенно случайно некоторые подробности об этом. В июне 1948 г., как мы увидим дальше, во Врану приезжал скульптор Иван Мандов для работы над бюстом Димитрова. Однажды он был приглашен к обеду и стал свидетелем сцены, о которой он позже рассказал в еженедельнике «Поглед».

«Во время обеда,— пишет Мандов,— произошел случай, который произвел на меня сильное впечатление. Г. Димитров вдруг

вспомнил о чем-то не сделанном им и, пригласив кого-то из работников, спросил, что сделано в отношении того товарища из села, который подарил ему барашка. «Мы подарили ему туристические ботинки, товарищ Димитров»,— ответил тот. Димитров недовольно нахмурил брови: «Ну и что, принял он их?» — «Нет, не принял, товарищ Димитров».— «Естественно, что не принял,— сказал Димитров.— Вы допустили большую ошибку!»

Он отпустил вызванного и, обратившись к нам, сказал недовольно:

— Ботинки! Можно ли такому человеку дарить ботинки! Ведь он может их купить себе и сам. Человек принес нам барашка не для того, чтобы получить ботинки, а для того, чтобы показать плоды своего труда.— И, обернувшись к тов. Розе Димитровой, добавил: — Надо выбрать время и заехать к этому человеку в гости, отблагодарить его как полагается.]

Пришли и сентябрята, которые больше молчали и стеснялись. Появились и ученики одной гимназии во главе с учительницей, у которой отсутствовал элементарный такт, и она решила организовать перед Димитровым целый спектакль. Прибыли делегации от учреждений и фабрик, от милиции и молодежи.

Димитров, как всегда, полон тепла и сердечен. Он умеет зажечь своих собеседников. В нескольких словах он сосредоточивает внимание на самых важных задачах различных организаций, призывает их к работе и творчеству. Столько времени я уже с ним во время различных приемов! И никогда не вижу у него ничего повторяющегося, банального! Прекрасный, глубокий, бесконечно глубокий человек!

Сегодня во Вране смотрели фильм о визите в Чехословакию. Чехословацкие кинематографисты сделали его в кратчайшие сроки и закончили еще за день до отъезда нашей делегации из Праги, а в день отъезда преподнесли его товарищу Димитрову. Дорогой подарок. Чехословацкие товарищи сделали прекрасный фильм — в нем есть великолепные кадры исторического события при подписании договора, показаны во время дружеской беседы Димитров и Готвальд, мы видим Димитрова среди народа, более камерные снимки вводят зрителя в тесный семейный круг с Бойко и Розой Юльевной, прослежена одна из прогулок по парку в резиденции. Мне кажется, что таких кадров до сих пор у нас не было.

В воскресенье, 2 мая, была пасха [1]. Еще в субботу Кюлёвский передал мне, что состоится цыганская конференция и я должен

---

[1] В то время пасха по старой традиции все еще была праздником, хотя мы, разумеется, не вкладывали в него религиозного содержания.

на ней присутствовать. Ранним утром я отправился на эту конференцию с крайне мрачными пожеланиями по ее адресу — не нашли другого времени заседать, как на пасху. Но настроение у меня изменилось, как только я попал туда. Меня просто захватили и взволновали цыганские проблемы. Зал был полон делегатами и гостями, чувствовалось большое оживление и воодушевление. Видно было, что цыганское меньшинство пробуждается к новой жизни. Когда я потом докладывал, товарищ Димитров сказал, что это «первая в Болгарии и во всем мире конференция цыган подобного рода». Глубоко по-человечески, трогательным было обращение к ним — как к равным, достойным людям — со стороны всех, кто поздравлял,— от Национального совета, еврейского меньшинства, районного народного совета и т. д.

Был, как и полагается, доклад. В докладе содержался отчет о проделанной работе, ставились задачи по работе среди цыганского меньшинства, его перевоспитанию. От всего веяло большой надеждой и оптимизмом.

Начались выступления. Было очень любопытно — все оказались ораторами и сыпали круглыми, эффектными фразами, жестикулировали заразительно и патетично. И во всем происходящем, конечно, нельзя было не почувствовать и нечто особенное: говорит, говорит выступающий, а глаза его бегают из стороны в сторону, блестят как горящие угли, и кажется, он вот-вот затанцует на сцене. Все ораторы были единодушны в том, что для цыган наступило новое время, что Отечественный фронт и народная власть проявляют о них большую заботу, открывают для них светлую дорогу. Давались и наказы о необходимости избавить цыган от прошлой их злой доли кочевников, попрошаек и люмпенов, от голода, холода и невежества, помочь им выбраться со дна общества, на котором они находятся испокон веков.

Больше всех мне запомнился один старик из Михайловграда. В его речи — он говорил без заранее написанного текста, импровизируя по ходу (он, как и другие выступающие, как будто родился и всю жизнь был оратором),— было нечто библейское: и мудрые слова, и образность, и тон древнего пророка, видящего через века. Мы, сказал он, должны выразить нашу большую благодарность Георгию Димитрову и Сталину за то, что они освободили цыган от проклятых господ, но мы должны много работать ради еще одного освобождения — избавления цыган от цыганщины. Но и в его глазах мелькала какая-то игривость...

Уже в обед я доложил о работе конференции. Товарищ Димитров проявил большой интерес к ней и велел мне приветствовать конференцию от его имени.

Мне предоставили слово для приветствия от имени Председателя Совета Министров. Я передал поздравления и сказал, что Димитров внимательно следит за работой конференции и желает им большого успеха в том, чтобы они приобщили свои силы к усилиям всего населения Народной Республики Болгарии для всеобщего подъема культурного и материального уровня.

Конференция продолжалась допоздна.

7 мая 1948 г., пятница

Сегодня, на следующий за именинами день, Димитров принял пять крестьян-активистов из Брацигово. Сел с ними за стол в кабинете в Совете Министров, угостил их, и они долго, долго беседовали. Он и им поставил вопрос, который систематически задавал в последнее время:

— Каково, по вашему мнению, сейчас положение населения в сравнении с прошлыми годами? Какое настроение у людей?

В ответах крестьян чувствовались и трезвая рассудительность, и подлинный энтузиазм. Иначе, разумеется, и быть не может: Брацигово — одно из сел в Болгарии с самыми боевыми традициями, а присутствовавшие здесь люди — одни из самых лучших его представителей. От широких, открытых лиц веяло честностью, смелостью, доблестью. Председатель Совета Министров проявил живой интерес к самым различным сторонам жизни села, спрашивал, каковы виды на урожай, как идет борьба против напавшего в последнее время на посевы серого червя, интересовался жизнью престарелых, молодежи. У крестьян были и кое-какие просьбы. Димитров немедля дал указания связаться с соответствующими службами и изучить вопросы. Брациговцы пригласили руководителя партии прибыть к ним 12 мая в село — в этот день там чествуют память павших в борьбе против османского ига и фашизма.

— У меня искреннее желание побывать у вас! — ответил товарищ Димитров.— Я непременно выберу денек и приеду в Брацигово! Но, к сожалению, у меня сейчас нет такой возможности. Постараюсь, однако, прислать к вам в село на ваши памятные торжества кого-нибудь из наших представителей.

— Напомните мне об этом! — сказал он, обратившись ко мне.

Вчера, в 10 часов утра, состоялось заседание Политбюро ЦК. Как я понял, наряду с другими вопросами была дана и оценка первомайской демонстрации. Обращено внимание на некоторые элементы отрицательного поведения у молодежи средней школы, даны поручения принять соответствующие меры для улучшения идейно-воспитательной работы среди учащихся. Сделаны

и другие конкретные предложения. Рассмотрен вопрос о слиянии БРСДП с Рабочей партией (коммунистов). Проект решения по этому вопросу составлен лично Димитровым.

Вот отрывки из этого документа:

«2. Условия для слияния следующие:

— Публичное признание Программы и Устава РП(к), признание и строгое соблюдение партийной дисциплины.

— Критика «широкого социализма» и признание марксистско-ленинской науки.

— Признание необходимости постоянной борьбы против правых социалистов.

3. Создать специальную комиссию из представителей двух партий, которая должна будет определить в индивидуальном порядке, кого из членов Социал-демократической партии, которые не отвечают этим условиям, нельзя включать в состав РП(к)».

Закончилась начатая поэтом Николаем Хрелковым переписка с Димитровым.

Прелюбопытная эта переписка — государственный деятель и поэт самым серьезным образом разговаривают о проблемах... животноводства.

История началась с письма Хрелкова Димитрову, которое было получено в начале апреля. Поэт был болен, но он не ушел в себя в наши бурные годы, не ограничил свои интересы только поэзией (его стихотворения иногда печатаются в партийном органе, мы продолжаем их читать, хотя чувствуем с болью, как слабеет их поэтическая сила), беспокойный его дух ищет и другие пути для того, чтобы быть в гуще общественного водоворота.

«Товарищ Димитров,— писал Хрелков,— письмо мое должно быть кратким, и поэтому, возможно, будет кое-где неполным.

В 1946 г. мы, несколько человек, коммунистов и беспартийных, решили организовать скотоводческую кооперацию в Горна-Бане. Здесь есть все условия для существования такой организации. Мы назвали нашу кооперацию «Народный скотовод».

Мы поняли, что крайний консерватизм местного населения и агитация недобитого фашистского врага замедлят прямое кооперирование середняков и бедняков без определенного идейного толчка политически воспитанных людей. Мы поняли, что черная биржа, которая поддерживается здесь каждым мелким производителем, делает его врагом кооперации, но мы сказали себе, что будем бороться против этого социального зла так, как учите нас Вы, именно с помощью новой хозяйственной организации.

...Наша скотоводческая кооперативная ферма, зарегистрированная надлежащим образом, располагает сегодня тридцатью двумя прекрасными дойными коровами и двадцатью телушками; есть куры, триста штук, и шесть инкубаторов — скоро мы перешагнем за четыре тысячи розданных населению цыплят. Есть у нас свиноферма с шестнадцатью свиноматками и овцеводческое отделение, в котором около двухсот овец. Подготавливаем создание участков кролиководства и пчеловодства.

Мы забиваем все глубже, по-хозяйски нож в сердце экономической реакции и черной биржи.

Наше хозяйство превращается во вполне образцовый кооператив, который служит примером и подрывает веру бедных и средних крестьян в силу частного способа производства.

Мы превратились в универсальную кооперацию. Мы творим и живем. Мы даем народу в зависимости от погоды ежедневно от 100 до 200 литров молока. Скоро начнем доить и овец. Вместе с этим мы перевоспитываем местное население политически.

Позвольте мне, товарищ и учитель Димитров, сообщить Вам два факта, потому что Вы меня учили, как нужно завоевывать народ во имя его собственного благополучия. Новый год мы встретили дружно. Ужинали в тесном кругу с нашими самыми ярыми противниками. После новогоднего тоста председателя (Н. Хрелкова.— *Н. Г.*) наши и их слова были одинаковыми, наши песни — одними. Большая часть встречавших не была нашими людьми, но они собрали один миллион акционерного капитала... Когда-нибудь, при встрече с Вами, товарищ Димитров, я расскажу Вам об этом триумфе, который является и Вашим политическим триумфом».

А в чем состояли их затруднения?

«Мы имеем право,— пишет Хрелков далее,— на получение земли, как скотоводческая ферма... В свое время нам сказали, что мы получим землю из монастырских владений... сказали, что выделят участок земли из поместья Трайковича, когда оно будет национализировано... Без законного наделения нас землей мы не можем существовать...»

В этом и заключалась его просьба: «Пусть будет подтверждено выделение нам земли».

Между тем Николай Хрелков прислал второе письмо:

«Уважаемый товарищ Димитров!

Когда Вы были у нас в Горна-Бане, а я был прикован к постели и сказал Вам, что мы создаем кооператив, Вы обещали нам Вашу поддержку и сделали об этом себе пометку. Речь шла о преодолении препятствий. До сегодняшнего дня я не посмел побеспокоить Вас с нашими мелочами, но сейчас эти мелочи душат

нас, и я прошу Вас от имени прогрессивных граждан Горна-Бани, от имени общественной кооперации «Народный скотовод» помочь нам...»

Димитров, не перестававший интересоваться жизнью и состоянием здоровья Хрелкова, написал следующую резолюцию на первом письме поэта:

«Товарищу Титко Черноколеву. Проверьте, как обстоит вопрос с выделением земли, и внесите соответствующее предложение.
10.4.1948 г. *Г. Дим.*».

Менее чем через месяц Титко Черноколев направил из Министерства земледелия следующий ответ:

«...Так как мы не располагаем свободной землей, мы решили выделить им 10 гектаров земли агрономического факультета, несмотря на то что факультет сам не имеет достаточного количества земли для своих нужд».

На этом письме Георгий Димитров написал красным карандашом:

«Согласен!
3.5.1948 г. *Г. Дим.*».

Вот так поэт и государственный деятель встретились на не совсем обычном поприще.

8 мая 1948 г., суббота

Почти весь день я провел во Вране. Мы приводили в порядок кабинет Димитрова, расчищали его от накопившихся книг, бюллетеней, газет, старой переписки и всевозможных других материалов. Ищем место для московской библиотеки, приводим в порядок его старый архив. Как всегда, Г. Димитров просто дрожит над книгами — не потеряли бы, не попортили, требует все их зарегистрировать и сохранять самым заботливым образом.

9 мая 1948 г., воскресенье

Выходной день. Такого события давно у меня не случалось. Дежурит Кюлёвский. Но телефон на квартире зазвонил с утра. Меня связали с товарищем Димитровым. Он поручил, чтобы кто-нибудь из нас присутствовал на собрании в связи с Неделей болгарской печати; о роли и значении печати должен был говорить Васил Коларов. Я передал эту просьбу Кюлёвскому, который и пошел на собрание.

После обеда всей семьей мы отправились на прогулку. Телефон на квартире снова звонил, и это опять был товарищ Димитров. Когда мы вернулись (было уже поздно) и я позвонил во Врану, понял, что там царила тревога. На железнодорожной линии София — Мездра (у станции Зверино) создалась опасная аварийная обстановка — рухнула огромная масса скальной породы и засыпала дорогу. Движение на длительное время было прекращено. Димитров своевременно узнал о бедствии и начал разыскивать секретарей, директоров, министров. Однако в послеобеденное время в выходной день он долго не мог никого найти. В конце концов его связали с ответственными людьми из Министерства железных дорог. Председатель Совета Министров распорядился принять немедленно самые энергичные меры для расчистки нашей первостепенной важности железнодорожной артерии. Поручил выслать строительные отряды, железнодорожников, членов молодежных строительных бригад, и расчистка началась незамедлительно.

10 мая 1948 г., понедельник

Вчера вечером Димитров принял делегацию из своего родного села Ковачевцы — крестьян, живущих в селе и поныне, и нескольких переселившихся в Софию. Встретил их исключительно радушно и тепло. Поздоровался со всеми за руку, усадил, выслушал их приветствия от имени всех земляков.

— Скажите мне,— обратился он к ним,— вы можете говорить со мной откровенно, только откровенно? — подчеркнул он.— Скажете мне правду о том, что я у вас спрошу?

Эти вопросы он задавал им, жестикулируя по обыкновению правой рукой, чем приковывал внимание к своим словам, а голос его становился властным и твердым.

Они обещали, что скажут ему все, что думают, и каково истинное положение. Тогда Димитров начал задавать им вопрос за вопросом. Каково положение крестьян сейчас, есть ли голодающие? Просил сравнить положение в этом году с положением весной прошлого года, жизнь крестьян до войны и сейчас. Легче ли стала жизнь крестьянина, лучше ли они сейчас едят?

Как только гости отвечали на какой-либо вопрос, он задавал им новые:

— Помогаете ли вы друг другу? Каково политическое положение в деревне? Есть ли в селе реакция и чем она характеризуется? Сколько бедняков и каково их положение?

Они отвечали ему — один скажет, другой дополнит, иногда кто-нибудь из них увлечется, объясняет пространно; в другой

раз исчерпает ответ двумя-тремя словами. Крестьяне отвечали искренне, глубоко убежденные, что все, о чем они говорят, обстоит именно так. Конечно, спору нет, если бы они были в другом месте, то смогли бы указать еще больше недостатков, покритиковать порезче. Но я убежден: Димитров нашел в их ответах то, что искал. Как только говорилась горькая правда (было и такое), он немедленно начинал подробно расспрашивать об этой проблеме, требовал больше разъяснений, создавал атмосферу откровенности.

Делегаты из Ковачевцев были у него долго. Разговор не прекращался ни на минуту. И здесь я не мог не заметить редкую способность Димитрова вести непрерывно оживленный разговор. С какими бы людьми он ни встречался — политическими деятелями, рабочими, простыми тружениками села, молодежью и детьми, даже с людьми, с которыми, казалось, его ничто не может связывать,— разговор никогда не прекращался, не был бессодержательным. Более того, как я уже писал и ранее, у собеседников Димитрова всегда появляется повышенное настроение, их охватывает большая уверенность в своих силах, укрепляется вера в будущее. Они как будто забывают о трудностях, о больших препятствиях, которые встречаются на их пути, о дрязгах и неприятностях в своей работе, в жизни; будто все спешат заверить Димитрова с улыбкой на лице и блеском в глазах: да, трудности есть, но все обязательно образуется — плохо сделанное исправим, несделанное сделаем. У простых посетителей еще с первого соприкосновения с ним будто вырастают крылья, их охватывает возбуждение, но это не только волнение, естественное для людей при входе в кабинет к высокому государственному руководителю, а нечто большее, особое, идущее и от обаяния его личности, общение с ним воодушевляет. Именно поэтому он ставит им вопросы, которые настраивают на откровенность.

Он пригласил своих земляков посмотреть вместе наш новый киножурнал, в котором отражен его визит в Чехословакию. Уходя, они еще раз настойчиво повторили приглашение Димитрову приехать к ним в село.

— Приеду!— ответил он.— Непременно в ближайшее время приеду в Ковачевцы!

На встрече вначале присутствовал министр внутренних дел, а потом пришел и Добри Терпешев. Бай Добри только что возвратился из Москвы, где был с визитом во главе делегации Плановой комиссии.

Я заметил, что во время встреч с представителями народа Димитров старается, чтобы на них присутствовали и другие ответственные руководители — то ли для того, чтобы в случае не-

обходимости незамедлительно решать отдельные вопросы, то ли потому, что он хотел, чтобы они сами слышали, что говорит и чего хочет народ.

Затем он принял нескольких министров, выслушал доклад Николы Павлова. Было уже совсем поздно. К часу после полуночи пришла и моя очередь для доклада.

По случаю его именин поступило много телеграмм. Сегодня он велел мне принести их ему все. Я поехал во Врану к 14 часам.

11 мая 1948 г., вторник

Заседание Совета Министров продолжалось до 17 часов. Было принято решение — обобществить все частные рентгеновские аппараты и предоставить их на нужды общественного здравоохранения. К вечеру все установки были опечатаны. Одобрили законопроект об их выкупе государством.

Сразу же после заседания Председатель Совета Министров уехал — с небольшим опозданием — на матч Болгария — Чехословакия, начавшийся в 17 часов на стадионе «Юнак». Там были и Трайчо Костов, Добри Терпешев и другие министры, а также Фр. Кубка, маститый чехословацкий посланник в Софии. Стадион был переполнен. Наши ребята играли хорошо на глазах у 25 тыс. зрителей. Может быть, впервые они показали на этой международной встрече, что, когда хотят играть, могут. Матч закончился вничью — 2 : 2, но у наших футболистов была явная возможность забить больше. Товарищ Димитров был до конца и следил за игрой с интересом. Когда она закончилась, он заглянул перед отъездом к чехословацким спортсменам.

12 мая 1948 г., среда

Утром мне позвонил Димитров и сказал, что во второй половине дня он будет в Совете Министров и примет меня. Там его ждала и группа детей, человек сорок, из Малко-Тырново вместе со своими руководителями и учителями. Он принял их в комнате для посетителей; дети пели ему песни, а один маленький мальчик прочел свое стихотворение. Димитров здоровался со всеми за руку, еле-еле расстался с ними. Он пожелал маленьким гостям из этого городка быть помощниками наших пограничников. Посоветовал им, когда будут в Чамкории, побывать во дворце Бистрица — там они могут отдохнуть, даже переночевать. Велел заранее позвонить туда об этом.

После этого Димитров уехал в кинотеатр им. Д. Благоева, где проводилось собрание в связи с 24-й годовщиной со дня смерти Деда — Благоева. С докладом выступал Коларов.

Талантливо, с присущей ему образностью и ясностью мысли Коларов обрисовал колоссальную фигуру Благоева в нашем историческом развитии за последние 50 лет. «Димитр Благоев,— заявил Коларов,— первым поднял красное знамя пролетарского социализма в Болгарии и крепко держал его в своих руках до конца своей жизни» [1]. «Теория Благоева о переходе Болгарии к социализму через капитализм была научным достижением с большими политическими и социальными последствиями для нашей страны» [2]. «Какая гениальная проницательность, какое величие мысли, какая непоколебимая вера в творческие силы рабочего класса, в силы социалистического идеала!» [3] То, чего не сумели достигнуть Благоев и тесные социалисты, мы взяли от Ленина и ленинизма. Дело Благоева сегодня продолжает партия во главе с самым видным его учеником — Георгием Димитровым [4]. Весь зал с глубоким волнением встретил возглас: «Преклонимся же перед памятью старейшего и величайшего учителя болгарских рабочих, болгарского народа, дедушки Димитра Благоева!» [5]

В свете идейного наследия Благоева докладчик рассмотрел и некоторые актуальные вопросы, в числе которых предстоящее слияние Социал-демократической партии с нашей. Впервые публично шла речь об условиях этого шага. Подчеркивалось, что социал-демократы прежде всего должны осудить теорию общедельчества [6] и ту вредную политическую практику, которая нередко приводила их в болото реакции. Очень слаба и недостаточна, подчеркнул оратор, критика социал-демократами собственных ошибок. Шла речь и о том, как оценивать прошлое Земледельческого союза.

В президиум были избраны члены Политбюро во главе с Димитровым, старые соратники Деда, ударники. Димитров посадил рядом с собою двух ударников, далее следовали старые товарищи Благоева.

После доклада товарищи из президиума начали расходиться, а Димитров, несколько раз во время доклада указывавший на трех маленьких ребятишек — не более четырех-пяти лет, сидев-

---

[1] *Коларов В.* Избрани произведения. 1944—1950, с. 461.— *Прим. перев.*

[2] Там же, с. 468.— *Прим. перев.*

[3] Там же, с. 480.— *Прим. перев.*

[4] См. там же, с. 479.— *Прим. перев.*

[5] Там же, с. 480.— *Прим. перев.*

[6] «Общедельцы» — оппортунистическое течение в Болгарской рабочей социал-демократической партии. Термин произошел от наименования журнала «Общо дело», издававшегося представителями этого течения в 1900—1905 гг.— *Прим. перев.*

ших в первом ряду, подал знак, и их привели на сцену. Он усадил детей перед собой, погладил по головкам и дал им по цветочку. А зал скандировал: «Пусть говорит Димитров!»

— Они,— указал Димитров на детей,— будут строить коммунизм! Мы строим социализм, а они будут строить коммунизм. Во имя этого мы и должны работать!

Да, он воистину умеет вести себя с людьми просто и сердечно, располагать их к себе, быть простым.

Когда после заседания ехали во Врану (была уже половина одиннадцатого), он вдруг попросил остановить машины и спросил, что это за заведение посреди озера. Ему объяснили, что это ресторан, носивший название «Ариана», а сейчас — «Оремаг»; вокруг — парк Свободы. Димитров вышел из машины и отправился пешком по аллеям. Было уже темно, люди его не заметили и не узнали. Затем он свернул к ресторану, прошел мимо сидевших за столиками компаний, подошел к стойке и сел за свободный столик с П. Игнатовым из охраны. Сидел, ждал, смотрел и слушал. Наконец его заметил директор ресторана (возможно, кто-то из охраны шепнул ему!) и быстро устремился к гостю. Димитров спросил, что можно выпить, и заказал пива, спросив у Игнатова, есть ли у того деньги. Случилось так, что там оказался и старый Мулетаров — ветеран рабочего движения, а сейчас народный судья. Он представился Димитрову, который сердечно поздоровался с ним. Официанты поняли, в чем дело, оставили все другие столы и столпились около Димитрова. Через минуту здесь собрались и посетители. Наши ребята попали, разумеется, в сложное положение. Через некоторое время откуда-то принесли Димитрову цветы, и он начал раздавать их женщинам. Сзади подал голос какой-то мужчина: «Товарищ Димитров, у меня двое близнецов, будьте любезны, дайте и мне цветов». Дал и ему. А какая-то мать без особого смущения попросила: «Товарищ Димитров, а у меня четверо ребят, дайте и я им принесу цветы от вас, это для них будет такая радость!» Он протянул и ей несколько цветков. И пошло, пошло... А цветы все не кончались. Наконец у него осталось лишь несколько цветков, и он сказал: «А эти цветы я оставлю для моего сына и жены. Можно?» — «Можно, можно, товарищ Димитров»,— откликнулись все. Проводили его самым сердечным образом. Официанты, поняв, что наши ребята одни ничего не смогут сделать, начали прокладывать ему путь.

Димитров возвратился домой в особенно хорошем настроении. Этот ресторан был в прошлом центром сборищ буржуазной молодежи, разумеется, состав его посетителей особенно не изменился и сейчас. Тем более показательной была встреча Димитрова там.

13 мая 1948 г., четверг

Состоялось новое заседание правительства, продолжавшееся допоздна.

Димитров не перестает следить самым внимательным образом за работой по расчистке железнодорожной линии у Зверино.

Опубликована речь В. Коларова в связи с годовщиной смерти Д. Благоева.

Исполняется четыре года со дня гибели Любчо Барымова. По этому поводу сегодня в газете «Работническо дело» проф. Петр Димитров выступает с большой статьей, содержащей интересные данные о его жизни, борьбе и смерти.

14 мая 1948 г., пятница

Димитров работал в Совете Министров, где у него состоялось несколько встреч с различными руководителями.

Уже есть решение совместной комиссии по объединению двух болгарских рабочих партий.

Нашему Центральному Комитету предстоит одобрить его на пленарном заседании.

18 мая 1948 г., вторник

Товарища Димитрова не было, и я забросил свои записки.

В пятницу, 14 мая, он предупредил нас, что два-три дня его не будет во Вране. Оказывается, он инкогнито отправился в поездку по Южной Болгарии. Сопровождаемый только министром внутренних дел и охраной, Председатель Совета Министров поехал по нашим разбитым и пыльным дорогам. Переночевал во дворце Кричим, затем в Карловских банях, проехал через Пловдив, Карлово и Сопот, мимоходом посетил Сопотскую военную фабрику (там у него состоялась встреча с рабочими и руководителями), проехал через село Лыджене, города Пирдоп и Златица, села Саранцы и Новосельцы. Впрочем, об этой поездке подробно рассказывает сообщение, которое мы дали в печать, составив его под руководством Димитрова:

«*Председатель Совета Министров тов. Георгий Димитров*... констатировал *хорошее состояние посевов и многообещающие виды на урожай нынешнего года.* Особенно радостное впечатление произвело на него *исключительное трудолюбие наших земледельцев,* всецело занятых усиленными полевыми работами.

Председатель Совета Министров тов. Георгий Димитров имел возможность лично беседовать с крестьянами и крестьян-

ками, с членами ТКЗХ об их положении и работе в своих хозяйствах. Все они выразили ему большое удовлетворение видами на урожай нынешнего года и твердое намерение улучшить методы обработки земли, с тем чтобы добиться как можно более высокой урожайности.

Председатель Совета Министров тов. Г. Димитров встретился во время своей поездки и с рядом экскурсионных групп сентябрят и других школьников, которые вместе со своими руководителями используют оставшиеся до окончания учебного года свободные дни для того, чтобы ближе познакомиться с нашей прекрасной страной, порадоваться красоте ее природы, творческому труду и достижениям нашего народа, сочетая, таким образом, приятное с полезным.

17 мая Председатель Совета Министров тов. Г. Димитров посетил Сопотскую военную фабрику, производящую в настоящее время машины и инструмент для нашей промышленности, осмотрел все ее отделения и производства, познакомился лично с руководителями и рабочими фабрики. *Гости были восторженно встречены как персоналом фабрики, так и сопотскими трудящимися, жителями, учащейся молодежью, сентябрятами.* Председатель Совета Министров тов. Георгий Димитров высказал ряд пожеланий по быстрейшему устранению некоторых наиболее важных недостатков и недоработок, по еще более успешной работе фабрики, а также по экономическому и культурному подъему Сопота и других городов Средногория — колыбели нашего национального возрождения».

К моему огорчению, я и в этот раз не был с ним. А эта поездка могла бы дать неисчерпаемый материал для моей хроники. Я беседовал с некоторыми товарищами из охраны. Они увлеченно рассказывали о том, что бай Георгий искал контакта с людьми самых различных профессий и возрастов, делал остановки по пути, проезжая мимо работающих в поле крестьян; заглянул неожиданно к рабочим со строительства железнодорожной линии Макоцево — Сопот (участок будущей подбалканской [1] линии, которая свяжет Софию с Бургасом) и продолжительное время расспрашивал их о жизни, труде, об их настроении; везде начинал разговор по крупным политическим вопросам; внимательно выслушивал людей, говорил и объяснял сам. Чаще всего его сразу же узнавали и, удивленные неожиданной встречей, делились с ним самым искренним образом своими радостями и успехами, говорили о своих жалобах и тяготах. В дру-

[1] Так называется дорога, проходящая вдоль подножия Балканского хребта с южной стороны.— *Прим. перев.*

гой раз, если кто-нибудь терялся от неожиданности, затруднялся его узнать, он сам открывался им в ходе беседы. Но были случаи, когда люди не узнавали его и говорили с ним до последнего момента как со случайным незнакомцем. Везде он хотел получить непосредственное, без прикрас, впечатление о жизни, настроениях и заботах народа, и только однажды он рассердился. Встретили на дороге какого-то чабана. Димитров подошел к нему и начал разговор. Но тот оказался на редкость твердолобым — ни в политике ничего не понимал, ни интереса к проблемам страны и мира не проявлял, да и намерение интересоваться не высказывал. Попытался Димитров убедить его, что нужно учиться (чабан не был старым), что нельзя так опускаться: «Сейчас все мы в нашей стране должны учиться». Но того ничем нельзя было прошибить.

Поездка продолжалась три дня и закончилась вечером в понедельник.

В воскресенье, 16 мая, открылся съезд пенсионеров. К нему Димитров проявил живой интерес, еще в субботу поручил проф. Ивану Стефанову принять участие в его заседаниях и дал указание, чтобы кто-нибудь из ответственных товарищей из Национального совета Отечественного фронта приветствовал участников. Он потребовал подробную информацию о жалобах, просьбах пенсионеров и решениях по пенсионным вопросам.

В воскресенье, перед обедом, в кинотеатре «Республика» состоялось торжественное собрание, посвященное 100-летию французской революции 1848 г. В связи с этой датой в нашу страну прибыл в качестве гостя Жюстен Годар. Видный французский общественник-демократ, сторонник французско-болгарского сближения, он возглавляет во Франции комиссию по празднованию юбилея. После выступления господина Годара о месте и значении революции 1848 г. выступал болгарский профессор Гандев, который сделал марксистский анализ этого события.

К Годару Димитров проявил большое внимание. В этот вечер он устроил в его честь дружеский ужин, на который было приглашено около 30 выдающихся государственных и общественных деятелей нашей страны.

Димитров поднял тост в честь господина Годара и произнес очень впечатляющую речь. Занятый в это время другими делами, я не успел застенографировать ее начало. Но все остальное записал. Наш французский гость был охарактеризован как «один из честнейших, крупнейших представителей демократической, прогрессивной Франции, дружественной нам Франции». И для того чтобы пояснить свои последние слова, Димитров добавил,

что сейчас в Европе, к сожалению, есть две Франции — «одна Франция и другая Франция, одна Италия и другая Италия, есть одна Германия и другая Германия, есть в мире одна Палестина и другая Палестина». Но мы, продолжал он, не противопоставляем Восточную Европу Западной, в чем нас хотят упрекнуть, мы не стоим на позициях разделения Европы. «Вся наша миролюбивая внешняя политика признает одно единственное разделение между государствами и народами в настоящий момент. Это разделение проходит по линии: лагерь мира, демократии и лагерь реакции, империализма и поджигателей новой войны. Это деление идет не по линии Восточная и Западная Европа, она проходит по всему миру, в мировом масштабе».

Председатель Совета Министров Болгарии подчеркнул, что мы выступаем за установление связей между Восточной и Западной Европой на основе демократии и общего стремления к прочному миру, борьбы против поджигателей новой войны. Он выразил надежду, что наш гость, который совершил поездку по стране и имел возможность увидеть наши успехи и наши недостатки (их мы не скрываем, а стремимся преодолеть), расскажет во Франции и о хорошем, и о плохом, и о сильном, и о слабом у нас. Мы полны решимости жить по-товарищески, по-дружески с французским народом, потому что нам нечего делить. Наше правительство проводит последовательную политику создания более широких политических, экономических и культурных связей с Францией.

Господин Годар, седовласый человек, возраст которого трудно определить точно, оставил у нас хорошее впечатление своим благородством. Он в свою очередь тоже произнес тост, в котором сказал добрые слова о нашей стране. Особенно сильное впечатление произвели на гостя наша восторженная молодежь из строительных бригад, дух единства и творчества нашего народа.

Сегодня уже в 10.30 началось заседание Совета Министров, которое после короткого перерыва на обед продолжалось часов до восьми вечера. Скопилась масса вопросов, поэтому председатель правительства дал указание включить их все в повестку дня и рассмотреть, чтобы не задерживать их решение; Совет Министров в ближайшее время не сможет заседать, так как предстоит новый официальный визит. Через несколько дней наша правительственная делегация во главе с Председателем Совета Министров отбудет в Польшу.

Сегодня товарищ Димитров лично написал письмо всем членам ЦК БРП(к), которым они информируются о проделанной до сих пор подготовке к слиянию Социал-демократической партии с нашей партией. Рассылается и протокол о принципах слияния,

подготовленный делегациями двух партий. Это письмо с приложением будет разослано всем членам ЦК для одобрения ими личной подписью.

В соответствии с решением Политбюро аппарат Совета Министров и министерств под руководством Трайчо Костова усиленно разрабатывает правительственную программу улучшения бытовых условий и повышения культурного уровня населения Пиринского края. Эта программа охватит и некоторые другие наши пограничные районы. Инициатива ее разработки была высказана тов. Димитровым. К протоколу заседания Политбюро от 9 мая с. г. он сделал приписку синим карандашом:

> «...Обдумывание вопроса о проведении отдельных срочных мероприятий в Пиринском крае... Поручается товарищам... в самый короткий срок продумать и выступить с конкретными предложениями по улучшению хозяйственного, административного и бытового положения населения в Пиринском крае, с тем чтобы поставить это население в любом отношении в равные условия со всеми другими районами страны, *а в некоторых случаях предусмотреть и возможные преимущества и поощрения»*.

Именно по этому поводу 15 мая в Горна-Джумае состоялась важная конференция с участием местных партийных и хозяйственных работников, деятелей Отечественного фронта и ответственных представителей ЦК и правительства. Подробно изучаются экономические, медико-санитарные и культурные нужды этой части нашей страны. В своем выступлении Трайчо Костов подчеркнул, что правительство разработает программу всестороннего экономического и культурного развития, которая сплотит все население на еще более производительный труд. Именно на том, какое важное политическое значение имеет сплочение всего населения в рамках Отечественного фронта, делал акцент Трайчо Костов.

Идет подготовка к торжественному чествованию 70-летия освобождения Софии. Прибыли видные гости.

А сейчас об одной переписке между нашим самым крупным скульптором, замечательным мастером резца Андреем Николовым и Председателем Совета Министров, не касающейся вопросов искусства. В понедельник, 17 мая, мы получили письмо об «одном случае злоупотребления властью» (как он выразился) при применении закона о трудовой мобилизации бездельников, «этой прекрасной меры правительства». Сосед скульптора получил повестку по трудовой мобилизации. А. Николов не знал как

следует об этом случае, но почувствовал, что вершится несправедливость, так как указанный человек, признанный тунеядцем, был тяжело болен.

«Я не хотел беспокоить Вас по этому случаю,— писал далее наш ваятель,— хотя во время нашей встречи в августе прошлого года Вы мне и сказали, что я могу писать Вам. Я жду, что Вы, как обещали мне во Вране, пригласите меня на этой неделе. Хотелось бы поговорить о памятнике и вообще об искусстве; благодарю Вас также искренне за дорогие подарки, которым я чрезвычайно обрадовался и которые тронули меня. Я тоже очень занят, так как работаю над проектом памятника Советской Армии в Пловдиве, но, если Вы меня пригласите, приеду».

Я быстро переправил письмо Председателю Совета Министров. Уже сегодня он возвратил его со следующей резолюцией:

«Отменить направление на работы... (имя лица, о котором шла речь.— *Н. Г.*).

Г. Дим.».

Мы сообщили об этом Андрею Николову.

24 мая 1948 г., понедельник

И сегодняшний день начался с дождя, который стал причиной задержки демонстрации, посвященной памяти дела Кирилла и Мефодия[1]. Но ничто не могло помешать ей пройти с небывалым ликованием учащихся начальных и восьмилетних школ. Прекрасное впечатление оставили студенты — организованный, передовой народ. Вновь плохо, как-то безучастно и вяло, прошли ученики средних школ. Странное явление! Гимназии в прошлом всегда были опорой комсомола и РМС. Сейчас оказалось, что эта часть молодого поколения просто выпущена из поля зрения, до него не доходит пафос нашего времени. Это дети, выросшие на закате господства фашизма, но вместе с тем они являются свидетелями и восторженного начала нашей революционной эры. Как случилось, что в их души вселилось какое-то отчуждение? Насколько я понял, ответственные товарищи снова с озабоченностью обсуждали вопрос об идейном воспитании учащихся средних школ. Серьезная и важная проблема!

Димитров устал на демонстрации. Ему вновь в продолжение всего времени нужно было стоять, быть бодрым, отвечать на овации молодежи тепло и сердечно. Но, несмотря на усталость, сра-

---

[1] Кирилл и Мефодий — создатели славянской письменности. День 24 мая отмечается в Болгарии как праздник славянской письменности и болгарского просвещения и культуры.— *Прим. перев.*

зу, как только закончилась демонстрация, он принял в своем кабинете в Совете Министров 30 курсисток учительского института, носящего его имя. Присутствовать на этой встрече было счастьем. Его окружили пламенные души, они радовались ему с каким-то неописуемым восторгом, рассказывали об учебе, о своих успехах, их вдохновляло его имя. Преподнесли подарки для Бойко. И хотя чувствовалось переутомление Димитрова, он не свел встречу к кратковременному визиту, а нашел силы сказать им ценные напутственные слова.

— Я очень рад, что ваш курс действительно, как вы мне сообщили, имеет такой успех. Если мое имя помогло, радость моя еще бо́льшая. Но имя может помочь лишь в некоторых случаях, а успех достигается собственным трудом, большими усилиями, общими усилиями учителей и учащихся всего курса.

Говоря о трудностях, которые переживают многие наши семьи, и о том, что, несмотря на это, мы должны растить здоровое поколение, он отметил:

— Это сила нашей нации, а ведь вы будете заниматься с детьми, именно вы должны вырастить из этих детей наших новых граждан, строителей новой Болгарии. Звание учителя — почетное звание, однако звание детской учительницы еще более почетно. Мне бы хотелось пожелать вам самых добрых успехов... Трудностей у нас немало, будут они и у вас, я знаю наши условия, знаю и некоторые отрицательные черты нашего народа (не всего народа, конечно, а его отдельных слоев)... Не падайте на колени перед трудностями, не останавливайтесь перед препятствиями, а будьте уверенными в своих собственных силах и верьте в силы нашего народа и в наше правое дело.

Встретите трудности — вкладывайте в работу больше энергии,— продолжал свою мысль Димитров.— Это я испытал на себе. Когда я сталкиваюсь с трудностями, мне кажется, что у меня прибавляется сил. Не сдамся врагу! Еще большую энергию надо проявлять тогда, когда считаешь порой, что все уже потеряно, и вот в такой момент вдруг начинаешь чувствовать, что уходишь от опасности. Но для этого необходима вера в народ, вера в себя, вера в свое дело. Я вам желаю такой веры и самых хороших успехов.

И чтобы у вас были,— засмеялся он,— свои собственные дети, которых бы вы воспитывали вместе с другими во славу нашего народа и нашей родины.

Потом Димитров начал говорить по другому вопросу:

— Имейте в виду еще одно обстоятельство. Женщину, как вы знаете, долгое время держали в стороне от общественной жизни — недооценивали ее возможности, пренебрегали ею. При

народной власти, после 9 сентября, это положение значительно изменилось, мы идем к бесповоротным изменениям — к равноправию. Но есть у нас мужчины, которые не признают права женщины, есть и такие, кто признает их на словах, а на деле ничего не делает, недооценивает женщин. Тем более что женщина иногда недооценивает саму себя: из-за наслоений прошлого она не чувствует себя уверенной, как будто она неполноценный человек, как будто у нее нет тех качеств, которые есть у ее товарища, мужа, коллеги.

Пока шла встреча, начался проливной дождь. За короткое время по улицам потекли реки.

Девушки после встречи, пока дождь не закончился, посидели у меня в комнате. Все они просветлели, смотрели друг на друга и никак не могли поверить, что с ними произошло это большое событие.

Вообще, дожди в последнее время идут не переставая; в отдельных местах они уже создали угрозу посевам. Выпал и губительный град — в некоторых пловдивских селах посевы погибли полностью. Усилия сейчас направлены на пересев опустошенных полей.

Вчера вечером в залах Совета Министров состоялся правительственный прием. Димитрову представили одного американца, зятя Рузвельта, который, не знаю по каким причинам, в настоящее время находится в Софии. Председатель Совета Министров повел с ним с помощью переводчика долгий разговор. Зал был переполнен. Все ждали Димитрова, чтобы начать ужин. Я несколько раз подходил к нему и деликатно напоминал об этом, но он упорно продолжал разговаривать, был возбужден, каким я его редко видел. Видимо, вел полемику. Собеседник его что-то отстаивал или повторял известную клевету западной пропаганды по нашему адресу, а Димитров разгоряченно опровергал, доказывал, убеждал. На приеме был долго, встречался и говорил со многими людьми, уехал только часов в двенадцать ночи. Не успел он выйти из зала, как его остановил Кирил Тодоров, известный скульптор, подошел вплотную и начал о чем-то просить. Димитров прервал его:

— Сколько человек мне будут говорить о вас?

Тодоров и через других ответственных товарищей настаивал, чтобы Димитров ему позировал. Председатель Совета Министров с трудом сдерживал свою досаду, но потом смягчился:

— Ну, хорошо, хорошо, посмотрю, может быть, на днях выберу немного времени.

В воскресенье вечером состоялось торжество в связи с 70-летием освобождения Софии.

В субботу Димитров был в Совете Министров. Принял несколько человек. Вечером вместе с Василом Коларовым они приняли экзарха Стефана I. По всему видно, что этот иезуит подмочил свою репутацию в церковных кругах какими-то неблаговидными делами, попав в какую-то историю.

В пятницу состоялось важное заседание Совета Министров под председательством Димитрова. Приняли несколько постановлений, имеющих большое значение. Первым из них устанавливается новый порядок сдачи и закупок зерна нового урожая. Определяется, какое количество зерна каждый хозяин обязан продать государству. Оставшиеся излишки могут быть проданы по свободным ценам. Обмолот также освобождается от контроля. В постановлении заложен принцип: чем больше площадь обрабатываемой земли, тем больше зерна продается государству, но вместе с тем больше остается и производителю. Бедные и мелкие крестьяне, имеющие 1—2,5 *га* земли, в зависимости от ее плодородия и района освобождаются от обязательных поставок. Таким образом, вводится новый принцип заготовки хлеба государством, отвечающий характеру прошлогодней декларации правительства и значительно более благоприятный для крестьян.

Второе постановление совсем другого рода. Учитывая недавно принятое решение Политбюро, Совет Министров постановил очередной народнохозяйственный план Болгарии сделать пятилетним. Мы переходим к нашей первой пятилетке! Государственной плановой комиссии вменяется в обязанность до 15 июня внести предложение об основных положениях нашего первого пятилетнего плана и до 1 октября составить окончательный проект. Одновременно необходимо подготовить и план на 1949 год — первый год пятилетки.

Было принято и третье постановление исключительной важности. Совет Министров одобрил специальным актом разработанную программу улучшения занятости и положения населения Родопского, Пиринского и Странджанского краев. Проект постановления был внесен Председателем Совета Министров. Предусматривается целая система мероприятий по экономическому и культурному развитию этих районов. Эти мероприятия будут заложены и в наш новый пятилетний план; вводится дополнительная надбавка в размере 50% к зарплате работающих в пограничных зонах, в других частях этих районов устанавливается надбавка в 25%; будет улучшено снабжение населения промышленными товарами; предусматриваются льготы и по другим вопросам — при поступлении молодежи в университет (особенно для болгар-магометан) и т. п.

В пятницу принял по указанию Председателя Совета Министров госпожу Харизанову. Она жалуется, что ее зять, бывший офицер, уже длительное время живет без работы и что конфискован их летний дом в селе Марково. «Нельзя так поступать с женой Ивана Харизанова»,— сказал Председатель Совета Министров. Он поручил изучить оба вопроса, внести конкретное предложение и, если не будет особенных помех («Зачем нужно было конфисковать у них дом в селе?»), решить положительно.

Решением Политбюро от 20 мая Стелла Благоева назначена болгарским представителем в редакцию газеты «За прочный мир, за народную демократию!».

26 мая 1948 г., среда

Идет заседание Исполнительного комитета Национального совета Отечественного фронта. Димитров руководит им.

Был заслушан доклад главного секретаря Совета об организационно-политическом состоянии единых организаций Отечественного фронта. Член Постоянного бюро Георгий Кулишев докладывал о проекте директивы о перестройке работы партий Отечественного фронта; после обсуждения директива была принята с некоторыми существенными дополнениями, предложенными Георгием Димитровым. Пункт 4, по его предложению, принял следующий вид:

«Задача партий Отечественного фронта состоит в мобилизации своих членов на работу в организациях Отечественного фронта и их активизации, в необходимости следить и заботиться об исполнении ими своих обязанностей по отношению к Отечественному фронту».

Пункт 5 предусматривает:

«Исполнительный комитет рекомендует партиям Отечественного фронта приостановить принятие новых членов в свои ряды с 1 июня до конца 1948 г., сосредоточив усилия на политическом воспитании членов партий и укреплении рядов Отечественного фронта».

2 июня 1948 г., среда

Союзный договор заключен и с Польшей.

В пятницу, 28 мая, наша правительственная делегация вылетела с аэродрома Враждебна в Варшаву с официальным визитом. Состав ее самый представительный. Проводы в аэропорту, как и полагается, были официальными, но, к сожалению, не был обеспечен приезд кинооператора, поэтому следа в кинохронике об этом событии не осталось.

Уже на следующий день, в субботу, возвратился один из самолетов и доставил изрядное количество снимков о встрече — в аэропорту тысячи людей. Договор был подписан в субботу в полдень, после состоявшихся переговоров. Присутствовал и президент Болеслав Берут (коммунист).

В воскресенье и понедельник продолжались переговоры по экономическим и другим вопросам. Состоялся митинг, на котором выступали Димитров и Циранкевич. Гости посетили крупный тракторный завод «Урсус», где коллектив рабочих подарил болгарской правительственной делегации три трактора. Димитров провел содержательную беседу с представителями польских молодежных организаций. Но особенно осталась в памяти поездка по варшавским кварталам. Потрясающая картина открылась взору Димитрова и его товарищей. Есть разрушения и в Софии, они немаленькие, но Варшава выходит за рамки человеческого воображения — методично и жестоко были разрушены целые районы. Гетто просто сровняли с землей. Димитров потрясен увиденным. Эти развалины, сказал он, свидетельствуют о «чудовищных преступлениях не только гитлеровского фашизма, но и империализма, прогнившего капитализма» [1]; «...мы видели собственными глазами ужасные, подлые, варварские разрушения, нанесенные гитлеровскими ордами прекрасной Варшаве и ряду других польских городов, и испытали чувство невыразимого возмущения» [2]. А вчера в своей речи Димитров рассказал софийцам, что члены делегации увидели «ужасные, подлые и жестокие разрушения, совершенные варварскими фашистскими ордами в красивой столице Польши. Большая часть Варшавы разрушена и сейчас находится в развалинах... С болью в сердце, с негодованием и возмущением осматривали мы Варшаву, улицу за улицей, квартал за кварталом, превращенные в огромные руины,— этот страшный обвинительный акт...» [3].

Но Председатель Совета Министров Болгарии вместе с тем видел, с каким невероятным размахом проводятся восстановительные работы, чтобы воссоздать город таким, каким он был. Народ, уважающий свое достоинство и свое прошлое, ценой любых жертв решил восстановить город, камень по камню, кирпич по кирпичу и черепицу по черепице, и положить их точно там, где они были. Старинные здания, костелы и памятники поднимутся вновь такими, какими они стояли века,— станут символами трагедии и бессмертия. Тов. Димитров сказал в одной из своих ре-

---

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 14, с. 133.— *Прим. перев.*

[2] Там же, с. 143.— *Прим. перев.*

[3] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 554.— *Прим. перев.*

чей: «Сегодня мы имели возможность познакомиться с Варшавой, точнее, увидеть, если можно так выразиться, две Варшавы: одну Варшаву — подло и жестоко разрушенную гитлеровскими ордами, и другую Варшаву — возрождающуюся как феникс в древнегреческой легенде, встающую из пепла, чтобы стать гордостью Народной республики Польша» [1].

Высшей справедливостью назвал Димитров воссоединение западных польских земель, которыми недавно владел германский рейх. «Польская граница по Одеру — Нейсе и Балтике — это граница мира» [2].

У руководителей болгарской делегации сложилось впечатление, что положение в Польше — стране, где борьба между реакцией и прогрессом, империализмом и народной демократией была самой острой,— окрепло и что уже созданы непреодолимые преграды для какой бы то ни было реставрации старого строя.

Вчера, во вторник, 1 июня, наша делегация возвратилась в Софию. Самолет приземлился в 17 часов. Встреча была официальная — в аэропорту было немного людей. Народ собрался на площади 9 Сентября. Состоялся внушительный митинг. Повод был двойной — день 2 июня [3] и подписание договора с братской Польшей. Димитров говорил пламенно и воодушевленно. Особенно взволновали людей его слова о разрушениях и восстановлении Варшавы. Сильный отзвук имели и те места речи, где упоминалось о мерах против наших врагов, методах борьбы против лени и бюрократизма. Дело Христо Ботева и павших в борьбе за свободу героев, перед которыми мы низко склоняем голову, лучше всего нам отметить неутомимой работой «по строительству нашей дорогой народной республики» [4]. «Так будем учиться и творить каждый на своем участке, для общего блага народа, для прогресса нашей страны; так будем повседневно повышать и совершенствовать наше умение и наши способности, чтобы успешно справиться с задачей, возложенной на нас. Нельзя терпеть в нашей среде, где бы мы ни находились, людей, которые пренебрегают выполнением своих обязательств перед родиной, предприятием и учреждением, где они работают. Нельзя терпеть лодырей и лентяев, праздных болтунов и людей, страдающих манией величия, больших и малых маньяков, которые думают, что все знают, и знают лучше всех. Нельзя терпеть ленивых бюрократов и чиновников, которые смотрят, как бы скорее, кое-как сделать свою работу в канцелярии, чтобы предаться своим личным удовольст-

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 14, с. 132—133.— *Прим. перев.*
[2] Там же, с. 134.— *Прим. перев.*
[3] День памяти борцов за освобождение Болгарии.— *Прим. перев.*
[4] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 560.— *Прим. перев.*

виям. Нельзя терпеть таких интеллигентов и «ученых» (к счастью, их у нас сейчас мало), которые похожи на лошадей с наглазниками и не в состоянии смотреть ни влево, ни вправо» [1].

Полный непримиримости к недостаткам, Димитров предупредил, чтобы мы не давали себя ослепить успехами и не были небрежными. В последнее время он часто касается этой темы. Нельзя терпеть непорядков, а надо сигнализировать о непорядках и с глубоким чувством любви к родине подвергать критике и самокритике имеющиеся у нас недостатки, быть бдительными, уметь отличать овцу от волка и немедленно хватать за уши волка, одетого в овечью шкуру [2].

— Так будем любить нашу родину!.. [3] — пламенно призвал оратор.

Сразу же после этого началась торжественная заря-поверка [4]. Один за другим командиры выстроенных на площади отрядов борцов против фашизма вставали перед Димитровым и рапортовали: «Все — налицо в строю, за исключением... геройски погибшего в борьбе». И хотя сегодняшний день оказался бы изнурительным и для более молодого и сильного, чем он, человека, Димитров выстоял до конца зари, принял многолюдную демонстрацию, которая потекла от площади к Братской могиле.

Сегодня печать помещает заявления Димитрова агентству Юнайтед Пресс и двум польским агентствам.

К половине третьего я явился на доклад. Скопилось много материалов, и мне пришлось докладывать больше часа. Председатель Совета Министров лично просмотрел некоторые телеграммы из пограничных районов, население которых высказывает благодарность за особые меры и заботу. Таких писем и телеграмм поступает довольно много. Прочел и несколько приветственных телеграмм от конференций БЗНС. С добродушным юмором остановился на письме пастора евангелической церкви из Казанлыка; его преподобию понравилось сообщение о поездке Димитрова по Южной Болгарии, и он, желая быть полезным, советовал председателю правительства делать это постоянно — бывать чаще среди народа, говорить и смеяться с людьми, выслушивать их. Он велел мне ответить автору на письмо и поблагодарить.

Выглядит усталым.

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 560—561.— *Прим. перев.*

[2] См. там же, с. 561.— *Прим. перев.*

[3] См. там же, с. 562.— *Прим. перев.*

[4] Этот ритуал с некоторыми изменениями сохранился до сих пор и проводится ежегодно вечером 2 июня на площади 9 Сентября.— *Прим. перев.*

Все более осязаема в нем перемена. Он более озабочен, стал в последние месяцы каким-то другим, все реже и меньше заводит с нами разговоры, стал более взыскателен к своим словам и поведению, ко всем помощникам и сотрудникам, все яснее чувствуется на его лице сосредоточенная суровость. Теперь он более нетерпелив и в работе — стремится вникнуть, насколько это возможно, в большее число вопросов. Все чаще требует их коллективного рассмотрения и решения.

В стране проходит Неделя венгерской культуры. По этому случаю у нас находится делегация деятелей культуры Венгрии во главе с министром народного просвещения.

Из Москвы пришла добрая весть. Наш друг академик Н. С. Державин стал лауреатом Сталинской премии в области науки за свою книгу о Христо Ботеве. В связи с этим в нашей печати публикуются отрывки из этого замечательного труда. Награжден друг Болгарии за болгарскую тему! Хорошо!

3 июня 1948 г., четверг

В последнее время одно из женских обществ в Третьем районе готовится к присвоению ему имени Любицы Ивошевич-Димитровой и хочет издать памятный плакат в связи с 15-й годовщиной со дня ее смерти. Вчера общество прислало приглашение на собрание, назначенное на нынешний вечер. Я немедленно передал приглашение товарищу Димитрову. Сегодня рано утром он позвонил мне и поручил присутствовать на собрании, а затем проинформировать его.

Собрание состоялось в Доме юристов. Зал был переполнен. В глубине сцены — большой, хорошо увеличенный, выразительный портрет Любицы Димитровой. Были литературная программа, песни, декламации с участием артистов и женского хора. Все было подготовлено образцово, с большой заботой и старанием. Присутствовали сестры Димитрова Елена и Магдалина. Открывая собрание, председательствующая объявила, что с сегодняшнего дня их общество будет носить имя Любы Димитровой, и сказала о ней несколько восторженных слов как о человеке, поэте и борце. После этого с докладом выступила Райна Кандева.

Бабушка Райна (так нередко мы ее называли) — ветеран революционного движения, человек культурный и привлекательный, жена нашего видного деятеля Ламби Кандева, павшего в борьбе. С воспоминаниями выступила Люба Костова. И бабушка Райна, и товарищ Костова с восхищением и любовью нарисовали портрет Любицы Димитровой как прекрасного человека, слав-

ного борца, на редкость высокоинтеллигентной женщины, поэтессы, деятельницы женского и профсоюзного движения, супруги-товарища.

— Люба,— медленно, взволнованно говорила Райна Кандева,— была одарена большими способностями, которые она развила путем самообразования, упорного изучения марксистской литературы. Она была агитатором, пропагандистом, публицистом. Знала до тонкостей сербский и болгарский языки, углубляла знание русского языка, владела другими славянскими языками и пользовалась их литературой, говорила и читала по-немецки. Она была пролетарской поэтессой и, если бы посвятила себя только поэзии, могла бы оставить большое поэтическое наследство. Но,— подчеркнула с болью Кандева,— мы не собрали того, что создала Люба Ивошевич-Димитрова и что разбросано по многим газетам и журналам как в нашей стране, так и за рубежом. Она редактировала газету «Шивашки работник» [1], была первой женщиной-работницей, редактором в нашей стране.

Далее Р. Кандева рассказала о пути Любы Ивошевич-Димитровой как одной из самых видных женщин — деятелей нашей партии. В 1905 г. она среди выступающих на первой конференции женщин социал-демократок Болгарии; в 1913 г. избрана в Центральную женскую комиссию партии. Вскоре Димитрова, осужденного на большой срок, бросают в Центральную тюрьму. Люба вместе со всей семьей стремится помочь ему. Во время Сентябрьского восстания она переходит на нелегальное положение и таким образом спасается. После разгрома восстания эмигрирует.

— Люба внесла очень большой вклад в наше рабочее и женское движение, и сейчас, когда ее имя присвоено вашему обществу, вы принимаете на себя большие обязанности,— закончила Райна Кандева.

То, что рассказала Люба Костова, явилось для меня приятной неожиданностью. Я и не подозревал о существовании такой дружбы между ними. Я уже знал о тесной дружбе Трайчо Костова с Тодором, самым младшим братом Димитрова, погибшим в трагическом 1925 г., и вот сейчас узнал, что жена бая Трайчо дружила с Любой в последние годы ее жизни. Впрочем, в том, что Люба Костова с такой любовью и восхищением относилась к Любице, не было ничего удивительного. Сейчас для меня стал более ощутимым и образ Любы Костовой. Ее волнение передавалось собранию. Она нарисовала облик Любицы: «Речь ее была богатой, а в голосе звучала особая музыка»; женщина высокой

---

[1] «Швейник».— *Прим. перев.*

интеллигентности и культуры; «у нее была поэтичная душа и нежное сердце»; она была тонким знатоком искусства. Любила много читать — вечером всегда, когда оставалась одна, читала стихи. Глубоко страдала оттого, что не имела детей. Порядок и чистота в ее комнате были идеальными. Она всегда говорила, что мелочность и сплетни присущи женщине только тогда, когда у нее нет других интересов. Любица — пример верной и равноправной жены, выросшей вместе со своим талантливым супругом, о котором она заботилась самозабвенно. Она безумно любила своего мужа. Ценила и уважала его так, что трудно найти пример, с которым можно было бы сравнить эту любовь. Однажды она мне сказала: «Никто не знает, что это за человек!»

После собрания мы остались в зале с руководительницами общества, Райной Кандевой и Любой Костовой, которые передали мне тексты доклада и воспоминаний. Им явно хотелось, чтобы эти материалы попали товарищу Димитрову. Завязался разговор. Руководительницы общества заявили, что постараются собрать все материалы о Любе Ивошевич-Димитровой для того, чтобы полнее восстановить ее образ.

[Здесь уместно вспомнить и об одной небольшой подробности из жизни Любы Ивошевич, о которой я узнал позже. С ней переписывалась и поддерживала близкие связи еще в Сербии Стоянка Драгнева, видная деятельница сербского социалистического движения.

Стоянка Драгнева — болгарка по национальности, уроженка Русе, выросшая под влиянием болгарских социалистов. Выходит замуж за сербского инженера Косту Йовановича, известного в то время деятеля сербской социал-демократии, и уезжает жить в Сербию. Там она развивает большую общественную деятельность, становится одним из организаторов женского социалистического движения, проявляет себя как талантливый публицист и редактор, завоевывает имя авторитетного деятеля. Совсем молодой заболевает раком и умирает в 1905 г.

Люба Ивошевич и Стоянка Драгнева!

Одна женщина, сербка по национальности, родом из мест недалеко от Крагуеваца, играет важную роль в болгарском рабочем и социалистическом движении.

Другая женщина, болгарка по национальности, родом из Русе,— видная деятельница сербского социал-демократического и рабочего движения.

Исторические совпадения!

Если бы был жив Плутарх, у него было бы достаточно материала написать новые сравнительные жизнеописания.]

4 июня 1948 г., пятница

Подробно рассказал товарищу Димитрову о вчерашнем собрании. Передал ему и доклад и воспоминания. Он выслушал меня сосредоточенно. Чувствовалось его волнение.

Во второй половине июня был отпечатан и памятный плакат. Димитров просмотрел его предварительно сам.

Я не был свидетелем всему, но и то, что я увидел и понял, меня взволновало. Переплетались две большие судьбы. Я увидел другие стороны Димитрова-человека.

Материалы — статьи, снимки, стихотворения, воспоминания — попали к нему вместе с макетом первой страницы 7 июня. Вот как выглядела первоначально эта первая страница макета:

Памятный плакат

ЛЮБА ИВОШЕВИЧ-ДИМИТРОВА

1879—1933—1948

фотография

Статья Стеллы Благоевой

Макет претерпел существенные изменения.

В отдельных материалах Димитров сделал некоторые поправки, прежде всего уточнения (например, о дате смерти — 28 мая 1933 г.); статья Райны Кандевой и воспоминания Любы Костовой были не подписаны, и он синим карандашом написал их имена. Воспоминания Ивана Г. К-ва он поручил снять и объяснил почему прямо на гранке: «Из-за его неправильного поведения в самые тяжелые для нашей партии дни». На макете первой страницы Димитров поправил дату рождения — вместо 1879 г. написал 1882 г., т. е. год собственного рождения. Передал отпечатать в плакате и свою статью о Любе. Она обозначена датой 27 мая 1948 г. Даже если бы никто ничего не написал, достаточно было бы слов этой маленькой статьи, чтобы обессмертить любое имя:

«Пролетарка, всю жизнь с усердием занимавшаяся самообразованием, высококультурная, талантливая пролетарская поэтесса, преданная общественница, жена-товарищ в подлинном смысле этого слова, Люба Ивошевич наряду со своим активным участием в рабочем движении и деятельности Коммунистической

партии отдала много сил и принесла себя в жертву моему собственному развитию и успешному выполнению моих трудных задач как рабочего деятеля и борца» [1].

В конце статьи он сказал очень теплые слова и о «нынешней моей жене», которая «играет не менее благородную роль в моей жизни» [2].

Я был озадачен тем, что все указывают одну дату рождения Любицы и только он — другую. В разговоре с одним близким Любице человеком я задал этот вопрос.

— Она была на три года старше его! — сообщил он мне.

И поскольку я был изумлен и недоверие было написано на моем лице, он продолжил:

— Это было известно их близким.

Этот факт вызвал у меня много мыслей: и о молодости, и о любви, о ней как о женщине, пленившей такого видного мужчину, несмотря на разницу в их возрасте, и о нем тогда и сейчас, когда он по-прежнему скрывает ее годы. Насколько все это человечно! Не было ли это проявлением благородства? Ее ведь уже нет среди живых, она умерла в возрасте 54 лет, но не хотел ли он и сейчас, чтобы она не показалась кому-то неравной ему.

Первая страница приобрела следующий вид.

Годы: 1882 — 1933 — 1948.

Слева: портрет Любы Ивошевич-Димитровой.

Справа: Статья Г. Димитрова.

На второй и четвертой странице помещены статьи, стихотворения, письма и воспоминания; Димитр Полянов посвятил Любе стихотворение «Ласточка».

. . . .
Склонившись над шитьем исправно,
О светлых днях мечтала ты
И пела о союзе славном
Борьбы, труда и красоты.

. . . .
Спи, ласточка с душою детской,
От жизни тяжкой отдыхай.
Пусть над тобой в стране Советской
Всегда шумит веселый Май [3].

Стелла Благоева написала сердечные слова доброй памяти. Заканчивала она так:

«Нельзя говорить о жизни и деятельности Димитрова, не отдавая должного исключительной роли его жены, Любы Ивоше-

---

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 14, с. 117.— *Прим. перев.*
[2] Там же, с. 118.— *Прим. перев.*
[3] Перевод Г. Чернейко.— *Прим. ред.*

вич, самого близкого ему человека в продолжение 25 лет революционной борьбы».

Помещены были и чудесные письма Клары Цеткин, написанные ею в 1928 г. Эти письма возвышают образ Любы и повествуют о сердечной дружбе, связывавшей Димитровых с выдающейся, всемирно известной немецкой революционеркой.

Вот одно из писем от 4 августа:

«Дорогая подруга!

Питая к Вам большую симпатию и высоко ценя Вас, я думаю о Вас как об одном из лучших людей и коммунистов, которых я имею большое счастье знать. Жалею, что не встретила Вас здесь раньше. К моему сожалению, я сейчас настолько слаба, что не могу бороться так, как мне бы этого хотелось, но мне служит утешением то, что Вы и Ваш муж продолжаете по-прежнему высоко держать наше знамя и успешно идти вперед.

Сердечно, дружески целую Вас».

Второе письмо, датированное 28 октября, прислано из Кисловодска.

«Дорогая подруга!

...Вы прочно заняли большое место в моем старом сердце, и я думаю о Вас больше, чем Вы предполагаете. Ваш муж был несколько раз у меня, и это успокаивало и радовало меня всякий раз, когда я думала о будущем. Настоящее нелегко, но, несмотря на это, я твердо верю в будущее. История работает на нас, и до тех пор, пока рядом с нами будут такие люди, как Димитров и Вы, я не отчаиваюсь.

Целую Вас и крепко дружески обнимаю».

Третья страница представляла творчество Любы Ивошевич-Димитровой: выбраны были три стихотворения (одно на болгарском языке — «Первый день» и два на сербском — «Прокуни, маjко!» и «Ето ко сам jа?» [1]) и один рассказ, называвшийся «Первый снег».

Просмотрев все материалы, Димитров поручил Илие Кюлёвскому отредактировать их.

4 июня 1948 г., пятница (продолжение)

Готовим прием, который состоится завтра вечером в честь венгерских гостей,— заканчивается Неделя венгерской культуры.

На завтра готовится и другой прием, у Димитровых, я бы сказал — особый!

Отовсюду поступают сведения, что ожидается небывалый уро-

---

[1] «Поспи, мама!» и «Так кто же я?».— *Прим. перев.*

жай. Продолжают идти дожди. Чувствуется уже необходимость в солнце. На рынке свободно продают картофель. Уже несколько дней на улицах города слышатся крики продавцов, разъезжающих с тележками: «Картофель, картофель!» Продаются горох, редиска, лук, появилась черешня. Но уже сейчас известно, что клубника продаваться не будет, потому что ее будут экспортировать за валюту.

5 июня 1948 г., суббота

Сегодня состоялись два приема: один — большой, другой — поменьше; первый — во Вране, второй — в Совете Министров. Первый из них был особенным, и к нему вряд ли применимо слово «прием». Точнее говоря, во Вране были гости. Товарищ Роза Димитрова пригласила сентябрят из детских домов столицы. Прибыло ни много ни мало... 700 детей. Был и товарищ Димитров. Трудно описать, что представлял собою в эти часы неприступный в недавнем прошлом царский дворец, когда по его залам и парку расхаживали дети простого народа. Были и угощение, и художественная программа. Ребята пели песни и читали стихи. Димитров был сердечен и приветлив, не утерпел, принялся плясать хоро вместе с мальчишками.

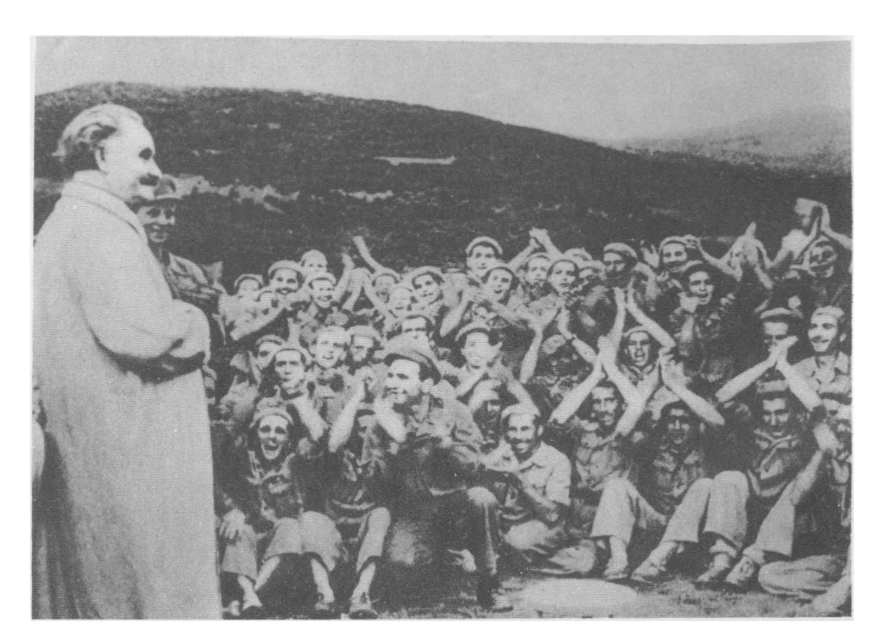
Очень тепло прошел официальный прием вечером в залах Совета Министров. Причиной этому послужило и то обстоятельство, что на ужине были не более 200—300 человек и самодеятельный танцевальный коллектив из Венгрии; участие этого коллектива внесло большую непринужденность. В его составе молодые, подвижные, красивые девушки и парни, умеющие свободно и грациозно держаться, прекрасно танцевать.

Товарищ Димитров прежде всего долго беседовал с членами венгерской культурной делегации, а после этого его окружили участники танцевальной группы. Они запели песню наших молодежных строительных бригад на болгарском языке — вышло здорово; пели и венгерские песни, танцевали венгерские танцы. В отличие от наших танцев, в их танцах больше индивидуальных фигур. Две проворные девушки подбежали к Димитрову, грациозно подхватили его под руки и повели к своей группе. Горячо аплодировали ему, фотографировались.

После ужина тов. Димитров снова пришел в большой зал, где в это время плясали хоро, и присоединился к танцующим. Был момент, когда заиграли пайдуцкое хоро [1], он даже повел хоровод.

---

[1] Пайдуцкое хоро — народный болгарский танец, который пляшут в очень быстром темпе.— *Прим. перев.*

Георгий Димитров выступает перед молодыми строителями автострады «Витоша».
29 июня 1948 г.

Георгий Димитров, Васил Коларов
и члены венгерской
правительственной делегации
приветствуют трудящихся Софии,
собравшихся на митинг по случаю
подписания договора между
Болгарией и Венгрией.
16 июля 1948 г.

Чудесный вечер болгаро-венгерского братства! На приеме присутствовали наши выдающиеся деятели культуры.

Был приглашен и наш большой художник-коммунист профессор Илия Петров. Он тоже приступил к работе над портретом тов. Димитрова. Я чувствовал, как он наблюдает за ним: неотступно, долго, упорно. У Петрова крупные, светлые, проницательные глаза. Он человек высокого интеллекта, серьезный, умный, авторитетный, высоконравственный, большой мастер кисти и резца [1], один из наших самых известных художников. Я уверен, что он создаст действительно прекрасное произведение. Разговаривал с ним — в последнее время мы подружились.

— Как идут дела?

— Чувствую, что будет очень трудно, потому что лицо его постоянно изменяет свое выражение, меняется даже его цвет,— ответил он мне.

Спросил его, как можно охарактеризовать глаза Димитрова? Нам позвонили из Бухареста. Известный румынский художник пишет портрет Г. Димитрова, но столкнулся с трудностью при написании его глаз: у него нет личных впечатлений... Попросили по телефону сказать им, какой у Димитрова цвет глаз. А это не в моих силах, поэтому мне и понадобилась консультация профессора Илии Петрова. Но он не мог ответить, как я ожидал, сразу, а задумался. Видимо, и для него этот вопрос не из легких.

— Богатые глаза! — сказал он.— Только одного цвета недостаточно, чтобы нарисовать их правильно. В них есть и сила и чувство — они согревают...

6 июня 1948 г., воскресенье

Сегодня мне повезло с общественными мероприятиями.

Прежде всего я побывал на съезде так называемого Родительско-учительского союза, заседавшего в одном из залов университета. Почти бессменный его председатель — Тодор Самодумов, наш уважаемый педагог и общественник. Мне показалось, что съезд проходит успешно — и в докладах и в выступлениях углубленно и заинтересованно обсуждаются проблемы образования, участия родителей в воспитании подрастающего поколения, роль родительско-учительского сотрудничества. Насколько оправданно существование такого союза, еще неясно; в последнее время вопрос усиленно обсуждался в руководящих инстанциях, но, на-

---

[1] Вместе со скульптором Мандовым Илия Петров выполнил в 1951 г. великолепную фигуру Димитрова в его исторической позе на Лейпцигском суде. Девиз: «Я обвиняю!» Скульптура установлена в превращенном ныне в музей здании бывшего Имперского суда, где состоялся Лейпцигский процесс.

сколько я понимаю, он будет рассматриваться и решаться окончательно в Национальном совете Отечественного фронта. У товарища Димитрова складывается мнение, что указанная организация должна продолжить свою деятельность, с тем чтобы вовлекать в общественную жизнь и те слои населения, которые стоят от нее в стороне.

Оттуда я отправился в Еврейский народный дом, где заседала национальная конференция Организации по оказанию помощи. Там я получил информацию от председателя организации Димитра Халова. Они предусматривают организацию широкой кампании по сбору средств на содержание греческих детей, жертв монархо-фашистского террора, получивших приют в нашей стране; на финансирование домов отдыха борцов, пострадавших в годы Сопротивления; на сооружение памятников павшим в борьбе.

И снова в путь.

К обеду я уже был в кинотеатре «Республика» — торжественным собранием закрывается Неделя венгерской культуры. Зал — вход был свободный — переполнен. Я вошел, когда Трайчо Костов, председатель Болгаро-венгерского общества, заканчивал свое выступление.

— Хотя и разные по крови,— услышал я конец его речи,— наши народы близки по духу, по исторической судьбе, по национальным интересам. И не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что, чем больше они будут знать друг друга, тем больше они будут любить друг друга и уважать.

В обед я докладывал о результатах поездки Председателю Совета Министров. После обеда миссия моя продолжилась.

Состоялся матч между Софией и Загребом на стадионе «Юнак». Поехать на него я не смог. Гости выиграли со счетом 2 : 0. Наш футбол продолжает оставаться слабым.

И сегодня целый день погода дождливая и холодная, как поздней осенью. С вечера метеорологи обещали нам температуру 8—10° и — какая неожиданность — на этот раз не обманули. Люди одеты в макинтоши и пальто. А урожай, как выразился на днях один агроном, выдался нынче с гору. Национальный совет выступил с призывом, помещенным сегодня в газетах,— всем организациям Отечественного фронта оказать максимальное содействие в быстрой и без потерь уборке богатого урожая.

В 7 часов вечера в Семинарии — летнем Доме болгаро-советской дружбы — открылась выставка репродукций русской дореволюционной живописи.

И здесь массовое паломничество. Везде, где проводятся наши многочисленные общественные мероприятия без приглашений,

со свободным входом, наблюдается их массовое посещение. Когда же рассчитывают только на приглашения, случается, что залы полупустые. Приглашения направляются, как правило, одному и тому же кругу лиц, которые часто бывают заняты и не могут прийти.

14 июня 1948 г., понедельник

Начну подряд, так, как события запечатлелись в моей памяти.

Вчера был дан старт Димитровской эстафете. По замыслу ее организаторов эта эстафета должна стать величественным мероприятием. В ней примут участие около 100 тыс. юношей и девушек со всей страны, а также физкультурники из Югославии и Румынии. Она связывается с предстоящим национальным праздником физкультуры и будет закончена 18 июня, в день рождения Димитрова, митингом на площади 9 Сентября. Не знаю, по чьему решению и с чьего согласия все это делается, но тов. Димитров сказал мне вчера по этому поводу:

— Передайте ее организаторам, чтобы они не устраивали никакого митинга на площади 9 Сентября и не поднимали много шума вокруг дня моего рождения. Пусть эстафета будет эстафетой, но не связанной с этим. Пусть отметят только в печати (день рождения.— *Н. Г.*) и больше ничего не делают. Мы не можем заниматься каждый год такими вещами. Иначе личность превратится в культ.

И повторил:

— Культ, понимаете? Личность нельзя превращать в культ!

К этой теме в разговоре со мною он возвращался потом неоднократно: нельзя возводить в культ отдельную личность, какие бы заслуги она ни имела и какого бы ранга она ни была. К сожалению, я не запомнил его высказываний точно, чтобы все передать его словами.

— В стране это (чествование его дня рождения.— *Н. Г.*) должно пройти скромно.

Я передал его указания в ГКФС и ЦК СНМ.

Димитров не удовлетворился разговором только со мной, а дал специальные инструкции в Национальный совет Отечественного фронта [1].

Есть и другие события, оставившие яркий след в моей памяти. Цвятко Банчев расшифровал свою стенограмму беседы Димит-

---

[1] Как мы увидим, в силу некоторых обстоятельств события прошли несколько по-иному.

рова с представителями польской молодежи в Варшаве. В ней Димитров, касаясь различных тем, высказывает некоторые актуально звучащие мысли, и нетрудно понять, что они имеют прямое отношение к известным событиям последнего времени. Вместе с тем эти мысли имеют и непреходящий характер, рождены глубокой политической мудростью:

«Самое страшное и для вашей, и для нашей молодежи кроется в болезни головокружения от успехов, самоуспокоенности и зазнайства. Эта болезнь исключительно опасна. Необходимо принимать профилактические меры против подобной опасной эпидемической болезни, чтобы не допустить ее в вашей среде» [1].

Димитров искал меня вчера, в воскресенье, еще часов в десять утра, но меня не было дома. Нужно было присутствовать на открытии выставки о развитии физкультуры в стране, которая проводится под его покровительством. Сразу же, как только я узнал об этом, я связался с ним по телефону и проинформировал.

— Как идут другие съезды и собрания? — спросил он меня.

Ответил ему, что сегодня сведения о них даст Банчев (позже Банчев позвонил ему и дал подробную и точную информацию о съезде Союза кооперативных больниц и о других мероприятиях). После этого Г. Димитров спросил меня о скульпторе (речь шла об Иване Мандове). Он работает над скульптурным портретом Димитрова. Это побудило нас поощрить его. 9 мая, в среду, закончив свой доклад, я спросил у Димитрова, уже чувствуя себя крайне неудобно, не сможет ли он уделить время для позирования Мандову.

— Ну хорошо, хорошо,— махнул он рукой с явным неудовольствием, что мы заставляем его позировать,— давайте устроим в субботу во Вране.

— Товарищ Димитров, а может, было бы хорошо в это же время прийти и Илие Петрову, он рисует и...

— Нет, это неудобно. И другие уже начали работать, некоторые коллективно. Комитет (Комитет по делам науки, искусства и культуры.— *Н. Г.*) организовал конкурс.

Потом оказалось, что в субботу он не может принять Мандова.

А вчера, в воскресенье, тов. Димитров сказал мне сам:

— Если вы знаете адрес Мандова, пригласите его ко мне к 2 часам.

Я обрадовался. Разыскал Мандова, и мы вместе с Игнатовым из охраны организовали его приезд во Врану. У него уже есть

---

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 14, с. 125.— *Прим. перев.*

первоначальный набросок по фотографиям. Сейчас предстоит сделать лепку с натуры. Но пока Мандов ехал, потом немного подождал, пришло время обеда, и его пригласили к столу. Завязался разговор. Димитров был очень внимателен.

— Знаете ли вы,— сказал он,— почему я согласился вам позировать? Потому что вы молоды, и я слышал о вас много хорошего. Но прежде всего потому, что вы молоды и имеете будущее.

Разговор их мне передал сам Мандов. Потом Димитров спросил:

— А вы уверены, что портрет получится хороший?

Услышав утвердительный ответ, он добавил:

— Работайте! Главное — это уверенность. Всю жизнь я любил людей, которые верили в свои силы.

После обеда Мандов работал больше часа.

— Он расположил меня к работе,— делился скульптор.— А вначале я смущался и чувствовал себя напряженно, но он так заговорил меня, шутил со мной, что я начал работать совершенно свободно. Через несколько дней обещал мне позировать еще.

Роза Юльевна проявила к скульптору особое внимание. Ей очень понравилась его работа, и она настояла, чтобы Димитров уделил ему больше времени. Даже пошла на небольшую хитрость — задержала его на полчаса разговором и дала возможность Мандову поработать больше намеченного [1].

Над портретом Димитрова только по фотографиям систематически работает и профессор Б. Митов. Нередко он звонит мне, просит проконсультировать его. Ему уже за пятьдесят. В среду, после обеда, он пришел ко мне — низенького роста, вежливый, деликатный. Закончил уже третий портрет. Считает его самым удачным. Рисует по известной фотографии — Председатель Совета Министров сидит в одном из сохранившихся с прежних времен резном позолоченном кресле, откинувшись назад, с сигарой в руке. Пригласил меня пойти посмотреть (в его мастерской я уже однажды был). Я отказался — было как-то неудобно [2].

---

[1] Все до сих пор я записал еще тогда, поэтому этот материал можно считать аутентичным. Значительно позже Мандов напишет воспоминания об этом дне, в которых будет утверждать: «Во время первой нашей встречи я не смог приступить к работе». Видимо, его подвела память. Или же он вел речь о назначенной встрече на субботу, которая не состоялась.

[2] Позже портрет был выставлен на одной из художественных выставок и получил известность. И хотя образ Димитрова довольно статичен и не дает полного представления о характере его личности, была достигнута завидная портретная точность.

В пятницу, 11 июня, Димитров принял в Совете Министров много народу. Прежде всего состоялась продолжительная встреча с А. Оббовым, который после разговора, продолжавшегося около часа, вышел красный. Встреча произошла по настойчивому требованию Оббова. Каких-либо подробностей о встрече не знаю. За ним в кабинет проследовали профессор богословского факультета Цанков и вместе с ним несколько официальных лиц. Принял и скульптора Андрея Николова. В фигуре семидесятилетнего, лохматого, с бородой ваятеля есть что-то первозданное — он крепок и здоров, порой неуклюж в разговоре, естествен и непосредствен в своем поведении, жизненных сил его хватит на пятерых. Волосы его совсем седые, но глаза из-под черных бровей смотрят молодо — из них так и рвется буйный творческий дух. Если бы не глаза, по его фигуре и поведению нельзя узнать в нем, по крайней мере с первого взгляда, творца неповторимого изящества. Мрамор в руках Андрея Николова становится нежным, лиричным, теплым; оживая, он превращается в обаятельные человеческие образы.

Было уже около трех часов, когда тов. Димитров вместе с приглашенным на обед Андреем Николовым отправились во Врану. Мне он велел подъехать к нему для доклада к вечеру. В половине седьмого я уже был там, а они с Андреем Николовым все еще обедали (точнее, беседовали). О чем? Обо всем! Два сильных, жизнелюбивых человека рассуждали об искусстве, не забывая и о политике, находили время и для шуток, громко смеялись.

В субботу вечером я был у молодых строителей, работающих на строительстве физкультурного комплекса. Выступил перед ними с докладом о жизни и деятельности Георгия Димитрова. Работает здесь около 400 парней и девушек. Усевшись кружком на одной из полянок, они слушали с большим интересом. Выступал я целый час. В конце один из командиров сказал, что с таким большим вниманием парни и девушки не слушали до сих пор ни одного выступления — после напряженного дня трудно сидеть на докладе или лекции. Причиной исключительного интереса на этот раз были, разумеется, не мои незавидные ораторские способности, а личность Димитрова, то обстоятельство, что в моем рассказе присутствовали и личные впечатления. После доклада все вокруг минут пятнадцать оглашалось лозунгами, скандированием, песнями, приветствиями в честь Димитрова. Хозяева провели меня по лагерю молодых строителей. Повсюду чистота и порядок, опрятность. Перед каждым бараком — дневальный с винтовкой. Как только появляется командир, дневальный становится по стойке «смирно» (некоторые отдают даже рапорт). Командир —

приветливый, жизнерадостный молодой товарищ. От лагеря у меня осталось прекрасное впечатление. Своими впечатлениями я поделился с товарищем Димитровым.

Вчера в Славовице [1] состоялось большое торжество. Выступали Георгий Трайков и другие министры — члены БЗНС. Присутствовало более 30 тысяч человек. Праздник прошел под лозунгами: «Помнить 9 июня, беречь 9 сентября!», «Димитров и Отечественный фронт осуществляют идеи Стамболийского и успешно продолжают его дело!». Вчера вышел специальный номер газеты «Земеделско знаме» — в качестве передовой опубликована статья Председателя Совета Министров «Строгое предупреждение».

В субботу в Совет Министров пришел один крестьянин-турок из Лудогория. Просит встречи с Димитровым. Я был во Вране и позвонил А. Войнову, чтобы он принял его. Лудогорец рассказал, что, когда Димитров находился в тюрьме, он был солдатом и чем-то ему помог. Поняв, что Димитров не примет его лично, крестьянин ушел. Вообще со старыми знакомыми и друзьями мы встречаем много трудностей. Так как Димитров, собственно говоря, бывал повсюду, встречался и общался с массой людей, многие сейчас приходят (очень часто просто так, без каких-либо просьб, просто увидеться). И хотя физически невозможно принять всех, Димитров, отказывая, всякий раз испытывает чувство неудобства. Некоторым из этих людей отказываем мы, не докладывая тов. Димитрову. Мы принимаем их сами, а после этого передаем ему от них горячие приветы. Когда-нибудь, возможно, он и рассердится за это. Я собираю в отдельную папку все письма его старых друзей и знакомых, которые тем или иным способом восстанавливают события его прошлой жизни. Может быть, придет и их очередь — потребуются.

А просьбы о всевозможных встречах нескончаемы. Так, например, в субботу пришли четыре бывшие артистки; в соответствии с новым актом правительства они получают народную пенсию. Они хотят встретиться с Председателем Совета Министров, чтобы поблагодарить его лично за такую исключительную заботу. Они принесли огромный букет цветов. Букет я отправил во Врану, а благодарности передал при первом удобном случае.

Неожиданно очень остро встал вопрос об иностранных школах в Болгарии. Это был один из забытых участков, положение на котором оставалось таким, каким оно было во времена буржуазно-фашистской власти. Поступил доклад доктора Кирила

[1] Село Славовица — родина лидера БЗНС А. Стамболийского, убитого 14 июня 1923 г., через несколько дней после фашистского переворота.— *Прим. перев.*

Драмалиева, министра народного просвещения. (Была ли это его инициатива или он выполнял поручение — я не понял.) Оказалось, в Болгарии существуют семь французских коллежей и по одной американской, итальянской и австрийской гимназии с общим количеством 1952 учащихся. Преподавание во французских коллежах и в австрийской и итальянской гимназиях ведется главным образом духовными лицами. Учатся в них дети бывших торговцев, промышленников, высокопоставленных государственных чиновников и т. п. Обучение религиозное, реакционное и схоластичное и направлено против народной власти. Учение Дарвина не преподается, а происхождение человека толкуется от Адама и Евы; отношение к Отечественному фронту враждебное, РМС и ЕМОС [1] могут работать лишь нелегально. Автор доклада предлагает с начала нового учебного года закрыть в стране все иностранные учебные заведения — «это позорное наследие раболепствовавших перед империалистическими державами буржуазных правительств. Таким образом, мы лишим зарубежную реакцию возможности готовить в среде подрастающего поколения своих агентов в нашей собственной стране». Закрытие их можно произвести с помощью закона о народном образовании, проект которого в настоящее время подготавливается для внесения в Народное собрание.

Председатель Совета Министров познакомился с этим документом и направил его членам Политбюро.

Погода по-прежнему продолжает оставаться скверной. Вчера дождя как будто и не было (всего один день!), однако ночью прошел проливной. Загремел чудовищный гром, раздался такой страшный треск и грохот, что в окнах зазвенели стекла. Эта вакханалия природы продолжалась довольно долго. Сегодня (речь идет о понедельнике, 14 июня) по-прежнему пасмурно.

Усиленно идет подготовка к уборке урожая.

На рынке, однако, снова исчезли многие продукты, в том числе зелень, что вызвало негодование даже в прессе.

17 июня 1948 г., четверг

14.VI в Народном театре состоялось торжественное заседание, посвященное 25-й годовщине со дня смерти Стамболийского. Присутствовал и Председатель Совета Министров. С докладом выступил Георгий Трайков, который высоко оценил Стамболий-

---

[1] Единый молодежный общеученический союз — массовая антифашистская организация молодежи в средней школе Болгарии. Была создана весной 1945 г., существовала до объединения молодежных организаций в Союз народной молодежи в декабре 1947 г.— *Прим. перев.*

ского как крупного народного деятеля, борца за республику, против Фердинанда и монархии. Вместе с тем докладчик не только не умолчал, а, напротив, очень серьезно остановился на всех ошибках, имевших место в период правления Стамболийского. Вина за допущенный 9 июня переворот лежит и на коммунистах, сказал Трайков, но основная причина переворота кроется в политике правительства Стамболийского. Впервые земледелец выступает с самокритикой деятельности Земледельческого союза. Докладчик привел и некоторые новые факты, которые были встречены присутствующими с большим интересом. За два месяца до переворота генерал Вылков, один из организаторов переворота, будущий палач Сентябрьского восстания, был включен в число лекторов для выступления перед слушателями какой-то школы, организованной Земледельческим союзом. С помощью новых данных Трайков раскрыл роль в свержении Стамболийского земледельческих лидеров Недялко Атанасова, Христо Стоянова, Муравиева и Гичева.

После доклада товарищ Димитров пригласил министров — членов БЗНС в свою ложу. В завязавшемся разговоре речь зашла и о выпавших в последнее время проливных дождях, и о причиненном ими большом ущербе. Товарищ Димитров сказал Г. Трайкову:

— Обратите внимание, что нужно будет включить в пятилетний план работы по регулированию всех эти речушек и ручьев, приносящих сегодня много бед. Мы в последние три засушливых года забыли о них, но сейчас они напомнили нам о себе, показывают, что способны принести большие беды.

Во вторник, 15.VI, в половине седьмого вечера, я был на докладе. Сразу после этого Димитров принял делегацию деятелей культуры — писателей, журналистов, артистов и т. д. У них какие-то вопросы в связи с законом об общем доходе.

В среду (16.VI), с 10 часов утра, началось большое заседание Политбюро, продолжавшееся до вечера. И поскольку чрезвычайно важная повестка дня не была рассмотрена полностью, заседание отложили на сегодня, а назначенное заседание Совета Министров перенесено на пятницу, 18 июня,— день рождения тов. Димитрова. Он сам назначил заседание на этот день. Заседание Политбюро в среду продолжалось так долго не случайно: не надо быть пророком, чтобы предсказать, что оно будет иметь историческое значение. Обсуждались основные положения проекта пятилетнего плана. Докладывал Добри Терпешев. В процессе обсуждения боролись и переплетались между собой реализм и романтизм; нужно было не допустить увлечения и отрыва от земли; но нельзя было из-за боязливости и остановиться посреди пути;

нужно, чтобы трезвая расчетливость и смелый полет мысли шли рядом; каждому хотелось, чтобы мы продвигались вперед как можно быстрее, и вместе с тем каждый понимал, что в спешке можно допустить больше всего ошибок: не хватает опыта, ничтожна исходная база, поэтому и обсуждали долго, горячо, углубленно. Вопрос перенесен на завтра в Совет Министров.

Я был дежурным, и это заставило меня сидеть допоздна. Несмотря на это, я узнал только часть того, что произошло. Такая уж у секретаря судьба — много видеть, мало знать. Видел, например, Вильгельма Пика и Отто Гротеволя — двух сопредседателей Социалистической единой партии Германии. Сегодня (17.VI) они прибыли в Болгарию. Посетили в Будапеште Объединительный съезд коммунистической и социал-демократической партий, проехали через Бухарест, а сейчас вот в Софии. Перед ними стоит задача — побывать во всех балканских (и не только балканских) странах народной демократии. Они «прибыли в нашу страну,— говорится в сообщении, переданном нами для публикации,— для встреч и бесед с нашими ответственными хозяйственными руководителями, с тем чтобы создать предпосылки для ведения официальных переговоров между болгарским правительством и Германской экономической комиссией в Берлине. Это первая после войны попытка установления болгаро-немецких торговых отношений». Миссия в действительности намного шире. Товарищ Димитров незамедлительно встретился с высокими гостями. Вильгельм Пик и Отто Гротеволь подробно информировали болгарское партийное руководство о положении дел в настоящий момент: об усиливающемся стремлении западных сил сколотить из трех оккупационных зон западногерманское государство; о возрождении и активизации в западных зонах шовинизма, реваншизма и милитаризма; говорили и о положении в восточной (советской) зоне — о больших трудностях там, отсутствии кадров, экономической разрухе, отравленном у немалой части населения сознании; и все же уже появляются признаки стабилизации положения, укрепления самосознания. В существующих условиях именно восточная зона — вопреки всем неимоверным трудностям — должна стать символом и основой новой Германии — миролюбивой, демократической, народной. Уточнялись и те взаимоотношения, которые должны постепенно складываться с нашей страной для того, чтобы ответить — и экономически и политически — на это веление времени. Наше руководство отнеслось с полным пониманием к этому и выразило полную готовность оказывать помощь в меру своих сил.

Сегодня целый день звонят телефоны — различные организации и лица хотят нанести тов. Димитрову визит и поздравить его в связи с днем рождения. Вчера вечером и я спросил его снова, какие мероприятия будут проводиться завтра, но он сказал мне нерешительно:

— Посмотрим. Может быть, к вечеру приму кого-нибудь.

Ничего более конкретного. Не ведется и никакой подготовки. Позавчера он еще раз предупредил о публикациях в печати:

— Не нужно делать в связи с этим ничего особенного. Достаточно, чтобы поместили некоторые из моих высказываний по различным поводам.

19 июня 1948 г., суббота

18 июня началось, как обыкновенный будничный день, но закончилось необычно.

Рано утром я сообщил Димитрову, сколько человек, какие организации и группы хотят посетить и поздравить его.

— К сожалению,— сказал он с горечью в голосе,— я не смогу их принять.— Помолчал, а потом добавил: — Но нельзя так отталкивать людей. Некоторые из них старательно готовились... Организуйте так: вы, один товарищ из ЦК (может быть, Катя Аврамова) и товарищ из Национального совета, скажем Тачо Даскалов, встречайте делегации в Совете Министров. Принимайте их поздравления и благодарите от моего имени. Просите людей извинить меня за то, что не могу принять их лично.

Я позвонил Кате Аврамовой и Тачо Даскалову; они пришли, и мы втроем в маленьком зальчике, расположенном влево от главной лестницы, начали принимать людей от имени тов. Димитрова.

Назначенное на сегодня важное заседание Совета Министров состоялось во Вране. Длилось оно (с небольшим перерывом на обед) почти целый день. Рассматривались принципиальные положения пятилетнего плана. Повторилась та же картина, что и в среду: активность, страстные споры, светлая вера. Председатель Совета Министров в конце заседания обобщил выступления и определил главные направления. Они содержатся в кратком документе, составленном окончательно им сегодня:

> «Письменные указания Совета Министров Государственной плановой комиссии о духе и направлениях, в которых необходимо переработать проект пятилетнего государственного народнохозяйственного плана:

Совет Министров предлагает Государственной плановой комиссии переработать разработанный пятилетний государственный план, исходя из следующего:

1. Общая сумма национального дохода за пятилетку, предназначенная на капиталовложения, определяется за пять лет в 400 миллиардов левов.

2. При распределении этой общей суммы по отдельным отраслям народного хозяйства обеспечить окончание уже начатых объектов и таких новых объектов, которые *абсолютно необходимы* для развития тяжелой промышленности, использования подземных и лесных богатств, для развития энергетики, мелиорации, экспортной промышленности, трудовых кооперативных земледельческих хозяйств, животноводства и рыболовства, путей сообщения, народного здравоохранения, для удовлетворения нужд культуры и просвещения и улучшения быта трудящихся в течение предстоящих пяти лет.

3. Предусмотреть более значительное увеличение производительности труда.

4. Предусмотреть строжайшую экономию производственных и административных расходов.

5. Предусмотреть включение в производство (в промышленность и другие отрасли) миллионов рабочих рук из числа сельского населения, которые сейчас, по существу, не заняты в сельском хозяйстве.

6. Предусмотреть развитие и широкое использование кустарного производства и всех местных ресурсов страны.

19. VI 48 г.

Г. Дим.».

Председатель Совета Министров обедал вчера, в пятницу, вместе с товарищами Пиком, Гротеволем и министрами.

Пока Совет Министров занимался эпохальным делом, делегации и отдельные лица шли и шли в здание Совета Министров. Мы, трое, исполняли, как могли, свою деликатную миссию. Особенно большая группа прибыла из Ковачевцев — около 40 человек,— в составе которой были преимущественно женщины. Прибыл и дедушка Евтим, наш старый знакомый, который однажды уже был у Димитрова. Мы выглядели не слишком представительными, и прибывшие из Ковачевцев не хотели и слышать, что не смогут встретиться с Димитровым. Они начали нас упорно и настойчиво убеждать, что им непременно нужно лично увидеться с ним. Особенно настойчивым был старый Евтим:

— Ведь женщины специально готовились. Нам нужно сказать ему кое-что.

— Мы несколько ночей не спали, волновались,— подала голос какая-то молодка.— Так готовились! Вы ему только скажите, что мы из Ковачевцев, он найдет время.

— Об урожае ему надо сказать,— продолжал нас убеждать дедушка Евтим. На нем штаны из грубого домотканого сукна и такой же сюртучок. Он сгорбленный, седой, но речь у него так и течет.

— Что же вы ему скажете об урожае?

— А вот когда были мы у него до этого, сказали ему, что будет очень хороший урожай, а тут, как на грех, погода испортилась, колос не налился, дождей много... Чтоб знал...

С большим трудом нам удалось уговорить их передать нам все, что они принесли. А дедушке Евтиму, Димитру Николову и одной-двум женщинам разрешили остаться и присутствовать вечером на ужине во Вране. Разумеется, приглашение не для всех, но и это было утешением. Из Враны нам действительно сообщили, что будет организован ужин. Занимаясь его подготовкой, уже давно суетился Банчев — надо было уточнить список официальных лиц, деятелей культуры и старых товарищей — всех, кто будет приглашен.

...Пришла очередь и детей из 1-й прогимназии. Они подготовили целую программу и самым добросовестным образом выступили с нею перед нами. «Мы принесли Вам привет тысяч сентябрят, желаем Вам здоровья и бодрости...» — начали бойко ребята. Один мальчик прочел стихотворение «Димитров» поэта Божидара Божилова. А в конце встречи какая-то девчушка строго нам наказала: «Все передайте точно товарищу Димитрову». Мы пообещали, что все будет передано в точности. Угостили ребят конфетами. Прибыл с приветствием и коллектив самодеятельности греческих эмигрантов, в котором тоже было несколько детей. Многие группы приходили с подарками. Студенты первого курса Художественной академии, ученики проф. Ивана Ненова, выполнили мозаичный портрет Димитрова.

Один за другим прибывали и дипломаты, чтобы передать свои приветствия. Они расписывались в специальной книге. От британского посольства, например, приехали сразу три дипломата: один из англичан довольно сносно говорил по-болгарски — неудобно было его спрашивать, где он так поднаторел, но, пока мы обменивались взаимными любезностями, у меня слегка жгло внутри.

— Кто знает, сколько лет и где его готовили к работе в Болгарии,— сказала Катя Аврамова после его ухода.

— Когда говоришь с ними, надо смотреть в оба,— прибавил бай-Тачо Даскалов.

К вечеру, когда поток посетителей иссяк и некоторых из них мы направили передать свои поздравления лично, я отправился во Врану. Еще накануне мы, сотрудники кабинета, подготовили свой приветственный адрес. Вошли, вручили его, преподнесли букет цветов. Последовали поздравления от Партийной школы. На приветствия сотрудников МВД Димитров ответил весьма характерно, и я записал его слова:

— Вы отмечаете мое 66-летие. А я каждый день учусь, учусь у народа, учусь у истории болгарского народа, учусь у всех вас. Особенно я учусь у Стамболийского, учусь на его ошибках и слабостях; каждый день смотрю, не произошло бы чего, не допустили бы мы ошибки, как Стамболийский.

Делегации социал-демократов он сказал:

— Сегодня мы обсуждали нашу пятилетку. Отвечая благодарностью на ваши сердечные товарищеские приветствия, хочу лишь пожелать вам быть всем здоровыми и бодрыми, прожить еще две-три пятилетки, чтобы увидеть построенное социалистическое общество. А если сможем привнести в него и кое-что еще от коммунизма, будет еще лучше. Его будут строить наши дети.

Сказал несколько слов и о слиянии — в ближайшее время «будем работать вместе».

— Тогда,— сказал он,— и дела Отечественного фронта пойдут лучше, и строительство у нас будет идти быстрее.

Один за другим прибывали гости. Бабушка Мария Терпешева обняла его и преподнесла ему букет цветов. В саду, где собирались гости, был и дедушка Евтим со своей дочерью — крепкой крестьянкой средних лет. Они отошли в сторонку, но тов. Димитров, увидев их, направился прямо к ним. Он уделил им много времени, проявил большое внимание. Любопытное было зрелище — в саду собрались министры и дипломаты, профессора и депутаты, а Димитров с увлечением разговаривал с крестьянином и крестьянкой.

— Ты, Георгий, должен приехать в село! — снова настаивал дед Евтим.

— Хочу непременно побывать. Хочу увидеть поле, на котором я родился. Я ведь родился в поле.

Появились наши почетные гости — Пик и Гротеволь. Предупрежденный нами, Димитров заторопился им навстречу. Схватил его и Пик в братские мужские объятия.

— Еще раз желаю... сто лет,— слышал я отдельные слова то по-русски, то по-немецки.

Обнял его и тепло поздравил и Гротеволь.

Вот прибыли и участники эстафеты, встреченные самим Председателем Совета Министров. Она закончилась вчера вечером на площади 9 Сентября, где ее вышли встретить тысячи людей. Состоялся митинг. Оказалось, что по различным маршрутам эстафеты прошло более 175 тыс. человек. Вместе с участниками последних этапов во Врану прибыла и делегация молодежных и физкультурных руководителей, всего 25 человек, югославские молодежные и спортивные деятели и другие. Один за другим передавали в нескольких словах свои приветствия участники последних этапов эстафеты со всех ее маршрутов — рабочие, студенты, школьники, воины, пограничники, члены строительных бригад, крестьяне, посланцы молодого поколения национальных меньшинств, представители мобилизованных на трудовые работы, югославские гости, сентябрята... Восторженные, искренние, сердечные! Такой порыв трогательных чувств, столько откровенности, искреннего волнения и нескрываемой радости! Вот один сентябренок из Видина подходит и дарит от имени своих товарищей две украшенные выжженными узорами шкатулки. Другой мальчик вручает букет. Третий сентябренок — снова букет. Юноша-строитель преподносит металлический факел, доставленный сюда от самой южной границы. Поздравление от строящегося Димитровграда вручает тоже молодой строитель. Девушка с завода им. Первого мая в Варне, студент, молодой турок из Русе. Товарищ Димитров отвечает самыми сердечными словами, которые в такой обстановке, торжественной и эмоциональной, произвели на всех нас неизгладимое впечатление.

Он благодарит, а потом говорит:

— Сегодня в Совете Министров мы обсуждали основные направления нашего будущего пятилетнего плана. Оценив материальные силы и возможности нашей страны по выполнению такого грандиозного плана, мы остановились на том, что, поскольку мы еще бедная страна и поскольку наши материальные ресурсы не настолько велики, как это необходимо, чтобы наша страна развивалась по пути социализма, то нам надо ориентироваться прежде всего на фактор, который называется субъективным. Это труд народа, и в первую очередь его молодежи! Молодежь, ее физические и моральные силы, ее героизм и исключительный энтузиазм будут одним из решающих факторов осуществления пятилетнего народнохозяйственного плана. Я желаю вам быть здоровыми и бодрыми, все лучше и лучше развиваться физически, расти, расти во всех отношениях, и особенно идейно-политически, укреплять свою волю, выносливость, накапливать знания, повышать мастерство. И, как гласит ваш лозунг, работать и

быть начеку, с помощью спорта и физкультуры готовиться к труду и обороне.

Заканчивая, он высказал особую благодарность представителям югославской молодежи.

Предварительно составленного списка присутствующих как не бывало. На ужин были приглашены все, кто пришел поздравить товарища Димитрова в этот вечер. Ужин начался. Его старейшина сумел найти такой тон, что все пошло как нельзя лучше; хорошей шуткой или веселой репликой он предоставлял слово для тоста то одному, то другому. Естественно, первое слово было предоставлено Василу Коларову. Он встал.

— Сегодняшний день — радостный и вместе с тем серьезный день.

Коларов говорил, что мы «на пути к осуществлению социализма, о котором с древнейших, незапамятных времен мечтают все трудящиеся, все лучшие люди, цвет человечества». «Мы с гордостью отмечаем, что наш народ именно в этот решающий момент его истории возглавляет товарищ Георгий Димитров, который вышел из глубин нашего народа и всю свою жизнь посвятил служению ему, воплощая в себе весь опыт и творческий гений нашего народа...» «Наш маленький народ показывает сегодня пример, к которому присматриваются и другие народы и от которого они возьмут лучшее для своего прогрессивного развития. Это обстоятельство в еще большей степени повышает роль товарища Димитрова, который не только стоит во главе болгарского народа, но и служит примером творческого решения возникающих проблем, имеющего значение не только для нашего, но и для ряда других народов».

— Предлагаю,— заключил оратор,— наполнить бокалы и выпить за здоровье товарища Георгия Димитрова.

Кому, как не представителю ВКП(б), великого Советского Союза, К. Левычкину полагалось предоставить после этого слово.

— Жизнь Георгия Михайловича,— сказал он,— принадлежит не только болгарскому народу, хотя он и является его сыном; его жизнь принадлежит всему прогрессивному, революционному человечеству.

Георгий Трайков поднял бокал и предложил «выпить до дна за то, чтобы вождь нашего народа, вождь нашей родины в предстоящем году был еще моложе», чтобы «66-летний Димитров был моложе и жизнерадостнее 65-летнего».

Димитров рассмеялся:

— В следующем году еще моложе!

— Эта бьющая ключом энергия,— продолжал Трайков,— результат не только заботы партии о его здоровье, но и следствие его внутреннего удовлетворения, радости видеть, как на деле осуществляется то, за что он всю свою жизнь боролся и страдал.

Поднялся Вильгельм Пик.

— Дорогие друзья, мы совершенно случайно попали на это торжество по случаю дня рождения товарища Димитрова.

Пик сказал, что завтра они с Гротеволем возвращаются в Берлин «после большой победы, большого успеха». «Нам удалось восстановить дружеские связи с болгарским народом и Болгарской рабочей партией». «Мы извлечем большую пользу из опыта и примера Болгарии, из опыта Болгарской рабочей партии для демократического развития нашей собственной страны». «Нас очень радует, что мы увидели нашего старого друга и товарища в расцвете сил».

Руководитель немецких коммунистов сказал:

— Рядом с творцами марксизма-ленинизма стоит и имя товарища Димитрова, который своей мужественной борьбой очень помог немецкому народу найти в себе силы и выступить против фашизма. Немецкий народ никогда не забудет победы, одержанной товарищем Димитровым на Лейпцигском процессе. Он сумел внушить прогрессивной части нашего народа, что народ непременно сумеет справиться с фашистским зверем. Прошу поднять бокалы и выпить за здоровье и долгие годы жизни Георгия Димитрова.

Такой высокой оценки Георгию Димитрову до сих пор не давал никто. Эта оценка имеет особое значение, так как принадлежит одному из самых выдающихся деятелей мирового коммунистического движения.

Наконец начал свой тост Гротеволь:

— Позвольте мне дополнить сказанное товарищем Пиком. Мы познакомились в Болгарии с ее самой могучей силой.

И он рассказал, как утром они были на Витоше и встретились с молодежью, строящей автостраду. Она-то и есть «самая могучая сила Болгарии»!

— Вероятно, эта дорога, которую молодежь строит через гору,— продолжал Гротеволь,— является символом движения Болгарии вообще. Народ, имеющий такую молодежь, может быть спокоен за свое будущее. Воля и упорство, которые товарищ Димитров вкладывает в строительство вашей республики, множатся стократно в сыновьях и дочерях вашего народа. И если позволите мне, прежде чем сказать «до свидания» болгарскому народу, я хочу провозгласить девиз молодежи: «Вперед с Георгием Димитровым»!

Этот призыв Гротеволь произнес на ломаном болгарском языке среди веселого оживления всех присутствующих.

Я не сказал до сих пор, что Пика и Гротеволя сопровождает в поездке заведующая Отделом кадров ЦК СЕПГ Грете Кайльзон. Молодая коммунистка, активистка КПГ, она была сотрудницей и секретарем тов. Димитрова, когда он возглавлял Западноевропейское бюро Коминтерна; эту работу она продолжала и в период прихода к власти Гитлера, поджога рейхстага и ареста Димитрова. Была эмигранткой в Советском Союзе. Сейчас ей 42—43 года, это приятная, интересная женщина [1].

Тодор Павлов вручил от имени Болгаро-советского общества памятный адрес и украсил грудь Димитрова высшим отличием общества — золотым значком.

На торжество были приглашены певцы, чтобы приветствовать товарища Димитрова хорошей песней. Со стороны парка, от входной двери, у которой они расположились, в тишине мягкого июньского вечера раздался вдруг сильный, красивый женский голос:

Гордо Стара-Планина
Устремила взор вперед.
Рядом Витоши вершина
Подпирает небосвод.

Хор тотчас подхватил мелодию:

Ты нам, родина, словно рай земной.
Как прекрасен, как чудесен
Образ милый твой! [2]

Такого исполнения песни «Милая родина» мне до сих пор не приходилось слышать. Только сейчас я понял, как прекрасна, неоценима, пожалуй, самая лучшая болгарская песня «Милая родина»! Не знаю, кто ее автор, но с такой песней мы везде можем выступать достойно [3].

Товарищ Димитров сказал:

— Предлагаю поднять тост за наших прекрасных певцов.

Потом Димитров тихо и сердечно поблагодарил всех за дружеские поздравления. Он сказал, что это чествование — прежде

---

[1] О 18 июня 1948 г. она позже напишет: «Поскольку я стольким обязана Георгию Димитрову, эта последняя встреча с ним — одно из самых дорогих для меня воспоминаний».

[2] Перевод Г. Чернейко.— *Прим. ред.*

[3] Эта песня с некоторыми изменениями в тексте является в настоящее время Государственным гимном НРБ.— *Прим. перев.*

всего дань уважения Рабочей партии (коммунистов), нашему трудовому, вольнолюбивому народу, «плотью от плоти и кровью от крови которого я всегда себя считал».

Если бы кто-нибудь попытался, продолжал Димитров, отделить меня от партии и народа, рассматривать меня как какую-то отдельную личность, развившуюся и выросшую вне этой партии и отдельно от нашего народа, он, разумеется, допустил бы большую ошибку... Могу заверить вас и в вашем лице всю нашу общественность Отечественного фронта и наш народ, что, что бы ни случилось, какие бы превратности ни приготовила судьба, что бы ни случилось со мною, до конца моих дней одно останется несомненным: я не подведу нашу партию, наш народ, не обману его надежд. И так же, как я старался это делать всю свою жизнь, так и сейчас со всем усердием и старанием я буду продолжать служить им до конца.

Он говорил всего-навсего несколько минут, много слов не сказал: едва набралось три страницы, когда расшифровали. Но кажется, что по глубине мысли, по мудрости они бездонны. Какой красоты речь! Снова верный себе, Димитров перенес слушателей из роскошного зала дворца в среду бедняков Ковачевцев и Ючбунара, где он рос 50—60 лет тому назад, вспомнил безрадостное прошлое, в котором начинался его путь. Только сильные духом люди могут позволить себе такие повороты.

— Вы знаете, что я сын нашего народа. Мой отец был сельским и полугородским ремесленником, который так разорился к концу жизни, что стал рабочим. Мать же моя была сельскохозяйственной работницей... Я вскормлен молоком женщины-труженицы, связан кровно, неотрывно, со дня моего рождения с нашей родной землей и трудом. Так я и рос.

Он рассказал, через какие трудности прошел, как, вопреки всему, в течение всего времени учился и накапливал знания. Свое «среднее образование я закончил в школе Благоева и получал уроки от жизни. Помню, годы подряд я не ложился, не подведя итог тому, что сумел узнать за день». «Однако свое высшее образование, без которого я не смог бы стать тем, кем я стал, я получил уже в другой школе, бывшей в известной степени продолжением первой. Это была школа великого Ленина».

— Есть люди,— сказал Димитров,— которые считают, что можно идти вперед без борьбы. Весь исторический опыт показывает, что это неверно. Моя личная жизнь, когда я анализировал ее, говорит о том, что ничего нельзя достигнуть без борьбы — борьбы против гнилого, против привычек старого, борьбы за овладение достижениями науки. Борьба, борьба и борьба! Без борьбы невозможно наше развитие, без борьбы против остатков

прошлого, без борьбы против эксплуататорских элементов в нашей стране и против остатков капиталистических пережитков нельзя идти вперед и невозможно преодолеть те трудности, которые стоят на нашем пути.

В конце речи он поднял «бокал за великое учение марксизма-ленинизма».

Все встали, подняли бокалы. Димитров прошел вдоль столов и со многими чокнулся. Сентябрята с полными фужерами содовой подошли к нему — и им хотелось чокнуться. Он встретил их с улыбкой, приласкал, заговорил с ними.

Все вышли в сад. Его окружали то одни, то другие товарищи. Снова зашла речь о том, что он хорошо выглядит. А он и шутливо и серьезно сказал памятные слова:

— Никогда я не чувствовал себя старым! Это, может быть, даже немного и опасно — не признаваться себе, что понемногу стареешь.

Потом обратился к окружавшей его молодежи:

— Чувствуйте себя молодыми! Молодыми! И останьтесь такими молодыми и жизнерадостными для работы и... (есть еще четыре слова, которые я не смог расшифровать в своей стенограмме.— *Н. Г.*).

Танцевальная группа закружила несколько задорных хоро. Артисты играли и пели. Все смотрели кинофильм. Торжество закончилось в пятом часу утра. Димитров проводил всех гостей и часов в пять ушел спать.

[Возникает законный вопрос, почему так получилось: указания Димитрова были ясными и категоричными, а вопреки этому и митинг состоялся на площади, и осталась связанная с его днем рождения эстафета? Политик часто подчинен обстоятельствам. Какой бы большой личностью он ни был, какой бы высокий пост ни занимал, политический деятель очень часто поступает не сообразно своим желаниям и пониманию, а в соответствии с велением условий. И этот случай не был исключением. Без предварительного согласия Димитрова мероприятия набрали инерцию, им была дана широкая публичная гласность. Вот какие соображения были учтены при обсуждении вопроса в одной из наших руководящих инстанций. Димитров был ознакомлен с ними. Такое уж было время; у него были свои измерения.

Много еще можно рассказать о вчерашнем событии. Весь день поступали телеграммы.

Как хорошо написал Елин Пелин:

«С глубоким уважением к Вам беру я перо, чтобы поздравить Вас с Вашим 66-летием. Эти годы прошли в беспрестанной борьбе за самый возвышенный идеал человечества. Вы счастли-

вы, что дожили до той поры, когда видите победное торжество этой длительной Вашей борьбы и осуществления Вашей заветной мечты.

От всего сердца желаю Вам прожить еще много лет здоровым и бодрым на благо нашего народа и увидеть Ваше дело мира и социализма окончательно укрепившимся».

Крыстю Сарафов назвал его «смелым созидателем нашего всенародного счастья, славы и гордости болгарского народа»; семья Кимона Георгиева пожелала: «Много, много счастливых лет...»

Андрей Николов пожелал: «Прожить еще много таких лет, чтобы радоваться торжеству труда и разума и полному осуществлению самого высшего общечеловеческого идеала мира, братства и благоденствия».]

Часть шестая

Ор. Василев и «Тревога», Л. Пипков и «Момчил» и Г. Димитров; среди участников молодежных строительных бригад на Витоше и в Детском городке; Адр. Будевская в Болгарии; заседания Политбюро в июле; XVI пленум ЦК и его уроки; за созыв съезда партии; союзный договор с Венгрией; злодеяния международной реакции

23 июня 1948 г., среда

В прошлую субботу тов. Димитров дал указание организовать в воскресенье вечером прием от имени правительства по случаю Праздника физкультуры.

— Нужно,— велел он,— пригласить на него некоторых деятелей культуры, общественных, старых партийных и профсоюзных деятелей — таких, как Коджейков...

Когда мы передали ему список, он добавил имена Йордана Милева, профессора Петко Стайнова и его жены — писательницы Аны Каменовой, профессора д-ра Ораховаца и других.

Выполнение его нового поручения, поступившего в последний момент, требовало много времени, а у нас его не было, не хватало и служебного персонала... Кроме того, накопилось много срочных документов. Мы настаивали, чтобы Председатель Совета Министров выделил время принять нас для доклада.

— Хорошо, хорошо,— сказал он,— приходите сегодня вечером в Народный театр.

В субботу он смотрел в нем пьесу «Тревога». Когда я вошел в театр, заканчивался последний акт. В этой пьесе говорится о периоде Сопротивления, но в центре ее действия показано не само Сопротивление, а идейный разброд в семье мелкобуржуазного интеллигента. Живя в замкнутом мирке достатка и самодовольства, она оторвана от действительности, не проявляет никакого интереса к политическим событиям. Но вспыхнула война, народ поднялся на вооруженную борьбу. В водоворот событий

неожиданно вовлекаются все. Сын — молодой офицер — командует карательным отрядом, ведущим борьбу против партизан, подвергает садистским пыткам беззащитных крестьянок и крестьян — участников антифашистского Сопротивления. Отец, занимающий позиции неучастия в общественной жизни, узнает, что его любимый сын подвизается в роли палача. Происходит мучительная переоценка ценностей.

В правительственной ложе я увидел автора пьесы Орлина Василева и директора театра Георгия Караславова. Орлин Василев — писатель-коммунист среднего поколения — уже известен как автор рассказов и повестей... Когда опустился занавес, публика устроила горячие овации артистам, а потом начала аплодировать еще сильнее, увидев в левой ложе автора пьесы и стоящего рядом с ним Председателя Совета Министров. Димитров пожал руку Орлину Василеву, привлек к нему внимание зрителей, а сам отошел назад. Орлин Василев пытался последовать за ним, но Димитров посоветовал ему остаться на месте.

В фойе Димитров одобрительно отозвался о пьесе, поздравил автора, но все же сделал это с известной сдержанностью.

— Чувствуется,— сказал он, между прочим,— отсутствие рабочего элемента, рабочего класса. Можно было вместо одного из этих мелких буржуа или интеллигентов показать многодетного рабочего, чья жена проявляет колебания, боится. Это было бы типично и характерно.

В театре мы — трое помощников Г. Димитрова — доложили ему о накопившихся документах.

Праздник физкультуры, отмечавшийся в воскресенье, превратился в чудесные народные гулянья. В 10 часов началась манифестация на бульваре Царя Освободителя, а пополудни на стадионе «Юнак» были показаны спортивные упражнения.

Ровно в 10 часов утра товарищ Димитров занял место на трибуне, сооруженной перед зданием Народного собрания. Был дан сигнал, и началось прекрасно организованное шествие стройных колонн. Глядя на проходивших спортсменов, всякий мог лишний раз убедиться, что физкультура действительно является синонимом красоты. Шеренги подтянутых, крепких юношей и девушек, выверенный, свободный шаг, кисти рук, поднимающиеся при взмахе на уровень плеч, жизнерадостные лица, смеющиеся глаза, мощное «ура!», бодрые песни — все говорит о том, что в нашей жизни появилось нечто новое, может еще и не завладевшее всем народом, но уже давшее прекрасные семена, которые завтра

взойдут во всех уголках нашей страны. Смотришь на эту демонстрацию — и на душе становится радостно, легко, свободно. Здесь видишь настоящую, бьющую ключом жизнь. Особое впечатление произвели бойцы с винтовками: их чеканный шаг и молодецкая песня вызвали восхищение. Чувствуется: болгарский народ полон решимости защищаться и, сплотившись, стать крепким как гранит.

Возможно, все это не понравилось некоторым дипломатам.

Товарищ Димитров все время приветствовал демонстрантов, а затем был на стадионе «Юнак», где спортивная программа продолжалась почти пять часов. Он с большим интересом наблюдал за упражнениями, иногда вставал и долго аплодировал.

Когда Димитров направлялся к выходу, его внезапно окружили откуда-то появившиеся дети. Они начали здороваться с ним за руку. Это была трогательная картина. Один карапуз двух-трех лет, вдруг возникший перед ним, самоуверенно заявил: «Я тебя давно ишкал!» Раздался дружный смех. «Это мои самые лучшие и искренние друзья»,— сказал Димитров, обращаясь к одной из матерей.

В 21 час начался прием в Совете Министров. Он был особым — присутствовали почти одни физкультурники, участники молодежных строительных бригад и сентябрята. Не прибыла половина приглашенных официальных лиц, хотя их количество и без того сократили до ста человек. Товарищ Димитров оказался в основном среди молодежи. Сентябрята пели песни, плясали хоро. Он фотографировался с ними, со многими здоровался за руку, разговаривал. Потом попросил открыть помещение, где состоялся ужин, а сам продолжал беседовать в том же зале. Позднее ненадолго вышел в зимний сад. Димитров находился вместе с молодежью до половины первого ночи.

На родину возвратилась знаменитая болгарская актриса Адриана Будевская, приезда которой все так долго ждали. В аэропорту ее встретили председатель Комитета по делам науки, искусства и культуры, Александр Обретенов и Георгий Караславов.

О ее встрече немедленно сообщили Георгию Димитрову, который попросил передать ей добрые пожелания. Димитров заботился о создании для Будевской хороших бытовых условий в Софии. Были приняты меры для того, чтобы ее хорошо обеспечили жильем и материально. Решением правительства ей недавно присвоено звание народной артистки. Она будет жить у своих близких родственников.

25 июня 1948 г., пятница

В среду нам сообщили, что скончалась учительница из села Выршец, пламенная коммунистка Донка Станчева, которая укрывала товарищей Димитрова и Коларова во время Сентябрьского восстания 1923 г. и спасла им жизнь. Я немедленно сообщил товарищу Димитрову, который поручил организацию ее похорон Женскому союзу и Союзу борцов против фашизма. По его просьбе к ее могиле был возложен венок от его имени.

В сентябре 1923 г., удачно миновав Петроханский перевал по пути к центру восстания, городу Фердинанду[1], Коларов и Димитров вынуждены были остановиться недалеко от села Выршец и искать пристанища. Они успели добраться до дома Донки Станчевой. Полиция, перевернувшая все вверх дном в поисках двух опасных противников режима, блокировала село и начала повальный обыск. Дошла очередь и до Донки Станчевой. Не найдя никого в ее комнатах, полицейские спустились в подвал, где скрывались Коларов и Димитров позади сложенных вдоль стены поленниц. Но поленья уложены так тщательно, как выкладывают только кирпичи, и нет никаких признаков, что за ними скрываются люди. Полицейские начинают разбирать поленницу, но это им показалось слишком изнурительным. Вскоре они прекратили поиски. Коларов и Димитров благополучно покинули село, добрались до Фердинанда и приняли на себя руководство восстанием.

С утра до вечера продолжалось заседание Политбюро, на котором рассматривались очень важные вопросы.

В 19 часов Димитров начал смотреть кинохронику. Он снова попросил, чтобы перед фильмами ему регулярно показывали киноочерки.

— Нужно,— сказал он,— чтобы в киножурналах всегда (он повторил — всегда) были документальные кадры из жизни всех наших братских стран...

С 20 до 22.30 Председателю Совета Министров его помощники А. Войнов и Н. Начев докладывали о решениях правительственных комитетов и другие документы Совета Министров. Попытался войти для доклада и я, но товарищ Димитров встретил меня словами:

— Больше не принимаю. Оставьте на завтра.

Но так как у меня были срочные вопросы, он разрешил доложить о нескольких документах. В этот вечер он казался жизнерадостным, добрым, бодрым, но чувствуется, что очень напря-

---

[1] Фердинанд — ныне Михайловград.— *Прим. перев.*

жен. В подобных случаях он говорил о своем состоянии: когда возникают трудности, большие препятствия, я не унываю, а еще больше мобилизую свои силы для их преодоления...

Он передал мне для пересылки в редакции газет текст своей благодарности всем, кто поздравил его с днем рождения, и отправил главам многих стран телеграммы с выражением благодарности.

В кабинет Димитрова поступило письмо от жителя Софии, железнодорожника. Его многодетная семья ютится в комнатке, а принадлежащий ему участок с домиком отчуждается и передается физкультурному комбинату. Его оставили без жилья, и о нем никто не позаботился.

— Поезжайте лично,— сказал Димитров,— и встретьтесь с этим человеком. Ознакомьтесь с его положением, посмотрите, как обстоит дело с отчуждением, и доложите мне.

В 23 часа он пошел смотреть кинокартину.

[В том, что Георгий Димитров начал так поздно смотреть кинокартину после изнурительного трудового дня, нет ничего удивительного.

Говорят, что и у великих людей есть свои слабости. Георгий Димитров питал пристрастие к кино. Для него лучшим отдыхом было смотреть кинофильмы. Он готов был смотреть их всегда, когда мог выкроить время,— днем и ночью, в будни и праздники. Даже тогда, когда болел, входил в зал и сидел там до конца демонстрации кинокартины. Когда ему приходилось совершать поездку по стране, вместе с ним отправлялась и кинопередвижка. Он почти не упускал случая, чтобы не показать фильм своим официальным гостям. Иногда, когда было позднее время, гости утомлялись и один за другим уходили спать, но Димитров продолжал смотреть. В зале, где шла кинокартина, он не любил находиться один, а искал компанию.

Фонд кинофильмов был тогда скудным, и Димитров смотрел едва ли не все, что у нас имелось. Но он был тонким ценителем как художественных, так и идейных достоинств кинофильмов. Он предпочитал художественные кинофильмы, но ценил и фильмы документально-хроникальные и научно-популярные. Очень нравились ему и музыкальные кинокартины.

Вместе с тем Димитров любил глубоко содержательные, идейные, правдивые и высокохудожественные фильмы, прежде всего советские. Он неоднократно смотрел старые кинокартины «Тринадцать» и «На границе».

Однажды Димитров смотрел новый болгарский фильм. Тогда отечественного кинопроизводства у нас не было, его основы только закладывались, но отдельным энтузиастам удавалось

выпустить тот или иной игровой фильм. Материально-техническая база их производства была слабая, и это, естественно, накладывало на них отпечаток примитивизма. Так было и на сей раз. Фильм рассказывал о жизни наших солдат во время Отечественной войны. При встрече с одним из его авторов Г. Димитров, сделав несколько критических замечаний, сосредоточил внимание на идейности и упрекнул создателей фильма в робости говорить открыто, как этого требует Отечественный фронт. Так, в одном из кадров фильма в кармане солдата была показана газета «Изгрев». По этому поводу Г. Димитров заметил: «Почему «Изгрев»? Не думаете ли вы, что в нашей армии интересовались газетой «Изгрев»? Здесь не может быть места неустойчивой позиции. Искусство должно показывать вещи открыто и ясно».]

25 июня 1948 г., пятница (продолжение)

Сегодня пополудни было срочно созвано новое заседание Политбюро, продолжавшееся до 20 часов 30 минут.

Еще с утра я сообщил товарищу Димитрову о предстоящих встречах и напомнил, как он об этом просил, что сегодня идет опера «Момчил».

— Я постараюсь побывать,— сказал он.

Выполняя поручение Г. Димитрова, я съездил к железнодорожнику Петко Николову Петкову. Он живет на окраине Софии. У него домик, дворик и куча детей. П. Петкову лет 40—45. Это спокойный, серьезный человек. Он и его жена — рассудительные рабочие люди. В комнатке у них скромно и опрятно. Но они раздражены, настроение у них плохое из-за бездушного отношения к ним общинных властей. Им не разъяснили, что дадут взамен отчуждаемого имущества, никто не оказал ни помощи, ни содействия. Я сказал, что их положением заинтересовался сам Председатель Совета Министров. Они успокоились, у них улучшилось настроение.

[Через несколько дней я доложил Г. Димитрову об этой поездке. Он позвонил председателю столичного народного совета и дал указание незамедлительно выделить семье железнодорожника другой участок и средства на постройку нового дома, если действительно его участок подлежит отчуждению.]

Сегодня вечером была показана опера «Момчил». Зал Народного театра был переполнен. Все места в официальных ложах были заняты. На спектакле присутствовали председатель Президиума Народного собрания д-р Минчо Нейчев, члены Президиума Народного собрания, много министров. Товарищ Димитров

не мог прибыть вовремя, так как задержался на заседании Политбюро. Он появился в театре к концу второго действия, сел в ложу вместе с Минчо Нейчевым и пригласил автора музыки Любомира Пипкова. Действие оперы происходит в средние века. Момчил, красивый юноша, в которого влюбляется царская дочь, видит страдания народа и поднимает его на борьбу против бояр. «Момчил» — крупное музыкальное произведение. Пипков вложил в него все свое мастерство и жар сердца.

Во время антрактов Димитров беседовал с автором. Он высоко ценит Пипкова как композитора и гражданина. Его имя стало популярно непосредственно после 9 сентября 1944 г. Он член БРП(к).

В конце представления зрители наградили артистов, автора и Председателя Совета Министров горячими аплодисментами. Артисты в свою очередь аплодировали официальным лицам в правительственной ложе. Димитров показал в сторону Л. Пипкова и стал аплодировать артистам, а они — ему.

В фойе Г. Димитров задержался около 10 минут вместе с Пипковым. К ним подошли и другие официальные лица. Было видно общее удовлетворение успехом «Момчила». Убежден, что опера понравилась и тов. Димитрову, хотя он воздерживался давать ей общую оценку, так как слушал не всю.

— Приду в следующий раз и послушаю всю сначала,— сказал он.

Затем состоялся следующий разговор. Д-р Минчо Нейчев сказал:

— Публике нравятся и «Тревога» и «Момчил», она аплодирует, а критика молчит или же ищет слабые места.

Пипков заявил:

— Я думаю, что это происходит от неверия в силы болгарских авторов и их собратьев среди наших литературных и музыкальных критиков.

Димитров добавил:

— Они считают, что все болгарское плохое, а все иностранное хорошее. Это скептицизм, очень вредный скептицизм. В каждом нашем новом произведении нужно видеть прежде всего хорошее, положительное, а затем уже искать недостатки. Нельзя делать наоборот, как, к сожалению, поступают некоторые.

Димитров попросил д-ра Минчо Нейчева выделить время, чтобы побеседовать с композитором о недостатках либретто и о том, как нужно передавать подобные события в сценических произведениях. Председатель Совета Министров, обращаясь к Пипкову, сказал о д-ре Нейчеве:

— Он не композитор и не даст вам совета как композитор, но поможет как человек, знающий, чего хочет народ, что нравится народу.

Пипков ответил:

— Это для меня будет полезно, так как сейчас я собираюсь работать над большой оперой о сентябрьских событиях в нашей стране[1].

Отношение правительства к «Тревоге» и «Момчилу» было совершенно ясно выражено несколько дней назад — эти произведения были удостоены государственных премий в области науки и искусства, которые в нашей стране присуждаются впервые. (Речь идет о Димитровских премиях, решение об учреждении которых было принято в прошлом году. Думаю, что по настоянию самого Димитрова они были объявлены как Государственные премии в области науки и искусства. Печать постоянно называет их Димитровскими премиями.)

28 июня 1948 г., понедельник

Один за другим последовали три напряженных дня.

Суббота, 26 июня,— особенный, исключительный день. В дневных выпусках газет было опубликовано заявление министров иностранных дел восьми государств, принятое на совещании в Варшаве. Газета «Отечествен фронт» издана повторно, специально по этому поводу. Конференция в Варшаве не признала решений Лондонского совещания и выступила против раскола Германии. Заявление — сильный разоблачительный документ. Одновременно в заявлении намечаются ясные перспективы перед немецким народом, говорится о незамедлительном заключении мирного договора, выводе оккупационных войск в годичный срок после заключения мирного договора и пр.

Васил Коларов, вероятно, завтра вернется в Софию.

Мне стала известна причина продолжительного заседания Политбюро в пятницу. По поручению товарища Димитрова мы ознакомились в субботу с резолюцией Информбюро.

В воскресенье, 27 июня, состоялся XV расширенный пленум ЦК с участием секретарей околийских комитетов партии. Доклад о совещании Информбюро сделал Трайчо Костов...

В понедельник, 28 июня, в 11 часов, открылось заседание (по этому же вопросу) Исполнительного комитета Национального совета Отечественного фронта. С докладом выступил главный секретарь Национального совета.

---

[1] Речь идет о Сентябрьском восстании 1923 г.

Вчера произошло слияние коммунистической партии и социал-демократической партии Чехословакии.

В Берлине положение становится все напряженнее.

В Италии начал работу съезд социалистической партии. Реакция попытается всеми силами торпедировать единство между социалистами и коммунистами.

Заседание Исполнительного комитета НС ОФ проходит в новом здании НС Отечественного фронта. Все хотели увидеть Георгия Димитрова вблизи. У здания собралось множество граждан. На улице Димитров шел среди восторженно приветствующих его людей. Одна женщина прорвала цепь охраны Председателя Совета Министров, но охранники остановили ее, и она стала кричать: «Товарищ Димитров!», «Товарищ Димитров!» Председатель Совета Министров попросил, чтобы ей разрешили пройти. Это была жена известного в свое время юмориста Борю Зевзека. Она раньше была у нас в кабинете, просила, чтобы ей сохранили пенсию. Этот вопрос все еще изучался, но она снова пришла просить о восстановлении ей пенсии.

[Позднее д-р Иван Пашов, опытный юрист, высказал мнение, что жена Борю Зевзека неправильно лишена пенсии. Товарищ Димитров наложил резолюцию — соответствующим государственным органам возобновить выплату пенсии — и поручил мне сообщить об этом заявительнице.]

Когда трогалась машина, в которой был Председатель Совета Министров, с тротуара в машину бросили письмо. Димитров сразу прочитал его. Одна женщина, которая жила со своей многолюдной семьей на этой улице, жаловалась Председателю Совета Министров на свое тяжелое материальное положение.

— Сходите и лично проверьте, как обстоят дела, и доложите мне,— сказал мне Димитров.

30 июня 1948 г., среда

Вчера был день участников молодежных строительных бригад.

Еще утром Димитров попросил меня проверить, до какого числа работает молодежная бригада на строительстве автострады на Витоше. Я выяснил: двухмесячный срок работы этой смены заканчивается 29 июня.

— К вечеру я навещу их,— сказал Димитров.

Я позвонил в ЦК СНМ и предупредил об этом. Нужно было сообщить и руководителям молодежной бригады, иначе существовала реальная опасность столкнуться в лагере с неразберихой, так как молодежь разъезжается по домам.

Лагерь был расположен на поляне в местности «Тихий уголок».

Товарищ Димитров прибыл туда в 19.30. Вместе с ним была Роза Юльевна. Наблюдатели, посланные руководством бригады, вовремя предупредили о приближении машин. Сотни девушек и юношей быстро построились по отрядам. Знаменосцы стояли в центре, командир — впереди. Все затаили дыхание, охваченные радостным волнением. Как только Димитров вышел из машины, раздались бурные овации. Командир отдал рапорт. Тов. Димитров осмотрел отряды, поздравил членов бригады, а они ответили стройно, по-солдатски. Димитров быстро завоевал сердца юношей и девушек.

Высокие гости осмотрели бараки. Во всем чувствовались хозяйская рука, порядок, и не только потому, что обитателей лагеря после обеда не было на месте,— многое говорило о постоянной заботе о том, чтобы лагерь сохранял культурный вид. Товарищ Димитров остался доволен увиденным.

Молодежь собралась на поляне, поросшей буйной травой и горными цветами. Командир предложил всем сесть в круг. Только Димитров продолжал стоять в живом кольце из синих блуз и сияющих радостью глаз. Он начал беседу взволнованно, сердечно. Именно среди этой беспокойной молодежи (здесь находились главным образом студенты и студентки) я понял, в чем сила Димитрова, благодаря чему он покоряет массы. У него ясная мысль, он обладает большим эмоциональным зарядом и неистощимым темпераментом, выразительной речью, умением просто держаться с собеседниками; к этому нужно добавить его внушительную и представительную осанку, которая производит особенно сильное впечатление на того, кто его впервые видит вблизи.

— Товарищи участники бригад,— сказал Г. Димитров,— мне очень радостно, что выдался случай побывать у вас тогда, когда вы так успешно заканчиваете двухмесячную работу, и сердечно поздравить за добровольный, исключительно полезный труд для нашего народа и нашей народной республики. В течение этих двух месяцев вы строили эту автостраду, эту дорогу в тяжелых условиях — в дожди и грязь, за что поблагодарят вас и тех, кто прибудет сюда после вас...[1]

Вы счастливые люди,— продолжал Димитров.— Многие в нашей стране завидуют вам, в том числе и я, хотя и стараюсь быть на своем посту таким же членом бригады, как и вы. Почему? — спросил Димитров, сделав энергичный жест правой рукой.— Потому что движение молодежных бригад — это большой источник роста и развития молодых сил, идейной закалки новых

[1] Г. Димитров за младежта. С., 1977, с. 341.— *Прим. перев.*

людей. В нашей истории не было такого почетного звания для людей труда, каким является звание члена молодежной бригады [1].

Но оратор не упустил случая подчеркнуть и высокие требования, предъявляемые к членам молодежных бригад: они должны обладать твердой волей, не опускать рук перед трудностями, держать выше голову, но не зазнаваться, постоянно пополнять свои знания... [2]

— Я желаю, чтобы вы повсюду распространяли этот дух, эту самоотверженность и твердость, присущие членам молодежных бригад!.. Ура! [3]

Прозвучало мощное «ура!», огласившее окрестности. Юноши и девушки провозглашали лозунги, пели песни, скандировали: «Спасибо вам за советы, товарищ Димитров!», «Вперед, вперед, вперед!», «Ведите нас, мы будем следовать за вами!»

Девушки преподнесли ему и его жене букеты цветов, набранных на полянах Витоши.

В 21.30 мы приехали в Софию. Но Димитровы вместо Враны поехали к членам молодежной бригады, строившей Детский городок возле Панчарево. Эта идея, вероятно, возникла у них уже в дороге. Здесь тоже был настоящий праздник. Молодежь пела и танцевала, Димитров был неутомим, радушен, общителен. Пробыли там почти до часу ночи.

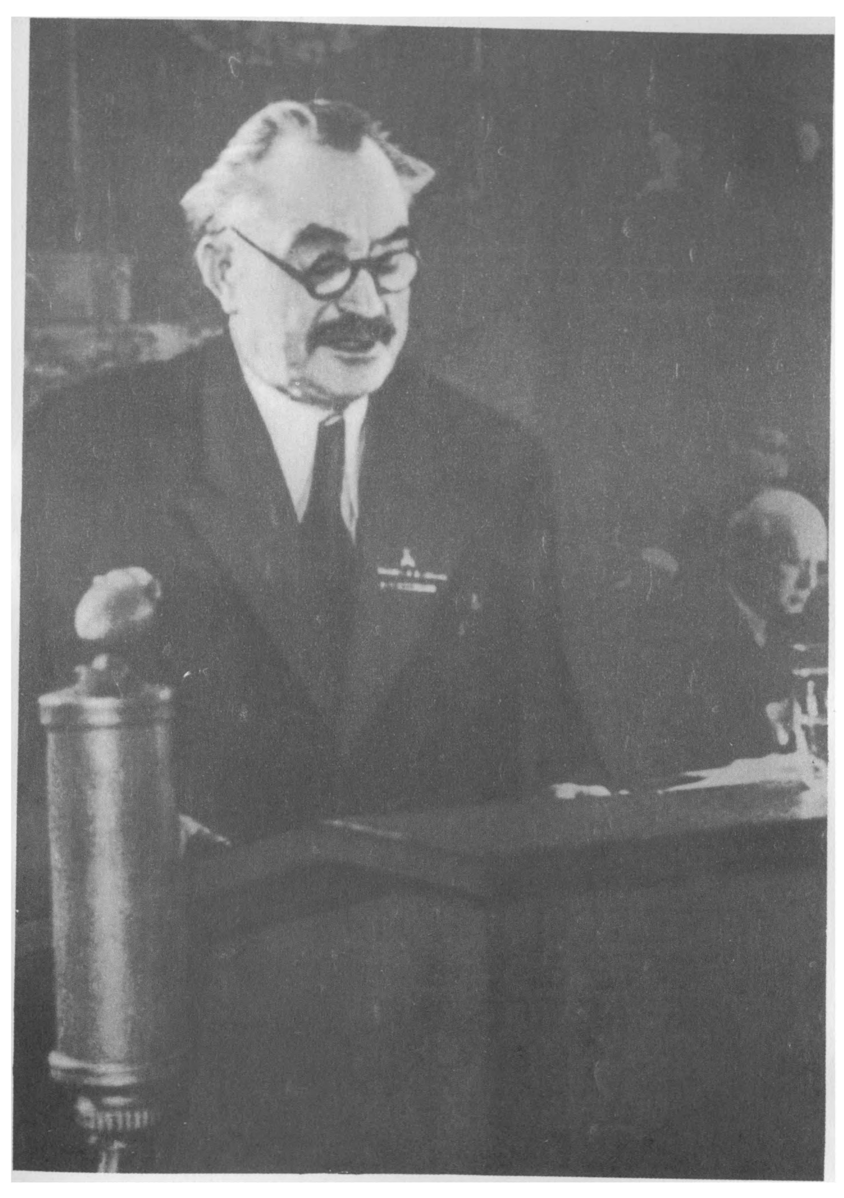
Димитров стремится встречаться с людьми, быть рядом с ними: в гуще народа он ощущает полнокровную жизнь. В это сложное и беспокойное время встречи с молодежью были для него утешением, опорой и надеждой.

Выполняя поручение Г. Димитрова, я навестил сегодня женщину, которая бросила письмо в машину... Она приняла меня с затаенной радостью и надеждой, но и с боязнью: кто знает, что может получиться? Как бы не пострадать за то, что так поступила... Но она успокоилась. Передо мной предстала тягостная картина. Большая семья! Пятеро детей, из которых трое живут вместе с родителями в темной, мрачной, ветхой конуре, куда никогда не проникает солнечный свет. Бедность ужасная: спят прямо на досках, так как нет ни матрацев, ни простынь.

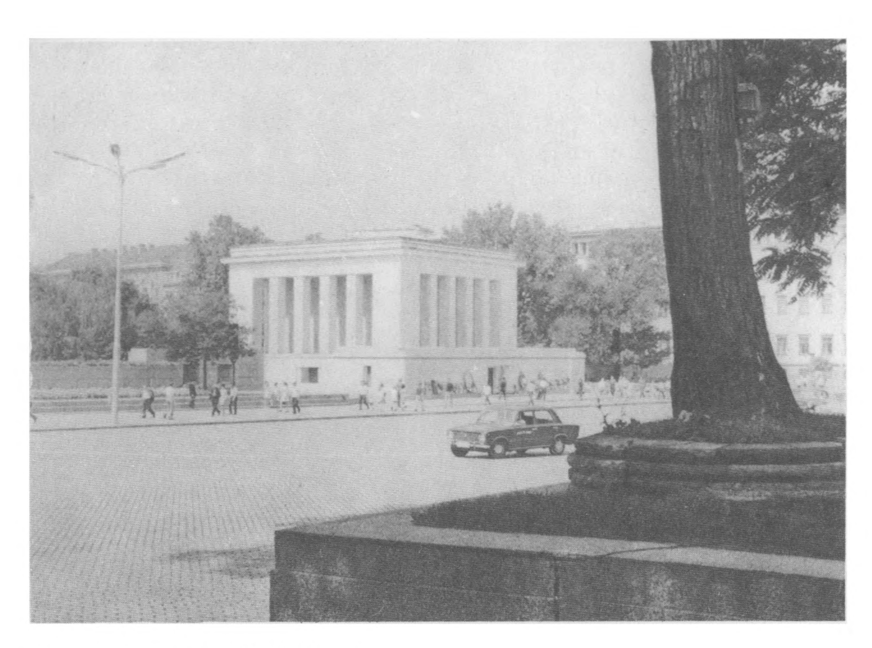
В Софии действительно плохо с жильем из-за разрушений, вызванных бомбардировками, но участь этих людей достойна сожаления.

Я рассказал товарищу Димитрову об условиях, в каких живет семья. Он проявил большое сочувствие. Сразу позвонил по теле-

[1] Г. Димитров за младежта, с. 342, 343.— *Прим. перев.*
[2] Там же, с. 344.— *Прим. перев.*
[3] Там же, с. 345.— *Прим. перев.*

Георгий Димитров выступает с
Политическим отчетом
ЦК V съезду БКП.
София, 19 декабря 1948 г.

Мавзолей Георгия Димитрова.

фону министру труда и социального обеспечения Здравко Митовскому и попросил его заняться «устройством» этой семьи. А мне поручил взять из кассы денег за его счет, связаться со столичным комиссаром по снабжению и купить материал для пошива матрацев для этой семьи. Я купил ткань и другие материалы и отправил этой женщине.

Сегодня товарищ Димитров принял отдельно нескольких наших послов.

Потом последовал совсем другой прием. Из села Младеново Ломской околии прибыла делегация для вручения Г. Димитрову адреса с обязательствами, скрепленного более чем 700 подписями крестьян. Делегация состояла из старика и старухи. Так решили крестьяне, чтобы их село было представлено двумя самыми пожилыми и уважаемыми людьми.

Затем Димитров допоздна принимал нас. В это время с площади доносился шум. Громко говорил репродуктор. Председатель Совета Министров спросил моего коллегу, что там происходит. Тот объяснил, что по случаю возвращения молодежных бригад после первой смены организован митинг. Я докладывал последним, но ораторы на улице все еще выступали.

— Зачем столько говорить? — выразил вслух недовольство Димитров. И потом с явной досадой добавил: — И вообще нужно ли было это делать?

Я понял, что вопрос адресован не мне, и промолчал. Должен сказать, что полностью согласен с ним,— действительно, зачем это нужно было затевать после того, как вчера Димитров посетил две молодежные бригады, а до этого был еще в одной?

1 июля 1948 г., четверг

По случаю дня рождения Георгия Димитрова руководство Министерства транспорта и профсоюза транспортников настаивало на приеме их делегации. Они приняли обязательства и адрес и желают его вручить лично. Сегодня в 16.30 Г. Димитров принял их в своем кабинете в Совете Министров. В делегацию входило около 40 человек — министр, его заместители, ударники, рационализаторы, лучшие административные и технические руководители. Адрес подписали 70 тыс. человек, взявших обязательство существенно улучшить работу всего нашего транспорта.

Товарищ Димитров предложил им сесть и начал непринужденную беседу.

— Я должен прежде всего сердечно поблагодарить представителей работников всех видов транспорта за искренние поздравления с днем моего рождения. То, что вы делаете это с некото-

рым запозданием, не имеет значения, так как происходит по моей, а не по вашей вине или вине работников транспорта.

Председатель Совета Министров подчеркнул, что наше правительство и вся общественность Отечественного фронта с большим удовлетворением воспримут взятые важные обязательства, выполнение которых приведет к значительному прогрессу нашего транспорта. Затем Димитров сказал:

— Транспорт — это мощный двигатель народного хозяйства и всей нашей общественной, хозяйственной, политической и культурной жизни, без которого невозможно сделать ни шагу ни в одной области деятельности.

И подчеркнул:

— Наша страна отсталая. Мы должны наверстывать упущенное. Потеряны десятилетия, в течение которых страна развивалась не так, как ей позволяли реальные возможности.

— Существует два фактора обеспечения нашей свободы и независимости. Первый фактор — наше сотрудничество с дружественными странами, и особенно помощь и содействие, которые оказывает и будет оказывать нам наш самый великий союзник и защитник — могучий Советский Союз. Второй фактор — наши собственные руки. Это наш труд, наша трудовая дисциплина, преданность своей родине, постоянное совершенствование своих способностей, повышение квалификации.

Вчера было совершено гнусное злодеяние, вызвавшее возмущение в нашей стране. В пассажирский самолет, обслуживавший линию Бургас — София, проникла вооруженная банда фашистских элементов. Убив радиста и тяжело ранив главного директора нашей гражданской авиации и борттехника, преступники захватили самолет и посадили его на турецкой территории.

Данный случай обсужден на срочно созванном заседании Политбюро, и намечены экстренные меры для обеспечения безопасности полетов на самолетах нашей гражданской авиации. Министерство иностранных дел НРБ направило турецкому правительству ноту, в которой раскрывается преступный характер этого акта и содержится требование немедленно вернуть нам самолет и передать преступников болгарским судебным властям.

Товарищ Димитров непосредственно направляет наши действия в решении данного вопроса.

2 июля 1948 г., пятница

Вчера вечером товарищ Димитров долго работал, а когда стемнело, без сопровождения охраны отправился на прогулку по бульвару Царя Освободителя. Как всегда, широкий бульвар

был многолюден — он до сих пор остается любимым местом вечерних прогулок жителей столицы. Вначале Председатель Совета Министров не привлекал внимания, но вскоре его узнали. Люди останавливались в радостном удивлении, ждали, пока он опередит их, и шли вслед за ним. Так образовалось своеобразное шествие. После этого шага Г. Димитрова можно удивляться его самообладанию. Его поступок был смелый, но он ясно показал, что злостных, преступных элементов у нас единицы, а огромная масса народа является нашей надежной опорой и защитой.

Сегодня с утра заседает Политбюро.

Вскоре после того, как я приступил к дежурству во Вране, сотрудники охраны сказали, что Димитров пойдет в «казарму» — так мы по-старому называли помещение для солдат, охранявших в прошлом дворец, а сейчас там находилась школа МВД (точнее, государственной безопасности). Она расположена напротив дворца Врана, за шоссе. По случаю окончания четырехмесячных курсов там организовано торжественное собрание, на которое пригласили и Димитрова. Он произнес важную речь о задачах и роли органов государственной безопасности в настоящий момент.

— Ваша служба,— отметил он,— имеет особый характер. Она требует круглосуточного бодрствования, постоянного умственного и физического напряжения. Ваша служба означает служение народу всегда и в любых условиях: и тогда, когда вы не высыпаетесь, и когда не успеваете поесть, и когда постоянно рискуете жизнью.

Далее товарищ Димитров сказал весьма характерные слова:

— Власть есть власть, даже тогда, когда является народной, на слабых людей она действует разлагающе. Это опасно, появляется зазнайство. Как вы знаете, слабые элементы поддаются зазнайству, гордятся, злоупотребляют властью. Раз есть власть, можно арестовать, запугать и извлечь известные блага. Это весьма опасное явление... Поэтому, когда мы говорим, что должны быть бдительными вообще, мы должны быть требовательными к себе, готовыми к самопроверке и самокритике, если допускаем ошибки и недостатки, мы должны быть строгими по отношению к самим себе...

8 июля 1948 г., четверг

Идет усиленная подготовка к XVI пленуму ЦК, который откроется 12 июля. Продолжается напряженная работа над докладом и проектом резолюции. На них сосредоточено почти все внимание — они серьезно и активно обсуждаются на еже-

дневно проходящих заседаниях Политбюро или Секретариата ЦК: 5 июля состоялось заседание Секретариата ЦК, 6 июля — заседание Политбюро, 7 июля — вновь заседание Секретариата ЦК, 8 июля почти весь день заседало Политбюро, принявшее исключительно важное решение о созыве съезда партии.

В субботу, 3 июля, Димитров от начала до конца прослушал оперу «Момчил», как обещал ранее Л. Пипкову.

В понедельник утром к нам прибыла группа крестьян из Видинского округа. Они привезли адрес-обещание с подписями и подарки. Димитров сказал:

— Было бы хорошо увидеться с ними, но сейчас нет времени. Примите их, выслушайте и поблагодарите от моего имени.

Их подарки — сноп пшеницы, каравай хлеба, банка меду и ящик фруктов — мы отправили во Врану и поблагодарили крестьян от имени Димитрова.

Погода в последнее время солнечная, жаркая. Как будто специально заказана для уборки урожая.

Но в городе не хватает овощей, молока и некоторых других продуктов. Овощи довольно дорогие.

14 июля 1948 г., среда

Весь день 11 июля продолжалась работа над докладом к предстоящему пленуму.

Пленум состоялся 12—13 июля.

На XVI пленуме ЦК присутствовали члены, кандидаты в члены ЦК и члены Центральной контрольной комиссии.

Заседание открыл Георгий Димитров, предложивший от имени Политбюро повестку дня.

Димитров взял папку с докладом, занял место на трибуне и приступил к чтению доклада.

Димитров читал доклад около 50 минут.

«На всю обстановку непосредственно после 9 сентября 1944 г. накладывало отпечаток то обстоятельство, что Болгария была страной побежденной. Нужно было учитывать как это положение, так и тот факт, что война еще не закончилась и что в ней участвовала коалиция, в которую входили СССР, Великобритания и США.

В этой обстановке наша партия осуществляла политику максимального объединения всех антифашистских и патриотических сил. Она призывала под знамя Отечественного фронта не только рабочих, всех крестьян, ремесленников, народную интеллиген-

цию, но и демократические элементы из среды буржуазии. С учетом задач, которые она тогда решала, это был правильный и целесообразный шаг» [1].

Мероприятия, которые предусматривались в проекте резолюции, характеризовались политическим реализмом; внутренняя противоречивость, присущая XVI пленуму, в ней проявилась слабее. Предусматривались созыв очередного съезда партии 31 октября — 2 ноября с. г. с повесткой дня из семи пунктов; развитие внутрипартийной демократии путем широкого развертывания критики и самокритики; укрепление коллективности в работе партийных органов; отказ от частично проводившегося в жизнь руководящего принципа, согласно которому партия должна была оставаться в тени Отечественного фронта, и принятие нового принципа, исходя из которого она должна полностью и непосредственно осуществлять свою руководящую роль; временно приостанавливался прием в партию новых членов и вводился кандидатский стаж с целью улучшения марксистско-ленинского воспитания членов партии.

С точки зрения тактических задач партии особенно важен пункт 3, который гласит:

«В качестве единственно правильного пути строительства социализма на селе пленум рекомендует:

а) всемерное укрепление союза рабочего класса с бедными и средними крестьянами;

б) проведение политики, стимулирующей развитие сельскохозяйственного производства путем сохранения за сельскими производителями права свободно распоряжаться излишками своей продукции после выполнения обязательств перед государством;

в) продолжение политики ограничения капиталистическо-эксплуататорских элементов на селе — кулаков;

г) поощрение трудящихся крестьян к объединению в кооперативы, и в первую очередь в трудовые кооперативные земледельческие хозяйства, на началах полной добровольности путем разъяснения и показа положительных результатов этих хозяйств, достигнутых благодаря преимуществам коллективной обработки земли;

д) создание достаточного числа машинно-тракторных станций, оснащенных современной сельскохозяйственной техникой, для обслуживания сельского хозяйства;

е) создание и укрепление государственных земледельческих хозяйств как образцовых крупных механизированных хозяйств,

---

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 14, с. 170.— *Прим. перев.*

отвечающих всем требованиям современной сельскохозяйственной науки и техники;

ж) развитие промышленности по производству сельскохозяйственных машин, химических удобрений и по переработке сельскохозяйственного сырья».

Далее — здесь это особенно необходимо подчеркнуть,— предусматривается укреплять дружбу и солидарность с СССР, «изучать и широко применять опыт ВКП(б) с учетом наших условий» [1].

Подчеркнуто самокритичным отношением товарищ Димитров открыл простор критике и в значительной степени самокритике. Весь пленум прошел под знаком решительной критики и самокритики.

Подтверждением этому служит следующий эпизод. Председательствующий предоставил слово Славчо Трынскому для личного объяснения. Но его несколько раз прерывали два старших по званию, чем он, офицера. Тогда Димитров взял слово и сказал в их адрес: «Нужно ясно установить, что на таком заседании ЦК, как нынешнее, нет ни Председателя Совета Министров, ни министров, ни заместителей министров, ни генералов, а есть только члены ЦК нашей партии! Здесь каждый — член ЦК! Нужно не заниматься выяснением взаимоотношений, а принимать решение по существу!» И закончил свою мысль словами: «Центральный Комитет партии состоит не из гимназистов или студентов, которые слушают лекции и сдают экзамены. Это политические деятели, это партийные руководители на отдельных участках нашей партийной и государственной деятельности».

В прениях приняли участие товарищи: Тодор Живков («Критика и самокритика у нас до сих пор была формальная. Она должна быть настоящей, деловой, коммунистической. Даже сейчас мы не проводим четкую политику на селе; очень слабо ощущается регулирующая роль государства. На этом пленуме нужно дать удовлетворительный ответ и на вопрос о диктатуре пролетариата»), Рубен Аврамов (Леви), Васил Коларов и другие.

После обеда заключительное слово было предоставлено Димитрову. Он говорил всего лишь 10 минут. «Я бы отказался от заключительного слова, если бы не было необходимости обратить серьезное внимание на некоторые моменты». «Пленум единодушно принял основные положения предложенного проекта ре-

---

[1] Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите, пленумите и Политбюро на ЦК, т. IV. 1944—1955 гг., с. 90—92.— *Прим. перев.*

золюции». Внеся некоторые конкретные замечания, он начертал программу решения теоретических проблем: в процессе подготовки материалов к съезду нужно разработать все эти проблемы: и о восстании 9 сентября, и о периоде от 9 сентября по настоящее время, и о руководящей роли партии и рабочего класса, и о соотношении классовых сил на селе, классовой борьбе и борьбе против капиталистических элементов, во имя строительства социализма в нашей стране. До съезда необходимо провести одно или два заседания Центрального Комитета, на которых рассмотреть все основные вопросы. (К большому сожалению, эти заседания из-за болезни Димитрова не состоялись. Некоторые вопросы, поднятые на XVI пленуме или еще до него, не могли найти тогда своего дальнейшего развития. Если бы эти заседания состоялись, значительное число вопросов решено было бы иначе.— *Н. Г.*) Заканчивая выступление, он сказал: «Съезд нашей партии должен пройти как действительно исторический съезд: это должен быть съезд, в подготовке которого должна принять участие вся наша партия, и особенно весь наш партийный актив. Мы должны прийти на съезд достаточно подготовленными к тому, чтобы проанализировать пройденный путь, всю деятельность партии — от сентября 1923 г., и особенно с 9 сентября 1944 г., до настоящего времени — и правильно определить задачи партии в становлении страны и во всей нашей деятельности на значительный период».

Резолюция с внесенными дополнениями и поправками была принята единогласно.

Руководство партии во главе с Г. Димитровым извлекло важные уроки из своей деятельности и стало более реалистичным и более дальновидным. ЦК стал работать увереннее, с бóльшим знанием дела, обеспечивая более ускоренное и успешное развитие страны по пути социализма. Доказательством этому служила и солидная подготовка V съезда партии, теоретическая глубина и высокий уровень, на котором он прошел, начертанная им далекая и верная перспектива.

18 июля 1948 г., воскресенье

14 июля было совершено покушение на Пальмиро Тольятти. Неизвестное лицо выстрелило в него несколько раз в центре Рима и скрылось. Прогрессивная итальянская печать отмечает, что покушение является актом мести реакции за речь этого великого народного трибуна в палате депутатов, обвинившего реакционное правительство в том, что оно привязывает страну к империалистической заокеанской колеснице.

Товарищ Димитров воспринял эту весть с глубоким возмущением. Он передал в четверг телеграмму в адрес ЦК Итальянской компартии, в которой говорилось: «Болгарская рабочая партия (коммунистов) с глубочайшим возмущением встретила весть о подлом покушении на вождя рабочего класса и трудящихся Италии — нашего товарища и искреннего друга болгарского народа Пальмиро Тольятти. Она удивлена, что не были приняты необходимые меры для защиты деятелей Народно-демократического фронта от убийц из засады» [1].

В среду, 14 июля, мы целый день занимались подготовкой встречи венгерской правительственной делегации. Она прибыла в нашу страну 15 июля для подписания договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Программа предусматривала трехдневное пребывание делегации в нашей стране.

Встреча венгерской делегации была скромной, немноголюдной, но сердечной, теплой.

Гости нанесли ряд официальных визитов. Пополудни во Вране начались переговоры. При обсуждении проекта договора выяснилось, что наше экономическое сотрудничество можно значительно расширить.

— Нужно признать,— сказал Димитров,— что мы до настоящего времени сильно недооценивали реальные возможности такого широкого экономического сотрудничества. А существует возможность расширить наш товарооборот в несколько раз. Мы должны наверстать упущенное...

Эту уверенность разделили и венгерские друзья.

В четверг, после переговоров, гости и наши руководители во главе с товарищем Димитровым побывали у членов молодежной бригады в государственном земледельческом хозяйстве «Врана», состоящей в большинстве своем из студентов агрономического факультета. Их встретили восторженными возгласами и скандированием. Члены молодежной бригады предложили гостям сесть на скамьи, а сами исполнили литературно-музыкальную программу. Затем плясали хоро.

В промежутках между официальными встречами и переговорами Димитров выкроил время для посещения Центральной партийной школы по случаю окончания одногодичных курсов. Его встретили продолжительными аплодисментами.

Димитров спешил — его ждали новые протокольные мероприятия. Он сразу произнес речь, которая продолжалась 20—30

---

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 14, с. 178.— *Прим. перев.*

минут и была выслушана с затаенным дыханием. Речь была импровизированной, но глубоко содержательной. То, что сказал Димитров, имеет важное значение для понимания его оценки работы XVI пленума.

— Вы, видимо, поняли,— заявил он,— что наш Центральный Комитет, собравшийся в полном составе, рассмотрел работу партии и ее руководителей, допущенные нами ошибки и недостатки, которые существуют и в настоящее время. Развернув смелую, искреннюю, правдивую, большевистскую критику и самокритику, Центральный Комитет единодушно принял известную вам резолюцию.

Затем он говорил об обязанностях слушателей курсов как партийных работников и подчеркнул, «что и сейчас особенно необходимо более глубокое усвоение основных принципов марксизма-ленинизма».

— Но этого,— продолжал он,— недостаточно. К этому необходимо добавить умение применять марксизм-ленинизм к нашей конкретной внутренней и международной обстановке, к нашим условиям... глубоко изучать нашу действительность.

Димитров снова вернулся к вопросу о значении критики и самокритики, об отношении к ней.

— Критика и самокритика,— сказал он,— должна стать действительно движущей силой развития партии и нашего собственного развития. А вы знаете, как некоторые болезненно реагируют на критику, не говоря уже о самокритике. Как вы знаете, самокритика часто носит формальный, общий характер... Это,— продолжал Димитров,— попытка пустить пыль в глаза, успокоение совести, что приводит к новым, еще большим ошибкам. Это не имеет ничего общего с коммунистической критикой и самокритикой, которая должна быть конкретной и правдивой, на которую нужно реагировать терпеливо, а не нервно; даже тогда, когда допускается какая-либо несправедливость, нужно все трезво взвесить и обдумать и самим найти свои ошибки. И не только признать их, но и проявить большевистскую смелость, любовь к партии и ответственность перед ней, чтобы исправить допущенные ошибки и недостатки. Где бы ни находились, вы должны быть проводниками именно такой критики и самокритики...

Он воспитывал у этих партийных работников и в партии самые драгоценные коммунистические качества, еще шире открывал простор для демократии, партийной принципиальности, творчества в партии и обществе...

Затем Димитров призвал изучать опыт ВКП(б), учиться у ВКП(б).

— Мы сохраняем свою верность марксизму-ленинизму и, как вы знаете, исполнены решимости до последнего дыхания остаться верными этому единственно правильному учению, несущему спасение рабочему классу и всем трудящимся.

Последние слова утонули в гуле оваций. Слушатели окружили его. Почти с каждым из них он попрощался за руку и уехал.

В пятницу утром был подписан договор между Болгарией и Венгрией. Затем состоялось взаимное вручение правительственных наград. Вечером был созван большой митинг (на нем присутствовало более 200 тыс. человек).

В своей речи товарищ Димитров отметил, что подписанный сегодня Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи — это договор, *«которого два наших братских народа давно желали и ожидали.* Он отвечает их высшим жизненным интересам, которые повелевают им помогать друг другу, тесно сотрудничать между собой, вместе защищать свои демократические завоевания... Такие договоры содействуют продвижению народов вперед. Такие договоры являются плотью от плоти и кровью от крови здоровых народных сил и барьером, мощным барьером против наступления и агрессии империализма»[1].

Димитров привлек внимание слушателей и к теоретическим проблемам, высказал ценные мысли о характерных чертах народной демократии.

— Мы единодушны в том, что *не может быть никакой народной демократии, могущей развиваться, строиться и расчищать путь к социализму, если эта народная демократия не участвует своими силами в едином мировом фронте мира, демократии и социализма во главе с Советским Союзом и не опирается на этот растущий единый фронт*[2].

И далее продолжал:

— Чуждые какого бы то ни было узколобого национализма и воодушевленные международной солидарностью трудящихся, крепким сотрудничеством между демократическими народами, *мы единодушно считаем изменой, изменой делу народной демократии, изменой высшим жизненным интересам своего собственного народа любое отступление от единого демократического фронта против империализма, любую попытку подрыва этого единого фронта и любую недооценку руководящей роли в нем нашего великого союзника — Советского Союза...* <...>

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 565.— *Прим. перев.*

[2] См. там же, с. 567.— *Прим. перев.*

Да здравствует и процветает наш союзник, новый союзник, верный союзник, братский союзник — Венгерская Народная Республика![1]

В субботу поздно вечером гости отбыли на родину. На вокзале их провожал Г. Димитров.

Итак, последний из договоров, который должна была заключить наша страна с братскими странами, уже подписан. Наше правительство и лично Георгий Димитров завершили великое дело.

В течение года были подписаны семь договоров, состоялись пять визитов в братские страны, мы приняли четыре официальные делегации — все это требовало исключительного напряжения сил. Димитров осуществил огромную и плодотворную работу. Наше дело увенчалось блестящим успехом — Болгария стала составной частью новой братской и великой семьи, что обеспечивает ее независимость и развитие.

На днях товарищ Димитров уезжает в отпуск.

21 июля 1948 г., среда

Вчера вечером телеграфные агентства распространили новую неприятную весть — совершено покушение на Генерального секретаря Коммунистической партии Японии Кюити Токуда. Ответственность, заявил ЦК КПЯ, несут правительство, проводящее реакционную политику, и американский империализм, обосновавшийся в стране.

— В последнее время,— заметил однажды в разговоре тов. Димитров,— реакция за рубежом прибегает к открытым террористическим действиям в борьбе против рабочего класса, против коммунистического движения. Свои удары она наносит преимущественно по лидерам.

Этот вопрос обсуждался на сегодняшнем заседании Политбюро, и по предложению МВД решено принять меры по усилению охраны наших руководящих кадров.

На этом же заседании рассмотрен и решен другой важный вопрос — об увеличении хлебных пайков гражданам.

В центре международного положения продолжает оставаться берлинский кризис.

---

[1] См. *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 567, 568.— *Прим. перев.*

Часть седьмая

В Евксинограде; Г. Димитров тяжело заболел, но продолжает находиться на трудовом посту; встреча с Будевской; М. Кашен и Д. Притт; в санатории Барвиха; «Не везет»; двухлетний план выполняется; поворот к ТКЗХ; Г. Димитров о роли Октября; революционные изменения в мире; обострение «холодной войны»; к V съезду партии; о характере народной демократии; О. В. Куусинен; встреча с И. В. Сталиным; подготовка документов к V съезду; генеральная линия партии; построить основы социализма; XVII пленум; V съезд начался; Г. Димитров делает Политический отчет; исторические заседания; М. А. Суслов; заветы Георгия Димитрова; I пленум

29 июля 1948 г., четверг

Сегодня в 18.30 товарищ Димитров с семьей уехал поездом отдыхать в Евксиноград. Он поручил нам регулярно информировать его обо всем самом важном; дал и другие задания.

До отъезда Г. Димитрова был созван большой и авторитетный консилиум, который определил его самочувствие как сравнительно хорошее. Был подтвержден старый диагноз: диабет, начальная декомпенсация сердца, болезнь печени. Ему рекомендовали 45-дневный отдых.

И о месячном отдыхе на море есть что рассказать. Некоторые подробности мы знали сами, другие услышали либо сразу по возвращении Димитрова, либо позднее.

Находясь в Евксинограде, они однажды целый день затратили на экскурсию в прибрежный городок Балчик. Долго ехали по разбитой, пыльной дороге, любовались живописным берегом, осмотрели город и хотели побывать во дворце — летней резиденции бывшей румынской королевы (до войны эта часть Болгарии входила в состав Румынии). Но дворец был закрыт. На обратном пути ехали по другой дороге, недалеко от так называемых Золотых песков. Тягостное впечатление произвел на них этот роскошный уголок родины — он был пуст, покрыт зарослями колючки. Димитров ходил по пустынному берегу и говорил:

— Здесь можно сделать чудеса! Народ не напрасно назвал это место Золотыми песками. Вот, смотрите,— он наклонился, зачерпнул горсть песчинок, которые блестели под яркими луча-

ми солнца.— Нужны лишь деньги, деньги, деньги, и здесь можно сделать чудеса!

Он говорил вдохновенно, без пафоса, тихо, убежденно:

— Наша страна не бедная! Вот какое богатство здесь зарыто! Нужны только труд и время, и мы сумеем его употребить на пользу. В других странах такие природные богатства служат источником обогащения, и ими пользуются представители привилегированных слоев. А у нас все это должно стать достоянием народа.

Мысленно Димитров представлял себе другие Золотые пески — благоустроенные, застроенные, многолюдные. Идя по его пути, ведомый партией, наш народ превратил его мечту в сказочную быль.

И в Евксинограде Председатель Совета Министров, разумеется, не бездействовал. Он посылал телеграммы, писал письма, делал замечания, давал важные руководящие указания, принимал деятелей и делегации, наносил визиты, вел беседы. От ЦК и Совета Министров, от МВД, Министерства иностранных дел и от сотрудников своего кабинета он требовал обширной и достоверной информации о событиях в стране и за рубежом. Он получал сводки о заседаниях и решениях Политбюро и Секретариата ЦК. Принял ряд групп иностранных молодежных бригад, прибывших из Албании, Чехословакии, Швейцарии и Англии и работавших на строительных объектах нашей страны. Послал горячие поздравления и наилучшие пожелания писателю Елину Пелину в связи с 70-летием со дня его рождения. В приветствии говорилось: «...наш трудовой народ чествует Ваш юбилей с чувством самой искренней признательности и глубоко ощущает нужду в Вашем прогрессивном, полезном для народа творчестве» [1].

Затем он обнародовал свое письмо по случаю 24-й годовщины со дня смерти Тодора Петрова — «незабываемого коммунистического руководителя и моего дорогого товарища», «безупречно честного и преданного народного борца, до конца верного великому и непобедимому марксистско-ленинскому учению и Коммунистической партии», «посвятившего всю свою жизнь борца и творчество на благо рабочего класса и всего трудового болгарского народа» [2].

12 августа было отправлено приветствие Кимону Георгиеву по случаю его 66-летия. Довольно высокие оценки его деятельности и сердечный тон были не только жестом уважения. Сов-

---

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 14, с. 190.— *Прим. перев.*

[2] Там же, с. 191.— *Прим. перев.*

сем недавно было объявлено решение Совета Министров о лишении Дамяна Велчева болгарского гражданства. Приветствие Кимону Георгиеву было политическим шагом, оно подтверждало наш союз и дружественные отношения с ним, преследовало цель помочь ему отмежеваться от Д. Велчева и дифференцировало наши отношения к этим в недавнем прошлом политическим близнецам.

Было послано приветственное письмо и по случаю открытия XII международной ярмарки в Пловдиве.

Но мысли и внимание Димитрова были сосредоточены главным образом на очередном съезде партии.

13 августа 1948 г., пятница

Товарищ Димитров уже довольно продолжительное время находится в отпуске. Но, вопреки предписаниям врачей (особенно последнего консилиума) о полном отдыхе, он настоятельно просит посылать ему огромное количество материалов. Например, он поручил подобрать материалы по истории нашей партии. Мы отправили ему труды В. И. Ленина по его списку, решения и резолюции ЦК нашей партии, его произведения. Нам ясно, что тов. Димитров усиленно готовится к съезду партии. Теоретическая работа партии в разгаре. Необходимо правильно осветить все крупные вопросы теории и практики партии и народной власти. Разработкой актуальных проблем, теории, политики и практики занимались едва ли не все руководители партии. Правильное освещение этих проблем, разумеется, достигалось не легко. Следовало, например, внести абсолютную ясность по крестьянскому вопросу, определить понятие «кулак», показав его отличие от середняка; наметить меры, призванные укреплять основу объединения бедняков вокруг компартии, и вместе с тем обеспечить их союз с середняками. Нужно было ясно и конкретно осветить путь, пройденный страной после 9 сентября, дать марксистскую оценку самому 9 сентября и марксистский анализ современного положения, определить задачи и наметить перспективы на предстоящие 15—20 лет.

На очереди и другое крупное политическое мероприятие — нужно во всей партии обсудить и выполнить резолюцию XVI пленума. Пока она обсуждена только на районных и околийских пленумах партии, но, вероятно, в ближайшие дни и недели ее обсудят и первичные партийные организации. На многих пленумах районных и околийских комитетов партии развернулась критика, были очень серьезные и глубокие выступления, что следует рассматривать как важный фактор. Это приводит к повы-

шению политической активности коммунистов и народных масс, служит средством против апатии и инертности, появившихся кое-где в результате недовольства непорядками, неясности, нехватки продуктов и товаров, послевоенной хозяйственной разрухи (ее мы еще не можем полностью ликвидировать). Критика является отдушиной для всех этих настроений и ведет к идейному росту коммунистов.

Во вторник, 10 августа, состоялся пленум Софийского городского комитета партии, руководимого Т. Живковым, который определил основные направления его работы. Пленум прошел при высокой политической активности, было много интересных выступлений, затрагивавших важные проблемы. Товарищи говорили откровенно и озабоченно о недостатках и слабостях, о непорядках в работе государственного аппарата и в снабжении населения.

Поток информации для Георгия Димитрова в Евксиноград не прекращался. Два посланных ему информационных материала послужили для него поводом дать важные указания и высказать ценные мысли.

16 августа мы послали ему материалы, среди которых была сводка о письмах и телеграммах, поступивших в кабинет. С краткими пояснениями я послал ему и анонимные письма. Некоторые из них содержали угрозы в адрес партии и наших руководящих товарищей. Эти злобные пасквили свидетельствовали об усилении активности врага.

«Второй вид писем,— пояснял я далее,— это письма, в которых выражены недовольство и протесты, вызванные тяжелым материальным положением. Они поступают преимущественно от рабочих, служащих и ремесленников из городов (больше всего из Софии), а из сел на этот раз их почти нет. Как и месяц назад, в них главным образом выражено недовольство низкой заработной платой, удорожанием жизни и говорится о том, что граждане ничего не могут купить, им не выдаются продуктовые пайки и т. д. Но создается впечатление, что высказанный в них протест намного сильнее... Особенно характерны в этом отношении письма, поступившие из Перника и Плевена».

Димитров прочитал всю сводку, кое-где подчеркнул красным карандашом и в левом верхнем углу поставил свой обычный знак: «Г. Д.». И уже через два дня объяснил явления, о которых шла речь в письмах.

17 августа МВД передало срочную телеграмму, в которой сообщалось о нападении греческого воинского подразделения на нашу территорию. Во второй телеграмме, от 18 августа, гово-

рилось, что идут бои, с обеих сторон есть убитые, что под натиском превосходящих сил противника наши пограничные отряды покинули некоторые высоты в районе села Чакаларово. «Есть предположение,— говорилось в телеграмме,— что захват наших высот преследует цель преградить партизанам отход на нашу территорию». Министерство информировало о решительных мерах, принимаемых для изгнания греческого подразделения с нашей территории.

Уже вечером 17 августа Димитров дал по телеграфу указания и одобрил принятые меры.

18 августа Димитров направил в Политбюро обширное письмо, содержащее важные идеи и имеющее большое политическое значение. В нем идет речь не только о греческой пограничной провокации, но и о других первостепенных вопросах.

> «...Подобные нападения,— говорится в нем,— никоим образом не исключены и в будущем, напротив, по-моему, мы должны ожидать их, быть начеку; мы всегда должны быть готовы быстро отразить их атаки, не допуская вовлечения в военный конфликт с Грецией, ибо это значило бы вступление в конфликт с американским командованием и англо-американскими силами в Греции».
>
> . . . .
>
> «Сохраняя полное самообладание, избегая создания какой бы то ни было паники среди населения, мы должны ускоренными темпами:
>
> 1. Улучшить работу партии и партийных органов в духе решений пленума ЦК и в то же время обратить внимание и повысить бдительность прежде всего партийного актива...»

Далее Димитров поднимает и разъясняет исключительно важные, принципиальные вопросы политики партии, что говорит о его широте взглядов, политической гибкости и прозорливости.

> «4. На основе материалов околийских и городских партийных совещаний глубоко вскрывать причины существующего серьезного недовольства в среде рабочего класса, бедняков и середняков и других трудящихся и путем проведения возможных хозяйственных и других мероприятий быстро устранять эти причины и непорядки, вызывающие оправданное недовольство, насколько это зависит от нас, от субъективного фактора, ибо, бесспорно, многое в этом отношении зависит от партии.
>
> 5. Принять меры для пресечения тенденций недооценки и даже отрицания необходимости существования и укрепления

Отечественного фронта как единой общественно-политической организации. Нужно наносить мощные удары по центробежным силам в Отечественном фронте и элементам, стремящимся изолировать известные нефашистские, нереакционные круги от нашей партии. В настоящий момент... рабочий класс особенно нуждается в союзниках для продвижения к социализму, хотя некоторые из них будут временными союзниками. Одновременно он нуждается в нейтрализации определенных кругов и элементов. Это поможет ему успешнее наносить удары по капиталистическим, эксплуататорским элементам и реакции.

Меня серьезно беспокоит наплевательское отношение к этим вопросам в некоторых звеньях партии и даже у руководящих товарищей...»

Перед отъездом на Черноморское побережье Г. Димитров предложил предоставить возможность отдыха в Евксинограде некоторым выдающимся деятелям культуры и среди них назвал Адриану Будевскую.

Актриса, изгнанная из театра под нажимом царского двора, 23 августа прибыла в Евксиноград для отдыха в бывшей летней резиденции Фердинанда и Бориса.

26 августа Председатель Совета Министров принял актрису и беседовал с ней.

— Знаете ли вы,— спросил он в шутку,— сколько неприятностей доставляли мне в свое время?

— Что за неприятности?

— Когда вы участвовали в спектакле, я, молодой рабочий, должен был преодолевать большие препятствия, чтобы увидеть вашу игру!

Между Димитровым и Будевской существовала и непродолжительная переписка.

Актриса писала ему:

«Хотя я еще не полностью восстановила свое здоровье после длительной поездки, считаю своим долгом сердечно поблагодарить Вас и болгарское правительство за большую заботу и особое внимание, которое мне оказали в связи с моим возвращением на милую родину».

В левом верхнем углу письма Димитров написал:

«Отвечено.
11. 8. 48 г.

Г. Дим.».

10 августа Димитров посылает ей необычно длинное для него письмо (его письма обычно короткие, в несколько строк, на полстраницы или страницу). Другие его письма напечатаны на пишущей машинке, а это — от руки. С других чаще всего снята копия, а это — без копии, в единственном экземпляре. Поэтому мы ознакомились с ним несколько лет спустя, после смерти Будевской.

Г. Димитров писал:

«Извините, что с небольшим опозданием отвечаю на Ваше благодарственное письмо.

Вы знаете, что наш свободный трудовой народ, его правительство и лично я с радостью ожидали Вашего возвращения на родину. То, что сделано до сих пор для Вас с нашей стороны,— это лишь скромное выражение народной признательности за Ваши исключительные заслуги перед нашим народом и отечественным искусством».

Далее выражается искреннее желание, чтобы она быстрее восстановила свое здоровье и работоспособность, «так как в нашем театральном искусстве, в деле правильного воспитания молодых талантливых театральных кадров очень недостает Вашего огромного опыта, Вашей материнской любви и особенно Вашей чуткой души».

«Я прошу Вас,— писал далее Димитров,— без всякого стеснения обращаться лично к председателю Комитета по делам науки, искусства и культуры со всеми просьбами, которые у Вас, возможно, возникнут...»

И уточняет: «...в связи с необходимостью быстрейшего восстановления здоровья и работоспособности, своевременного и основательного ознакомления с развитием нашего искусства, в частности театрального дела, и с современной нашей действительностью и, наконец, в связи с необходимостью создания таких бытовых условий для Вас, которые лучше бы благоприятствовали Вашей предстоящей плодотворной деятельности».

«Само собой разумеется, что по всем этим вопросам Вы можете всегда обращаться и ко мне лично, когда найдете это нужным».

И не удивительно, что последовало письмо Будевской от 23 августа со словами теплой благодарности.

«Я получила Ваше письмо, которое меня глубоко тронуло и которое я храню как святыню и утешение в моей старости».

Это письмо написано в Евксинограде.

Рассказывая о его работе в Евксинограде, не обходим ли мы вопрос, который приобрел роковое значение,— о состоянии здоровья Димитрова?

Врачи уделяют большое внимание тому факту, что не соблюдены их предписания: ни в коем случае не купаться в море. Димитров не выдержал и в один из жарких дней искупался. Да и можно ли не искупаться в нашем теплом море, находясь на берегу? Так или иначе, самочувствие Димитрова ухудшилось — у него поднялась температура до 37,8°. Началось сильное сердцебиение, на теле кое-где выступила сыпь.

12 августа в ЦК поступила из Евксинограда тревожная информация: «Сегодня у тов. Димитрова был приступ пароксизмальной тахикардии (частота пульса 180—200 ударов в минуту), продолжавшийся от 13.30 до 17.00».

Консилиум рекомендовал Димитрову специальное клиническое лечение — лучше всего в Барвихе. Димитров не принял это предложение — ему нельзя было отсутствовать, так как через два с небольшим месяца должен был состояться съезд партии. Для его подготовки ему во что бы то ни стало следовало быть на своем посту! Именно сейчас Димитров не хотел покидать страну.

17 августа состоялось заседание Политбюро, на котором был обсужден протокол консилиума с предложением о санаторно-клиническом лечении Г. Димитрова. Решили незамедлительно выполнить эти рекомендации и сообщили Димитрову. Затем предприняли соответствующие шаги перед советским руководством.

Режим отдыха Димитрова стал строгим. Димитров немного поправился (тогда он и совершил поездку в Балчик и на Золотые пески). Но его состояние не совсем улучшилось. У него держалась повышенная температура, причины которой сразу не могли установить.

На консультацию были приглашены два советских профессора. Они нашли, что состояние Г. Димитрова стало лучше, и решили, что ему можно обойтись без клинического лечения. Но 19 августа в ответ на письмо нашего руководства была получена шифротелеграмма от И. В. Сталина и В. М. Молотова следующего содержания:

> «Получили сообщение врачей, настоятельно рекомендующих Вам двухмесячный отпуск и лечение в Барвихе. Советуем Вам так и поступить и не откладывать лечения.
>
> Шлем наш привет».

Большое внимание и сердечное приглашение советских руководителей склонили чашу весов в пользу лечения в СССР, и

Димитров согласился. 19 августа он передал для отправки ответную шифротелеграмму:

> «Я готов, как только позволит здоровье, лететь самолетом в Москву на лечение».

Отсюда следовало, что в этом случае съезд необходимо было отложить на месяц, чтобы Димитров после лечения и возвращения на родину смог принять самое деятельное участие в его подготовке.

В Евксинограде Димитров продолжал напряженно работать. И одновременно лечился. 28 августа он возвратился в Софию. Но уже 29 августа ему стало хуже. Врачи квалифицировали его состояние как тяжелое. 30 августа ему сделали рентгеновские снимки в Александровской больнице, после чего он обошел больничные клиники, беседовал с врачами и больными, интересовался состоянием дел, выслушивал заявления о проблемах, трудностях и недостатках, подбодрял больных. И немногие знали, что сам он тяжело болен.

1 сентября новый консилиум болгарских врачей установил у тов. Димитрова: общая слабость, повышенная температура, сохранявшаяся уже четвертую неделю, обострение воспаления печени, боли в области сердца, пониженная работоспособность. Было сделано заключение, что он нуждается в продолжительном клиническом лечении.

В последующие два дня его состояние ухудшилось. 2 сентября температура поднялась до 38,2°; 8 сентября врачи констатировали: «С вечера самочувствие было плохое. Сегодня утром — вид нездоровый, самочувствие плохое, слабость». Несмотря на это, Димитров побывал в Народном театре на торжественном собрании по случаю 9 сентября. Во время праздника чувствовал себя немного лучше, и врачи с трудом разрешили ему «выйти» из дому. Димитров находился на трибуне перед Народным собранием, приветствовал участников военного парада и демонстрации трудящихся. Это настоящий стоицизм! Ему было свойственно самопожертвование. Есть люди, способные совершить один героический подвиг, а затем живут спокойно, безлико. Для него же героизм был постоянным спутником жизни.

В это время по его приглашению в Софии находились два видных зарубежных деятеля. Одним из них был 79-летний Марсель Кашен — широко популярный человек, пользовавшийся большими симпатиями и уважением. Патриарх французского рабочего и коммунистического движения был депутатом Национального собрания и директором партийного органа — газеты «Юманите». Наши люди сердечно приветствовали седовласого

трибуна революционной Франции. Нам особенно импонировало глубокое уважение, которое питал Кашен к Димитрову.

Другим нашим гостем был Денис Притт — видный английский юрист и общественный деятель, депутат парламента от лейбористской партии. Летом 1933 г. его имя было нераздельно связано с Димитровым и Болгарией. Он с честью исполнял функции председателя контрпроцесса в Лондоне (Международной следственной комиссии по рассмотрению обстоятельств поджога рейхстага). Этот авторитетный орган, олицетворявший совесть прогрессивных людей и располагавший обширными доказательствами непричастности Г. Димитрова и других подсудимых коммунистов к поджогу рейхстага, 20 сентября 1933 г. (т. е. за день до начала сфабрикованного гитлеровцами процесса в Лейпциге) опубликовал заключение, в котором говорилось о невиновности арестованных коммунистов и о том, что Ван дер Люббе не мог один вызвать такие очаги пожара, что поджигателей нужно искать среди самих нацистов. Но этот исторический документ был неизвестен подсудимым коммунистам. В 1934 г. Димитров писал Д. Притту из Москвы:

«Материалы, которые комиссия и контрпроцесс сделали достоянием общественности и которые мне стали известны лишь теперь, несомненно, представляли мощное оружие в борьбе против национал-социалистских провокаторов. Очень жаль, что я не мог узнать об этих материалах во время процесса и использовать их в своей борьбе на суде» [1].

И после этого Димитров и Притт продолжали переписываться.

А сейчас со своей женой Д. Притт гостит в новой Болгарии по личному приглашению ее Председателя Совета Министров.

С Кашеном и Приттом Димитров не смог сразу увидеться. Им объяснили, что он болен. Но на торжественном собрании, а затем на трибуне и на правительственном приеме они встретились и горячо приветствовали друг друга. 10 сентября Председатель Совета Министров дал в честь гостей официальный обед, на который были приглашены наши государственные и общественные деятели.

«Я,— писал Притт в 1963 г.,— беспокоился, не переутомился ли Димитров, но он был в бодром настроении. После кратких речей Димитрова и Коларова гости начали быстро расходиться. Димитров попросил нас с женой остаться. Я все еще испытывал беспокойство, не переутомился ли он, но скоро стало ясно, что он решил побеседовать с нами в продолжение нескольких часов.

---

[1] Спомени за Георги Димитров, т. 2. 1934—1949, с. 684—685.— *Прим. перев.*

Потом мы гуляли в саду. Через парк проходила в свой лагерь группа девушек — членов молодежной бригады, работавших где-то поблизости. Г. Димитров попросил их остановиться, заговорил с ними, а затем предложил им спеть несколько прекрасных народных песен. Радостно улыбаясь, он повернулся ко мне и сказал: «Вот какие у нас девушки!»

Затем мы сели в маленькую беседку, и между нами завязалась серьезная политическая беседа, продолжавшаяся около двух часов. Беседовали на немецком языке, так что в переводчике не было нужды. Он показал глубокое знание политического положения в Великобритании, а также проблем лейбористской партии и Компартии Великобритании. Г. Димитров сказал, что соотношение между этими двумя партиями такое, что нельзя думать о полном отходе английских трудящихся от лейбористской партии и переходе их на сторону компартии. Единственный путь к мирному и прогрессивному будущему страны заключается в массовом нажиме левого крыла лейбористской партии, коммунистической партии и других прогрессивных элементов на руководство лейбористской партии, с тем чтобы оно проводило более левую политику» [1].

Затем Притт добавляет:

«Сейчас, когда я оглядываюсь назад, мне кажется невероятным, что у меня был только один настоящий разговор с этим великим болгарином, потому что я чувствую его таким близким, как будто мы провели с ним вместе не один день. В одной из своих статей, опубликованных вскоре после моей поездки в Болгарию, я писал о Димитрове:

«Как и большинство великих людей, он был сердечным и дружелюбным, обладал внутренним достоинством, присущим классу, из рядов которого вышел. Когда позволяет случай, он весел и жизнерадостен; во время серьезных дебатов его суждения отличаются прямотой, силой и деловым характером; он вежлив, ему свойственна гордость, которая проявлялась, когда это было необходимо в управлении государством в настоящий период истории. Невозможно было не почувствовать присутствия великого человека, но также невозможно было чувствовать себя скованно рядом с такой естественной и скромной личностью»» [2].

15 или 16 сентября Димитров улетел самолетом в Москву, откуда через два-три дня его перевели на лечение в санаторий Барвиха.

Оно продолжалось два месяца.

---

[1] Спомени за Георги Димитров, т. 2. 1934—1949, с. 686.— *Прим. перев.*
[2] Там же, с. 687.— *Прим. перев.*

О его отсутствии в стране не сообщалось, и в кабинет продолжали поступать письма и телеграммы, звонили телефоны, приходили посетители.

А из кабинета в Барвиху по его указанию направлялась обильная информация, более важные доклады и письма; мы посылали ему книги, газеты и журналы, решения Политбюро и Секретариата ЦК, постановления Совета Министров, бюллетени Болгарского телеграфного агентства и Гидрометеорологической станции.

Среди направленных ему материалов особое место занимало письмо из Берлина по случаю 15-й годовщины Лейпцигского процесса; оно было не просто данью уважения к Г. Димитрову, но и имело в этот конкретный момент важный политический смысл.

15-я годовщина начала процесса в Лейпциге — 21 сентября — была отмечена и в нашей стране. Газета «Работническо дело», например, опубликовала передовую статью, в которой высказана интересная мысль:

«По простой случайности процесс в Лейпциге начался именно в день десятилетия Сентябрьского восстания в Болгарии, одним из руководителей которого был тов. Г. Димитров. Это совпадение имеет глубокий политический смысл. Восстание во Врачанской околии и процесс в Лейпциге — два исторических этапа в развитии того, что тов. Г. Димитров (в своей заключительной речи на суде 16 декабря) назвал смыслом и содержанием своей жизни — бесстрашной, бескомпромиссной революционной борьбы коммуниста-большевика против злейшего врага человечества — фашизма».

«Пройдут десятки и сотни лет, но Лейпцигский процесс не перестанет быть одной из героических страниц в истории прогрессивного человечества».

В Восточной Германии отнеслись к 15-й годовщине с начала процесса в Лейпциге как к крупному политическому событию. 21 сентября в Лейпциге состоялся массовый митинг, на котором присутствовало 50 тыс. человек. Трибуна находилась в самом судебном зале — какая великолепная символика!

19 сентября на первой странице газеты «Neues Deutschland» было опубликовано открытое письмо Георгию Димитрову от центрального руководства СЕПГ, подписанное Вильгельмом Пиком и Отто Гротеволем. Оригинал письма с их подписями поступил в кабинет и был переправлен Димитрову. Это важный исторический документ! В письме отмечалось, что борьба и подвиг Димитрова 15 лет назад представляют собой идейный капитал для прогрессивных сил немецкого народа, и в первую очередь для СЕПГ.

В письме говорилось:

«Дорогой товарищ Димитров!

15 лет назад, 21 сентября 1933 г., начался процесс в связи с поджогом рейхстага. Там под угрозой смерти в логове фашистских варваров, проявив героизм подлинного антифашиста, Вы показали нам светлый пример неустрашимого и мудрого борца-революционера.

Трудящиеся всего мира с затаенным дыханием слушали Ваши слова и следили за Вашей борьбой. Она представляла собой нечто большее, чем борьба пролетарского революционера. Она была символом и факелом антифашистского сопротивления. Ваша исключительная речь на Лейпцигском процессе была не только обвинительной речью против провокаторов, но и пламенным призывом к борьбе, призывом, вызвавшим во всех странах мира мощное движение против фашизма и войны.

Для нас, немецких социалистов, Ваше поведение было не только примером и вдохновением. Вы защитили на суде не только честь немецкого рабочего класса и его социалистического авангарда от фашистской клеветы. Вы разоблачили мерзкий облик фашистских провокаторов. Вы сделали и нечто большее: своими заявлениями на суде дали нам указания и ценные советы для дальнейшей борьбы против фашизма.

Эти марксистско-ленинские уроки запечатлелись в нашем сознании, и мы постарались действовать в соответствии с ними. В нашу память особенно врезались три урока, которые Вы преподали, находясь на скамье подсудимых.

Первый — что фашизм — это орудие крупного монополистического капитала и его можно свергнуть и искоренить лишь в результате ликвидации господства монополистического капитала. Вы резюмировали этот урок такими словами: «Национал-социалистские вожди — это бессовестная, жестокая милитаристская группа представителей наиболее крайних, наиболее разбойничьих, наиболее агрессивных, наиболее шовинистических и наиболее наглых высших слоев германской буржуазии и юнкеров. За ними стоят подлинные хозяева — пушечные короли, хозяева тяжелой индустрии — Крупп, Тиссен и др.».

Помня этот урок, после разгрома гитлеровской власти славной Советской Армией мы начали лишать силы эти высшие слои, чтобы искоренить фашизм в Германии.

Второй важный урок, который запечатлелся в нашем сознании, когда мы услышали Вашу речь на суде, была необходимость создания единого фронта коммунистических и социал-демократических рабочих для борьбы против фашизма. В духе Ваших заявлений мы постарались преодолеть раскол немецкого рабо-

чего класса. В общности борьбы коммунистических и социал-демократических рабочих против фашизма, против гитлеровской диктатуры выросло единство, которое осуществилось в результате слияния Коммунистической партии Германии и социал-демократической партии в Социалистическую единую партию Германии, объединяющую лучшие силы немецкого рабочего класса.

Из Вашего поведения на суде мы, немецкие социалисты, наконец, сделали вывод, что подлинное национальное чувство и международная пролетарская солидарность не противоречат друг другу, а взаимно обусловливаются. Для нас остались незабываемыми Ваши слова: «...в связи со мной и болгарский народ называли «диким» и «варварским»... и этого я не могу обойти молчанием.

Верно, что болгарский *фашизм* является диким и варварским...

— Болгарский народ всеми силами и со всем упорством боролся против иноземного ига... У меня нет основания стыдиться того, что я болгарин. Я горжусь тем, что я сын болгарского рабочего класса» [1].

И мы, немецкие социалисты, чувствуем себя верными сынами своего народа. Мы боремся за единую демократическую и свободную Германию. В этой борьбе мы едины со всеми подлинными прогрессивными силами мира, с великим социалистическим Советским Союзом, с народно-демократическими республиками, в том числе и с болгарским народом, который ныне под Вашим испытанным руководством идет по пути социализма. Наша общая борьба направлена ныне против тех же сил, с которыми Вы 15 лет назад со скамьи подсудимых начали борьбу,— против международного монополистического капитала, реакции, которая сегодня, так же как и тогда, атакует силы прогресса и мира варварскими методами фашизма.

В этой борьбе Ваше поведение на Лейпцигском процессе для нас всегда будет светлым примером.

В связи с этим мы поздравляем Вас от имени миллионов немецких социалистов и антифашистов.

Берлин, 18 сентября 1948 г.

Центральное руководство
Социалистической единой партии Германии
Вильгельм Пик *Отто Гротеволь».*

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 1 (1910—1937 годы). М., 1957, с. 336, 337.— *Прим. перев.*

Этот замечательный исторический документ был получен вместе с личным письмом Маргарет Кайльзон от 18.IX.48 г. Она сообщала Димитрову, что в день годовщины (21 сентября) по Берлинскому радио будет передана запись его речи на суде, что она посылает ему некоторые документы, касающиеся предварительного следствия, список иностранных журналистов, допущенных на процесс, и различные записки арестованных болгарских коммунистов, сообщала, что готовится митинг в историческом судебном зале в Лейпциге.

Все это было послано в Москву и получено там 27 сентября.

Но поток документов и информационных материалов, отправлявшихся в Барвиху, не был односторонним. Из Барвихи к нам тоже поступали письма, шифротелеграммы и указания. Г. Димитров постоянно следил за делами в стране. Главной темой его переписки была, разумеется, подготовка к съезду.

9 октября 1948 г., суббота

Когда я вернулся из отпуска, то около десяти дней занимался во Вране обработкой старого архива Г. Димитрова. Мы привели его в порядок, перепечатали на машинке его рукописную переписку с ЦК партии и Василом Коларовым с 1923 по 1935 г.

Переписка между Г. Димитровым и В. Коларовым имеет огромную историческую ценность. Она дает представление об исторических событиях, раскрывает два незабываемых образа. Я все больше и больше нахожусь во власти впечатления, дающего в руки ключ для понимания того, как развивались взаимоотношения этих побратимов. Вначале старшинство — и не только в возрасте — ощущается со всей определенностью. (В 1923 г. Коларову было 46 лет, а Димитрову — 41 год.) Читая их письма, видишь, как постоянно рос Г. Димитров, который выдвигал все больше идей, предложений, предъявлял все более высокие требования, высказывал неудовлетворенность ходом дел, стремился к лучшей организации работы, более широкому ее размаху. Поэтому естественно, что в начале 30-х годов он становится общепризнанным вождем рабочего и коммунистического движения в нашей стране.

...Все внимание в стране сейчас сосредоточено на съезде! Развернулось широкое народное движение за достойную встречу этого величайшего политического события. 22 сентября отмечалась 25-я годовщина Сентябрьского восстания, а 23 сентября опубликованы лозунги партии, под которыми должна идти вся предсъездовская работа. В стране проходят партийные собрания, конференции, пленумы, на которых разъясняются предсъездов-

ские проблемы. Разворачивается массовое движение трудящихся за достижение более высоких показателей, принимаются повышенные обязательства. «Пятый съезд партии — крупное событие для нашей страны. Съезд созывается в тот момент, когда силы капитализма в нашей стране разбиты и закладываются основы социализма... Нам предстоит огромная работа»,— сказал, в частности, в докладе на пленуме Софийского городского комитета партии тов. Т. Живков.

Принят детальный план предстоящей политической и организационно-массовой работы. Партийное руководство усиленно занимается подготовкой документов (проектов решений и резолюций), которые нужно как можно быстрее обнародовать, чтобы их предварительно и широко обсудили вся партия, весь народ. Идет также спешная работа над докладами.

9 ноября 1948 г., вторник

По предложению тов. Димитрова открытие V съезда перенесено на 5 декабря. На околийских конференциях уже избираются делегаты съезда.

Подготовка к съезду активизировала политическую жизнь в стране. Неимоверно вырос интерес к партии. Съезд играет огромную роль в сплочении и мобилизации масс вокруг лозунгов партии, способствует более широкому и лучшему разъяснению наших позиций, завоеванию новых симпатий. Повсюду проводятся собрания, организуются концерты, трудовые дни. Центральный Комитет партии сейчас напоминает лабораторию, в которой что-то анализируется, изучается, обобщается. Тов. Димитров внимательно следит за всем и направляет работу. Уже подготовлен, просмотрен тов. Димитровым и принят проект резолюции по пятилетнему народнохозяйственному плану. 28.X он опубликован для обсуждения.

Редко сухие цифры так действовали на воображение. Наша мысль перескакивает от настоящего прямо в будущее, которое приобретает совсем реальные измерения. В результате ускорения темпов индустриализации страны соотношение между промышленным и сельскохозяйственным производством станет 55 : 45 в пользу сельского хозяйства (сейчас оно — 70 : 30 в пользу сельского хозяйства). Изменится также соотношение между легкой и тяжелой промышленностью — от 74 : 26 в пользу легкой до 55 : 45 в пользу тяжелой. Особенно возрастут производство электроэнергии и добыча угля. В следующие две пятилетки страна превратится из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную. Значительно ускорятся темпы кооперирования крестьян. Осуще-

ствление программы широкого социалистического строительства будет связано, говорится в проекте резолюции, с большим напряжением сил, с временными лишениями и жертвами.

Проект устава партии одобрен тов. Димитровым, он предусматривает переименование нашей партии в Болгарскую коммунистическую партию. Она называлась так до 1938 г., и это название глубоко запало в сердце каждого коммуниста. Новый устав партии во всех отношениях будет лучше прежнего временного устава.

Скоро будет обнародован и проект резолюции об идеологической борьбе и марксистско-ленинском просвещении в партии. Изучается вопрос, как быть с проектом программы партии.

Это великие документы! Они определяют путь и вызывают восхищение своей глубиной и масштабностью. На их основе в партии развернется широкая предсъездовская дискуссия.

Несколько дней назад заседал Верховный союзный совет Земледельческого союза. По докладу Г. Трайкова союз внес серьезные положительные поправки в свою идеологию, тактику и программу. Прежде всего он отказался от «сословной» политики. БЗНС объявил себя организацией бедняков и середняков. Было отвергнуто также положение о самостоятельной крестьянской власти. Взят курс на решительную поддержку ТКЗХ. БЗНС признал руководящую роль рабочего класса и коммунистической партии. Это явилось переломным моментом в жизни Земледельческого союза, который извлек уроки из своих неудач за последние три десятилетия. Наши союзники твердо пошли по верному пути. Товарищ Димитров предостерегал от увлечений.

В стране кипит жизнь. Истекает срок выполнения двухлетнего плана. Все данные говорят о том, что он будет выполнен. Постоянно поступают сообщения о досрочном выполнении заданий и вводе в действие строительных объектов. Построена важная железнодорожная линия Ловеч — Троян — вторая молодежная линия; на два месяца раньше срока по ней прошел первый поезд. В кабинет Г. Димитрова поступила телеграмма, в которой шахтеры и члены молодежной строительной бригады, строившие водохранилище «Пасарел», сообщали, что они досрочно пробили в скале трассу новой дороги София — Самоков, вынув 3500 *куб. м* скальной породы. Димитров незамедлительно направил им приветственную телеграмму.

Из сел поступают сведения о том, что крестьяне поддерживают кооперирование. Если в конце прошлого года в стране было 579 ТКЗХ, то на 4 ноября текущего года насчитывалось уже 890

кооперативных хозяйств, объединявших 75 тыс. членов и 210 тыс. *га* земли. Многие села кооперированы полностью!

В телеграммах, приветствиях и резолюциях, присланных в кабинет в связи с созданием или расширением ТКЗХ, нет жалоб на принудительное кооперирование. На наших глазах развертывается народное движение, основанное на сильной вере в начала добровольности.

Есть, однако, и нерадостные явления. Нас душит новое природное бедствие — засуха. За два предыдущих месяца в нашей стране не выпало ни капли дождя. Земля высохла. Крестьяне все ждут дождя и не сеют, а уже середина ноября. Не исключена также опасность внезапного похолодания. А это значит — севу не быть! Правительство проводит самую решительную кампанию за сев в сухую землю, она проходит трудно, но все же медленно достигает цели. Вследствие засухи уменьшилось производство электроэнергии. Два раза в неделю жители Софии сидят без света.

Шахты в Пернике не выполняют план добычи угля, и большинство людей остались без топлива или имеют его только от 0,5 до 1 *т*. Узнав об этом, Димитров дал указание мобилизовать все резервы и обеспечить население топливом.

Что касается международной жизни, то заканчивающийся период характеризуется все большим утверждением ведущей роли ВКП(б) и Советского Союза в коммунистическом, рабочем и национально-освободительном движении. В невиданных масштабах развертывается освободительная борьба, идет великий идейный и политический поединок.

9 октября Черчилль произнес новую «фултонскую» речь. Он снова проиграл старую пластинку, обвинив во всех бедах «руку Москвы». И снова человек с сигарой призывал к новому туру гонки вооружений. Печать справедливо пишет: поджигательская речь Черчилля мало отличается от его речи в марте 1946 г. Но мир уже в корне изменился. За эти два с половиной года время работало не так, как хотелось его милости. Освобождение порабощенных народов от английского, французского и голландского колониального гнета, ликвидация империалистического рабства, социальный прогресс набирали колоссальную скорость.

28 октября И. В. Сталин дал интервью, в котором содержалась оценка речи Черчилля. И. В. Сталин сказал: «Политика нынешних руководителей США и Англии есть политика агрессии, политика развязывания новой войны» [1].

---

[1] Правда, 1948, 29 октября.— *Прим. перев.*

Веские слова в ходе этого идейного и политического спора сказал и Г. Димитров, опубликовавший в газете «За прочный мир, за народную демократию!» статью «Октябрьская социалистическая революция открыла человечеству путь к подлинной демократии, к социализму». Затем она была перепечатана у нас. В ней развивается мысль, высказанная в заглавии, освещаются некоторые животрепещущие вопросы и говорится об угрозе новой мировой войны. Димитров пишет: «Не потому кричат англо-американские империалисты о новой войне, что они действительно к ней готовы. Они не хуже нас знают, чем может окончиться для них эта новая авантюра. Первая мировая война, как известно, окончилась победой трудового народа на одной шестой части земного шара. Вторая мировая война привела к отпадению от системы империализма ряда стран народной демократии. Могут не сомневаться господа империалисты, что новая мировая война, если заправилы Уолл-стрита развяжут ее, закончится для них еще большим, а может быть, и окончательным разгромом — полной ликвидацией капиталистической системы» [1].

В статье подчеркивается благотворная роль Советского Союза — детища Октябрьской революции — в обеспечении мира и свободы народов.

«Никогда,— пишет он,— не было так ясно, как теперь, после второй мировой войны, что без Советского Союза нет и не может быть свободы и независимости народов» [2].

Как видно, находившийся на лечении Димитров не стоял в стороне от кипучей жизни в стране. Хотя и издалека, он участвовал в ней активно и непосредственно. Он работал! Результатом этого явился ряд страниц его исторического доклада на съезде, глубоко содержательных писем и телеграмм, в которых определялись направления работы, его статьи и приветствия.

Постараемся проследить его деятельность в это время.

25 сентября Димитров послал телеграмму Политбюро ЦК, в которой говорилось:

> «Состояние здоровья не позволило мне изучить проект резолюции по пятилетнему хозяйственному плану. Сегодня бегло прочел его. Считаю, что проект нуждается в серьезной переделке — его необходимо начать с краткого обвинения буржуазии, с рассказа о ее хищнической хозяйственной политике. Далее следует дать характеристику хозяйственной

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 570.— *Прим. перев.*

[2] Там же, с. 571.— *Прим. перев.*

политики Отечественного фронта под руководством нашей партии, сказать о выполнении двухлетнего хозяйственного плана и затем перейти к обоснованию основных положений пятилетнего хозяйственного плана».

Затем Димитров просит, чтобы ему показали переработанный текст проекта до его обнародования.

30 сентября Секретариат ЦК получает от него новую телеграмму, в которой идет речь о текущем политическом моменте.

В шифротелеграмме от 6 октября 1948 г. Димитров предложил открыть съезд партии 5 декабря, т. е. на две недели позднее ранее намеченной даты.

7 октября поступила телеграмма с его замечаниями по проекту нового устава партии. Поскольку в ней содержатся важные принципиальные положения о характере партии, приведем ее полностью:

«*Наиболее существенные замечания по проекту устава:*

1. При редактировании вступления нужно учесть следующие моменты:

а) БКП как ведущая партия Отечественного фронта действует в интересах всестороннего укрепления союза между рабочими, крестьянами, ремесленниками и трудовой интеллигенцией под руководством рабочего класса и активно работает ради успешного осуществления программы, принятой Вторым съездом Отечественного фронта... которая призвана облегчить и ускорить социалистическое развитие нашей страны;

б) БКП ведет борьбу и против буржуазного национализма;

в) БКП является неотъемлемой частью общего коммунистического фронта, возглавляемого ВКП(б), испытанной в борьбе против капитализма и за построение социализма;

г) БКП проявляет постоянную заботу об идейно-политическом воспитании своих членов и всех трудящихся в марксистско-ленинском духе. Она учит их бдительности в отношении классового врага и непримиримой классовой борьбе против капиталистических и эксплуататорских элементов в городе и деревне;

2. *Ст. 10.*— Кандидатский стаж должен составлять один год или полтора года и быть одинаковым для рабочих, трудящихся крестьян, служащих и интеллигентов. В настоящий момент политически нецелесообразно делить кандидатов в члены партии на три категории. Есть другие средства регулирования состава партии.

3. *Ст. 20.*— Партийному активу не следовало бы предоставлять право решения важных партийных вопросов. Это означало бы отстранение других членов партии, не входящих в состав актива, от участия в решении этих вопросов. Партийный актив необходим для разъяснения партийных решений и проведения их в жизнь.

4. *Ст. 27...*

Г. Димитров».

В тот же день — 7 октября — Тр. Костов, замещавший Димитрова в Центральном Комитете и в правительстве, написал ему обширное письмо. Оно содержало подробную информацию о решениях Политбюро, Секретариата ЦК и правительства и по другим актуальным вопросам. «Сегодня Политбюро,— говорится в нем между прочим,— решило согласиться с предложением Г. Димитрова о переносе начала съезда на 5 декабря, необходимом для продолжения отдыха тов. Димитрова»; на этом же заседании были заново рассмотрены все проекты резолюций, устава и др. и возвращены для доработки и переработки; может быть, секретарям ЦК следует съездить в Москву, чтобы согласовать с Димитровым проекты резолюций по соответствующим докладам. Затем следует информация о ходе торговых переговоров с СССР и продовольственных трудностях в стране. «Положение у нас все еще тяжелое. Нельзя ли получить заем у Советского Союза?»

14 октября Димитров написал следующее письмо:

«Я прочитал в «Изгрев» от 10.X под заглавием, напечатанным жирным шрифтом, что добыча каменного угля в этом году уменьшилась на 130 тыс. *т* по сравнению с прошлым годом. Я удивлен этим сообщением. Что, собственно говоря, случилось? Как объяснить этот позор для перникских шахтеров, для министерства, для дирекции, для правительства и, разумеется, не в последнюю очередь для нашей партии? Неужели своевременно не приняты энергичные меры, чтобы не допустить такое страшное сокращение добычи? Политбюро следовало бы (если это не сделано) выяснить причины и установить ответственных, наложить на партийных руководителей соответствующие взыскания, провести по линии правительства необходимые организационные мероприятия и сделать другие выводы.

Это вопрос такой важности, что и Комиссии государственного контроля стоит взять на известное время под постоянный контроль работу перникских шахт.

Какие сведения дает Дирекция милиции в связи с этим сокращением?»

Это письмо сразу привело в движение весь правительственный аппарат. Были срочно проведены совещания с участием работников всех ведомств и организаций, связанных с добычей, перевозкой и продажей угля. Все были подняты на ноги. В результате шахты в Пернике резко увеличили добычу и вместо 9,5 тыс. *т* в начале октября стали выдавать во второй половине месяца от 10 до 12 тыс. *т*.

21 октября была созвана новая конференция работников всех ведомств, занимающихся снабжением углем и дровами. Был обсужден вопрос об устранении недостатков и обеспечении топливом населения, промышленности и транспорта. Добыча на шахтах Перника стабилизировалась — с 21 по 29 октября ежедневно добывалось по 11 тыс. *т*.

27 октября Г. Димитрову доложили, что «около 28 тыс. квартиросъемщиков в Софии не имеют топлива, но до конца ноября им будет отпущено по одной тонне угля».

15 октября Г. Димитров сообщил, что получил копию решения Политбюро относительно добычи угля и согласен с намеченными мерами.

16 октября Политбюро рассмотрело другую важную проблему — о наших мерах в связи с «умышленной шумной военной пропагандой англо-американцев».

> «Не допуская недооценки,— передал Димитров из Барвихи,— действительно больших военных приготовлений империалистов, направленных против Советского Союза и стран народной демократии, необходимо изо дня в день приводить факты и давать комментарии, которые бы ясно доказывали, что англо-американские империалисты шантажируют близкой войной, чтобы запугать народные массы Западной Европы, предпринять нажим на народы Центральной и Юго-Восточной Европы и поощрять реакционные капиталистические силы мира — одним словом, ловить рыбу в мутной воде!» Димитров отмечает, что необходимо «в печати и средствами агитации выступать против паники и пораженческих настроений», по линии Отечественного фронта подготовить тезисы для подобной разъяснительной кампании.

21 октября 1948 г. Димитров послал новую шифротелеграмму по актуальному политическому вопросу.

22 октября Тр. Костов направил Г. Димитрову обширное письмо, в котором затрагивались наиболее значительные вопросы политической и экономической жизни страны. В первую очередь рассматриваются некоторые неотложные вопросы, связанные с обороной страны. Тр. Костов выдвигает и формулирует исключи-

тельно важное положение о переходе к системе совместной обороны союзных стран, и прежде всего с СССР. Это чрезвычайно показательно и как отношение к Советскому Союзу, к дружбе и единству с Советским Союзом! Болгария неотделима от СССР, она пойдет с ним плечом к плечу и в мирные дни, и в бой — навеки, навсегда! Вот главный критерий отношения Тр. Костова к болгаро-советской дружбе, к Советскому Союзу!

Далее в письме следуют данные о заготовке хлеба (75% уже заготовлено), об обеспечении продуктами питания бедного сельского населения...

«Вчера на заседании Политбюро мы приняли проект резолюции по пятилетнему плану». Он посылает его текст Г. Димитрову с просьбой срочно вернуть. Необходимо увеличить импорт советских тракторов. «Вся страна живет ожиданием нашего съезда. Развернулось соревнование, проводятся короткие митинги, берутся обязательства. Вот и сейчас под окнами Совета Министров проходят молодежные агитбригады с криками «ура!» и возгласами в честь партии».

Димитров действительно не задержал проект резолюции и уже 25 октября послал телефонограмму Тр. Костову и Д. Терпешеву. Он считал, что проект уже «не нуждается в каких-либо особых существенных поправках, которые, если и окажутся необходимыми, можно будет внести на съезде». «После исправления некоторых редакционных погрешностей в тексте и уточнения некоторых формулировок проект резолюции можно обсудить в партийных организациях».

Димитров поднимает и два крупных принципиальных вопроса:

1. «Особенно важно остерегаться известного забегания вперед, перескакивания неизбежных этапов развития страны и создания иллюзий, будто в результате выполнения пятилетнего хозяйственного плана у нас будет построен социализм. Мы должны исходить из верной принципиальной установки, что сейчас переживаем период строительства основ социализма, создания базиса и подготовки необходимых условий для построения социалистического общества в нашей стране».

2. «В заключительной части проекта резолюции следовало бы обязательно подчеркнуть важную роль Отечественного фронта в организации и мобилизации всех здоровых сил народа и всех честных тружеников нашей страны для успешного выполнения пятилетнего хозяйственного плана и преодоления саботажа и сопротивления эксплуататорских, капиталистических элементов в городе и деревне. Это теперь тем

более важно, если иметь в виду тенденции недооценки Отечественного фронта и коварные усилия внутренних и внешних врагов, направленные на его разрушение».

25 октября Г. Димитров пишет В. Коларову о том, что здоровье его снова ухудшилось из-за гриппа: «По всему видно, раньше 20 ноября вернуться не смогу».

27.X 1948 г. Тр. Костов направил Г. Димитрову новое обширное письмо, в котором идет речь о подготовке торгового договора с СССР, отмечается большая потребность в советских тракторах и других машинах для промышленности и шахт. «В 1949 г.,— говорится в нем,— нам потребуется существенная помощь, без которой наше развитие может серьезно задержаться»; необходим новый товарный кредит от СССР в размере 40 млн. долларов. «Может быть, ты это сделаешь?», т. е. Димитров лично поставит вопрос перед советскими руководителями.

В середине ноября два секретаря ЦК уехали в Москву, где беседовали с Димитровым по своим докладам и соответствующим проектам резолюций съезда.

15 ноября 1948 г. Г. Димитров посылает письмо Тр. Костову. В нем между прочим разъясняется, как, по его мнению, следует подходить к вопросу о выработке программы партии и принятии ее съездом. Вследствие того, что возникает ряд существенных затруднений в формулировании программных положений, Димитров предлагает подождать, когда будет принята программа советских коммунистов, которая усиленно готовится. А пока «ограничимся обоснованием предложения о выборах программной комиссии и указанием вопросов, подлежащих разработке...».

Затем следуют строки:

> «С моим лечением получилась большая неудача. Как раз тогда, когда начал поправляться, я заболел вирусным гриппом. Три недели пролежал в постели... Но я так сильно надломлен гриппом, что еще не в состоянии серьезно работать».

Председатель Совета Министров согласен с решением об образовании некоторых новых министерств.

Кроме того, Димитров написал краткую статью о 25-й годовщине со дня смерти Христо Смирненского, приветственное письмо ЦК ВЛКСМ в связи с 30-летием создания Ленинского комсомола, приветствие писателю Людмилу Стоянову по случаю его 60-летия и 45-летия литературной деятельности и ряд других.

Из обоих цитированных писем уже можно видеть, в какую сторону происходит сдвиг в состоянии его здоровья.

Вот как протекала болезнь: 17 октября он заболевает гриппом и в течение двух недель вынужден соблюдать постельный режим; 28 октября заболевание проходит, но буквально на следующий день (29 октября) грипп повторяется, причем в еще более острой форме, и сопровождается более высокой температурой. 19 октября он записывает: «Все идет у меня, как назло, не так». 30 октября уже обнаружено осложнение на почки и мочевой пузырь; существует опасность воспалительного процесса. ««Не везет!», как говорят русские». 1 ноября он сетует по поводу навалившихся на него болезней и бессилия медиков обуздать их: «Ох, как надоели эти неудачи в моем лечении».

Организм Димитрова начал терять сопротивляемость. Впервые он поколебался духом, понимая, каким может быть исход коварной болезни. Растущее несоответствие между слабеющими физическими возможностями и стоящими перед ним колоссальными проблемами мучает его, не дает покоя. Дух и физические силы вступают в острейший конфликт. Дух неукротим, а силы сдают, что является источником страдания.

В первые дни ноября он окончательно отредактировал свое письмо И. В. Сталину о характере народной демократии. Это говорит о том, что, несмотря на такое состояние здоровья, он занимается напряженным умственным трудом.

Через три недели Г. Димитров стал поправляться. У него прошел грипп, спала температура, другие боли тоже поутихли. Лучшие советские врачи, вкладывая душу и сердце, делают все, что в их силах, чтобы вылечить любимого Георгия Михайловича. 5 ноября он уже чувствовал себя довольно хорошо и впервые вышел на прогулку. Он все энергичнее настаивает на выписке из санатория, чтобы принять активное участие в подготовке съезда. Врачи предлагают ему переехать на его прежнюю дачу в Мещерино, где он будет находиться под их наблюдением. Пробыв на даче 12 дней, Димитров улетел в Софию. Но чувствовал себя не особенно хорошо, у него иногда повышалась температура, сильно похудел.

Сначала проведем съезд, а потом уже займемся здоровьем — такими словами можно определить его отношение к происходящему.

И он вдохновенно, не щадя своих сил, включился в подготовку исторического V съезда партии,

Георгий Димитров понимал, что в своем докладе он должен сказать веское слово по главным вопросам истории партии, ее настоящего и будущего, обобщить опыт ее героической борьбы, извлечь из нее уроки, чтобы обогатить теорию; нужно было ответить на животрепещущие вопросы сегодняшнего дня и с помощью научного, марксистско-ленинского предвидения наметить перспективы.

В первой части нужно было дать обзор, сделать анализ и обобщение прошлого. Со времени IV съезда партии, состоявшегося в 1922 г., прошло 26 лет. Необходимо было дать отчет и осветить деятельность партии за этот период, богатый бурными событиями.

«В своем развитии партия прошла трудный, тернистый, извилистый путь, путь, полный героизма и непоколебимой верности рабочему классу и трудовому народу. Долго находясь на нелегальном положении, терпя тяжкие поражения и неся бесчисленные тяжелые жертвы, наша партия ни на минуту не прекращала своего существования и борьбы» [1].

Период до IV съезда нужно было тоже осветить с марксистско-ленинских позиций — этого IV съезд не в состоянии был сделать, так как партия не обладала необходимым идейно-теоретическим оружием. Тесный социализм был доленинским революционным марксизмом на болгарской почве, но БКП стала крупной политической партией и политическим вождем народных масс только после Октябрьской революции, после того, как она взяла на свое вооружение ленинизм.

Другую часть доклада следовало посвятить периоду от 9 сентября 1944 г. до начала съезда. Нужно было дать характеристику трех лет народной власти, самого 9 сентября, рассмотреть международное положение и нашу внешнюю политику, проанализировать состояние партии и наметить такие перспективы и задачи в хозяйственной и культурной областях, чтобы из всего этого естественно складывалась генеральная линия партии на последующий период.

Именно поэтому в докладе необходимо было до минимума сократить элемент отчетности и максимально усилить политический и теоретический анализ. Готового пути не было, нужно было, опираясь на сокровищницу марксизма-ленинизма, подходить новаторски, творчески.

Необходимо было прежде всего теоретически осветить вопрос: — какой режим установлен в нашей (и не только в нашей)

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 574.— *Прим. перев.*

стране, каковы его характер и перспективы? Ответ необходим был, в сущности, не только для теории, но и для практики, для политической жизни в целом ряде стран, ставших на некапиталистический путь развития.

Не случайно Димитров взялся прежде всего за подготовку этой части своего доклада. Не случайно он посвятил ему больше всего времени. В конце октября появилась в основных чертах подготовленная Димитровым разработка, касающаяся характера, роли и перспектив народной демократии.

Димитров хотел по этому вопросу предварительно проконсультироваться с руководством ВКП(б) и лично с И. В. Сталиным.

С этой целью он подготовил краткое изложение вначале на болгарском языке. Первый вариант его занимал четыре машинописные страницы, а второй — почти шесть страниц. Это были тезисы стройной теории, раскрывающей сущность и характерные особенности народно-демократического режима. Димитров направил тезисы для согласования в Политбюро, которое их рассмотрело и одобрило. Были сделаны некоторые замечания, с которыми Димитров согласился. Было найдено и верно, глубоко теоретически освещено главное в этой новой, неизвестной ранее форме государственной власти. Формулировка о диктатуре пролетариата, как самая дискуссионная (и сам Димитров продолжал уяснять ее для себя), оставлена специально — она должна приобрести окончательный вид при участии И. В. Сталина.

Все проблемы Димитров сгруппировал в четыре раздела, обозначенные римскими цифрами. В разделе I отмечались четыре важнейшие особенности народной демократии:

«1. Народно-демократическое государство представляет собой власть трудящихся, огромного большинства народа при руководящей роли рабочего класса...

2. Народно-демократическое государство строится в сотрудничестве и дружбе с Советским Союзом.

3. Народно-демократическое государство принадлежит к демократическому, антиимпериалистическому лагерю.

4. Народно-демократическое государство является государством переходного периода, призванным обеспечить развитие страны по пути к социализму».

В докладе на съезде этот тезис был вторым («б») и содержал следующие важные мысли:

«Только продвигаясь неуклонно вперед по пути к социализму, народно-демократическое государство сможет укрепиться и выполнить свою историческую миссию. Если бы народная демократия перестала бороться против эксплуататорских классов,

перестала подавлять и вытеснять капиталистические элементы, то последние неминуемо взяли бы верх и не только подорвали бы основы народной демократии, но и довели бы ее до гибели»[1].

В разделе II освещается вопрос о народной демократии и советском режиме.

«Мы понимаем это дело так: в обстановке военного разгрома агрессивных, фашистских государств, в условиях резкого обострения общего кризиса капитализма, огромного усиления могущества Советского Союза и при наличии тесного сотрудничества с СССР и народно-демократическими государствами для нашей страны, как и для других стран народной демократии, открылась возможность осуществить переход от капитализма к социализму без создания советского режима, посредством режима народной демократии...»

«Воплощая господство трудящихся при руководстве рабочего класса, режим народной демократии может и должен в данной исторической обстановке, как уже показал опыт, с успехом выполнять функции диктатуры пролетариата в деле ликвидации капиталистических элементов и организации социалистического хозяйства».

В разделе III — «Вопрос об основной задаче нынешнего этапа» — говорилось:

«В настоящее время... ведется работа по созданию необходимых условий для построения социализма, по созданию экономических и культурных основ будущего социалистического общества в нашей стране.

Именно это составляет на нынешнем этапе основную задачу народной демократии, а следовательно, и рабочего класса и возглавляющей его коммунистической партии»[2].

Раздел IV был посвящен интернационализму — неотъемлемой черте народной демократии. В докладе этот тезис был изложен шире:

«Борясь против всех проявлений национализма, мы должны воспитывать трудящихся в духе пролетарского интернационализма и преданности своей родине, то есть в духе подлинного патриотизма.

Воспитание в духе пролетарского интернационализма и преданности своей родине означает в первую очередь развитие и укрепление понимания решающего значения крепко сплоченного единого фронта стран народной демократии и великого Советского Союза для борьбы против наступления агрессивных сил

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 629.— *Прим. перев.*

[2] Там же, с. 631.— *Прим. перев.*

международной реакции и империализма. Все будущее нашего народа зависит, с одной стороны, от могущества Советского Союза, в котором мы кровно заинтересованы, а с другой — от готовности и способности нашего народа в случае капиталистической агрессии достойно выполнить свой долг в общей борьбе» [1].

Димитров продолжал работать над этим изложением и после его перевода на русский язык и внес в него ряд новых существенных поправок. Так, например, раздел II получил новое заглавие: вместо «Народная демократия и советский режим» стало «Народная демократия и диктатура пролетариата». Написанное ранее предложение о том, что переход от капитализма к социализму может быть осуществлен без диктатуры пролетариата, посредством народной демократии, было зачеркнуто и заменено словами: «...без создания советского режима, посредством режима народной демократии...». А фраза: «Режим народной демократии может и должен в данной исторической обстановке, как уже показал опыт, с успехом выполнять функции диктатуры пролетариата» — была уточнена так: «...выполнять функции диктатуры пролетариата в деле ликвидации капиталистических элементов и организации социалистического хозяйства».

Тогда же Димитров составил и письмо И. В. Сталину, в котором между прочим говорилось:

> «В связи с этим (т. е. V съездом партии.— *Н. Г.*) нам важно проверить правильность своих взглядов по некоторым вопросам. Поэтому по поручению ЦК Болгарской компартии я обращаюсь к Вам с настоятельной просьбой ознакомиться с нашими взглядами по изложенным здесь вопросам и помочь нам Вашим советом правильно сориентировать партию в период ее предстоящей деятельности в сложных условиях».

3 ноября письмо вместе с тезисами было послано И. В. Сталину, который отдыхал в Сочи, а копию отправили В. М. Молотову в Кремль. Как увидим, 6 декабря состоится беседа Сталина и Молотова с болгарской делегацией во главе с Димитровым.

Вышеизложенное показывает, как Димитров творчески осмысливает пройденный путь и накопленный политический опыт. Для него народная демократия была новой формой перехода к социализму. Это было новое слово в теории марксизма-ленинизма. Он объясняет, что народная демократия решает задачи, аналогичные тем, которые раньше решала лишь Советская власть и которые присущи диктатуре пролетариата; но еще не дава-

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 632.— *Прим. перев.*

лась формулировка, что сама народная демократия является формой диктатуры пролетариата.

Почему Димитров так долго воздерживался сформулировать это положение? Главное нужно видеть во взглядах самого Димитрова — в сущности его положений, изложенных еще на VII конгрессе Коммунистического Интернационала, в его стремлении искать новые ответы на старые вопросы в новых условиях, преодолевать доктринерство.

Димитров опирался и на одно из высказываний В. И. Ленина, в котором ясно показана разница между *политической диктатурой,* которую Советское правительство вынуждено было временно ввести в тяжелые годы военной интервенции и которая рассматривается именно как временное, не присущее власти рабочих и крестьян явление, и *диктатурой пролетариата* как сущностью социального строя со все более широкой политической свободой и демократией, как это понимали Маркс и Энгельс. Диктатура пролетариата есть и должна быть демократией высшего порядка. Димитров хорошо понимал это.

Димитров много занимался (особенно после VII конгресса Коминтерна) разработкой проблемы перехода от капитализма к социализму при наличии народного фронта, т. е. в случаях, когда власть пролетариата устанавливается не после победоносной пролетарской революции и рабочий класс приходит к власти не один, а в союзе с другими прогрессивными силами и слоями населения.

Когда мы взяли власть в свои руки, независимо от того, существовал народный фронт или нет, боролись ли мы за власть одни или вместе с союзниками, было легче всего сказать, что по своему характеру она будет советской властью и диктатурой пролетариата. Но Димитров не мог так поступить. Нужно было вместе с другими видными деятелями Коммунистического Интернационала искать новый подход при определении характера власти. Можно сказать, что Димитров является виднейшим теоретиком в этой области. Когда в 1936 г. перед Компартией Испании возник аналогичный вопрос — какую власть и какую республику следует установить после разгрома фашизма,— он ответил ясно:

«Эта республика на данном переходном этапе международных отношений при существовании Советского государства, советской демократии, с одной стороны, и государств буржуазной демократии, как в Англии и Америке, и при существовании фашистской диктатуры *будет особым государством с подлинной народной демократией* (курсив мой.— *Н. Г.*). Это еще не будет

советское государство, но государство антифашистское, левое, с участием подлинно левой части буржуазии»[1].

А в заключительном слове Димитрова на VII конгрессе Коммунистического Интернационала ясно говорится:

«Я хотел бы предостеречь против всякого упрощенчества и схематизма в этом вопросе. Жизнь сложнее всяких схем. Неверно, например, изображать дело так, что правительство единого фронта является *обязательным этапом* на пути к установлению пролетарской диктатуры. Это так же неверно, как неверно было раньше представлять дело так, что в фашистских странах не будет *никаких промежуточных этапов* и фашистская диктатура будет *обязательно и непосредственно сменена* пролетарской диктатурой»[2].

Вот что писал член Политбюро, секретарь ЦК СЕПГ Альберт Норден в статье «Замечательный пролетарский интернационалист» (10.VI 1972 г.):

«Как Генеральный секретарь Коминтерна он (Г. Димитров.— *Прим. перев.*) помогал нашей партии в 1936 г., когда она взяла курс на создание народного фронта. В этом году Политбюро ЦК КПГ представило на рассмотрение антифашистов Германии *принципы новой, демократической республики* (курсив мой.— *Н. Г.*), которую следовало бы создать после свержения фашистского режима»[3].

Для Димитрова было закономерным в новых условиях продолжать искать верный ответ на вопрос о характере государства и власти.

По этому вопросу Димитров советовался со своим другом, видным деятелем КПСС и международного коммунистического движения Отто Куусиненом.

Куусинен прошел путь бурной революционной борьбы как деятель левого крыла финской социал-демократической партии, один из основателей Коммунистической партии Финляндии и член революционного правительства. Позднее он продолжительное время секретарь Исполкома Коминтерна (с 1921 по 1939 г.) и Председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР. Член ЦК ВКП(б), а еще позднее — член Президиума ЦК КПСС и секретарь ЦК КПСС.

У Димитрова были дружеские отношения со многими видными деятелями ВКП(б), но наиболее близкие — бесспорно с

---

[1] VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны (Сборник документов). М., 1975, с. 440.— *Прим. перев.*

[2] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 1 (1910—1937 годы), с. 465.— *Прим. перев.*

[3] Работническо дело, 1972, 10 июня.— *Прим. перев.*

Отто Куусиненом и Д. Мануильским. Последний был уже на ответственной государственной работе в Киеве. Именно с Куусиненом Г. Димитров откровенно беседовал по таким первостепенным вопросам. Куусинен был у Димитрова дважды — 5 и 23 октября. Они долго беседовали. Ветераны пролетарской революции, приверженцы идей VII конгресса Коммунистического Интернационала, они пришли к выводу, что эти вопросы следует решать «по-иному», т. е. с учетом изменившихся условий.

Судя по тому, что в обсуждении таких деликатнейших вопросов участвовали две такие крупные фигуры (а до этого и И. В. Сталин), которые видели, что переход к новому обществу может быть осуществлен «по-иному», можно понять, что в коммунистическом движении зрели новые мысли, которые были еще недостаточно ясными и оформившимися, но уже существовали. Исходя из основных закономерностей, подтвержденных Октябрьской революцией и опытом Советского государства, учитывая значительно изменившиеся условия после второй мировой войны, коммунисты искали пути более легкого перехода от капитализма к социализму, которые соответствовали бы новому времени.

23 ноября 1948 г., вторник

Вчера в 19.30 товарищ Димитров со своей семьей вернулся во Врану. Его встречал Трайчо Костов, там были и мы, помощники.

Димитров беседовал с Трайчо Костовым, а мы отошли в сторону и тихо разговаривали между собой. Некоторое время спустя Димитров подошел к нам и спросил:

— Как дела?

— Хорошо, товарищ Димитров. Ждем вас,— ответил за нас Кюлёвский.

— Сейчас мы должны мобилизоваться,— сказал он, улыбаясь, и сделал широкий жест руками.

Один за другим во Врану прибыли многие руководители партии и правительства; они оживленно беседовали, вместе ужинали.

Наши врачи, осмотревшие сегодня Димитрова, нашли состояние его здоровья удовлетворительным. Жалоб у него нет.

24 ноября 1948 г., среда

Вчера Банчева пригласили на доклад, и товарищ Димитров передал через него, чтобы сегодня прибыли и мы с Кюлёвским. Во Врану мы поехали после обеда и ждали там, пока освобо-

дится товарищ Димитров, и одновременно приводили в порядок некоторые материалы, которые он нам оставил. Вначале он вызвал Кюлёвского, который докладывал больше часа. Затем подошла и моя очередь. Товарищ Димитров работал в кабинете на веранде, сидел за бюро спиной к двери и что-то читал. Я вошел и поздоровался. Подняв голову, он улыбнулся, встал и подал мне руку... Он проявил большой интерес к поступившей корреспонденции. И опять обратил внимание на анонимные письма.

— Читайте их внимательно и обо всем наиболее важном сообщайте мне. Поступают ли письма враждебного характера? Много их присылают?

Ответил, что их получаем меньше, чем прежде. Больше стало поступать анонимных писем, в которых крестьяне высказывают недовольство размером хлебопоставок государству, а горожане жалуются на продовольственные затруднения и нехватку каменного угля.

— Их нужно рассматривать внимательно,— сказал Димитров,— они очень важны. В них люди высказывают свое подлинное настроение. А недовольство есть. Но сейчас нельзя ничего поделать, у нас еще трудные времена.

Я повторил, что чувствуется известное недовольство среди части крестьян, им трудно выполнять поставки.

— Да,— сказал он в том смысле, что ему известно такое положение.— Но сейчас нельзя ничего поделать. Мы должны следить за такими настроениями.

О неприятных вещах мы говорили Г. Димитрову откровенно. Когда мы об этом вели речь, я подумал, что иногда в некоторых кругах заявляют, будто Димитров не знает истинного положения дела. Они и не подозревают, что он полностью информирован и о хорошем и о плохом и очень хорошо чувствует пульс жизни в стране.

Затем я доложил ему много других материалов.

В одном из них говорилось о том, что летом этого года по инициативе Габровского околийского совета профсоюзов рабочие коллективы г. Габрово приняли обязательства в связи со днем рождения Димитрова и годовщиной 9 сентября. Обязательства были скреплены подписями около 7 тыс. рабочих. Бесспорно, это важная инициатива. Димитров послал им ответное письмо, в котором подчеркивал, что взятые обязательства ко многому обязывают; он выражал уверенность, что рабочие найдут силы выполнить их и достойно отчитаются перед народом. Руководители Габровского околийского профсоюза послали копию этого письма в газету «Труд», которая опубликовала его на пер-

вой странице. Осенью они чистосердечно признали, что... ограничились лишь принятием обязательств... Они не вели ни учета, ни контроля... Димитров внимательно выслушал меня и сказал:

— Да, верно, здесь имеет место стихийность. И профсоюзы, и печать должны уметь хорошо направлять это движение трудящихся, избегать кампанейщины и формализма.

Затем добавил:

— Я подумаю об этом, и решим, что нужно будет предпринять.

Потом он вел со мной разговор о разных вопросах. Зашла речь о газете «Народна младеж», которая недавно стала выходить ежедневно.

— Как издается газета? Каков ее тираж?

Ответил, что, по-моему, издается хорошо и что ее тираж уже составил около 80 тыс. экземпляров.

— Да, пока все идет хорошо.

Вчера вечером мы передали сообщение в печать о том, что «Председатель Совета Министров Георгий Димитров возвратился из отпуска и приступил к исполнению своих обязанностей».

В партийной прессе начали печататься дискуссионные материалы по проектам резолюций съезда.

На днях открывается очередная сессия Народного собрания.

В нашу литературу и искусство властно вторгается тема жизни, борьбы и дела Димитрова.

Волнующую поэму «Димитров» написал Божидар Божилов.

Молодой талантливый автор Камен Калчев по поручению ЦК СНМ подготовил книгу о Г. Димитрове — «Сын рабочего класса».

Может быть, самый удачный из созданных до сих пор портретов Димитрова написала одаренная художница Живка Енчева.

27 ноября 1948 г., суббота

Напряжение в работе товарища Димитрова все возрастало.

В четверг, 25 ноября, под его председательством состоялось заседание Политбюро, рассмотревшее много вопросов, и прежде всего вопросы, связанные с подготовкой съезда. Было решено снова перенести дату открытия съезда главным образом для того, чтобы дать возможность тов. Димитрову более спокойно подготовиться к докладу и шире развернуть предсъездовскую дискуссию.

Сегодня в печати опубликовано следующее сообщение:

«В ЦК поступили и продолжают поступать от партийных организаций, партийных конференций, от отдельных товарищей,

рабочих, крестьян и др. многочисленные предложения и рекомендации в связи с проектами резолюций съезда.

Для того чтобы все эти предложения и рекомендации можно было обстоятельно рассмотреть до начала работы съезда, ЦК решил открыть V съезд партии 18 декабря с. г. вместо 5 декабря, как было намечено ранее».

Вчера Димитров председательствовал на заседании Совета Министров. По его предложению решено установить дипломатические отношения с КНДР и государством Израиль. На заседании заслушали доклад министра иностранных дел В. Коларова о ходе обсуждения в ООН вопроса о приеме Болгарии в члены этой организации. Рассмотрен и ряд других вопросов.

После заседания Председатель Совета Министров зашел к нам и осмотрел свой кабинет. К сожалению, ремонт кабинета еще не закончили... Когда он вышел во двор, то увидел художника, рисовавшего огромный плакат для украшения здания Совета Министров перед съездом. Он остановился и наметанным глазом наборщика и редактора заметил неточность.

— Вы допустили грубую орфографическую ошибку,— сказал шутливо Г. Димитров,— Неправильно переносите одно слово!

Художник вздрогнул.

— Слово «фронт» нельзя переносить, как вы это сделали: «фро-нт».

— Но, товарищ Димитров, в искусстве это разрешается...

И художник многословно объяснил, какую свободу он может себе позволить, пренебрегая правилами правописания.

— Я понимаю это. Такие случаи есть, и иначе быть не может. Но всегда ли у художника есть такое право? Видимо, есть такие места и случаи, когда и для художника обязательны все требования правописания?

— Есть!

— Такой случай и сейчас, верно?

— Понимаю, товарищ Димитров...

Димитров пожал ему руку и ушел, а он смотрел ему вслед, не веря, что так неожиданно пришлось дискутировать с Председателем Совета Министров по вопросам искусства и правописания.

Сегодня, в субботу, во Вране состоялось заседание Секретариата ЦК. После него я на несколько минут сумел проскользнуть к Димитрову и доложить о некоторых наиболее срочных делах. Внимательно присматривался к нему, чтобы лучше определить его состояние. Мне показалось, что он бодр и здоров: заседал с 11 часов, уже 5 часов вечера, а усталости у него не за-

мечалось. Может быть, только глаза говорили о пережитых страданиях — казались больше обычного, тени вокруг них стали темнее.

6 декабря 1948 г., понедельник

В минувшие дни все силы и внимание Г. Димитрова были сосредоточены на подготовке доклада.

Доклад представляет собой как коллективный, так и личный труд Димитрова. Он готовился по его замыслу и плану, в нем заложены идеи и мысли, разработанные Г. Димитровым, от начала и до конца виден его почерк, и, наконец, главные его разделы написал он сам. Только исключительная личность может приобщить к подобному делу столько крупных деятелей и получить в результате нечто абсолютно целостное и единое.

В эти дни во Вране кипит работа — пишется и переписывается материал к докладу, вносятся дополнения, обсуждаются отдельные главы, снова вносятся поправки. Многие основные формулировки обсуждаются вновь и вновь — либо на заседаниях руководящих органов партии, либо на специальных встречах, либо просто при разговоре. Работа ежедневно продолжается допоздна. Все, что пишет Димитров, мы или диктуем машинистке, или же она печатает некоторые страницы прямо с рукописи. Напечатанный текст Димитров читает снова — уточняет, дописывает, переделывает. Отдельные части сразу посылает на ознакомление некоторым руководителям партии, внимательно читает их замечания, одни принимает, другие обсуждает при встрече, а третьи отклоняет, но делает это так, чтобы не подорвать чей-либо авторитет.

Либо по отрывочным разговорам, либо по изменениям в текстах видно, как формируются точки зрения по тому или иному вопросу.

В разделе, в котором дается обзор истории нашей партии, более развернуто и глубоко делается анализ того, что отличало ее от партии большевиков. Сделано и другое уточнение: ранее сам Димитров употреблял выражение «родство тесняичества с большевизмом», сейчас введено новое определение,— «близость»; «...тесный социализм был течением, близким к большевизму, особенно по своей классовой непримиримости, по своей борьбе против болгарского меньшевизма, по своей строгой, железной партийной дисциплине» [1]. «Не менее верно, однако, и то,— говорится затем,— что тесничество отличалось от большевизма, от

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 579.— *Прим. перев.*

ленинизма по ряду основных принципиальных и тактических вопросов»[1]. Делается вывод, что именно по этой причине партия в послевоенный период не оказалась на высоте своих задач и не смогла успешно возглавить некоторые революционные выступления. Таким образом, «тесный социализм являлся революционно-марксистским течением, но не большевизмом на болгарской почве. Необходима была продолжительная борьба... для того, чтобы она [партия тесняков] стала партией нового типа, марксистско-ленинской партией...»[2].

Новый партийный курс, начиная с 1935—1936 гг. до настоящего времени, известный у нас в стране как димитровский, называется в докладе «новым, большевистским курсом партии»[3].

Уже уточнены вызывавшие споры важнейшие формулировки о сущности 9 сентября и периода после него. Они выглядят следующим образом: «Вооруженное народное восстание 9 сентября представляло собой исторический перелом в развитии нашей страны»[4].

«9 сентября 1944 года политическая власть в нашей стране была вырвана из рук капиталистической буржуазии, эксплуататорского монархо-фашистского меньшинства и перешла в руки громадного большинства народа, трудящихся города и деревни при активной и руководящей роли рабочего класса и его коммунистического авангарда»[5].

Затем была дана классическая формулировка роли Советской Армии и перспектив, которые открыло восстание.

«Победив при решающей помощи героической Советской Армии, восстание 9 сентября открыло путь к построению социализма в нашей стране»[6].

В чем состоит его главная особенность?

«Хотя народное восстание 9 сентября и ставило перед собой для непосредственного разрешения демократические задачи, оно не могло, однако, не расшатать основы капиталистической системы в нашей стране и не выйти из рамок буржуазной демократии»[7].

В сложной международной обстановке после 1944 г. нужно было не перескакивать через отдельные этапы, «ставить на раз-

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 579.— *Прим. перев.* Позже наша политическая мысль возвратилась к первоначальному понятию «родственное».

[2] Там же, с. 583—584.— *Прим. перев.*

[3] Там же, с. 601.— *Прим. перев.*

[4] Там же, с. 611.— *Прим. перев.*

[5] Там же, с. 612.— *Прим. перев.*

[6] Там же.— *Прим. перев.*

[7] Там же, с. 613.— *Прим. перев.*

решение только наиболее назревшие задачи», несмотря на нетерпеливость «отдельных товарищей, которые считали, что необходимо немедленно приступить к непосредственным социалистическим преобразованиям»[1]. Анализ периода после 1944 г. осуществлен в духе строгой самокритичности.

Ясно сформулирован и вопрос вопросов нашего съезда — генеральная линия партии на будущий период: поставлен вопрос о переходе к построению основ социализма в нашей стране как насущной, жизненной практической задаче. «Это сейчас является генеральной линией нашей партии»[2]. «...Необходимо посредством индустриализации и электрификации страны и механизации земледелия добиться в течение 15—20 лет того, на что другим странам в других условиях потребовалось целое столетие»[3]. На основе успехов в первой пятилетке *«в следующие две-три пятилетки в нашей стране будет воздвигнуто само здание социализма, будет создано социалистическое общество»* (курсив мой.— *Н. Г.*)[4].

Путь социализма в деревне проходит через трудовые кооперативные земледельческие хозяйства: «Трудовые кооперативные земледельческие хозяйства представляют уже устойчивую новую форму сельского хозяйства, которая одна только в состоянии с помощью машинно-тракторных станций механизировать и модернизировать наше земледелие, поднять благосостояние сельского населения и направить развитие сельского хозяйства к социализму»[5]. Отсюда следует новый вывод, имеющий важное теоретическое значение: «...национализация земли не составляет обязательного условия развития и механизации нашего сельского хозяйства»[6].

Таким образом, из отдельных частей стал оформляться целый доклад.

И во время усиленной работы над докладом Димитров оставался в центре общественной и государственной жизни.

4 декабря, в субботу, под его председательством состоялись непродолжительное заседание Политбюро, рассмотревшее материалы к съезду, а затем — заседание Совета Министров с исключительно важной повесткой дня. Был принят законопроект о пятилетнем государственном хозяйственном плане на 1949—1953 гг.

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 614, 615.— *Прим перев.*

[2] Там же, с. 627.— *Прим. перев.*

[3] Там же, с. 644.— *Прим. перев.*

[4] Там же, с. 650.— *Прим. перев.*

[5] Там же, с. 643.— *Прим. перев.*

[6] Там же, с. 631.— *Прим. перев.*

[Парламент утвердит его после съезда — будут учтены поправки, которые он внесет.] В любом случае уже в декабре законопроект о пятилетнем плане станет законом. Остро обсуждался доклад о снабжении населения углем. Председатель Совета Министров снова исключительно резко осудил недостатки, приведшие к нетерпимому положению, и наметил существенные меры для быстрого и энергичного преодоления серьезных объективных и ряда субъективных трудностей с целью «быстрейшего увеличения добычи угля на шахтах».

На заседании Димитров находился до 16 часов. Затем ненадолго отлучился к себе в кабинет. Одно из окон, выходивших на площадь 9 Сентября, было открыто, и Димитров подошел к нему. Его заметили проходившие по площади люди. Быстро собралось много народу. Остановилось движение, и все устремили взгляды вверх: его сердечно приветствовали. Он постоял несколько минут, приветливо улыбаясь, дружески помахивая рукой. Увидев его, люди радовались, да и ему было приятно общение с народом.

1 декабря, в среду, Димитров впервые после болезни посетил Народное собрание. Депутаты радостно встретили Димитрова. После заседания Председатель Совета Министров некоторое время оставался среди депутатов. Окружив его, они сердечно беседовали с ним, улыбались. Затрагивались и некоторые политические вопросы. Парламентский корреспондент газеты «Работническо дело» на следующий день писал: «Бодрый и улыбающийся Председатель Совета Министров тепло ответил на овации в его честь». Это была важная информация о состоянии здоровья Димитрова, ответ на нелепые домыслы иностранных агентств.

В субботу состоялось первое чествование Димитровской конституции.

В воскресенье состоялась Софийская городская отчетно-выборная партконференция. Она завершила партийные собрания и конференции: избрана тысяча делегатов исторического съезда. Городская конференция стала примером проведения всей предсъездовской работы; и в докладе первого секретаря горкома партии Тодора Живкова, и во всех 28 выступлениях чувствовался активный и критический подход к обсуждаемым вопросам, выдвигались важные проблемы. На ней было избрано 79 делегатов на съезд. Их список возглавил Димитров.

Вчера Георгий Димитров отбыл в Москву для консультаций с руководством ВКП(б) по идейно-теоретическим вопросам, которые предстояло обсудить и решить на съезде.

16 декабря 1948 г., четверг

Наши товарищи вернулись из Москвы 8 декабря.

9 декабря во Вране состоялось заседание Политбюро, на котором была заслушана информация о беседах в Москве.

На заседании Политбюро 15 декабря были окончательно приняты документы и одобрены все другие вопросы, связанные с работой съезда.

Сегодня доклад товарища Димитрова под заглавием «Политический отчет ЦК БРП(к) V съезду партии» перепечатан в окончательном виде. Доклад — это колоссальное дело, в которое вложен огромный труд. Димитров и в последнее время проявлял невероятную работоспособность. Все изнемогали от усталости, а он бодрствовал и бодрствовал. Для него ночи превращались в напряженные рабочие дни.

Мы жадно читали страницы, которые давались для перепечатки, чтобы узнать, как развиваются мысли и идеи Димитрова. В разделе «Наши перспективы и задачи в области экономического и культурного строительства» Димитров в последней редакции изложил некоторые свои важные идеи и мысли. Когда идет речь о том, что выполнение пятилетки потребует от всего нашего трудового народа больших усилий и энтузиазма, он пишет: «И у нас труд должен все больше становиться делом чести, доблести и геройства» [1]. В другой раз он дал нам перепечатать следующие подчеркнутые им замечательные слова:

«В новой Болгарии место каждого из нас будет определяться не его именем и происхождением, не его словами, не тем, что он думает сам о себе, а исключительно его трудом, тем, что́ он вносит в дело экономического, культурного и общественного прогресса своего народа.

В этом отношении у нас не может быть никакого другого критерия» [2].

Нельзя без волнения читать следующие слова Димитрова о будущем нашей нации: «Социалистическое развитие нашей страны является предпосылкой также и для разрешения проблемы прироста населения. В ближайшие пятилетки население Болгарии в результате увеличения рождаемости и уменьшения детской смертности достигнет 10 миллионов человек. Таким образом, наш народ окончательно утвердит свое положение как здоровая, жизнеспособная нация, создающая свою культуру, нацио-

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 648.— *Прим. перев.*

[2] Там же.— *Прим. перев.*

нальную по форме и социалистическую по содержанию, и вносящая свой вклад в сокровищницу общечеловеческой культуры» [1].

В воскресенье, 12 декабря, Димитров присутствовал на премьере оперы «Евгений Онегин».

17 декабря 1948 г., пятница

Вчера вечером во Вране состоялся XVII пленум ЦК. На нем был рассмотрен ряд вопросов, касающихся открытия и работы съезда, приняты документы, одобрен проект состава президиума съезда, комиссий, делегатов с совещательным голосом, уточнены другие вопросы повестки дня, которые будут внесены на обсуждение съезда.

Товарищ Димитров изложил основные вопросы, содержащиеся в Политическом отчете. Он сообщил о консультации с И. В. Сталиным [2] по некоторым проблемам, связанным с характером, развитием и перспективами народной демократии; объяснил, что вначале было послано письмо, в котором излагалась наша точка зрения; в наши тезисы товарищ Сталин внес «некоторые существенные поправки». Димитров коротко разъяснил их. В основном эти положения сводятся к следующему. Для нас в переходный период создаются специфические условия. В новых условиях, сложившихся после второй мировой войны, при наличии могучего Советского Союза и его непобедимой армии мы можем не применять советскую форму перехода к социализму, а идти по пути парламентарной республики — со всеобщим избирательным правом, с большим количеством партий, допуская даже оппозиционные группы, и т. д. «За такое положение у вас несем ответственность и мы. Мы сознаем свою вину»,— пошутил Сталин. Но без диктатуры пролетариата нельзя обойтись.

Димитров зачитал и записки Тр. Костова, которые тот вел во время беседы Димитрова с И. В. Сталиным. Вот наиболее существенное в них: «У вас...— сказал Сталин,— можно обойтись без советской формы, вы можете вернуться к той форме, о которой говорили Маркс и Энгельс, т. е. народно-демократической парламентарной форме. Мы считаем, что вы можете обойтись без советского режима. Для вас народно-демократический режим достаточен, чтобы осуществить переход от капитализма к социа-

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 653.— *Прим. перев.*

[2] Г. Димитров и другие руководители партии находились в Москве 5—8 декабря 1948 г.— *Прим. перев.*

лизму. Но этот режим будет осуществлять функции диктатуры пролетариата.

Демократическую республику с большим перевесом рабочего класса Маркс и Энгельс считали наиболее целесообразной формой диктатуры пролетариата. У нас появились Советы, которые были Советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и исключали все элементы, не являвшиеся трудящимися.

Народная демократия и советский режим — это две формы диктатуры пролетариата».

Уже прибыли делегаты съезда. Сегодня состоялось заседание совета руководителей делегаций, который рассмотрел вопросы о составе президиума и комиссий.

В Софии уже находится большинство делегаций братских коммунистических и рабочих партий. От ВКП(б) прибыла делегация, возглавляемая секретарем ЦК Михаилом Андреевичем Сусловым.

Сегодня тов. Димитров внимательно просматривает свой доклад. Снова и снова перелистывает страницу за страницей. То, что мы считали окончательно готовым, он опять читает с карандашом в руке.

Завтра, в субботу, в 16 часов, в Народном театре откроется V съезд.

С 14 декабря в Варшаве заседает Объединительный съезд Польской рабочей партии и социалистической партии. Создается Польская объединенная рабочая партия на принципах марксизма-ленинизма. Таким образом, в Варшаве и Софии почти одновременно будут проходить съезды двух братских партий.

18 декабря 1948 г., суббота

Нам пришлось трудиться во Вране до 4 часов утра, а Димитров закончил работу немного раньше нас. Он в последний раз тщательно просмотрел все: и доклад, и проекты резолюций, и другие материалы съезда.

В 16 часов начался V съезд партии.

19 декабря 1948 г., воскресенье
21 час 30 минут

Съезд открыл вчера Васил Коларов.

«Первая наша мысль в этот торжественный час,— сказал он,— о наших учителях, которые покинули нас в период между двумя съездами нашей партии... которые пали, будучи сраженными на боевом посту, и даже своей смертью способствовали на-

шей победе»[1]. Коларов попросил делегатов встать и почтить память великих вождей и учителей Ленина и Благоева. Затем почтили память А. А. Жданова, павших членов центрального руководства нашей партии и тысяч ее верных сынов, погибших в борьбе против фашизма и капитализма.

Коларов коротко рассказал о развитии партии со времени ее IV съезда в 1922 г. по сегодняшний день.

— У нашей партии славное героическое прошлое. В своей полувековой истории она допускала и серьезные ошибки. Она допускала колебания при определении своей политической линии, ошибалась с точки зрения правильной большевистской тактики. Но мы можем с гордостью заявить, что она всегда была верна рабочему классу, всегда боролась на стороне трудящихся против эксплуататоров и угнетателей, всегда держала высоко и хранила незапятнанным знамя социализма и коммунизма... В ее среде выросло немало настоящих героев и героинь, чья жизнь и смерть служат примером для молодого поколения[2].

Из сравнительно небольшой партии,— продолжал Коларов,— которая во время своего предыдущего съезда насчитывала около 35 тысяч членов и опиралась на классово организованный рабочий класс, в рядах которого находилось не более 40 тысяч человек, ныне наша партия превратилась в могучую, прекрасно организованную, идейно сплоченную и дисциплинированную полумиллионную армию, возглавляющую Отечественный фронт с миллионом членов, опирающуюся на 700 тысяч классово организованных рабочих и миллионы людей, объединенных в других массовых организациях трудящихся[3].

Затем были избраны рабочие органы съезда — президиум, секретариат, комиссии; утвержден порядок дня.

Наступила очередь для приветствий массовых организаций и партий Отечественного фронта. От имени Национального совета Отечественного фронта выступил Кимон Георгиев. Он заявил, что только партия может привести народ к счастливому будущему. Так Кимон Георгиев еще раз признал руководящую роль партии и выразил веру в ее руководство. Его признание исключительно ценно; о нем никто и ни по какому поводу не сможет сказать, что это просто приспособившийся политикан или безликий общественный деятель.

---

[1] Пети конгрес на Българската комунистическа партия. 18—25 декември 1948 г. Стенографски протокол. Ч. I. С., 1949, с. 6.— *Прим. перев.*

[2] См. там же, с. 10.— *Прим. перев.*

[3] См. там же, с. 11.— *Прим. перев.*

Горячо поздравил съезд Георгий Трайков, возглавивший делегацию крестьян, крестьянок и руководителей Земледельческого союза. Съезд поздравили также представители радикалов и союза «Звено» — Славчо Стоилов и Георгий Кулишев. С приветствиями в адрес съезда выступили представитель молодежи, группа сентябрят, представительница Женского народного союза. Делегацию Общего рабочего профессионального союза возглавлял Йордан Милев. Пламенный оратор, он объявил, что рабочие профсоюзы решили в честь съезда «подарить своей любимой партии два миллиона кирпичей для строительства величественного партийного дома».

— Мы желаем,— сказал бай Йордан,— чтобы фундамент партийного дома был построен из подаренных нами кирпичей, что напоминало бы в веках о роли рабочего класса как костяка партии [1].

Бурными овациями был встречен делегат ВКП(б) товарищ Михаил Андреевич Суслов. Когда он кончил читать приветствие ЦК ВКП(б) съезду, раздались восторженные возгласы. Повернувшись в сторону товарища Димитрова, он как будто хотел сказать: «Что с ними поделаешь?», искренне и сердечно улыбнулся и сел на свое место.

...Съезд приветствовали делегаты и других братских партий. Приветствия зарубежных гостей продолжались почти до полуночи и были отложены до утра.

Товарищ Димитров покинул съезд пораньше, чтобы продолжать работу над докладом. Он лег спать в 2 часа 30 минут утра.

По Софийскому радио шла передача из зала заседаний съезда. В столице установлены громкоговорители. Этим великим историческим событием живут София и вся страна.

Сегодня в 9 часов началось второе заседание.

Председательствовал Трайчо Костов, который объявил, что по первому пункту повестки дня с Политическим отчетом Центрального Комитета Болгарской рабочей партии (коммунистов) выступит Георгий Димитров.

В зале вспыхнули бурные овации.

Товарищ Димитров быстро занял место на трибуне и устремил взгляд в гудящий от возгласов зал, потом немного поаплодировал, полистал страницы доклада. Поднял руку, прося тишины, но зал продолжал рукоплескать. Никаких следов бессонных ночей не было видно на лице Димитрова. Он был бодр,

---

[1] Пети конгрес на Българската комунистическа партия. 18—25 декември 1948 г. Стенографски протокол. Ч. I, с. 44.— *Прим. перев.*

выглядел хорошо. Вместе со всеми он ощущал величие часа. Не было в зале человека, который бы не сознавал, что мы переживаем исторические мгновения и дни. Димитров начал читать:

— Товарищи делегаты!

Болгарская рабочая партия (коммунистов), которую, я не сомневаюсь, настоящий съезд единодушно снова переименует в Болгарскую коммунистическую партию, ведет свое начало из далекого прошлого[1].

Как только он произнес новое название партии, вспыхнули аплодисменты, раздались возгласы: «Да здравствует!»

Чтение доклада с перерывами продолжалось до 9 часов вечера, т. е. заняло шесть часов. Он читал тихо, спокойно и, когда заканчивал чтение, был бодрым, свежим и смог прочесть последние страницы с огромным подъемом и вдохновением. Как и доклад Г. Димитрова, съезд приобрел деловой творческий характер. Все надеются, что V съезд будет новым смелым шагом в нашей борьбе за победу социализма в стране.

— *Под непобедимым знаменем марксизма-ленинизма, вперед, все вперед к социализму, к коммунизму!*[2] — сказал в конце докладчик.

Димитров собрал листы доклада и, вытирая пот со лба, занял место в президиуме. Он стоял рядом с другими членами президиума и облегченно махал рукой. Делегаты долго и восторженно приветствовали Димитрова, Центральный Комитет, ВКП(б). Тысячеголосый хор запел «Дружную песню», затем «Интернационал», «Рабочие, работницы»[3]. Увлеченный ритмом, Васил Коларов стал незаметно дирижером этого изумительного хора.

Целый день Софийское радио передавало материалы съезда. В 19 часов его гостям и делегатам был роздан сегодняшний номер газеты «Работническо дело», в котором опубликована первая часть доклада товарища Димитрова.

22 декабря 1948 г., среда, вечер

Понедельник, 20 декабря, был напряженным днем в работе съезда. До обеда заслушали доклады Центральной контрольной комиссии, Мандатной комиссии и доклад о марксистско-ленинском просвещении и борьбе на идеологическом фронте. После

---

[1] См. *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 573.— *Прим. перев.*

[2] См. там же, с. 665.— *Прим. перев.*

[3] «Дружная песня» и «Рабочие, работницы» — революционные песни болгарского рабочего класса.— *Прим. перев.*

обеда с приветствиями выступили представители братских партий, а затем развернулись прения. Их открыл первый секретарь Софийского горкома партии Тодор Живков. Прения продолжались вчера и сегодня закончились. В них выступили 45 человек и почти еще столько же желало выступить.

Можно сказать, что большинство выступивших касались конкретных вопросов в тех областях, в которых они работали. Меньше обсуждались общие проблемы политики партии. Полностью одобрялась ее генеральная линия.

Съезд приветствовали представители трудовых коллективов и общественных организаций. Волнующим было выступление представительной группы Союза борцов против фашизма. Товарищи пришли в боевой партизанской форме, от которой повеяло романтикой близкого (почти еще настоящего) по духу прошлого. Трогательной была идея включить в группу и детей наших погибших товарищей.

Димитров находился в зале бóльшую часть заседаний, внимательно слушал, время от времени делал заметки.

Когда произносился один из докладов, Димитров гневно бросил реплики в поддержку мыслей докладчика:

— У нас до сих пор нет гимна народной республики!

И затем:

— И монумента в честь Советской Армии пока тоже нет!

Во время перерывов и после заседаний Г. Димитров уходил в приспособленный для него кабинет директора театра, встречался там с иностранными делегациями, решал вопросы по ходу работы съезда. Иногда выходил в фойе и беседовал с делегатами.

24 декабря 1948 г., пятница
19 часов 40 минут

Только что закончилось сегодняшнее заседание съезда партии. Он продолжается уже седьмой день и завершит работу завтра вечером. Вчера был заслушан и обсужден трехчасовой доклад Д. Терпешева о пятилетнем народнохозяйственном плане. В докладе отмечены значительные успехи в выполнении двухлетнего хозяйственного плана — наше хозяйство уже восстановлено, и достигнут довоенный уровень, а в некоторых отраслях даже превзойден. Мы примем пятилетний план и пойдем по новому пути. Главная экономическая и политическая задача пятилетки — построить основы социализма путем индустриализации и электрификации, кооперирования и механизации сельского хозяйства.

В прениях были высказаны важные мысли о создании ТКЗХ, кулачестве, формах и методах его борьбы против народной вла-

сти. Но большинство выступавших по докладу Терпешева затрагивали конкретные хозяйственные вопросы или настаивали на том, чтобы включить в пятилетний план то или иное мероприятие, касающееся околии или отдельного села. Подвергались критике проявления бюрократизма в государственном аппарате.

Между тем поступили приветственные телеграммы от Компартии США и Коммунистической партии Кубы.

Съезд приветствовали представители трудовой армии. Поступила телеграмма от коллектива завода № 25. Рабочие изготовили в дар Центральному Комитету оборудование для зубоврачебного кабинета. В связи с этим товарищ Димитров бросил реплику, вызвавшую всеобщий смех:

— Чтобы у коммунистов были крепче зубы в борьбе с врагами.

Бо́льшую часть времени тов. Димитров сидел в президиуме и слушал.

Прения по докладу о пятилетнем плане продолжались до обеда. В 11 часов начался доклад о проекте изменений в Уставе партии.

В 15 часов товарищ Димитров в сопровождении членов Политбюро и товарищ Суслов поднялись на трибуну перед Народным театром, где началась манифестация трудящихся Софии в честь съезда. К вечеру подул резкий, пронизывающий ветер. Стало очень холодно. По настоянию министра здравоохранения и других товарищей Димитров в 17 часов вошел в здание, чтобы согреться, но через 15—20 минут снова появился на трибуне и находился там до конца манифестации, т. е. до 19 часов.

Манифестация была величественной. Сколько прошло людей, нельзя себе и представить — шествовали не колонны, а двигался бесконечный людской поток. Они медленно шли целых четыре часа. Граждане проявили мужество и, несмотря на холод и позднее время, с энтузиазмом приветствовали съезд своей партии. Много приветствий было высказано в адрес ВКП(б).

Товарищ Суслов, в черном пальто с меховым воротником, в фуражке, был все таким же дружелюбным, внимательным и улыбающимся, все таким же скромным. Он вместе с товарищем Димитровым непрерывно махал рукой и время от времени делился впечатлениями с Димитровым и Коларовым.

После манифестации тов. Димитров не возвратился в зал заседаний, где продолжал работу съезд, а уехал во Врану, чтобы работать над заключительным словом.

26 декабря 1948 г., воскресенье

Съезд закончил работу вчера поздно ночью.

На последнем заседании в субботу председательствовал Васил Коларов. Был заслушан доклад Трайчо Костова по шестому пункту повестки дня: предложение о выработке программы партии.

Докладчик сказал: «Программа — это научное изложение целей и задач рабочего класса и его партии»; «Программа подлинно революционной партии пролетариата должна быть построена на научной основе марксистско-ленинской теории» [1]. Далее рассматриваются программные документы международного революционного движения — от «Манифеста» Маркса и Энгельса и программ ВКП(б), созданных под руководством Ленина, до программы III Интернационала; затем отмечаются программные документы болгарского революционного рабочего движения (программа БСДП, принятая на Бузлудже в 1891 г., программная декларация 1919 г. и др.).

В третьем разделе показано, «что должна содержать новая программа»: вступительную теоретическую часть с характеристикой капитализма и империализма, и в частности болгарского капитализма и его крушения; положение о роли СССР в годы второй мировой войны и после нее. Затем будут определены цели и задачи БКП: «В качестве конечной цели будет бесспорно намечено установление коммунизма. Будет дана характеристика коммунистического общества» [2]. СССР — это образец строительства социалистического общества. «Народная демократия — это демократия трудящихся масс, демократия против эксплуататоров» [3]. И в конце конкретные задачи, стоящие перед нашей народной демократией в наших, болгарских условиях во всех областях жизни.

Затем был объявлен перерыв.

Предстояло заслушать заключительное слово. Было решено по отдельным докладам заключений не делать, а предоставить слово лишь генеральному секретарю партии.

Над ним тов. Димитров работал вчера до поздней ночи.

Тов. Димитров произносил свою речь спокойно, медленно. Его прекрасные мысли глубоко запали в сердца делегатов. Какое мудрое напутствие всем делегатам, всем коммунистам и всей нашей партии! Как точно говорится о том, что необходимо сделать,

---

[1] *Костов Тр.* Избрани статии, доклади, речи. С., 1964, с. 931.— *Прим. перев.*

[2] Там же, с. 947.— *Прим. перев.*

[3] Там же, с. 951.— *Прим перев.*

чтобы воплотить в жизнь исторические решения съезда! Димитров особенно подчеркнул необходимость *правильного подбора кадров, проверки исполнения решений, развертывания критики и самокритики и внутрипартийной демократии.*

Димитров уточнил свою мысль о сущности народной демократии, которую определил как *форму* диктатуры пролетариата: «Согласно положениям марксизма-ленинизма, советский режим и народно-демократический режим являются двумя формами одной и той же власти — власти рабочего класса в союзе и во главе трудящихся города и деревни. *Это — две формы диктатуры пролетариата»* (курсив мой.— *Н. Г.*) [1].

До этого места Димитров читал сравнительно спокойно. Но под конец не выдержал и стал произносить речь как пламенный трибун. Слова, содержавшие коммунистические истины, он не мог читать ровно и тихо, как предписывали и настаивали врачи. Димитров возвысил голос и устремил руки вперед. Вся его фигура, все его существо выражали силу, порыв, вдохновение. Он громогласно призвал нашу партию, наш народ и нашу страну идти непрестанно вперед, к победе социализма.

— Товарищи... мы знаем, что этот путь труден, тернист, но он является единственным спасительным путем для рабочего класса, для народа, для нашей страны... Теперь вооруженная историческими решениями нашего V съезда... наша партия... завершит, доведет до победного конца начатое нами великое дело построения социалистического общества в нашей стране [2].

...Были приняты одна за другой резолюции, и среди них в первую очередь резолюция, в которой одобряется генеральная линия и наша партия переименовывается в Болгарскую коммунистическую партию. Как только была зачитана резолюция и делегаты ее одобрили, над президиумом опустилась лента с надписью на красном поле: «Да здравствует Болгарская коммунистическая партия!» Все делегаты бурно и восторженно приветствовали новое название партии, устроив овацию, продолжавшуюся несколько минут.

После принятия резолюций на закрытом заседании состоялись выборы Центрального Комитета партии путем тайного голосования.

Председательствующий Васил Коларов огласил результаты выборов. Предложенные кандидатуры в члены Центрального Комитета избраны почти единогласно.

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 670.— *Прим. перев.*

[2] См. там же, с. 671—672.— *Прим. перев.*

Уже был без десяти час ночи, когда тов. Коларов объявил о закрытии заседания. Делегаты и гости снова исполнили «Интернационал» и «Дружную песню».

В понедельник, 27 декабря, состоялось первое пленарное заседание вновь избранного Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии. Было избрано Политбюро ЦК БКП из 9 человек, Секретариат ЦК БКП во главе с Генеральным секретарем Георгием Димитровым и Оргбюро ЦК из 11 человек.

Пленум рассмотрел и некоторые вопросы, связанные с выполнением принятых съездом решений.

Часть восьмая

Г. Димитров: обеспечить топливом население и промышленность; его последняя парламентская и политическая речь; столетие со дня рождения Хр. Ботева; сколачивается НАТО; создан СЭВ; девушки — будущие летчицы у Г. Димитрова; II пленум; болезнь прогрессирует; последняя страница дневника; с Василом Коларовым в Евксинограде; из Барвихи поступают тревожные вести; Сталин побывал у Димитрова; последние встречи и беседы; Георгий Димитров умер, но он возродился в новой жизни; М. Торез: Димитров был настоящим человеком

2 января 1949 г., воскресенье

Новый год встретил нас туманом и холодом. В первые дни нового года некоторые жители столицы остались без топлива.

По инициативе Председателя Совета Министров 30 декабря Совет Министров снова занимался почти исключительно вопросом снабжения топливом. Почему продолжается это затруднение вопреки энергичному вмешательству Димитрова? Минувшим летом шахты Перника резко сократили добычу по ряду причин. Главная из них — отлив рабочих (преимущественно сельских жителей) на уборку урожая. В июне, июле и августе — самые удобные для работы в шахтах месяцы — добыча ощутимо снизилась, и ни министр, ни его заместитель, ни профсоюз не забили тревогу. По случайному сигналу, поступившему к тов. Димитрову осенью, когда он находился на лечении в Москве, он вначале запросил точные данные о добыче угля, а затем в специальной телефонограмме поручил секретарям ЦК принять срочные меры. С тех пор добыча угля приобрела невиданные ранее размеры, но это не могло спасти положение. Упущенное в лучшие летние месяцы время нельзя было наверстать ни осенью, ни зимой. Значительное число граждан осталось без угля. Некоторые семьи в Софии жили в неотапливаемых квартирах. Да и возросшие потребности промышленности и железнодорожного транспорта в угле удовлетворяются почти только шахтами в Пернике.

В конце декабря Председатель Совета Министров снова обратил внимание на этот вопрос. По его предложению Совет Мини-

стров решил принять экстренные меры для того, чтобы в новогодние праздники ни одна семья не осталась без угля; на складах была разрешена продажа угля в розницу.

Вчера вечером Димитров с огорчением сказал, что, несмотря на принятые ранее решения правительства и обещания шахтеров, горняки шахт в Пернике не выполнили своих обязательств. И продолжал:

— Таким образом, часть населения осталась без топлива. Сейчас многие считают, что в этом виноват Димитров. Виноват и я, поскольку являюсь Председателем Совета Министров и отвечаю за все. Но у нас есть соответствующие министры, директора... Сейчас мы заставили пятерых министров — им не придется праздновать Новый год — следить за своевременной добычей и вывозкой угля.

Действительно, последние два-три дня на складах «Топливо» наблюдается оживление, сгружается много угля, за которым приезжают граждане. Для перевозки угля населению используются все наличные грузовики. Специальные комиссии обходят дома и сообщают, где можно купить уголь. 12 тыс. квартиросъемщиков, у которых не было угля, его уже получили или не сегодня-завтра получат по полтонне.

[Но Председатель Совета Министров на этом не остановился. По его инициативе 14.I 1949 г. Совет Министров снова рассматривал вопрос о добыче угля и снабжении им граждан. Он резко критиковал министров, отвечающих за добычу и перевозку угля. На следующий день информация об этой критике была опубликована в печати. Такое в нашей истории случилось впервые. Вот отрывок из этого сообщения:

> «Совет Министров на своем заседании 14.I с. г. под председательством тов. Г. Димитрова принял следующие наиболее важные решения:
>
> . . . .
>
> 5. По предложению Председателя Совета Министров:
>
> а) Совет Министров обязал министра лесов, министра шахт и подземных богатств, министра железнодорожного, автомобильного и водного транспорта, министра внутренней торговли, министра промышленности и министра электрификации выработать и в пятнадцатидневный срок представить в Совет Министров доклад с конкретными предложениями о снабжении населения углем и дровами в 1949 г.;
>
> . . . .
>
> в) Совет Министров вынес строгое замечание министру шахт и подземных богатств и министру железнодорожного,

автомобильного и водного транспорта и их соответствующим заместителям за недостатки в организации добычи и вывозки угля, вызвавшие большие затруднения в снабжении населения топливом этой зимой.

Одновременно Совет Министров предупреждает всех министров и их заместителей, чтобы они приняли необходимые меры для недопущения подобных недостатков в своей работе».

18 февраля 1949 г. Председатель Совета Министров еще раз поставил на рассмотрение Совета Министров вопрос об обеспечении углем в 1949 г. населения, железнодорожного транспорта и промышленности. С этой целью была утверждена детально разработанная программа.]

Во вторник, 28 декабря, Великое народное собрание по докладу Д. Терпешева приступило к рассмотрению законопроекта о пятилетнем хозяйственном плане. На следующий день он был одобрен после второго чтения. Димитров присутствовал на этом заседании.

И хотя выступали и коммунисты, более характерным является отношение союзников (коммунисты уже сказали свое слово на съезде). Представитель парламентской группы «Звена» заявил, например:

— Пятилетний хозяйственный план ставит главной своей задачей построить основы социализма в нашей стране. И это будет исполнено. Первое и самое существенное условие реализации этого плана — морально-политическое единство народа... которое так успешно осуществляется и все более и более крепнет под знаменем Отечественного фронта и под руководством БКП.

— В каком болгарском городе или селе, на каком заводе или предприятии, в каком учреждении или хозяйстве трудящихся не ожидают ныне новые задачи по всенародному созиданию социализма в Болгарии! — воскликнул в патетической речи представитель БЗНС.

А выступавший депутат от партии радикалов выразил от ее имени убежденность, что выполнение плана приведет к подъему жизненного уровня народа.

Новый год, как и прошлый, товарищ Димитров встретил дома. У него в гостях были только его сестра Елена с семьей и сотрудники охраны. Они гостили почти до 3 часов утра.

1 января у Г. Димитрова во Вране побывала большая группа сентябрят. Он встретился с ними в 17 часов. Окружив товарища Димитрова, дети поздравили его с Новым годом. Он попросил

их сесть и побеседовал с ними. Дети исполнили небольшую художественную программу, пели для него песни, преподнесли ему самодельные подарки. А Димитров угостил их сладостями и стал разъяснять, что значит «сентябренок» и в чем должен заключаться его пример. Беседа незаметно затянулась до 19 часов. В это время подошла Роза Юльевна и стала угощать детей. Когда они собирались уходить, Роза Юльевна сказала: «Нам очень приятно, что вы здесь». Тогда товарищ Димитров пригласил их посмотреть вместе с ним кинофильм. По его предложению был показан фильм «Молодая гвардия» (II серия).

Приближался 21 час. По просьбе руководительницы один из ребят с волнением поблагодарил хозяев за этот незабываемый для них вечер и обещал, что они передадут слова Г. Димитрова своим товарищам, что они будут идти по светлому пути, начертанному коммунистической партией.

Мы развезли детей по домам в легковых автомашинах.

Товарищу Димитрову прислали много новогодних поздравлений из разных концов страны и из-за рубежа.

В первый новогодний день товарищ Димитров дал указание от его имени и от имени его супруги отправить гостинцы в дома для слепых детей, которые я доставил им на машине. К ним было приложено сопроводительное письмо со следующей припиской Г. Димитрова: «... несмотря на то, что вас постигло большое несчастье, никогда не падайте духом, всегда будьте твердыми и бодрыми, не забывайте, что с вами наш трудовой народ и его правительство и что они рассчитывают на ваши силы для полного торжества великого народного дела — построения социализма в нашей стране».

Детей глубоко тронуло это отеческое внимание. Они долго и взволнованно благодарили.

Болгарское телеграфное агентство продолжает передавать международные отклики на наш съезд. Интерес к нему — особенно к докладу Димитрова — очень велик. Наиболее широко работа съезда освещалась в СССР. «Правда», «Известия» и другие советские газеты поместили обширное изложение доклада Димитрова и кратко изложили другие доклады, а заключительное слово было полностью опубликовано в «Правде» и передано по Московскому радио. Советская печать постоянно подчеркивала исключительный интернациональный дух съезда, отмечала высокий подъем среди делегатов, восторженную манифестацию. Почти все коммунистические газеты мира поместили раздел доклада Г. Димитрова, в котором рассматривается вопрос о характере народной демократии.

20 Заказ 3717

4 января 1949 г., вторник

Вчера вечером нас — троих помощников — товарищ Димитров пригласил на совещание по вопросам работы кабинета.

А до этого и он и мы занимались письмом одной столичной гражданки, которая жаловалась Розе Юльевне, что у нее — матери троих маленьких детей — кончился уголь и она беспокоится, как бы ее дети не простудились и не заболели. Роза Юльевна сказала об этом товарищу Димитрову, а он поручил нам разобраться и помочь немедленно выделить уголь этой семье. Я связался по телефону с работниками склада и попросил отпустить этой женщине тонну угля. Затем попросил нашего завхоза пойти на склад и на месте проверить, как выполняется указание. Через полчаса товарищ Димитров спросил меня:

— Что сделано для той женщины?

Я сообщил о принятых мерах, но еще не мог сказать, что уголь доставлен.

— Эти вопросы,— сказал Г. Димитров,— не терпят отлагательства и должны решаться незамедлительно. Когда вернется завхоз, пусть сам мне расскажет, что сделано.

Потом Димитров дал указание министру лесов немедленно обеспечить углем эту гражданку. Пока Димитров не получил информации о том, что уголь доставлен, он не успокоился.

Сколько внимания уделяет Димитров совсем мелким на первый взгляд делам!

Около 10 часов вечера Г. Димитров пригласил нас в свой новый кабинет. Он сидел за бюро. Мы тоже сели. Банчев[1] доложил наш план. Димитров еще продолжал рассматривать его. Встреча продолжалась до половины первого ночи. И нам хотелось, чтобы она не кончалась. Г. Димитров курил трубку и внимательно слушал. И время от времени говорил. Рассказал о некоторых случаях, шутил. У него сильно развито чувство юмора. Разговор стал сердечным и непосредственным, дружеским.

— Ваша работа здесь — это школа! — сказал он.— Нельзя считать, что раз здесь выполняется техническая работа, то человек стоит на месте.

Особенно он подчеркнул следующее:

— Не должно быть формального отношения к делу! Ваша работа должна быть политической, а не формальной!

Затем речь зашла о корреспонденции.

— Анонимные письма,— сказал он,— нужно рассматривать как очень важный источник информации. Их три вида: первый —

---

[1] Начальник кабинета Г. Димитрова с января 1949 г.— *Прим. перев.*

это письма от недовольных людей, которые боятся подписаться, но хотят обратить внимание на некоторые несправедливости и непорядки с целью их исправления. У них искреннее желание быть полезными. Такие письма нам очень нужны. Дай бог, чтобы таких писем писали больше. Второй вид — это письма, авторы которых сомневаются в отношении нашей власти. Они заявляют: «Вы говорите одно, а делаете другое». На эти письма тоже следует обращать внимание. Третья категория — письма враждебного характера, начиненные бранью. Такие письма часто ценнее докладных записок и писем, которые я получаю официально. На них нужно обращать большое внимание.

Затем он снова повторил, что нужно отвечать на поступающие письма — каждому автору необходимо ответить.

— Может, просьба и не будет удовлетворена, может быть, человеку даже откажут, но важно, чтобы он получил ответ на свое письмо, чтобы он знал, что оно не брошено в корзину, что на него обратили внимание, подумали над ним. Такой ответ может произвести больший политический эффект, чем моя самая большая политическая речь.

По поводу укомплектования библиотеки в кабинете он сказал, чтобы мы соблюдали строгий порядок пользования книгами.

— Потому что,— повторил он свой любимый афоризм,— обычное воровство считается делом позорным, а хищение книг — нет. Поэтому книги растаскивают друзья.

И рассказал следующий случай. Однажды, того не желая, он «украл» книгу у Ленина. Это произошло при встрече Димитрова с Лениным. На столе лежала брошюра Ленина «О продовольственном налоге» с пометками автора. Один советский товарищ заметил, что брошюра заинтересовала Димитрова, и предложил ее взять. Он отказался. Тогда русский товарищ взял ее, и некоторое время спустя Димитров увидел брошюру на своем столе.

— Возвращать ее было уже неудобно. Она так и осталась у меня. И сейчас лежит где-нибудь здесь. Она будет очень полезна в Музее Ленина, ее нужно найти.

6 января 1949 г., четверг

Сегодня под председательством Димитрова состоялось заседание Политбюро. Был одобрен план широкого празднования 100-летия со дня рождения Христо Ботева. Принято также решение не присваивать в будущем хозяйственным, культурным и другим объектам имена наших живых деятелей, а использовать для этого имена погибших деятелей, исторические даты и такие

общие названия, как «свобода», «прогресс» и др. На тексте проекта тов. Димитров написал: нужно не забывать и имена наших «умерших заслуженных деятелей».

Вчера вечером, не заезжая домой, Димитров прямо из здания Народного собрания отправился в Народный театр, где шла пьеса Ивана Вазова «Изгнанники». Спектакль был посвящен 100-летию со дня рождения Христо Ботева.

Во вторник, 4 января, Народное собрание приступило к рассмотрению проекта государственного бюджета. Товарищ Димитров присутствовал там с утра до вечера — вначале принял участие в работе бюджетной комиссии, а затем — в пленарном заседании. Потом в 15 часов был снова в зале. У нас впервые вводится единый бюджет республики, который охватывает и околийские, и общинные народные советы... После окончания речи министра финансов проф. Стефанова Председатель Совета Министров предложил устроить перерыв и ушел в свой кабинет, где принял группу крестьян из села Батак и долго беседовал с ними. Потом вернулся в зал заседаний и до 21 часа слушал выступления многих депутатов и министров. Когда уезжал домой, поручил мне быть на заседании Народного собрания и затем информировать его о ходе работы. Заседание закончилось в 22 часа 35 минут. Когда я приехал домой, раздался телефонный звонок. Меня соединили с тов. Димитровым, который попросил подробно проинформировать о заседании. Это было в 23 часа.

Вчера, в среду, Димитров снова почти целый день был на заседании парламента. Началось голосование бюджетов отдельных ведомств. Некоторые министры брали слово для защиты бюджета своих министерств. Затем краткое заключительное слово произнес министр финансов проф. Ив. Стефанов.

Незадолго до закрытия сессии тов. Димитров посовещался в своем кабинете с Трайчо Костовым и секретарями ЦК. Он уточнил вопросы, которые собирался затронуть в своей краткой речи при закрытии сессии. Потом вернулся в зал. Началось голосование проекта бюджета после второго чтения. Димитров попросил слово и направился к трибуне. Раздались бурные овации. Он говорил 10—15 минут. Но это была великая речь. В ней изложена программа честной и бескорыстной общественной деятельности и повышения культуры работников партийного и государственного аппарата в строительстве государства.

— Товарищи депутаты,— начал он,— после принятия бюджета на 1949 год очередная сессия Великого народного собрания закроется...

Народное собрание на этой сессии приняло два особо важных документа: грандиозный для наших условий пятилетний го-

сударственный народнохозяйственный план и единый государственный бюджет на 1949 год [1].

Затем он призвал отдавать все силы выполнению пятилетки, сказал, что сейчас первейшая обязанность депутатов — разъяснять населению великие задачи, которые в последнее время обсуждало и утвердило Народное собрание. Он перечислил также такие драгоценные качества, как деловитость, компетентность, принципиальность, которыми должен обладать каждый работник, чтобы быть достойным своей миссии, осуждал недостатки и слабости депутатов и общественности в целом. Димитров развил положения, содержавшиеся в его докладе на съезде, но изложил их намного острее. Он сосредоточил внимание и на некоторых требованиях.

— Экономить везде!.. Оглянитесь, посмотрите, что происходит в нашей общественной жизни, какое расточительство средств, материалов, времени, труда и сил позволяем себе мы — бедная страна, небогатый народ, который обладает благородной амбицией показать пример всему миру в области творчества и прогресса!

Далее оратор подчеркнул, что нужно изжить бюрократизм и бюрократическое отношение, постоянно бороться с умственной и физической ленью, болтовней, семейственностью в общественной жизни.

— Творческий труд, ежедневная учеба! Каждый из нас, от самого большого до самого малого, должен учиться глубже познавать общественную, хозяйственную и культурную жизнь, ежедневно делать в этом шаг вперед!

И повторил:

— Творческий труд, усилия, учение, умение! Надо научиться производить больше и лучшего качества... Надо научиться торговать, управлять, надо учиться на опыте советских братьев! Надо стать хорошими администраторами, хорошими хозяйственниками, хорошими учеными, хорошими марксистами-ленинцами!

Димитров закончил свою пламенную речь словами:

— ...Чтобы преодолеть все трудности и показать, что наш маленький народ, который насчитывает сейчас 7 миллионов человек, а в ближайшее время достигнет 10 миллионов человек, по своим качествам, по силе своего духа и своему уму стóит не меньше, чем ряд других больших народов!

В зале вспыхнули бурные аплодисменты, раздавались возгласы «ура!».

---

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 14, с. 353.— *Прим. перев.*

22 января 1949 г., суббота

В последнее время товарищ Димитров меньше принимает людей, совсем мало посещает собрания и другие мероприятия, больше работает в кабинете, загруженный накопившимися после съезда текущими делами. Мы бываем у него с докладами лишь время от времени, больше изучаем материалы.

В стране отмечалось 100-летие со дня рождения Христо Ботева. Димитров был почетным председателем Всенародного комитета по проведению этого юбилея. В соответствии с его указаниями была выработана программа юбилея.

При поддержке Г. Димитрова группа наших работников культуры во главе с писателем Димитром Осининым выезжала в СССР, где с января по июль 1948 г. побывала в местах, связанных с жизнью и деятельностью Ботева. Группа сообщала Димитрову о своих наблюдениях и выводах. 2 января с. г. у него оказался информационный бюллетень БТА, в котором была помещена большая статья Дим. Осинина о проделанной огромной работе в связи с подготовкой юбилея Ботева. 2 января тов. Димитров вернул нам этот бюллетень. Многие строки в статье о Ботеве были подчеркнуты красным карандашом. На первой странице им была написана следующая резолюция:

> «1. Регулярно информируйте меня о всех мероприятиях, связанных с юбилеем Ботева.
>
> 2. Проверьте, изданы ли почтовые марки с изображением Ботева.
>
> 3. Проверьте, приняты ли меры для издания массовым тиражом открыток с изображением Ботева и их распространения по всей стране».

7 января в печати была помещена статья Димитрова о Христо Ботеве, написанная для 2 июня 1946 г. Высказанная в ней мысль Димитрова о том, что «Христо Ботев — это знамя, которое все выше будет развеваться над новой, демократической Болгарией» [1], стала девизом всего юбилея.

В день юбилея Христо Ботева в Народном театре состоялось торжественное собрание, в президиуме которого находился и товарищ Димитров. После собрания было организовано шествие до площади Возрождения, где заложили первый камень величественного памятника Христо Ботеву. Затем колонна молодежи

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 207.— *Прим. перев.*

направилась в парк Свободы, где почтила память Ботева у его бюста и перед Братской могилой. На вершине Вола [1], в Калофере, во Враце, Козлодуе, по всей стране и млад и стар чтили память великого поэта-революционера.

9 января Димитров был на улице Ополченской, 66, на именинах у Стефана Барымова и его дочери Христины. Затем побывал на могилах матери и отца.

Вчера, 21 января, во всем мире и в нашей стране широко отмечалась 25-я годовщина со дня смерти В. И. Ленина. Товарищ Димитров присутствовал на собрании общественности, которое открыл Тодор Живков, а с докладом выступил Вл. Поптомов. Дней десять назад в газете «За прочный мир, за народную демократию!» была опубликована статья Димитрова, в которой отмечается международное значение Ленина. Затем она была перепечатана в «Правде» и в наших газетах.

Вчера до нас дошла печальная весть — умер член ЦК БКП, депутат, бывший секретарь Русенского областного комитета партии Иван Димитров. А сегодня София отдавала дань уважения покойному, гроб с телом которого был установлен в зале ЦК на улице Врабча, 18. В 15 часов 15 минут в почетный караул у гроба встали члены Политбюро во главе с Димитровым. Потом они вынесли гроб на руках и поставили его на орудийный лафет. Образовалась многолюдная траурная процессия. Димитров шел во главе ее до площади Александра Невского. Там он отделился от процессии и пошел, как мне показалось, в Совет Министров. Я мог наблюдать, как ведут себя люди при неожиданной встрече с Председателем Совета Министров. Некоторые из них, увидя его перед собой, замедляли шаг и восклицали в порыве радости: «Товарищ Димитров! Георгий Димитров!» «Ну что ты на меня глядишь, будто только проснулась? — говорила одна женщина другой.— Это был Георгий Димитров». И обе не могли поверить, что чуть было не столкнулись на улице с Димитровым. А он повернул к собору святой Софии и направился на улицу Московскую, 35, где с недавнего времени открыто здание Центрального Комитета. По дороге ему встретились один за другим два малыша. Он остановил их, подал каждому руку, заговорил с ними, начал шутить. Один из мальчиков оказался стеснительным — не знал, что делать, а другой — общительным и смелым. «Я,— долетело до меня,— холошо тебя знаю. Ты Геолгий Димитлов». Димитров ласково погладил малыша по головке и продолжил свой путь, а смелый малыш, догнав стеснительного, объяснил ему гордо и уверенно: «Геолгий Димитлов».

---

[1] Место гибели Христо Ботева.— *Прим. перев.*

Вчера Г. Димитров побывал в новом здании ЦК, обошел комнаты на первых двух этажах, беседовал с инструкторами. В здании ЦК Генеральному секретарю впервые подготовлен кабинет. Но в нем еще пусто. Димитров посидел в комнате секретарей и выслушал наш доклад.

На международной арене предпринимаются новые шаги. Империалистические государства Запада стремятся в ближайшее время сколотить агрессивный военный блок, направленный против СССР, стран народной демократии и национально-освободительных движений. Из опубликованного 14 января с. г. заявления государственного департамента США относительно так называемого Североатлантического пакта видно, что переговоры, ведущиеся с прошлого лета между правительствами США и Канады и правительствами Англии, Франции, Бельгии, Голландии и Люксембурга, уже подходят к концу. Международная миролюбивая и прогрессивная общественность резко осуждает эти действия сторонников будущей войны...

На днях из Москвы возвратилась наша правительственная делегация во главе с В. Коларовым. Она участвовала в историческом заседании представителей СССР и европейских стран народной демократии, на котором было решено создать Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ) — орган международного экономического сотрудничества. Пока еще не видно, до каких размеров вырастет СЭВ, какие перспективные задачи он будет решать, но уже сейчас ясно, что речь идет о важной инициативе, имеющей большое и все возрастающее значение.

18 января состоялись заседания Политбюро и Совета Министров, на которых были заслушаны доклады нашей делегации и одобрено решение о создании СЭВ.

27 января 1949 г., четверг

Работы у товарища Димитрова очень много. Одно за другим следуют заседания Секретариата, Политбюро, Совета Министров и разных комиссий. Димитров находится в постоянном напряжении. Так, например, 25 января он председательствовал на заседании Секретариата ЦК, продолжавшемся шесть часов, сегодня — на заседании Политбюро, а завтра будет вести заседание Совета Министров.

На торжественном заседании, состоявшемся 24 января, был подписан протокол в связи с ведущимися в последнее время переговорами с СССР об облегчении наших платежей за германское имущество в нашей стране. Советское правительство почти наполовину снижает размер этих платежей.

Димитров постоянно занят. Ему приходится решать крупные, серьезные проблемы. Но это не помешало Председателю Совета Министров заниматься и мелкими вопросами.

Вчера Димитров поручил мне пригласить к нему на прием в 19.30 девушек, окончивших авиационные курсы и безуспешно пытающихся поступить на курсы летчиков. Но они не унывали — настаивали, стучались во все двери, и наконец об их просьбе стало известно товарищу Димитрову. Он заинтересовался, узнал, как обстоят дела, и пригласил их на беседу.

Димитров их радушно встретил. Сразу заговорил с ними — хотел убедиться, действительно ли у них большая сила воли и выдержка. Девушки продолжали настаивать. Димитров попросил меня соединить его по телефону с министром обороны генералом Г. Дамяновым.

— Георгий,— сказал Г. Димитров,— как обстоит дело с теми девушками, которые хотят учиться на курсах летчиков? Есть ли действительно серьезное препятствие, или их не принимают лишь потому, что они женщины? Мы не должны относиться к женщине так, как к ней относились в старые времена! У них есть желание, воля, необходимые данные, так почему же их не поддержать?

Мы не слышали ответа министра, но вскоре Димитров сказал ему:

— Ну, тогда попытаемся убедить и Кинова.

Обратившись к девушкам, Председатель Совета Министров сказал:

— Он не имеет ничего против, лишь бы был согласен начальник Генерального штаба генерал Кинов.

Я соединил его с генералом Иваном Киновым, а затем с командующим нашей военной авиацией генералом Захарием Захариевым. Оказалось, что и они не возражают, лишь бы другие были согласны... Так мы переговорили со всеми, от кого зависело решение данного вопроса. Делать было нечего — нужно было принять девушек на курсы летчиков.

— Это возможно и правильно! — сказал Димитров генералу Захариеву.

И повторил:

— Возможно и правильно! Вы будете отвечать передо мной за их учебу.

И поздравил трех девушек — первых болгарских женщин, желавших стать летчицами.

Девушки ушли в радостном настроении.

28 января 1949 г., пятница

Через два дня в столице открывается III съезд Союза болгаро-советских обществ. В сегодняшнем номере «Работническо дело» опубликована большая передовая статья Трайчо Костова, озаглавленная «За болгаро-советскую дружбу». «Болгаро-советская дружба,— пишет Тр. Костов,— это гранитный фундамент прогресса и благополучия болгарского народа, преуспеяния и всестороннего укрепления его народной республики, успешного строительства социализма в нашей стране». «Вместе с Советским Союзом, опираясь на Советский Союз, страны народной демократии составляют огромную, непобедимую антиимпериалистическую и творческую силу. Без Советского Союза они быстро стали бы марионетками американских империалистов». В статье содержится резкая критика по адресу тех деятелей в странах народной демократии, которые подрывают дружбу с СССР.

Сказано достаточно ясно!

29 января 1949 г., суббота

Сегодня ночью у товарища Димитрова поднялась высокая температура (почти 40°) и начались резкие боли в области живота. Ему была оказана срочная врачебная помощь. К утру температура временно спала. Он лежит в тяжелом состоянии, вызывающем тревогу.

В 20 часов температура снова поднялась до 37,6°.

30 и 31 января Димитров продолжал лежать, у него наблюдались острые боли в области живота, он очень ослаб, но температура стала спадать. 1 февраля пополудни его состояние снова ухудшилось — начались острые боли, температура повысилась до 38,5°, а в 13 часов — до 39,1°. В 20 часов был созван второй консилиум, который предписал энергичное лечение. 5 февраля консилиум почти в том же составе констатировал известное улучшение: температура спала, боли поутихли, уменьшилась потливость. Был подтвержден старый диагноз. Рекомендовано продолжать лечение. Ему разрешено вставать и ходить по комнате. Настроение больного неважное — 9 февраля он жаловался на сильную слабость и потерю аппетита. Так продолжалось до 18 февраля, когда у него снова появились острые боли.

Но и в это время Димитров не прекращал работу — принимал людей, давал указания. 30 января он присутствовал в Народном театре на открытии III съезда Союза болгаро-советских

обществ, а 11 февраля во Вране председательствовал на II пленуме ЦК БКП.

В первые дни обострения болезни он продолжал вести дневник, но записи стали более краткими и совсем лаконичными; почти нет подробностей; преобладают беглые хроникальные записи, все больше заметна усталость. 6 февраля он делает последнюю запись: «Опасность осложнения воспалительного процесса миновала. Состояние улучшается». Так Г. Димитров перестал вести дневник. Многолетнее дело его жизни прервалось за пять месяцев до того, как оборвется нить его жизни.

Какая сила заставила его расстаться с этим неразлучным спутником его жизни? Ведь, судя по тому, что он напоминал Розе Юльевне о тетради для дневника спустя месяц, 7 марта, когда она собирала багаж перед отлетом на лечение в Москву, Димитров намеревался продолжать свои записи. Но, видно, интуиция подсказала свое слово — дневник окончательно завершен. «Состояние улучшается!»

По какому-то удачному совпадению именно этим выражением светлого оптимизма заканчивается дневник Димитрова. Перед нами один из тех символов, которые как будто создает сама история для связи между поколениями и эпохами.

Свидетельством того, что и в эти тяжелые дни болезни Димитров продолжал работать, является его предложение по вопросу посещения выставки французской живописи. Ее открыли в Софии в конце января. Это была от начала до конца формалистическая, модернистская экспозиция. Зрители осматривали ее с недоумением и насмешками.

Георгий Димитров не мог посетить ее, но проявлял интерес, в частности, к тому, как к ней относятся. Он поручил мне проинформировать его об этой выставке.

Я послал ему справку, в которой говорилось:

«Полной оценки этой выставки еще нет. Она будет дана через некоторое время. Отдел искусства Комитета по делам науки, искусства и культуры считает, что статья Богомила Райнова в «Работническо дело» (27.I 1949 г.) правдиво характеризует выставленные полотна. По-моему, Богомил Райнов правильно отмечает... что эта выставка указывает направление, по которому не следует идти нашим художникам.

По моим наблюдениям, за два дня работы выставки ее посетило значительное число граждан; были и коллективные посещения учащихся некоторых гимназий Софии».

Ознакомившись с моей справкой, Г. Димитров вернул ее со следующей резолюцией:

«Коллективные посещения учащихся должны быть организованными; нужно иметь подходящего руководителя, который давал бы необходимые объяснения.
31.1 49 г.

Г. Дим.».

Воистину казалось, что Димитрову незнакомо состояние больного, прикованного к постели. Безделие было чуждо ему и тогда, когда у него была повышенная температура.

21 февраля 1949 г., понедельник

11 февраля во Вране состоялся II расширенный пленум ЦК. В его работе участвовали также секретари околийских комитетов и другие ответственные партийные работники. Он был открыт в 9 часов утра товарищем Димитровым. В повестке дня пленума фигурировали важные вопросы: о предстоящих выборах в народные советы, о создании и укреплении ТКЗХ, о закупке зерновых, весеннем севе, ходе выполнения решений V съезда и др. Среди решений пленума отмечу лишь некоторые.

Выборы в народные советы и судебных заседателей состоятся во второй половине мая; все партии Отечественного фронта выступят единым списком. Обсуждены основные положения законопроекта о выборах, который будет рассмотрен и утвержден Народным собранием.

Будет временно приостановлено создание и утверждение новых ТКЗХ; усилия будут сосредоточены на укреплении созданных земледельческих кооперативов; в них будут вовлекаться середняки. Нужно продолжать подготовку к созданию новых ТКЗХ — готовить для них руководящие и особенно технические кадры, бухгалтеров и пр. Пленум обязал Политбюро подготовить специальный доклад о состоянии, развитии и перспективах ТКЗХ в 1949 г. и представить его для обсуждения на одном из следующих пленумов ЦК. Предусматривается конкретно решить вопрос о дальнейшем создании и утверждении кооперативных хозяйств.

При обсуждении проекта решения о приостановке утверждения новых ТКЗХ развернулась дискуссия вокруг таких вопросов: целесообразна ли такая мера, не будет ли причинен вред делу кооперирования, не лучше ли развивать параллельно оба процесса. Приводились серьезные аргументы. Димитров терпеливо и внимательно выслушал все доводы «за» и «против».

— Хорошо,— сказал он,— мы начнем обе задачи решать одновременно.

[Голос у него еще более хриплый, одышка сильнее. Он меньше жестикулирует правой рукой, больше придерживает ею пуговицу застегнутого пиджака и лишь время от времени энергичным жестом указательного пальца дает понять, что та или иная мысль закончена. Его добрые черные глаза останавливаются то на одном, то на другом собеседнике, убеждают. Нетрудно заметить следы слабости. Но мысль его по-прежнему ясна.]

— Но проблемы,— продолжал Димитров,— связанные с образованием новых ТКЗХ, одни, а проблемы всестороннего укрепления существующих — другие. Сумеем ли мы одновременно решать обе эти проблемы? Вероятнее всего, забота о создании новых кооперативных хозяйств поглотит все наши силы, и мы ослабим внимание решению второй задачи. В то время как опыт создания новых ТКЗХ мы уже имеем, у нас пока недостаточно опыта, знаний в деле организации существующих хозяйств: как вести хозяйственную работу, как оплачивать труд и каким должно быть распределение. Хороший пример — вот что сейчас превращается в движущую силу дальнейшего кооперирования нашего села.

Он защитил свою точку зрения спокойно и логично. После его краткого выступления ответ на этот вопрос стал совершенно ясным и бесспорным.

Я видел, что товарищи не догадываются о его болезни. Его изнуренный вид и запавшие глаза еще не выдают того, что так жестоко его мучает. Он поразительно владеет собой. Никакого намека на нервозность и вспыльчивость — естественные спутники больных в напряженной обстановке.

18 февраля Димитров председательствовал на заседании Совета Министров. На нем принято решение провести выборы в народные советы 15 мая. Обсуждено и одобрено предложение назначенной месяц назад правительственной комиссии о снабжении населения, железнодорожного транспорта и промышленности углем и дровами в 1949 г.

Вчера состоялось давно задуманное чествование Адрианы Будевской, в подготовку и проведение которого Димитров вложил много сил. Торжество началось в 10 часов в Народном театре и завершилось поздно вечером во Вране. Доклад о творческом пути великой актрисы Будевской сделал председатель Союза артистов и работников театра артист Петр Димитров. От имени Г. Димитрова и его супруги актрисе был преподнесен большой букет цветов. Вчера вечером Председатель Совета Министров устроил во Вране банкет в честь Будевской. На него было приглашено 65—70 человек. Кроме членов Политбюро и видных общественных деятелей на нем присутствовала группа

известных писателей и артистов. Был дан прекрасный концерт. Трогательную речь произнесла Будевская. С замечательной речью выступил товарищ Димитров. Он охарактеризовал Будевскую как исключительно одаренную актрису, говорил о политике партии в области искусства и культуры, отметил, что «сделанное нами — только начало» [1], остановился на условиях, определяющих путь к высоким достижениям в области искусства.

Между тем в общественно-политической жизни страны происходят важные изменения. В прошлую субботу состоялась национальная конференция союза «Звено», на которой было принято решение о самороспуске союза и вхождении его бывших членов в Отечественный фронт. В начале марта будет проведен съезд радикалов, который тоже провозгласит о переходе их в Отечественный фронт. Таким образом, в Болгарии останутся две партии — БКП и БЗНС. И, кроме того, будет существовать общая и единая организация ОФ. Руководящая роль БКП несомненна и общепризнана. В руководстве Отечественного фронта произошли изменения. На пост главного секретаря избран Вл. Поптомов. На заседании Национального совета Отечественного фронта, состоявшемся 5 февраля, было одобрено решение союза «Звено» и радикалов полностью влиться в Отечественный фронт. Это расценивается как «новый важный и положительный акт, свидетельствующий о дальнейшем укреплении морально-политического единства нашего народа под знаменем Отечественного фронта».

Приступила к работе третья очередная сессия Великого народного собрания. На ней рассматриваются важные законопроекты. Я присутствую на некоторых заседаниях и по телефону информирую Димитрова.

Погода стоит неблагоприятная. Засуха принимает угрожающие размеры. Уже восемь месяцев не было осадков.

Товарищ Димитров откликнулся и на 70-летие Константина Руснмова. Это популярный в народе Красный поп. По окончании семинарии он, как и полагается, был рукоположен в священники. Но под воздействием революционного движения слуга божий в 1922 г. вступил в коммунистическую партию, забросил рясу и посвятил свою жизнь борьбе за подлинное братство и равенство. Талантливый народный трибун, Красный поп скоро оказался в передовых рядах борьбы. После Сентябрьского восстания 1923 г. его жестоко пытали. В 1929 г. он стал секретарем

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 674.— *Прим. перев.*

Пазарджикского околийского комитета партии; в 1931 г. избран депутатом Народного собрания по списку коммунистической партии. Его арестовывали, избивали, многократно судили. Красный поп стал легендарным по всей стране. Его имя известно повсюду. Его везде любят, уважают. После нападения гитлеровской Германии на СССР его перебрасывают из одного концлагеря в другой... Он подлинный мастер слова. Его слушают часами. Но Красный поп лишь оратор и не блестит особой ученостью, да и формулировки у него не очень строгие. Но он продолжает пропагандировать среди народа правду партии по-своему — увлекательно и вдохновенно.

Прославленному Красному попу исполнилось 70 лет. Димитров не забыл послать ему приветствие, в котором содержится высокая оценка его деятельности:

«Дорогой тов. Русинов!

По случаю твоего 70-летия прими мои самые сердечные поздравления и горячие пожелания многих лет жизни, здоровья и сил, чтобы активно участвовать в строительстве социализма в нашей стране и служить для молодого поколения примером преданности и верности родине и коммунизму.

Крепко жму твою руку!

14 февраля 1949 г. *Г. Димитров*».

21 февраля 1949 г. в последний раз записал свои непосредственные впечатления о жизни и деятельности Георгия Димитрова...

А события развивались так:

18 февраля врачи констатировали: у товарища Димитрова вид усталый, слабость; ночью спал беспокойно, ощущал сильные боли в мышцах и суставах. 20 февраля — довольно сильные боли наблюдались в области живота и в левой ноге. Из-за болей он не мог спать. Созванный 22 февраля консилиум установил, что его основная болезнь снова обострилась, а боли в ногах вызваны радикулоневрозом. 23 февраля состоялся новый консилиум. Около 18 часов Димитрова осмотрел его лечащий врач и отметил: «...лежит в постели в довольно тяжелом состоянии: жалобы на боли, общую слабость и недомогание. Не вступает в разговор из-за сильного ухудшения самочувствия». 24 февраля температура поднялась до 37,8°. Каждый день собирается консилиум.

Георгий Димитров уже не работал. Последнее заседание, которым он руководил, было заседание Политбюро, состоявшееся 18 февраля. В заседании Политбюро 24 февраля он уже не

участвовал. Ознакомившись с бюллетенем о состоянии здоровья Димитрова, Политбюро решило: «Для восстановления здоровья товарища Георгия Димитрова и обеспечения его постоянного укрепления на известное время не загружать его (до повторного решения) какими бы то ни было вопросами». Об этом решении нам сообщили в тот же вечер.

Мои контакты с Георгием Димитровым прекратились. Но мы каждый день интересовались состоянием его здоровья.

В феврале Димитров пригласил к себе Йордана Милева, который позднее рассказал мне следующее:

Г. Димитров сказал, что чувствует себя нехорошо, что врачи хотят заставить его серьезно и продолжительное время лечиться. Но мне, добавил он, не хочется надолго покидать Болгарию.

Он спросил моего совета.

— Поезжай лечиться, Георгий! — сказал бай Йордан.

Когда прощались, Димитров сказал:

— Едва ли еще увидимся!

И другие, кто имел с ним контакт в эти дни, из его слов поняли, что он предчувствует самое недоброе. Так, он сказал своей жене:

— Нужно быть готовыми ко всему, Роза! Естественный закон неумолим!

Состояние его здоровья продолжало ухудшаться. Для консультаций были срочно приглашены видные советские врачи. Состоявшийся 24 февраля с их участием консилиум определил следующий диагноз: сердечная недостаточность II степени, развитие цирроза печени, диабет.

С 24 февраля по 2 марта дальнейшего ухудшения состояния здоровья Г. Димитрова как будто не наблюдалось, даже появились признаки некоторого улучшения. Ежедневно после его осмотра проводился консилиум. 4 марта врачи сделали заключение, что состояние его тяжелое. 6 марта у него начались невыносимо острые боли, вызвавшие общую слабость и упадок сил. Было решено немедленно приступить к клиническому лечению Г. Димитрова в СССР.

7 марта рано утром Димитрова в санитарной машине привезли на аэродром, а оттуда отправили самолетом в Москву и в тот же день поместили в Кремлевскую больницу.

Сопровождавший его в Москву лечащий врач через две недели возвратился и сообщил: в больнице Г. Димитрова тщательно осмотрели врачи. Они определили, что цирроз печени является главным заболеванием, и немедленно приступили к энергичному лечению всеми имеющимися в их распоряжении средствами. Постепенно началось некоторое улучшение. Димит-

рова перевели в санаторий Барвиха, где продолжалось интенсивное лечение.

Но улучшение было временным. Во второй половине июня болезнь (цирроз печени) сильно обострилась.

18 апреля в нашей печати появилось сообщение, что «во время отпуска по болезни Председателя Совета Министров Георгия Димитрова его обязанности будет исполнять заместитель Председателя Совета Министров и министр иностранных дел Васил Коларов».

На самом же деле Васил Коларов исполнял функции Председателя Совета Министров и до этого. А меня направили к нему секретарем и помощником. Так волею судьбы мне пришлось работать рядом с двумя выдающимися деятелями нашей партии.

Уже в начале этого года состояние здоровья В. Коларова, которому исполнился 71 год, ухудшилось. Дала знать перегрузка работой. К середине июня нарушение его сердечной деятельности вызвало тревогу, и врачи настояли на немедленном полном отдыхе В. Коларова. Было решено, чтобы он выехал во дворец Евксиноград.

В день его отъезда я возобновил свои дневниковые записи. В них сохранились ценные для меня (думаю, что не только для меня) впечатления о Коларове и зафиксировано то, что я узнавал, видел и переживал в последние дни жизни Димитрова.

20 июня 1949 г., понедельник

Вчера вечером, 19 июня, товарищ Васил Коларов и его супруга Цвета Коларова прибыли в Евксиноград. Они проведут здесь 15 дней. Вместе с ними приехал и я. В вагоне я имел возможность быть рядом с В. Коларовым и его женой. Мы вместе обедали, знакомились с окрестностями, беседовали на разные темы и даже играли в домино.

...В пути Коларов постоянно интересовался посевами, влажностью почвы и полевыми работами. Во время некоторых остановок смотрел в окно и отвечал на приветствия граждан. А когда подъехали к его родному городу Шумену, он встал у окна и долго-долго с увлечением рассказывал о городе и его истории.

Два дня назад, 18 июня, очень широко отмечалось 67-летие со дня рождения Георгия Димитрова. К нему были проявлены большая симпатия и искреннее участие не только в Болгарии, но и во всем мире. Мало говорилось о болезни, а почти в каждой строке выражалось пожелание скорейшего выздоровления и возвращения в строй. В большой статье в «Юманите» Марсель

Кашен сказал о Георгии Димитрове следующие слова: «Его многочисленные друзья во Франции высказывают самые горячие пожелания быстрого выздоровления. Вместе со всеми искренними демократами всего мира они заверяют его в своей неизменной, верной любви». Кимон Георгиев в сердечной статье писал: «Георгий Димитров — наша национальная опора и национальная гордость!» В приветствии Софийского городского народного совета, подписанном его председателем Тодором Живковым, говорилось: «Мы верим и ждем, что благодаря большим заботам советских врачей... Вы скоро восстановите свое здоровье и снова будете среди нас». Приветствия официальные и от отдельных граждан поступали Г. Димитрову целый день. В поздравлении Мориса Тореза говорилось: «ЦК ФКП желает напомнить, что его пламенная жизнь и энергичная деятельность всегда были вдохновляющим примером для французского народа в борьбе за светлое будущее». Г. Димитрова поздравили также Клемент Готвальд, Иштван Доби, А. Запотоцкий, Петру Гроза, Гарри Поллит и другие. 18 июня работники нашего посольства и другие находившиеся в Москве болгарские товарищи посетили товарища Димитрова в Барвихе и поздравили его с днем рождения. Были там Титко Черноколев, Найден Николов (посол), генерал Славчо Трынский, полковник Дико Диков и Гиргин Гиргинов. «Председатель Совета Министров,— говорилось в сообщении БТА,— поблагодарил товарищей за посещение. Он проявил живой интерес к работе и учебе болгар в Москве, расспрашивал об успехах болгарских студентов, их жизни и учебе и пожелал всем успехов во имя благоденствия болгарского народа».

В свою очередь товарищ Димитров передал поздравительную телеграмму баю Добри Терпешеву по случаю его 65-летия и приветствие Тодору Самодумову в связи с 70-летием со дня его рождения.

В своих кратких воспоминаниях, опубликованных 6 июля 1949 г. под заглавием «Моя последняя встреча с тов. Георгием Димитровым», посол НРБ в Москве, ветеран революционной борьбы Найден Николов писал:

«Когда мы прибыли к товарищу Димитрову, он сидел возле стола с дымящейся трубкой в руке. Встретил нас весело и, несмотря на болезненное состояние, начал говорить с нами так бодро, что я скоро забыл о его тяжелой болезни и о том, что визит к нему должен быть непродолжительным.

После того как я прочитал ему поздравительное письмо по случаю дня рождения, которое он выслушал с большим внима-

нием, он начал с нами оживленную беседу. Когда зашла речь о моей первой встрече с ним 45 лет назад, он весело сказал: «Можно ли было тогда подумать, что доживем до 67 лет?»

Вся наша встреча прошла так оживленно, что у нас осталось впечатление, что здоровье любимого вождя болгарского народа улучшается».

22 июня 1949 г., среда

С 67-летием товарища Димитрова поздравили Б. Берут, Пальмиро Тольятти, ЦК Румынской компартии. Его день рождения отмечался в Варшаве, Бухаресте, Белграде, Риме, Вашингтоне... Есть отклики почти во всей прогрессивной прессе мира.

...Товарищ Коларов привез сюда целый чемодан книг — произведения художественной литературы, научные марксистские труды на болгарском, французском и русском языках. И в таком пожилом возрасте он удивительно много читает.

В среду он ненадолго выходил из спальни в кабинет и работал там. Утром ему позвонили из ЦК и Совета Министров.

В понедельник В. Коларов, как мне показалось, выглядел хорошо, а вчера утром я узнал, что у него ночью был сердечный приступ. Врач предписал ему постельный режим. Я прихожу к нему на доклад к 11 часам, чтобы сообщить новости и передать некоторые срочные сведения. Больше ничем его не беспокою.

Коларов постоянно интересуется состоянием здоровья товарища Димитрова. Во время телефонного разговора он предложил написать специальную статью о том, какой широкий международный характер приобрело чествование 67-летия Димитрова.

Сегодня утром я снова сообщил ему новости из Софии. На вчерашнем заседании Политбюро принято решение о новом порядке закупки зерновых, предусматривающем серьезные облегчения для крестьян. На завтрашнем заседании Совета Министров будут обсуждаться мероприятия, связанные со строительством Димитровграда. Читая сводку прессы, Коларов особое внимание обратил на коммюнике о конференции четырех министров иностранных дел [1].

Поскольку в последние недели началась засуха, Коларов просит информацию о выпадении осадков в стране, и по его поручению я постоянно связываюсь с отдельными околиями.

Вчера он попросил меня переговорить лично с первыми секретарями околийских комитетов партии Старозагорского и Бур-

---

[1] Речь идет о последней, парижской сессии Совета министров иностранных дел (23 мая — 20 июня 1949 г.), на которой обсуждались вопрос о германском мирном урегулировании и австрийский вопрос.— *Прим. перев.*

гасского округов и получить информацию об осадках, посевах, уборке урожая, отношении крестьян к резолюции пленума ЦК...

[Во исполнение решения V съезда партии расширенный пленум ЦК, состоявшийся 11—12 июня, внес некоторые серьезные изменения в аграрную политику партии, в частности по вопросу закупки сельскохозяйственной продукции, налоговой политики, снабжения деревни промышленными товарами и усиления личной заинтересованности крестьян — производителей продукции. Георгий Димитров полностью одобрил эти меры.]

Около 7 часов вечера я вошел в кабинет В. Коларова и сообщил ему данные из Стара-Загоры и Бургаса. А сведений о том, как встретили крестьяне резолюцию пленума, еще не было.

Как всегда, товарищ Коларов много работает и забывает, что нужно соблюдать режим и даже принимать пищу.

Когда есть возможность, Коларов пишет мемуары.

27 июня 1949 г., понедельник

Продолжали поступать приветствия Георгию Димитрову: опубликованы телеграммы от Жюстена Годара, Марселя Виллара, группы французских и итальянских общественных деятелей. Газета «Отечествен фронт» 26 июня поместила специальную подборку о 67-летии Димитрова.

Газета «Правда» 23 июня напечатала репортаж видного советского публициста Д. Заславского под заглавием «Димитровград», посвященный строительству Димитровграда. Мы прочли и прекрасное письмо советского человека товарищу Димитрову.

«Вождь, друг, брат!

В газете «Правда» я узнал о том, что Вы болеете и лечитесь под Москвой. Три раза подряд прочитал это короткое сообщение и много передумал.

...Ваша жизнь нужна не только болгарскому народу, но и всему прогрессивному человечеству.

Когда-то Вы писали, какое воспитательное значение для Вас имели вымышленные герои Чернышевского. А я хочу сказать, какое воспитательное значение имеет для нас и детей наших жизнь действительного героя Димитрова. Когда Вы защищали на Лейпцигском процессе не только себя, но и святое знамя коммунизма, мы, студенты Ленинградского университета, начинали день с Димитрова и кончали день Димитровым: свежие газеты утром и сообщения по радио ночью были началом и концом каждого дня...

В Советском Союзе Вас любят не только все, но и всё — воздух, которым Вы дышите; лес, который оздоровляет этот воздух; солнце, которое ласково смотрит сейчас Вам в окно.

У меня растет сын. Ему всего два годика. Мы с женой воспитываем его мужественным, как Димитров, честным, как Димитров, преданным делу коммунизма, как Димитров.

Выздоравливайте на радость трудящимся всех стран.

Когда окрепнете, приезжайте к нам в гости на Московский автозавод...

С коммунистическим приветом

Ник. Алмазов».

Мне кажется, что ничто не вобрало в одном месте чувства советских людей к Димитрову, как эти несколько строк.

Товарищ Коларов чувствует себя лучше, стал бодрее, активнее. Он беседовал со мной о самых разных вещах. Большое впечатление производит его изумительная память. Когда он говорит о прошлом, разных событиях — крупных и мелких,— помнит все: имена людей, с которыми встречался, названия городов, рек...

Рассказывая о нелегком труде своего сына Николая, долгое время работавшего на строительстве железной дороги на Дальнем Востоке, он называл реки и речки, города и поселки, где его сыну пришлось работать. Знает названия десятков рыб, условия, в которых они живут, как их ловить; ему известны названия многих птиц, растений и особенно цветов. В его доме я видел картины, нарисованные им в юности. По словам его жены, Цветы Николаевны, он хороший пианист. Я знал, что он ученый-историк и экономист. Какая одаренная, всесторонне развитая личность!

...После хорошей прогулки бай Васил был в особенно приподнятом настроении. Во время ужина завел разговор о прошлом, рассказал о пережитом им с Димитровым в 1920 г. В то время они пытались переплыть Черное море на рыбацкой лодке — настоящей скорлупе, направляясь в Москву, где намечено было провести II конгресс Коминтерна. Разыгралась сильная буря, их обнаружил вначале военный корабль, а потом заметило какое-то другое судно — непрестанные опасности. В конце концов по вине их провожатых — двоих старообрядцев — их задержали румынские солдаты. Больше месяца томились они под арестом, так и не попав на конгресс.

Он рассказал также о своих нелегальных поездках в другие страны, когда был руководящим деятелем ИККИ [1].

---

[1] В. Коларов был Генеральным секретарем ИККИ в 1922—1924 гг.— *Прим. перев.*

Сегодня товарищ Коларов чувствует себя еще лучше.

Утром я сообщил ему новости и сведения о состоянии посевов в разных районах страны, показал некоторые материалы. Он звонил в ЦК и в Совет Министров. Товарищи интересуются состоянием его здоровья, советуют больше отдыхать, сообщают важную информацию, советуются с ним. Он возвращает им некоторые материалы со своими замечаниями.

Товарищ Коларов постоянно интересуется новостями от товарища Димитрова и состоянием его здоровья. 26 июня утром мы были обрадованы: 25 июня больного Димитрова в санатории навестил И. В. Сталин.

Сегодня, 27 июня, из Софии сообщили, что в центральной печати опубликовано письмо товарища Димитрова Главному комитету физической культуры и спорта в связи с предстоявшим физкультурным праздником. «Весьма сожалею,— говорится в нем,— что не могу принять личного участия во всенародном физкультурном празднике». [Это было его последнее послание народу.]

28 июня 1949 г., вторник

Из Барвихи передано для публикации в завтрашних газетах следующее:

> «Председатель Совета Министров товарищ Георгий Димитров сердечно благодарит всех, кто его поздравил по случаю 67-летия».

Других особых вестей оттуда нет. Стало известно, что он снова был недоволен тем, что ему посылают мало материалов и информации.

Позднее я узнал, что 28 июня Георгия Димитрова навестили генерал Иван Кинов, а затем — пролетарский поэт Димитр Полянов.

«Прежде чем уехать на родину,— писал в 1966 г. генерал Кинов,— я договорился с Г. Димитровым, что навещу его. Было воскресенье, но оказалось, что в этот день он не сможет меня принять. Несмотря на то что я взял билет на самолет на понедельник, я отложил свой отлет и поехал к нему в Барвиху во вторник. Вместе со мной были моя жена и дочь, а также находившийся в Москве поэт Д. Полянов.

Г. Димитров был в хорошем настроении. Тогда он высказал мысль, которая и сейчас часто повторяется, о том, что наша армия должна строиться и развиваться так же, как Советская

Армия, т. е. иметь такие же организацию, вооружение, обучение и воспитание, военное искусство, стратегию и тактику. Я поставил ряд вопросов и попросил его для их решения обратиться к советским товарищам. Г. Димитров согласился. Затем с ним разговаривал Д. Полянов по вопросам нашей литературы»[1].

В статье «Моя последняя встреча с Георгием Димитровым», опубликованной в газете «Труд» 11 июля 1949 г., Д. Полянов писал:

«...Первое мое впечатление о Димитрове — он очень похудел, но его глаза светились прежним огнем. Я подошел к нему и стал извиняться за то, что так настаивал на встрече с ним.

— Ничего, ничего,— сказал он,— очень хорошо сделал,— и улыбнулся.

Мы обнялись и поцеловались.

— Я очень счастлив, что увидел вас, товарищ Димитров,— сказал я.— Я решил, что, если приеду на родину, не увидев вас, попытаюсь солгать, что встречался с вами.

— Зачем? — спросил товарищ Димитров.

— Но если бы после такого продолжительного пребывания здесь я не сумел увидеть вас, в Болгарии, особенно после опубликования последнего коммюнике в «Работническо дело», подумают, что ваше положение действительно плохое.

— Хорошо сделал, что приехал,— повторил товарищ Димитров.— Где был в Советском Союзе, что видел?

. . . .

Когда я уходил, мы пожали друг другу руки. Я сказал:

— До свидания, ждем вас в Болгарии.

— Передайте приветы всем товарищам,— были последние слова, сказанные мне товарищем Димитровым».

29 июня 1949 г., среда

Прошлой ночью товарищ Коларов почувствовал недомогание, потом — боли в области сердца, не мог спать, ворочался с боку на бок. Доктор считает, что так плохо он не чувствовал себя очень давно. Бай Васил еще 20-летним юношей перенес порок сердца (как следствие острого суставного ревматизма), который потом стал компенсированным. Теперь наступила декомпенсация, и его жизнь оказалась в опасности.

Мы пережили тревожный день.

Сегодня сюда прибыл старший сын Коларова — доктор Петр Коларов. Когда он производил осмотр отца, тот задремал и погрузился в легкий сон.

[1] Спомени за Георги Димитров, т. 1. 1882—1934. С., 1971, с. 130.— *Прим. перев.*

Я сообщил в ЦК о его состоянии. Секретарь ЦК проявил большое участие. Попросил меня, чтобы я держал его в курсе дела.

После обеда товарищ Коларов спал лучше, и это облегчило его состояние.

А вчера он уже пытался говорить с руководителями Варненской околии о подготовке их пленума!

Из Барвихи нет особых вестей.

[Но оказалось, что тревожные сигналы поступали не только из Евксинограда. И из Барвихи тоже получены плохие вести. В этот же день (29 июня) у Георгия Димитрова наступило тяжелое кризисное состояние.]

30 июня 1949 г., четверг

Вчерашней ночью товарищ Коларов спал хорошо. Сегодня лежит и понемногу занимается своими делами. Два секретаря ЦК интересовались его состоянием.

Сегодня поступили мрачные вести — состояние товарища Димитрова плохое.

[Потом его лечащий врач рассказал: «У него произошло кровоизлияние после приступа цирроза печени. Для больных циррозом это неизбежно, больной теряет сознание».]

1 июля 1949 г., пятница

Когда незадолго до 12 часов я вошел в комнату дежурных, застал там Цвету Николаевну — она сидела, подперев рукой голову, и сосредоточенно смотрела перед собой. Не успел я войти, как она встретила меня нерадостными, леденящими сердце словами:

— А бай Георгий в тяжелом состоянии! — И произнесла это так, что у меня по телу пробежали мурашки. Я просто оцепенел.— Он потерял сознание. Только что сказали Коларову по телефону...

Лишь несколько минут назад товарищу Коларову сообщили по телефону из ЦК БКП, что Г. Димитров, после того как несколько дней чувствовал себя хорошо — даже мог вставать и пройти до балкона комнаты, снова перенес острый приступ и потерял сознание... Возникла серьезная опасность для его жизни. В Москву вылетает наша делегация.

Сегодня весь день поступают однообразные сведения: «Все так же... Улучшения нет...» Целый день Димитров был в беспамятстве.

В 12 часов иду по делам к товарищу Коларову. И произношу:

— А сведения о состоянии товарища Димитрова плохие!

— В беспамятстве! — сказал он эти два таких страшных слова.

Звоню в Софию. Отвечают, что его состояние все такое же. Завтра в Москву улетает делегация.

3 июля

Пишу в Софии.

В полночь с 1 на 2 июля мне позвонил по телефону секретарь Варненского окружкома БКП и сообщил, что он получил радиограмму из ЦК БКП, в которой дается указание уведомить партийный актив о состоянии здоровья тов. Димитрова. В ней говорится:

«За последние два дня наступило ухудшение состояния здоровья товарища Георгия Димитрова. Положение товарища Георгия Димитрова серьезное. Уведомите партийный актив».

Никакого другого известия нет. Я сразу позвонил в Центральный Комитет и разговаривал с дежурным по ЦК, который повторил то же сообщение. Положение не изменилось.

2 июля, суббота

Небо слегка подернуто облаками, кругом тихо, спокойно. А море словно мертвое — ни зыби, ни волн. Оно застыло будто в ожидании чего-то страшного. Таким море я не видел ни разу.

К 9 часам меня вызвали. Товарищ Коларов уже встал. К нему пришел секретарь Варненского окружкома партии.

Они разговаривали долго, почти до 12 часов.

Я хотел попасть на доклад, но из-за их продолжительной беседы не смог этого сделать.

Из Софии часто звонят и спрашивают, как себя чувствует товарищ Коларов. Чем вызван этот вопрос? Его жена тоже сильно беспокоится. Может, хотят вначале проверить его самочувствие, а потом сообщить ему нечто страшное? Но никакого сообщения нет.

«Положение Г. Димитрова такое же».

В 6 часов 30 минут в Москву отбыла делегация Центрального Комитета БКП. Вместе с ней улетела и Елена.

Примерно в 13 часов из кабинета товарища Коларова вышла Цвета Николаевна и сказала: «Димитров умер».

И ничего больше! Да и к чему слова?

Умер в 8 часов 35 минут софийского времени.

Наша делегация не застала его в живых. Он не дождался ее. Не смог дождаться. Закрылись глаза... навсегда.

С товарищем Коларовым только что разговаривал по телефону Георгий Дамянов.

Товарищ Коларов остался в кабинете.

В 16 часов состоится заседание Центрального Комитета, будет утвержден текст сообщения, которое будет немедленно обнародовано.

В 16.30 звонит дежурный ЦК и просит соединить Георгия Дамянова с товарищем Коларовым. Я соединяю и, находясь в кабинете В. Коларова, слушаю, как он дает распоряжения... о похоронах Георгия Димитрова. Когда он закончил разговор, я что-то спросил его о нашем отъезде из Варны и вышел.

17.30. Однообразно, с продолжительными интервалами звучит сигнал радио Софии. И вот — 18 часов:

«Говорит радио Софии...»

И сразу раздается душераздирающий бас — исполняется «Вечная слава героям».

Цвета Николаевна плачет. Я не выдерживаю, чувствую, что тоже заплачу, выбегаю из комнаты и через некоторое время возвращаюсь.

Потом начинается похоронный марш Бетховена.

И наконец прозвучал голос диктора:

«Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и Совет Министров Союза ССР с глубоким прискорбием извещают, что... после продолжительной и тяжелой болезни... скончался выдающийся деятель международного рабочего движения... наш товарищ и брат Георгий Михайлович Димитров»[1].

И сразу же:

«Сообщение Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии... Смерть товарища Георгия Димитрова является тяжелой и невосполнимой утратой для партии, для народа и народной республики».

Объявляется траурная неделя — в стране не будет никаких представлений, демонстрации кинокартин, театральных постановок, увеселений. В 20 часов по всей стране в знак всенародной скорби протяжно загудят заводские, пароходные и паровозные гудки...

---

[1] Правда, 1949, 3 июля.— *Прим. перев.*

Я никогда не забуду этих минут.

Товарищ Коларов изменился в лице. Он как-то сник, взгляд стал робким, замигали глаза. Видно, что он подавлен.

В 21 час мы выехали из Варны. Встретивший нас в Плевене сын товарища Коларова Петр сообщил, что сразу после известия о смерти Г. Димитрова тысячи жителей Софии заполнили клубы, улицы и площади. Плакали и старые, и молодые, и дети.

На рассвете пассажиры встречного поезда вручили нам тетрадь — единственное в своем роде проявление человеческого духа — с просьбой доставить ее в Софию. Они выехали из Софии поездом № 26 вчера в 20 часов. Узнав о трагической вести, уезжали с болью в сердце. И по чьему-то предложению составили «Обращение в связи со смертью Димитрова». Прежде всего в нем поместили дословный текст клятвы, произнесенной у гроба Ленина, а под ним — свою клятву:

«...С крепко сжатыми железными кулаками, с кровавой болью в сердцах клянемся перед памятью большевика Димитрова...»

И в конце:

«Поклялись».

Далее следуют подписи более чем на четырнадцати страницах. Тетрадь ходила по рукам из купе в купе, из вагона в вагон, пополняясь подписями... «Группа курсантов, коммунистов и членов СНМ. Подписывается своей кровью». Несколько ниже так же расписались еще два человека. Всего такие подписи поставили одиннадцать человек.

В 9 часов наш поезд прибыл в Софию.

19-го — после дня рождения — мы уехали. 3-го — после дня смерти — возвращаемся...

Товарищ Коларов глубоко потрясен. Попытавшись обнять Минчо Нейчева, встречавшего его на вокзале вместе с другими руководителями, он осипшим голосом промолвил: «Да здравствует наша партия... во главе со своим Димитровским Центральным Комитетом».

5 июля 1949 г., вторник

София — в трауре. Во многих местах города установлены портреты Димитрова, обрамленные черными лентами. Возле них в почетном карауле стоят трудящиеся. И отовсюду на улицах и площадях на тебя смотрит Димитров. Он словно не умер, а родился для новой жизни.

Солдаты спешат — строят мавзолей. Удивительный трудовой героизм проявляют эти парни! Некоторые из них работают почти

бессменно. Даже вчера вечером во время проливного дождя никто ни на миг не покинул свой пост.

В воскресенье в 20.30 громкоговорители, установленные на площади возле здания Совета Министров, возвестили: «Информационная служба радио Софии...» Словно по команде, люди остановились и сгрудились. И на площади, и на бульваре вокруг каждого столба, на котором был громкоговоритель, стояли сотни людей. Затаив дыхание, они слушали сообщение о траурном митинге в Москве у гроба Георгия Димитрова.

Сталин возложил от своего имени венок и вместе с другими членами Политбюро ЦК ВКП(б) стоял в почетном карауле у гроба с телом Г. Димитрова. Руководители ВКП(б) опубликовали некролог. В Румынии объявлен трехдневный траур, в Албании — тоже.

Когда поступила трагическая весть о смерти Г. Димитрова, ЦК Французской компартии прервал свое заседание. В память о Г. Димитрове Морис Торез произнес проникновенную речь, которую начал и закончил словами:

«Димитров был настоящий человек».

[О том, как была встречена трагическая весть в Берлине, позднее мне рассказал Карло Луканов, участвовавший там в это время в работе учредительного конгресса Союза борцов против фашизма и жертв фашизма. Он сообщил:

«Я находился в президиуме, там был и Вильгельм Пик. Его срочно вызвали, и он ненадолго вышел. Мне тоже сказали, чтобы я вышел, так как меня просил тов. Пик. Выхожу за сцену и вижу — у товарища Пика по щекам текут слезы. Я удивился. Он промолвил:

— Знаете ли, Георгий...— и больше ничего не мог сказать. Заплакал и я. Когда немного успокоился, Вильгельм Пик вошел в зал. Прения были прерваны. С трибуны товарищ Пик сообщил, что скончался Георгий Димитров. Все участники конгресса встали, как один человек. Я видел слезы на глазах у многих, особенно у старых, знавших его товарищей. Там плакало тогда немало людей. Немецкие товарищи его очень любили и уважали».]

По Димитрову скорбит весь мир. Со всех концов света стекается нескончаемый поток телеграмм.

Тело Димитрова было бальзамировано и в саркофаге помещено в мавзолей.

На похороны Г. Димитрова в Софию прибыли видные деятели международного коммунистического движения всего мира, выдающиеся государственные деятели братских стран.

На похороны своего боевого товарища и побратима прибыл в Софию и Морис Торез.

Мысль о Димитрове не покидала ни на миг товарища Коларова и всех нас. В. Коларов возвращался к ней не раз. 17 июля В. Коларов долго рассказывал мне о Г. Димитрове, высказав много ценных мыслей. Он сказал:

«Во время борьбы против белого террора в Болгарии Георгий установил связь не только с коммунистическими партиями, но и с рабочими организациями и широкими кругами интеллигенции всех европейских стран. Мы обращались с призывом к английским тред-юнионам, направили им материалы о белом терроре после 1923 г.; мы послали заявление Международному кооперативному альянсу, сообщая о преследовании болгарской кооперации «Освобождение», ликвидации и разграблении ее имущества, избиении кооперативных деятелей. Мы направили материалы о белом терроре Барбюсу, и благодаря нашей инициативе вышла его книга «Палачи».

Георгий поддерживал широкие связи и в Вене, когда был секретарем Балканской коммунистической федерации. В «Инпрекоре» он опубликовал ряд статей о белом терроре на Балканах.

Это было до Лейпцигского процесса, а затем он выдвинулся как крупнейшая фигура международного рабочего и коммунистического движения.

Народные массы исключительно высоко ценят такие личные качества, как мужество, бесстрашие и героизм. А он проявил их в высочайшей степени на Лейпцигском процессе. Над его головой фашисты занесли топор, но, невзирая на это и ничуть не дрогнув перед палачами, он превратился из обвиняемого в обвинителя. Он одним из первых проявил смелость обвинить фашизм, разоблачить его как страшное международное зло для всего человечества и объявить борьбу с ним.

К тому времени он вырос как великая фигура.

Не говоря уже о рабочем классе, всем рабочем классе и интеллигенции, поведение Георгия импонировало даже буржуазным элементам, поскольку фашизм надвигался как страшилище. О нем писали и буржуазные газеты. Например, английская газета «Таймс» посвятила его поведению на суде, его личности статью. Несмотря на то, что Георгий провозглашал свои коммунистические убеждения и верность Коммунистическому Интернационалу, они ценили его как смелого борца против фашизма.

Это создало ему большое имя, известность.

В 1933 г. накануне начала процесса я был в Париже, слышал, как на демонстрации парижские рабочие выкрикивали: «Да здравствует Димитров, долой Гитлера!» Это было в начале

процесса, когда кампания в защиту Г. Димитрова только разворачивалась, когда он еще не произнес ни слова. Это одно.

И другое. Как Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна, он общался непосредственно со всеми руководителями коммунистических партий мира. А их насчитывалось более пятидесяти. У всех у них были свои представители в Москве, туда постоянно приезжали руководители партий, делали доклады, там обсуждались вопросы, которые они ставили. Георгий как Генеральный секретарь принимал решения, всем помогал, все его ценили, он пользовался у всех большим авторитетом. Таким образом он установил непосредственные связи с руководителями коммунистических партий, профсоюзных организаций и с руководящими органами социал-демократических партий. Поскольку он был сторонником тактики широкого антифашистского фронта, охватывающего все антифашистские организации и элементы, он приобрел большую популярность и среди социал-демократических партий, профсоюзных и других организаций, придерживавшихся линии антифашистского фронта. Известно, что велись переговоры между Коммунистическим Интернационалом и II Интернационалом [1] о создании единого фронта. В этом Георгию принадлежала центральная роль. Когда посылались делегации для участия в переговорах, Георгий формировал их.

Так Георгий вырос как первостепенная фигура международного рабочего и прогрессивного движения.

Он поднял престиж нашей партии, престиж нашей страны и нашего рабочего класса.

Болгария вообще небольшая страна. Но если кто-нибудь скажет «Болгария», подумает «Димитров»».

[1] Социалистическим рабочим интернационалом.— *Прим. перев.*

Содержание

Неделчо Ганчовский

ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ, каким я его видел и запомнил

Книга 2

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*
Редактор *Н. В. Попов*
Младший редактор *Т. В. Гуничева*
Художник *А. Е. Цветков*
Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
Технический редактор *Н. П. Межерицкая*

ИБ № 1393
Сдано в набор 06.02.79. Подписано в печать 03.07.79. Формат 60 × 84$^1/_{16}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 20,23. Учетно-изд. л. 21,12. Тираж 100 тыс. экз. Заказ 3717. Цена 1 р. 20 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

1р. 20 к.

Неделчо Ганчовский

Георгий Димитров, каким я его видел и запомнил

2

1 р. 20 к.

Неделчо Ганчовский

ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ, каким я его видел и запомнил

